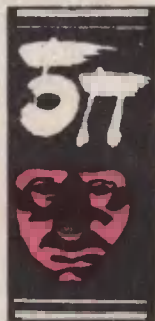

8 | КАРТЕР БРАУН

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР
БРАУН

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР БРАУН

ТОМ 8

Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

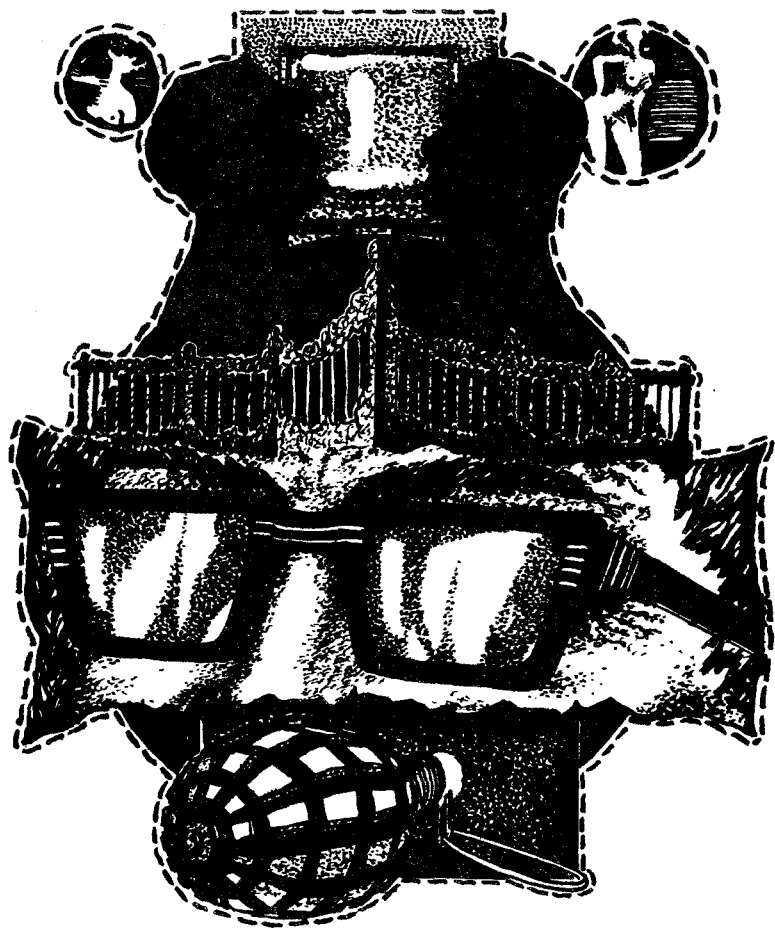
«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

Б 4703040100—049 без объявл.
93

ISBN 5-87860-036-6

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ДОНОВАНА

Я стоял у окна и смотрел на медленно падающие снежинки, когда ко мне вошла Мэнди, высокая светловолосая девушка в бикини с вышитой на кушном мосте надписью: «Здесь ждут с любовью!» Сегодня она была на взводе, а в таких случаях ее интеллектуальный уровень едва достигал восьмидесяти процентов. Этот простительный для женщин недостаток Мэнди легко компенсировала за счет своих физических достоинств: у нее были приятно округленные груди средней величины с крепкими сосками, красивые стройные ноги и большие темные глаза.

— Пол,— обратилась она ко мне,— я слышала, что тебя считают одним из самых богатых людей на земле, это правда?

— Боюсь, что пока ты говорила, я пропустил вперед себя пару нефтяных королей,— озабоченно ответил я.

— Пустяки,— проворковала Мэнди,— моя любовь к тебе несравнима с любовью к твоему богатству.

— Это всегда меня беспокоило,— сказал я.— Как только девушка делала мне предложение, я спрашивал себя, за что она меня полюбила.

— Я надеялась, что ты мне сделаешь предложение. Тогда я смогла бы потянуть тебя в суд за нарушение обещания.

Видимо, это был один из тех удачных дней, когда ее интеллект заслуживал более высокой оценки.

— Опять идет снег,— сказала она таким тоном, словно сделала большое открытие.— Пусти, я тоже хочу посмотреть.

Мэнди втиснулась между мной и окном. В комнате было тепло, поэтому она не боялась замерзнуть. Мои руки автоматически скользнули по ее бокам и легли на грудь. Я стал пальцами щекотать соски, пока они не набухли и не

затвердели. Она изогнула тело и слегка повернулась, крепко прижавшись ягодицами ко мне.

— Я — снежная королева, — мечтательно сказала она, — а ты снежный король. Давай сделаем маленького снежного принца, пока нет твоих подчиненных.

— Господи, что это тебе взбрело в голову? — сдавленно проговорил я.

— Мы только сделаем вид, будто хотим маленького принца. Я все равно уже приняла таблетку, да и ты не из тех, кто мечтает стать отцом семейства, правильно?

— Конечно, правильно, — согласился я и сунул пальцы за резинку бикини.

Но тут я услышал, как отворилась дверь, и в комнату кто-то вошел. Мэнди оттолкнула меня и отбежала от окна. У нее было разочарованное и недовольное лицо.

— Опять этот проклятый кокни! — От злости у нее заплетался язык. Так и ходит подсматривает.

Она галопом помчалась в сторону спальни, ритмично двигая ягодицами, которые меня всегда возбуждали.

Это был Хикс, мой помощник, в отдельных случаях исполнявший роль слуги. Со своей постоянной улыбкой на лице, он глядел вслед убегавшей «снежной королеве», молча наслаждаясь ее паническим бегством.

На самом деле Хикс не улыбался, он редко позволял себе такую роскошь. Впечатление улыбки вызывал голубоватый шрам на его лице, тянувшийся от уголка рта до нижней части уха, память о тех временах, когда Хикс служил легионером в Конго. Обычно он говорил на жаргоне лондонских кокни, хотя порой, особенно в опасной ситуации (а мы с ним не раз попадали в переделки), легко переходил на литературный английский.

— Если вы хотите заниматься любовью прямо в гостиной, то предупреждайте меня, коллега, заранее, — наконец сказал он. — Для этих случаев я сделаю вам табличку, где будет написано: «Внимание! Не мешать! Идет любовный процесс!»

— Могли бы и постучать, — буркнул я.

— Чтобы здесь поднялась паника? — Он покачал головой. — Нет, коллега, лучше вешайте табличку на ручку двери, как только вами овладеют любовные страсти. — Хикс засопел и презрительно добавил: А они овладевают вами постоянно!

— Что вы узнали о Мак-Ларене? — перебил я его.

— Немного, — ответил он. — Его никто не знает, во всяком случае, из тех, с кем я встречался.

— А что, если он в Лондоне недавно, да к тому же еще и не англичанин? — Я посмотрел на часы. — Впрочем, не будем гадать, через час он придет, и мы узнаем, что ему нужно.

— Наверное, речь пойдет о каком-нибудь вашем новом крестовом походе, — сказал Хикс. — Не позволяйте себя втягивать в авантюру, коллега.

— Почему не коммерческая сделка?

— С вами? — Он снова засопел. — Все знают, что только ваш старик был способен на это. Его гениальные изобретения и дали вам состояние. Нет, — Хикс решительно покачал головой, — когда Полу Доновану предлагают сделку, значит что-то здесь нечисто. Могу биться об заклад.

— Может быть, вы и правы, но без дела мне скучно, — сказал я.

— В том-то и соль! — Он выразительно закатил глаза. — Из-за этого вы вечно попадаете из огня да в полымя.

— Не начинайте об этом снова, — попросил я.

— Вы словно созданы для несчастных случаев, коллега, — скрипучим голосом продолжал он, — только не хотите себе в этом признаться.

— От ваших упреков у меня появилась жажда, — не выдержал я.

— Я тоже хотел бы выпить, — парировал он. — Мне, наверное, опять придется играть роль дворецкого, когда придет Мак-Ларен?

— Собственно, за это вам и платят, — сказал я.

Хикс отправился к бару и стал готовить напитки, а я пошел в спальню. Мэнди лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— Ненавижу эту проклятую страну, — сказала она сдавленным голосом, — и этих кокни, которые вечно мешают? Скоро мы уедем обратно в Штаты?

— Когда мы познакомились в Манхеттене, — напомнил я ей, — ты утверждала, что тебе очень хочется посмотреть Европу.

— Теперь я насмотрелась на нее и поняла, что мне страшно хочется домой, Пол.

— Я могу завтра посадить тебя на самолет.

Она перевернулась на спину и с упреком посмотрела на меня.

— Ты поступаешь так со всеми девушками? Отбрасываешь их в сторону, как отслуживший свое вспомогательный вибратор?

Хотя момент для веселья был неподходящий, я не выдержал и расхохотался. Лицо Мэнди побагровело. Она зашипела, соскочив с кровати, и так двинула меня коленом между ног, что я невольно вскрикнул и шлепнул ее ладонью по лицу. Она снова упала на кровать, но сразу же сделала попытку подняться. Я решил, что если хочу сохранить в полном порядке свои наиболее важные члены, то лучше всего убраться, и быстро выскочил из спальни.

— А я уже хотел выпить вашу порцию,— сказал Хикс при виде меня.— Услышал эти страстные крики и решил, что вы изменили свои намерения.

Я взял бокал и пригубил коктейль. Поскольку мне в голову не пришло достойного ответа, я гордо промолчал. Наступила тишина, которую внезапно прервал чей-то стук в дверь.

— Кто это может быть, черт возьми? — удивился Хикс.

— Я не ясновидец,— ответил я.— Скорее всего, Мак-Ларен.

— Так рано? — недоверчиво хмыкнул он.

— Почему бы и нет. Я предупредил Финчли, чтобы он сразу направил его сюда, как только тот прибудет.

Хикс пригладил волосы, тряхнул плечами и поспешил к двери. В моих роскошных апартаментах большая передняя. Поскольку отель принадлежит мне, я считаю, что постояльцы в первую очередь должны чувствовать во всем комфорт.

Но не успел я сделать очередной глоток, как появился Хикс с крайне удивленным выражением на лице. По бокам его сопровождали два человека, а еще один буквально наступал ему на пятки. У обоих мужчин в руках были пистолеты, и нетрудно было понять, что такая же игрушка была приставлена к спине Хикса.

— Не вздумайте делать глупости, Донован! — сказал тот, что был слева.— Обыщи другие комнаты, Чарли! — приказал он своему напарнику.

— Вы Мак-Ларен? — с недоумением обратился я к нему, но не получил ответа.

Человек, стоявший справа, осторожно обошел меня и направился в спальню. Через некоторое время оттуда донесся пронзительный женский крик, затем раздался глухой стук, и стало тихо.

— У Чарли характер, как у голубя, но, когда женщины начинают визжать, он быстро выходит из себя,— небрежно бросил тот же парень.— Это относится и к вам, Донован.— Он холодно посмотрел на меня.— Если вы будете

следовать нашим указаниям, обещаю, что с вами ничего не случится. Сейчас вы соберете свои вещи в чемодан и поедете с нами.

— А он? — Я показал головой на Хикса.

— Он? — Бандит усмехнулся и резко ударил Хикса рукояткой пистолета по голове. Бессмысленно выпучив глаза, тот повалился на пол. — Не тяните время, Донован! Идите за вещами!

Дверь в спальню была открытой, и, когда я вошел в нее, он приотстал от меня. У меня как раз хватило времени констатировать, что «добряк Чарли» лежал, растянувшись на ковре, и кровь сочилась у него из раны повыше правого уха. В следующую секунду я услышал глухой удар позади себя, и кто-то навалился на меня. Я покачнулся, но удержал равновесие и быстро обернулся. Человек с пистолетом лежал у моих ног. Я нагнулся и вырвал у него из рук пистолет, а когда выпрямился, увидел, что Мэнди порывается мне что-то сказать. Одним прыжком я очутился возле нее и зажал ей рот ладонью. Она испуганно молчала.

В свое время я подарил ей щетку для волос с массивной серебряной ручкой и ручное зеркальце с серебряной окантовкой, тоже довольно тяжелой. Последнее она и держала сейчас в руке, хотя вид у него был довольно непрезентабельный — оно было запачкано кровью, а в одном месте на него даже налипли волосы.

— Что, черт возьми, тут произошло? — шепотом спросил я.

— Да вон этот вошел сюда, когда я как раз сидела за туалетным столиком.

Она показала на безжизненное тело Чарли и раздраженно добавила:

— Он имел наглость пощекотать меня по задку дулом своего пистолета. Я схватила зеркальце и трахнула его по голове.

— И что дальше? — тихо спросил я.

— Я сразу поняла, что здесь что-то неладно, Пол, ведь я его совсем не знала. Я подбежала к двери и прислушалась, а когда тебе приказали идти в спальню и собрать свой чемодан, подстерегла вас в этой нише.

— Грандиозно! — сказал я.

— Но почему мы до сих пор шепчемся?

— Потому, что в гостиной нас ждет один из этой банды, — прошептал я в ответ.

— И что мы с ним будем делать, Пол, дорогой?

Ее лицо приобрело какой-то зеленоватый оттенок.

Я уже не сомневался, что мой конвоир в этой троице был старшим. Поэтому я поднял его с пола, приставил к виску пистолет и, подталкивая перед собой, начал продвигаться к выходу из спальни. Человек, оставшийся в гостиной, уже начинал нервничать, а когда мы появились из спальни, он и вовсе ошалел.

— Бросьте оружие! — сказал я. — В противном случае я его пристрелю!

У него судорожно дернулось лицо. Пистолет выпал из его рук. Я опустил босса на пол и поднял пистолет.

— Ступайте в спальню и ждите там! — приказал я. — И этого заберите с собой!

Он поднял своего товарища и потащил его в сторону спальни. Я громко позвал Мэнди, торопя ее, и она столкнулась с этой парочкой в дверях.

На ней, как и прежде, было лишь бикини, и человек, тащивший на руках своего шефа, невольно издал восхищенный стон, когда увидел ее. Мне было легко понять его чувства.

— Пол, дорогой, — сказала Мэнди, — ты опять вел себя, как герой!

Потом она увидела Хикса, лежащего на полу.

— А что с этим кокни? От страха потерял сознание?

— Получил удар по голове рукояткой пистолета, — объяснил я. — Посмотри, может быть, ты поможешь ему чем-то.

— В настоящем положении он не оценит мою помощь, — ответила она, — а я только одно делаю хорошо.

— В таком случае, принеси холодной воды и полотенце.

Она с сожалением посмотрела на меня, но тем не менее отправилась в ванную.

В этот момент Хикс громко застонал. Когда Мэнди вернулась, он уже сидел на полу. Она присела на корточки и, обмакнув полотенце в холодную воду, приложила к его вискам. Хикс недовольно заворчал и оттолкнул ее.

Потом он поднял тазик с водой и опрокинул его на голову Мэнди. Вода потоком полилась по ее телу, она пронзительно взвизгнула и вскочила на ноги.

— Вот видишь? — вскрикнула она. — Я всегда говорила, что это не человек, а чудовище! Ему хотят помочь, а он сразу распускает руки!

— Может быть, ты вытрешься и что-нибудь наденешь? — предложил я.

— Ты же отослал этого парня в спальню.

— В таком случае, возьми одежду и иди в ванную.

Она передернула плечами и вернулась в спальню. «Вечер начался не очень-то весело», — решил я. Хикс взглянул на меня и спросил, что тут произошло. К тому времени, как я закончил рассказ, он уже поднялся на ноги.

— Что там случилось с Финчли? — спросил он. — Ведь он должен обеспечивать нашу безопасность.

Вопрос был вполне правомочен. За всеми этими событиями я совершенно забыл о Финчли, нашем администраторе. Когда-то он руководил одним из самых крупных игорных домов в Лондоне, поэтому по части бдительности на него можно было положиться.

— Пойду посмотрю, — сказал я Хиксу, — а вы пока возьмите это. — Я бросил ему один из пистолетов. — Эта шайка находится в спальне. Попробуйте узнать, что за всем этим кроется.

— С удовольствием, коллега. Моя голова до сих пор в таком состоянии, будто по ней прошел паровой каток.

Я спустился в холл. Сейчас отель пустовал, поскольку постояльцами были обычно мои знакомые и друзья, наезжавшие сюда время от времени. Финчли был в своей комнате, связанный и с кляпом во рту.

— Я очень сожалею, мистер Донован, — промямлил он, глядя на меня глазами побитой собаки, пока я его развязывал, — но эти трое напали на меня совершенно неожиданно.

— Такое со всяким может случиться, — сказал я великодушно, — даже со мной или с Хиксом. Эти трое не упоминали случайно имени Мак-Ларен?

— Они вообще ничего не говорили, вошли в комнату и сунули мне под нос пистолеты.

— Они уже рассказали, — сказал я. — Если придет Мак-Ларен, то предупредите меня по телефону, прежде чем отсылать его наверх.

— Хорошо, мистер Донован. А я приму меры по усилению безопасности в отеле.

— Отлично!

Внезапно глаза Финчли расширились, и он уставился на что-то позади меня. Я обернулся и увидел, что на пороге стоит какой-то человек.

— У дверей никого не было, — сказал он извиняющимся тоном. — Это вы мистер Донован?

— Да, я Донован.

Ему было лет сорок, рост не более метра шестидесяти, волосы на висках начинали седеть, а голубые глаза были такими светлыми, что казались бесцветными. И костюм, и все остальное было экстракласса.

Я сразу узнаю состоятельных людей, история богатства которых исчисляется не одним поколением. Этот человек был именно из таких.

— Мак-Ларен,— представился он.— Прошу прощения, что пришел раньше назначенного срока, мистер Донован, но я получил довольно тревожное известие. Мне сообщили, что вас собираются похитить.

2

Я пригласил Мак-Ларена с собой в бар отеля, чтобы не мешать Хиксу работать. Поскольку мой гость выпить отказался, я налил себе и сел напротив него.

— Хотя отель и маленький,— заметил Мак-Ларен,— но обслуживающего персонала и того меньше.

Бармен, который похож на бывшего боксера, а, возможно, и был им раньше, как раз в этот момент вошел в бар, поправляя свой белый халат. Я улыбнулся Мак-Ларену и пригубил коктейль.

— Уверяю вас, что моя информация относительно вашего похищения вполне надежна,— сказал он.— Но вы, кажется, не очень-то этим обеспокоены, мистер Донован.

— Что вы от меня хотите? — спросил я.

— Судя по вашему поведению,— спокойно сказал он,— я понял, что попытка, видимо, уже была сделана и потерпела неудачу. Верно?

— Что вы от меня хотите? — повторил я.

— Я хочу сразу перейти к делу,— сказал он.— Вы очень богатый человек, мистер Донован, и у вас есть довольно оригинальное хобби. Вы, простите меня за сравнение, современный Дон Кихот, который борется с ветряными мельницами. Я уже навел относительно вас самые разные справки и пришел к выводу, что у вас была удивительная карьера. В некоторых частях Черной Африки вас считают чуть ли не святым, а в других вас бы с радостью убили, если бы вы были так наивны и перешагнули границу той или иной страны.

— Вы что, собираетесь писать мою биографию? — спросил я.

— Я нуждаюсь в вашей помощи. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Шелдон Фишер?

Я покачал головой.

— Нет, никогда.

— Ну, это понятно — он не любит рекламировать себя. Он руководит организацией террористов.

— И на кого она работает?

— На него самого,— благочестиво ответил Мак-Ларен.— Кроме того, ее можно нанять.

— Нанять?

— Здесь много преимуществ,— сказал Мак-Ларен.— Это настоящая профессиональная организация, которую может нанять каждый, были бы только деньги заплачены. У политических террористов тоже есть свои проблемы, которые они не в силах сами решить. Их могут предать и национальность, и акцент, и происхождение.

Даже если им удастся проникнуть в ту страну, которую они рассматривают как своего потенциального врага, за ними устанавливается тщательное наблюдение, которое часто делает невозможным выполнение их миссии. А организация Фишера, в отличие от них, создана из людей разных национальностей, которых роднит лишь одно: они готовы убивать за деньги. Вся история рода человеческого кишит сообщениями о наемных убийцах. Фишер принорочился к данному отрезку времени и создал организацию профессиональных террористов. Если им удастся выполнить поручение, то те, кто их нанял, переводят деньги на их счет. Если же дело не удалось, то поручители отказываются от него, и организация не предъявляет к ним никаких претензий.

— Все это интересно, но позвольте задать вам вопрос: какое отношение это может иметь ко мне?

— Вы не считаете, что этому делу должен быть положен конец?

— Ясно, должен,— ответил я.— Вот возьмите и кончайте.

— У меня нет для этого ни денег, ни людей,— сухо заметил Мак-Ларен.— Я считаю вас человеком с большой совестью, мистер Донован. Поскольку вы ведете расточительный образ жизни и обязаны этим не самому себе, а вашему батюшке, то у вас возникло чувство вины, от которого вы пытаетесь избавиться тем, что бросаетесь в самые разные авантюры в пользу страдающего человечества.

— Боюсь, что не смогу до конца разделить вашу уверенность в этом,— вежливо сказал я.

— Организация Фишера принесла и будет приносить боль и страдания многим людям, если не положить ей конец.

— Многие люди и без того страдают,— вставил я.— Такова жизнь.

Он небрежно кивнул.

— Могу я дать вам совет, мистер Донован? Держитесь сегодня подальше от Вестминстерского аббатства.

— Почему?

— Потому что там в течение дня будет взорвана бомба. Разумеется, обвинят в этом ирландцев, так как поручители хотят свалить вину на них. И поскольку в Северной Ирландии сейчас имеется огромное количество группировок, я бы даже не знал, на какую лучше свалить. Возможно, что поручитель является просто богатым фанатиком.

— Почему же вы не предотвратите это преступление? — спросил я. — Идите и заявите в полицию.

— Это ничего не даст, — возразил он. — Предположим, что полиция вышлет туда усиленный наряд. В этом случае террористы просто изменят место и взорвут бомбу не там, где планировали первоначально, а, скажем, в Национальной галерее. Ведь место действия террористам неважно, им важно совершить акт. Нет, единственная возможность покончить с террористическими актами — это ликвидировать организацию Фишера, и в первую очередь — его самого.

— Вы неплохо информированы о намерениях Фишера, — сказал я.

— Только в данном случае.

— Интересно, в какой мере вы заинтересованы сами в этом деле? — открыто спросил я.

— Да, здесь замешаны мои личные интересы. — Его пальцы побарабанили по крышке стола. — Я хочу вернуть себе жену, пока еще не поздно.

— Жену?

— Да, Джулию. Необыкновенно прекрасную и обладающую всеми добродетелями. Фишер увез ее три месяца назад. Он утверждает, что она ушла с ним по доброй воле, но я ему не верю. Моя жена и я — мы любим друг друга.

— Вы сказали — пока еще не поздно. Как это понимать?

— Фишер быстро пресыщается женщинами. Насколько я знаю, рекордный срок был полгода. И у него очень простой способ избавляться от них. Когда женщина ему надоедает, он спускает ее вниз по иерархической лестнице организации, то есть, кому она понравится, тот и берет ее себе, и так далее. А когда она докатывается до последней ступеньки этой лестницы, ее убивают.

— И что, по-вашему, я должен сделать с Фишером?

— Убить его, — спокойно ответил он. — Бешеную собаку не вылечить, глядя ее по голове. Это самый верный путь

самому заразиться бешенством. Вы должны его убить и уничтожить его организацию. Когда голова иерархии слетает с плеч, то разрушается и сама организация.

— А где я могу вообще ее найти?

— Она базируется в Калифорнии,— ответил Мак-Ларен.— У Фишера свой дом неподалеку от маленького городка под названием Хиллсайд. Кроме того, ему там принадлежит фабрика, изготавливающая какие-то электронные безделушки, где занята большая часть рабочих этого района. В Соединенных Штатах Фишер считается добропорядочным гражданином, который исправно платит налоги, и он тщательно следит за тем, чтобы его организация не действовала в собственной стране.

— Вы хорошо информированы не только о действиях Фишера, но и о нем самом,— заметил я.

— Не удивительно.— Он едва заметно улыбнулся.— Ведь я работал на него и порвал с ним только три месяца назад, когда он увел мою жену. Возможно, он и до сих пор считает, что я работаю на него. Официально я сейчас путешествую по Европе, чтобы получить заказы для его организации. Мне хочется вернуть себе жену, мистер Донован, а это можно сделать только тогда, когда он будет мертв.

— А страдающее человечество можно послать к черту,— сказал я.

— Я привык размышлять практически.

Голос его прозвучал спокойно.

— Вы помешанный идеалист, мистер Донован. Поэтому я к вам и обратился.

— А чья была идея похитить меня?

— Моя,— сознался он.— Если бы этим людям повезло, то они прокатили бы вас один квартал, а потом отпустили. Я ждал в своей машине. Если бы вы вышли под конвоем, я тут же бы уехал. Человек, который так просто дает себя пленить, бессилен против Фишера. Я был доволен, когда убедился в обратном, и поэтому пришел сюда, мистер Донован, чтобы переговорить с вами.

— А что мне делать с этими тремя гангстерами? — спросил я.

— Что хотите.— Он равнодушно пожал плечами.— Они меня не интересуют. И пусть довольствуются задатком, который я дал за совершение этого дела.

— А что вы, собственно, слышали обо мне?

— Несколько дней назад в Париже я беседовал с Бочаром. Он упомянул ваше имя и рассказал, что в его

организации имелось слабое место, — а этого нельзя допускать при нелегальной торговле оружием, — и вы блестяще справились с этим делом. Он очень хорошо отзывался о вас, мистер Донован. Самое интересное, что он рассказал мне о вас, это то, что вы любитель, а не профессионал. Очень одаренный любитель, и причины, по которым вы беретесь за то или иное дело, абсолютно непонятны. Такой человек, как Бочар, ценит и понимает только одно — деньги, которые у него лежат в швейцарском банке и увеличиваются изо дня в день.

Я взглянул на коренастого бармена и кивнул. Тот наклонился и вытащил из-под стойки двустольное ружье. Я, конечно, знал, что оно не заряжено, но когда на тебя направлены сразу оба ствола, тут и самый храбрый человек может струсить. Мак-Ларен производил впечатление мужественного человека, но его мужество тоже имело границы.

— Ваш бумажник, пожалуйста, — вежливо приказал я Мак-Ларену.

— Такой реакции я от вас не ожидал, мистер Донован, — сказал он глухо.

— Возможно потому, что вы считаете меня шутником-идеалистом. Но кто вам сказал, что я — джентльмен?

Он вытащил бумажник и нерешительно протянул мне. Его содержимое было не так уж интересно: около двухсот фунтов наличными, пачечка кредитных карточек и международные водительские права. Во всяком случае, я хоть выяснил, что имя у него подлинное — Арчибальд Мак-Ларен. Я сунул все обратно в бумажник и вернул его хозяину.

— Я рад, что вас зовут действительно Мак-Ларен, а не Чарли Шварц, — сказал я. — Да это имя и не подходило бы вам.

— Благодарю.

— Относительно Фишера стоит подумать. Но тогда, если я приду к заключению, что дело стоит свеч, мне понадобится от вас дополнительная информация, и довольно подробная. Где вас можно будет найти?

— Сколько времени вам понадобится, чтобы принять решение?

— Приблизительно двадцать четыре часа, — ответил я.

— Большую часть этого времени я буду на ногах, — сказал он. — Может быть, вы разрешите мне позвонить вам завтра вечером?

— Хорошо.

Мак-Ларен хотел подняться, но я покачал головой. Он

снова опустился на стул и вопросительно посмотрел на меня.

— Что еще?

— Мне нужно отлучиться, подождите меня,— сказал я,— это ненадолго.

— А для чего?

— Я всегда считал, что сюрпризы доставляют удовольствие. Не беспокойтесь, Арчи, ничего страшного.

Я оставил гостя под опекой бармена, ружье которого все еще было направлено в его грудь. Поднявшись наверх в апартаменты, я вспомнил, что надо предупредить Хикса, что это я, а не кто-то другой, и предварительно постучал в дверь.

Три гангстера сидели на кушетке и, судя по их виду, чувствовали себя прескверно. Главарь сидел в середине и тихо скулил.

— Банда грязных шалопаев! — презрительно прошипел Хикс.— Я удивляюсь, как это мамыши отпускают их гулять одних.— Он показал на главаря.— Вот этот сначала не хотел говорить.

— Каким же образом вы вызвали его на откровенность?

— Я испробовал пистолетом прочность его коленной чашечки.

Хикс благочестиво ухмыльнулся.

— Готов биться об заклад, что боль при этом бывает адская, почти такая же, как у женщин при родах.

— Видимо, он сказал вам, что их сюда прислал Мак-Ларен? — спросил я невинным тоном.

Ухмылка исчезла, и на лбу у него появились морщины.

— Если вы уже об этом знаете, то, значит, я напрасно терял время с ними? — огорчился Хикс.

— Я встретил внизу Мак-Ларена,— ответил я.— Мы побеседовали с ним немного, а потом он мне сказал, что сам послал этих трех парней.

— А где он сейчас? — холодно спросил Хикс.— Я бы с удовольствием и ему оставил нежный знак на его коленном суставе.

— Думаю, что вы уже можете не беспокоиться,— сказал я.— Отведите их к нему в нижний бар. У него набитый бумажник, и он ждет не дождется рассчитаться с ними.

Физиономии гангстеров заметно прояснились, а главарь даже перестал завывать.

— И я должен их всех предоставить самим себе? — удивился Хикс.— О'кей! А что дальше?

— Пусть убираются,— сказал я.— Бармен в настоящее время держит Мак-Ларена под прицелом, так что поспешите. А потом можете считать себя свободным на этот вечер.

— Вот так! И чем вы же предложите мне заняться?

— Что вы вообще делаете в свободные вечера,— ответил я.— Я никогда не интересовался деталями и сейчас тоже не желаю ничего знать.

Он пожал плечами.

— А что, собственно, хотел от вас этот сумасшедший мешок с дерьмом, этот Мак-Ларен?

— Об этом мы поговорим завтра.

— Чудесно! — сказал Хикс.— А ну-ка, вы, святая троица, поднимайтесь!

Я выждал, пока он всех их не выгнал из апартаментов, а потом тщательно запер дверь. За окнами все еще кружились снежинки, а центральное отопление делало апартаменты уютными и теплыми.

Вспомнив, что неожиданный визит троицы помешал мне выпить, я, чтобы вознаградить себя за вынужденное воздержание, щедро наполнил бокал. Сделав изрядный глоток, я почувствовал себя до смешного хорошо, как король. Я снова посмотрел в окно, следя за белыми снежинками, а потом вдруг вспомнил об одном незаконченном деле. Как гласит умная поговорка, все нужно делать в подходящее время и в подходящем месте. Теперь мне подходили и время, и место.

Я допил свой напиток и разделся догола, затем, подойдя к окну, позвал Мэнди.

Она сразу появилась в дверях спальни. На ней был черный шелковый костюм, на шее тяжелое серебряное ожерелье, а на голове — высокая прическа.

— А, их уже нет! — бодро сказала она, но тут же прикрыла рот, вперив в меня изумленный взгляд.— О, нет, Пол! — жалобно прохныкала она. Я целых полчаса потратила, чтобы одеться и привести себя в порядок.

— Снежный король ждет свою снежную королеву! — важно сказал я.

— А ты бы не мог подождать, пока мы поужинаем?

— Ни в коем случае!

— Я так и думала,— покорно ответила она.— Может быть, мы закажем ужин и поедим здесь, в апартаментах?

Она неторопливо начала раздеваться, а я смотрел на нее со все возрастающим уважением. Потом она подошла ко мне, совершенно нагая, только на шее осталось ожерелье. Ее груди подпрыгивали на каждом шагу.

После того, как она опять протиснулась между мной и окном, я наклонил голову и поцеловал ее в затылок.

— Снежная королева надеется, что будет исполнено ее маленькое желание, ваше величество,— прошептала она.

— Говори,— сказал я великодушно,— и твое желание будет исполнено.

— Я потратила целых двадцать минут, чтобы сделать такую прическу.

— С каких пор ты превратила в фетиш прическу?

— С тобой никогда не знаешь ничего заранее,— сказала она.— Во всяком случае, каждый раз это происходит по-другому, не так, как в прошлый раз.

Я обнял ее сзади, взял в руки груди и ласково пощекотал соски. По ее телу пробежала дрожь, и она прижалась ко мне спиной так, что ее упругие ягодицы оказались у меня между ног.

— Пол, дорогой,— пробормотала она,— как быстро у меня все это происходит.

— Я люблю наблюдать,— сказал я, теребя губами ее ухо,— как тают снежные королевы.

Она еще больше нагнулась, и мои руки соскользнули с ее груди, прошлись по животу и остановились на верхней части бедер. Пальцы мои исследовали пышную растительность на этом месте. Ее руки руководили моими пальцами, и она признательно стонала.

Потом, много позже, когда улеглась буря страстей, я вернулся к бару и вынул оттуда два бокала. Мэнди опустилась в кресло, храбро закинула ногу на ногу и осталась сидеть в такой позе.

— Моя прическа не пострадала? — спросила она озабоченно.

— Ни один волосок не пострадал,— уверил я ее.— И ты действительно похожа на снежную королеву.

Я открыл бутылку шампанского, наполнил бокалы и протянул один ей.

— Это было очень мило, Пол, дорогой. Я так еще никогда не пробовала.

— Никогда? — удивился я.

— Я имею в виду, что мне не приходилось любоваться снежинками в то время, когда ты это проделывал. У тебя своеобразная душа, Пол!

— У меня есть для тебя сюрприз,— сказал я.— Как ты смотришь на то, чтобы провести Рождество в Калифорнии?

— Ты серьезно? — Ее лицо прояснилось.— Это будет великолепно!

— В таком случае, выпьем за Калифорнию!

Я поднял бокал и выпил глоток шампанского.

— Тебе следовало бы одеться,— посоветовал я ей,— иначе простудишься.

— Мне еще жарко после этого,— довольным тоном сказала она.

— Как хочешь,— буркнул я.

Мысленно возвратившись к разговору с недавним посетителем, я с удовольствием отметил, что во мне появляется охотничий азарт. Может быть, этому во многом способствовала схватка с тремя бандитами. Я взял брюки и стал натягивать их, но тут же выругался, почувствовав боль в одном месте, которое в спешке зацепил застешкой-молнией.

3

— Какие подлецы!

Хикс взмахнул перед моим носом дневной газетой.

— Вы только посмотрите, что они натворили!

— Взорвали бомбу неподалеку от Вестминстерского аббатства?

— Прямо на его участке. Само аббатство не очень пострадало, но было ранено свыше тридцати человек, а двое погибли.

— Шелдон Фишер,— сказал я.

— Что?

Он непонимающе посмотрел на меня.

— По этому поводу Мак-Ларен и приходил ко мне вчера.

Я передал Хиксу во всех деталях то, что услышал от Мак-Ларена относительно Фишера. Тот внимательно слушал.

— Это дело полиции,— наконец сказал он.

— Фишер живет в Штатах и пользуется там уважением,— сказал я.— Чтобы добиться его выдачи, нужно сперва доказать, что именно он стоит за этой организацией.

— Уж не собираетесь ли вы серьезно заняться им, коллега? — недоверчиво спросил он.— Готов дать голову на отсечение, что его дом в Калифорнии — настоящая крепость.

— В этом деле опасно полагаться только на сведения Мак-Ларена,— сказал я.— Поэтому я хочу на днях отправиться в Калифорнию, чтобы самому посмотреть там, что и как.

— И Фишер, конечно, пригласит вас на недельку в гости, не так ли? — насмешливо спросил Хикс.

— Он наверняка примет меня, если я явлюсь к нему как заказчик, — сказал я, — как человек, который собирается нанять его организацию.

— И какой это будет заказ?

— Об этом я еще не думал, — признался я. — Попробуйте вспомнить кого-нибудь, кто, по вашему мнению, приобрел бы массу достоинств, если бы стал покойником.

— Ну, хорошо, а если окажется, что все, что говорил Мак-Ларек о Фишере, правда? — мрачно спросил Хикс. — Что тогда?

— Тогда мы продумаем ситуацию еще раз, — ответил я.

— Мы?

— Вы же очень любите горячее калифорнийское солнце, — сказал я.

— Я считал бы себя таким же сумасшедшим, как и вы, коллега, если бы хоть во сне подумал о том, чтобы сунуть голову в пасть Фишеру, — прошипел он. — Ведь дело не только в его доме, который наверняка под тройной охраной. После всего того, что вы мне порассказали, я пришел к выводу, что ему принадлежит и весь город, будь он проклят тысячу раз.

— Я сказал, что мы сперва сориентируемся, а потом уже все продумаем, — напомнил я ему. — Мак-Ларен позвонит сегодня вечером, чтобы узнать, заинтересовало ли меня это дело, и должен сообщить нам еще массу разных сведений о Фишере.

В этот момент мелодично зазвонил телефон и сразу замолчал. Хикс снял трубку.

— Это Финчли, — сказал он мне мгновение спустя. — Вас спрашивает человек по имени Бочар.

— Скажи Финчли, чтобы он пропустил его наверх.

— Бочар? — спросил меня Хикс после того, как повесил трубку. — Это не тот, у которого мы купили артиллерию для аферы в Малагае?

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— А что ему, черт возьми, нужно?

— Возможно, он сам нам об этом скажет, — остроумно заметил я.

В этот момент появился Бочар. Это был высокий плотный человек с мясистыми чувственными губами, аккуратно подправленными бакенбардами и густыми черными усами. Он не спеша опустился в кресло, а Хикс начал готовить «кампари-соду».

— Как приятно снова увидиться с вами, мистер Доно-
ван,— сказал Бочар на своем безупречном английском.—
Видимо, в данный момент вас нельзя ангажировать?

— В данный момент нельзя,— подтвердил я.

— Я до сих пор восхищаюсь тем, как вы решили нашу
маленькую проблему, связанную с транспортировкой ору-
жия в Малагай,— сказал он.— У вас в английском языке
нет аналогичной поговорки: «Каждый день приносит свои
плоды»?

— Как же, есть. Только вы вряд ли ее поймете,— бро-
сил Хикс.

— Это чисто английский юмор,— сказал я Бочару.—
Чтобы ее понять, нужно быть англичанином. К тому же,
она родилась в старые дни мюзик-холла.

— Но ведь вы — американец, мистер Донован.

— А вы — бельгиец,— сказал я.— И поэтому у каждо-
го из нас свои проблемы.

— Вы знаете человека по имени Мак-Ларен?

— Нет,— солгал я.

— Он недавно нанес мне визит в Брюсселе,— сказал
Бочар.— Очень интересовался вами и задал множество
вопросов. Я подумал, что вы должны об этом узнать.

— Спасибо,— сказал я.— А чем занимается этот
Мак-Ларен?

— Он представляет собой синдикат, который получает
от меня партии оружия,— ответил он.— Заказы неболь-
шие, но они всегда должны быть высокого качества.

— Он вам не сказал, чем вызвано его любопытство?

Бочар покачал головой.

— У меня почему-то сложилось впечатление, что вы
собираетесь броситься в новую аферу и, возможно, именно
с Мак-Лареном.

— Нет, вы ошибаетесь,— ответил я.— Напротив, я до-
волен тем, что мне сейчас не нужно ничего делать.

— А я рад слышать это,— сказал он.— Значит, мне нет
необходимости предостерегать вас.

— Предостерегать? От чего?

Он осторожно отпил из своего стакана.

— Я только вчера узнал, что его выставили из синдика-
та. Он уволен. Меня очень серьезно предупредили об
этом, мистер Донован.

— А какой синдикат он представлял? — как бы между
прочим осведомился я.

— Группу наемников,— мягко ответил он.— В боль-
шинстве случаев они действуют в Африке, но, кажется, их

время уже прошло. Весьма жаль. Не люблю терять хороших клиентов.

— Понимаю,— сказал я.— А как вообще идут дела, мистер Бочар?

— Тяжеловато,— сказал он и пожал плечами.— Только где сейчас легко?

Снова мелодично зазвонил телефон. Хикс снял трубку, а потом знаком показал, что просят меня. Я извинился перед собеседником.

— Это Мак-Ларен,— услышал я.— Вы уже читали про взрыв у Вестминстерского аббатства?

— Да,— ответил я.

— Вы заинтересовались моим предложением?

— В какой-то степени.

— Когда мы сможем побеседовать?

— У меня будет время позднее вечером,— сказал я.

— А вы знаете, что эти три подонка разграбили мой бумажник?

— Весьма сожалею. Итак, жду вас к девяти часам.

— Договорились,— ответил он.— Только больше никаких двустолок, хорошо?

— Они ведь больше и не нужны,— успокоил я его и повесил трубку.

Бочар ерзал в своем кресле.

— Не хочу вас больше задерживать, мистер Донован,— сказал он.— Рад был увидаться с вами.

— А мне всегда приятно слышать, что люди продолжают интересоваться мной,— искренне ответил я.

Он допил свой бокал и поднялся. Я проводил его до двери. Но не успели мы дойти до нее, как она распахнулась и вошла Мэнди. На ней были меховая шапочка и меховое манто, «скромные» норки, как их называла Мэнди.

— Пол, дорогой,— сказала она.— На улице чертовски холодно. Я бы с удовольствием выпила немножко глинтвейна, чтобы согреть себе внутренности. Как ты думаешь, Хикс сделает мне его, если я его очень вежливо попрошу?

— А почему нет? — Я пожал плечами.— Правда, меня ужасает мысль о его качестве, но ведь ты любишь опасную жизнь.

Она с лучистой улыбкой промелькнула мимо Бочара и исчезла в гостиной.

— Приятно, что превосходный вкус вам не изменяет, мистер Донован. Я имею в виду женщин,— заметил Бочар.— Поздравляю!

— Превосходный, но зато чертовски дорогой,— подтвердил я.

— Вкус у меня тоже превосходный, но только я уже не получаю ничего превосходного,— сказал Бочар.— Он тихо вздохнул.— Видимо, я понемногу старею. Но даже и не такое превосходное тоже дорого.

Я оценивающе посмотрел на Бочара и решил вызвать его на откровенность.

— Центр синдиката находится в Калифорнии, а руководителя зовут Шелдон Фишер.— Я замолчал, ожидая его реакции на эти слова.

— Зачем же вы солгали мне, мистер Донован, что не слышали о Мак-Ларене? — спросил он, но отнюдь не возмущенно.

— Вы же утаили от меня, что из себя в действительности представляет этот синдикат? Мы оба осторожные мужчины, мсье Бочар.

— Вот теперь вы честны по отношению ко мне.— Бочар лукаво улыбнулся.— Нетрудно догадаться, что вы хотите вытянуть из меня еще кое-что.

— Скажите, можно ли верить тому, что я услышал о Фишере?

— Без сомнения. За исключением одного, мне ничего не известно о его местонахождении, хотя я не исключаю Калифорнию.

Он вышел в коридор и снова повернулся ко мне, сосредоточенно поглаживая подбородок.

— У каждого из нас есть враги,— немного помедлив, заговорил он,— но Фишер приобрел их целую кучу. Я не спрашиваю вас, мистер Донован, намерены ли вы предпринимать что-либо против него, это меня не касается. Но все-таки вам следует знать, что кое-кто уже делал такого рода попытки, но все они заканчивались поражением. Мне и сейчас известны люди, которые продолжают вынашивать подобные замыслы. Думаю, им не понравится ваше вмешательство, тем более, что вы не профессионал, а любитель, если позволите мне сделать такое сравнение.

— И вы можете кого-то назвать?

— Например, есть женщина, богатая, красивая и опасная. Зовут ее, кажется, Колетт. Так вот, она решила уничтожить Фишера, когда получила известие о гибели своего брата во время одной из его операций.

— Кем был ее брат?

— Насколько я знаю, довольно рядовой человек.— Он пожал плечами.— Несчастный прохожий, ставший жертвой

чужих интересов. Я с этой Колетт лично не знаком, но ко мне в бюро приходил ее человек, чтобы навести справки о Фишере.

— И вы ему что-нибудь сказали?

— Все, что знал, правда, знал я немного.— Он прищурился, глядя на меня.— Думаю, на моем месте никто бы не рискнул играть в молчанку. Поверьте, весьма неприятно, когда приставляют нож к вашей сонной артерии.

— У него наверняка тоже было имя?

— Имя было, но скорее всего не настоящее. Высокий блондин, похож на немца, только акцент у него не немецкий. К сожалению, тут не могу ничем вам помочь.

— Вы уже помогли мне достаточно,— сказал я.

— А дни Мак-Ларена уже сочтены,— продолжал он.— В таких случаях Фишер не заставляет долго ждать.

— Мне такая мысль тоже приходила в голову,— признался я.— Очень мило, что вы меня посетили, мсье Бочар.

— Я должен был это сделать,— сказал он.— Возможно, я удалюсь от дел, мистер Донован, не могу отказаться от мысли, что становлюсь старым для этого.

Я закрыл за ним дверь и вернулся в гостиную. Хикс мрачно уставился на меня из-за бара.

— Ей подать глинтвейн, видишь ли! — заявил он с презрительной гримасой.— У нее, наверное, в башке не все дома, если она воображает, что я буду...

— Налейте ей полбокала портвейна, а остальное дополните горячей водой из-под крана,— предложил я.— Она все равно не заметит разницы.

— И добавлю ей ложку кайенского перца.— Мрачное выражение сразу исчезло с его лица,— это уже будет настоящий глинтвейн!

— Кстати, к девяти должен подойти Мак-Ларен,— напомнил я.

— У вас тоже не все дома, коллега.

— Бочар слышал от Фишера, что Мак-Ларен больше не работает на его организацию.

— Таким образом, спокойной ночи, Мак-Ларен.

Хикс взял бокал с портвейном и направился в сторону ванной.

— Надо угостить Мэнди глинтвейном.

Через какое-то время он вернулся со смущенным видом.

— Женщин всегда очень трудно понять,— тихо сказал он.— Она сочла, что это божественный напиток, и хочет иметь его рецепт.

— Что она делает в настоящий момент? — спросил я.

— Стоит в одном белье и вливает это пойло в свою глотку.

— Со стороны Бочара действительно было очень мило предостеречь нас в отношении Мак-Ларена,— сказал я.— Одно мне пока непонятно: явился ли он к нам по собственному побуждению или кем-нибудь послан?

— Послан?

Я рассказал Хиксу о женщине, которая якобы имеет зуб против Фишера, и о том, как ее человек устроил допрос Бочару.

— Вы полагаете, что он отчитывается сейчас перед этой Колетт? — спросил Хикс.

— Возможно,— ответил я.— Но если это и так, мы все равно не сможем помешать этому.

Мэнди вышла из ванной в коротком черном халатике и в кожаных мокасинах. Я подумал, что в таком наряде она сразит даже индейского вождя.

— Я могу получить еще порцию этого фантастического глнтвейна? — спросила она у Хикса.

— Разумеется, можете.

Он взял у нее пустой бокал и направился к бару.

— Кто это был с тобой, такой высокий и толстый, когда я вошла? — спросила она.

— Его зовут Бочар,— ответил я.

— И чем он занимается?

— Продажей оружия,— сказал я,— торгует гранатами, автоматами, бомбами и подержанными самолетами.

— Такое дело разрешено?

— Разрешено или нет, но это доходная статья. Он очень богатый и очень нервный человек.

— Ты тоже богатый, но не нервный, а подверженный несчастным случаям.

— Не начинай снова! — взмолился я.

— Пол, дорогой,— сказала она заботливо,— надеюсь, твой член не надолго выбыл из строя после того, как ты прищемил его застешкой?

Хикс как-то странно зашипел и разлил портвейн на стойке.

— Сегодня в десять ко мне придет Мак-Ларен,— сказал я.— Что бы ты хотела на ужин?

— Я больше не буду одеваться,— решительно сказала она.— А на ужин хочу слабо поджаренный бифштекс. И зеленый салат. После этого улягусь в постель и буду попивать глнтвейн, пока не напьюсь до чертиков.

Она так и поступила. Около девяти исчезла в спальне,

захватив с собой графин с глинтвейном Хикса, улеглась в постель и до пояса накрылась одеялом. Ее груди гордо смотрели в потолок.

— Пол, дорогой! — томно протянула она, когда я вошел к ней. — Если ты проведешь слишком много времени с этим отвратительным маленьким человеком, я, возможно, засну. Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы проведем девственную ночь? Тем более, что все можем нагнать завтра утром.

— Сердечный ты человек, Мэнди! — сказал я.

— Я знаю, — ответила она и самодовольно погладила свою правую грудь.

Я вернулся в гостиную, хотя у меня и было сильное искушение проверить, как работает мой член после такой передряги. Хикс небрежно развалился в кресле и потягивал пиво.

— У нее, наверное, луженый желудок, коллега, — сказал он. — Пить такую ужасную смесь, как портвейн с горячей водой и кайенским перцем!

Зазвонил телефон. Так как Хикс проигнорировал звонок, трубку снял я сам.

— Мистер Донован? — спросил женский голос.

— Да, Донован слушает.

— Меня зовут Колетт Доркас. Возможно, вы еще не слышали обо мне, но у нас есть один общий знакомый.

— Вот как? — вежливо удивился я.

— Арчибальд Мак-Ларен, — энергично сказала она. — Не у вас ли он в данный момент?

— Нет.

Она тихо вздохнула.

— Мы его потеряли. Я попросила одного из моих знакомых наблюдать за ним, поэтому знаю, что он побывал у вас вчера в конце дня. Его время прошло, мистер Донован. Вы это, наверное, знаете? Но мы хотели бы на какое-то время сохранить ему жизнь, поскольку полагаем, что он еще сможет быть нам полезен.

— Все это звучит очень захватывающе, — ответил я. — Только не могу понять, о чем это вы.

Она рассмеялась.

— Ну, хорошо, мистер Донован. Я понимаю вашу осторожность. Но если вы еще увидите Мак-Ларена сегодня вечером, то передайте ему, чтобы он не возвращался в свой отель в Паддингтоне. Там его уже ждут.

— Обязательно. Я вижу, ему грозит опасность.

— Кроме того, считаю, что нам необходимо встретить-

ся,— продолжала она весьма напористо,— возможно, у нас найдутся общие интересы.

— Очень симпатичное предложение,— сказал я,— особенно, если вы так же очаровательны, как и ваш голосок.

— Мы могли бы встретиться во время ленча. Что, если я подъеду к вам, скажем, в час дня?

— Буду ждать с нетерпением.

— Тогда до встречи. И не забудьте предупредить Мак-Ларена, хорошо?

— Ни в коем случае!

Повесив трубку, я прошел к бару. Хикс выжидающе смотрел на меня, и я передал ему содержание нашего разговора.

— Значит, Бочар рассказал ей все о нас,— буркнул он, когда я кончил.

— Возможно,— согласился я.

— Не нравится мне это дело,— сказал он,— очень не нравится...

— Но познакомиться с этой леди очень стоит! — ответил я.

— Боюсь, это лишь приближает нас к Фишеру.— Он помрачнел.— Неужели вы решились драться с ним на его территории?

Снова зазвонил телефон, и я снова взял трубку. На этот раз звонил Финчли.

— Прошу извинить меня за беспокойство, мистер Донован,— сказал он.— Но тут вам прибыла посылка, на которой написаны два слова: «Лично. Срочно».

— Что за посылка?

— Довольно большая,— ответил он,— приблизительно такая же, как шляпная картонка. Я проверил, внутри металла нет.

— О'кей! — сказал я.— Пришлите ее наверх.

Через пару минут один из служащих отеля принес посылку. Хикс поставил ее на стол, и мы оба молча посмотрели на нее.

— «Мистеру Полу Доновану,— прочел Хикс.— Кенсингтон. Лично. Срочно».

— Тем не менее, было бы неплохо просветить ее рентгеновскими лучами,— осторожно сказал он.

— Финчли уже проверил ее на металл. Это не бомба. Скорее всего, подразделение карликов с карликовыми деревянными ружьями и карликовыми...

— Очень смешно...

Хикс провел по рту тыльной стороной ладони.

— Может, все-таки откроем,— предложил я.

Хикс сходил за ножом. Врезав обертку, он извлек на свет картонку. На одной из сторон было написано: «Открывать здесь!» Хикс осторожно поддел крышку ножом и отбросил ее на стол.

Хотя я за всю жизнь получил немало посылок с самой разнообразной начинкой, однако сейчас мне стало немного не по себе. На нас жалобно уставились голубые глаза Мак-Ларена. Рот был широко раскрыт в немом крике предсмертного ужаса. На вате, прижатой к шее, виднелась запекшаяся кровь.

Хикс быстро набросил крышку на картонку.

— Интересно,— сказал он,— что они сделали с остальными частями этого джентльмена?

По тому, как это было сказано, я понял, что Хикс действительно хотел бы узнать судьбу останков Мак-Ларена.

4

Она заехала за мной ровно в час. У нее был большой черный «мерседес», которым она управляла с такой лихостью, что плотное лондонское движение буквально растворялось перед ней.

Ее апартаменты на верхнем этаже были явно недавно переоборудованы. Благодаря стеклянной стене открывался роскошный вид на Темзу с ее многочисленными мостами.

День был холодный и мрачный. По небу плыли тяжелые свинцовые облака, но в помещении было тепло и уютно.

— Как только я увидела такую перспективу из окна,— сказала Колетт Доркас,— я сразу решила приобрести эту квартиру.

Потягивая «кампари-соду», я внимательно разглядывал ее. Она была высокой и стройной, с темными коротко стриженными волосами, не закрывавшими ушей, лет этак тридцати. Обращали на себя внимание карие глубокие глаза, чувственные губы, приятно округленные бедра.

На ней были блузка и брюки в тон. На фоне шелковой блузки явственно выступали соски. «Наверно, внутри этой женщины,— невольно подумал я,— имеется сексуальный запальчик, который легко поджечь, и тогда она превратится в пылающий костер».

До сих пор разговор был вежливый и тривиальный, но, по моему мнению, спешить было некуда.

— Я пригласила к себе на ленч еще одного друга,—

сказала она.— Надеюсь, вы ничего не имеете против, мистер Донован?

— Конечно, нет,— вежливо ответил я.

— Он не только друг, но и партнер,— добавила она.— Его зовут Курт Лози.

— Вы хотите мне сделать какое-нибудь предложение? Она слегка улыбнулась.

— Предложение, да... Только не знаю, как его можно назвать с деловой точки зрения.

— Звучит заманчиво.

Ее нижняя губа слегка искривилась.

— Возможно, это зависит от вашего воспитания, мистер Донован. Я также в виду хорошие манеры.

— Я всегда ценил в людях элитантность, причем обоюдную.— В моем голосе прозвучала некоторая интимность.

— Если вы и шизофреник, то чертовски хорошо держите себя в руках. За последние дни я очень много узнала о вас. Вы не только проводили опасные операции, но и при случае лично убивали тех, кто становился на вашем пути. Но, глядя на вас сейчас, никак не могу представить себе, что вы способны на нечто большее, чем войти в комнату и спросить, не хочет ли кто составить вам партию в теннис.

Раздался звонок в дверь, избавивший меня от труда подыскивать подходящий ответ. Доркас вышла из гостиной и вскоре вернулась в сопровождении мужчины.

— Мистер Донован, позвольте представить вам моего партнера, Курта Лози.

Лози был одного роста со мной и худощавый. Его светлые волосы, судя по всему, начинали редеть, в голубых глазах играл холодный блеск. Мясистый нос был сломан по меньшей мере дважды, тонкие губы делали его похожим на садиста или чиновника налогового управления. На нем были спортивная куртка, пуловер и брюки в обтяжку.

— Рад с вами познакомиться,— сказал он неожиданно писклявым голосом.

Бочар был прав, акцент у него был явно не немецкий. Хотя он говорил по-английски на американский лад, чувствовалось, что это язык для него не родной.

— Налей себе что-нибудь выпить,— сказала Колетт.

Он направился к бару.

— Вы виделись с Мак-Лареном после того, как мы говорили по телефону? — спросила меня Колетт Доркас.

— Мы с ним договорились, но он не приехал,— ответил я.

— Жаль.

Она немного скривила губы.

— Мы потеряли его из виду вчера около полудня. И в свой отель он не возвращался.

— Почему вы так интересуетесь Мак-Лареном?

— По той же причине, что и вы. Он представлял синдикат Фишера в Европе.

— Представлял? Разве что-то изменилось?

— Если бы вы и не знали, то вам бы об этом наверняка рассказал Бочар, — сухо отетила она. — А я пригласила вас к себе не для того, чтобы играть в прятки, мистер Донован.

— Вы же только что говорили, что собрали массу сведений обо мне. А вот я о вас ничего не знаю. — Я добродушно улыбнулся ей. — Мне кажется это несправедливым.

— Я руковожу нелегальной организацией, которая занимается валютными переводами, — сказала она. — Брат был моим партнером, пока не погиб. Его место занял Курт. Занял в организации, но не в моем сердце. Я очень любила своего брата, мистер Донован.

— Все это, конечно, очень неприятно, — сказал я. — А какими делами занимается ваша организация?

— Мы имеем дело исключительно с нелегальными деньгами, — небрежно бросила она, — с «горячими» деньгами. Предположите, что вы ограбили лондонский банк, захватили с собой сто тысяч фунтов. Вы понимаете, что в этой стране теперь почва горит под вашими ногами, и планируете обосноваться где-нибудь в Южной Америке. Перед вами возникают сразу две проблемы. Во-первых, вам самому надо добраться до Южной Америки, а во-вторых, переправить туда эти деньги. Так вот, эту вторую вашу проблему мы берем на себя. Вы гарантированно получаете свои деньги в течение трех месяцев в любой валюте и в любой точке земного шара. За это мы берем двадцать процентов от общей суммы, но не производим операций с суммой меньше пятидесяти тысяч.

— Звучит грандиозно, — сказал я. — Но если бы я ограбил банк и таскался с суммой в сто тысяч в чемодане, то не рискнул бы расстаться с ней и поручить вам все дело. Ведь я ничего не смог бы предпринять, если бы вы не дали мне ни пенни. Не так ли?

— Все основывается на доверии, — сказала она, — и поддерживается нашей репутацией. Мы занимаемся этим делом свыше пяти лет и ни разу не подвели нашего

клиента. У нас контакты во всем мире, и если бы мы хоть раз оплошали, с нами было бы покончено.

— А как погиб ваш брат?

— При налете на одно посольство с полгода тому назад, — ответила она. — К сожалению, он находился там же, когда был произведен налет. Налетчики взяли в плен восемь заложников и троих из них убили, в том числе моего брата. Курт ходил туда и выяснил подробности. В те минуты я была совершенно беспомощна.

Лози сел на кушетку рядом с ней, держа в руках бокал.

— Колетт только что сказала, что у нас имеются контакты во всем мире, — сказал он. — В этом случае они нам очень помогли. Мне удалось узнать факты, которые были известны только полиции. Речь шла о восьми террористах, шести из них удалось скрыться, двоих убила полиция. Один из них был турок, другой — американец.

— И Бочар был при этом? — небрежно спросил я.

Лози мрачно усмехнулся.

— После уговоров.

— Что вы знаете о Фишере? — обратился ко мне Доркас.

— Только то, что мне рассказал Мак-Ларен, — сказал я, — что Фишер является руководителем террористической организации, услугами которой может воспользоваться каждый.

— Откуда ею руководят? — спросил Лози.

— В нашем разговоре с Мак-Лареном мы не касались этого вопроса, — умело солгал я. — У него наверняка был какой-то мотив, чтобы начать войну против Фишера, и он надеялся найти во мне, как он выразился, нечто вроде идеалистического авантюриста.

— Но вы не хотели бы, чтобы вас втянули в это дело? — спросила Колетт.

— Думаю, что нет.

— Вы боитесь этого Фишера? — презрительно спросил Лози.

— Думаю, что да, — признался я.

— Я не могу утверждать, что понимаю ваши побудительные причины, — сказала Колетт, — но знаю, что раньше вы участвовали в опасных операциях и весьма охотно. Почему же сейчас нет подобного желания?

— Об этом Фишере я узнал впервые от Мак-Ларена, — сказал я, — и совершенно не знаю, сказал ли он мне правду или нет.

— Вам нужны доказательства? — спросила Колетт.

— Я же вам говорил,— сразу же вмешался в разговор Лози,— что мы следили за Фишером в последние месяцы, и...

— Успокойся, Курт.

Колетт сделала движение рукой, и он закрыл рот.

— Мы знаем, где находится его центр. Он в одном из маленьких городков Южной Калифорнии. Вы могли бы там войти с ним в контакт.

— И дальше? — спросил я.

— Вы найдете вещественные доказательства. Наймите его организацию для какого-нибудь террористического акта. Когда он примет ваши предложения, у вас и будут доказательства.

— И дальше? — повторил я.

— Потом вы можете нам уничтожить его и его организацию,— сказала она.

— Вам не о чем беспокоиться, Донован,— насмешливо добавил Лози.— Мы хотим только, чтобы вы инсценировали все для нас, а в самой опасной части можете не участвовать. Эту часть мы полностью берем на себя.

— Я подумаю над этим. Но все-таки хотелось бы знать, что вы намерены делать, если я соглашусь?

— В этом случае мы все вместе полетим в Калифорнию,— сказала Колетт.— Я знаю, что вы путешествуете обычно со своей подругой, мистер Донован. У вас в настоящий момент есть подруга?

— Да.

— Жаль,— сказала она.— Я хотела предложить себя. Для меня это была бы идеальная маскировка.

— Мы можем и поменяться,— предложил Лози.— Ты поедешь с Донованом, а его подруга со мной.

— Вы бы ничего не имели против такого решения вопроса, мистер Донован? — спросила Колетт голосом мягким, как шелк.

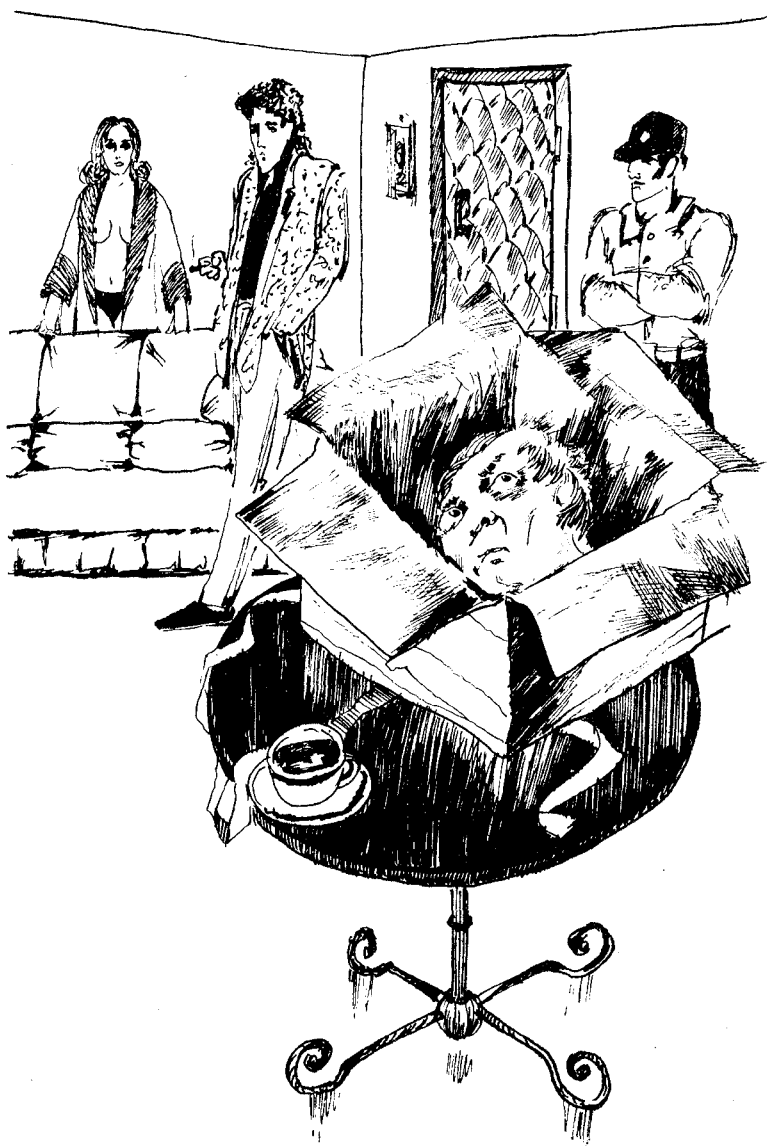
— Возможно,— ответил я.— Но в какой роли будет выступать Курт?

— Он будет вашим помощником и экспертом,— быстро сказала она.— Каким бы ни было ваше предложение террористической группе. Детали мы обсудим позднее. А Курт будет незаменим, ведь он хорошо знает местные условия.

— Хорошо. Когда вы хотите отправиться?

— Когда угодно,— сказала она,— хоть завтра.

— Мне нужно пробыть в Лондоне еще два дня. Как вы смотрите на пятницу?

— Нас устраивает и пятница,— ответила она.— К этому времени мы сможем лучше подготовиться к поездке.

— Что ж, договорились. Вам нужны деньги?

— Не обязательно. В этом году у нас дела шли хорошо.

— Вы знаете, где меня можно найти,— сказал я.— Мы должны разработать наши планы до отъезда.

Она покачала головой.

— Давайте займемся этим во время полета. Я ненавижу путешествия, а это заполнит наше время.

— О'кей,— согласился я.

Она снова улыбнулась.

— Я очень благодарна вам, мистер Донован.

— Пол,— поправил я ее.

— Пол... А я, конечно, Колетт.

— А как зовут вашу девушку? — поинтересовался Лози.

— Мэнди,— ответил я.

— Она англичанка?

— Американка. Обращаться с ней нужно осторожно и вежливо, иначе она может превратить вас в лепешку,— сказал я.— Однако, принимая во внимание вашу внешность, я сомневаюсь, что вам на пользу пойдет эта процедура.

Колетт поспешила вмешаться.

— После того, как мы закончили деловую часть, предлагаю перекусить,— сказала она с ударением.

В этот момент раздался звонок в дверь, и ее лицо окаменело.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил Лози.

— Нет,— ответила она как-то невыразительно.— Но, может быть,.. мистер... Пол?

— Я тоже никого не жду,— ответил я.— Мне можно доверять. Если я не вернусь в отель в половине четвертого, то тут у вас будет орудовать целая рота диких мальчиков. Но это и все.

Лози поставил свой бокал и быстро поднялся. Вынув пистолет калибра 38, он направился к двери.

— Возможно, просто водопроводчик или кто-нибудь в этом роде, который хочет устранить неисправность,— небрежно бросила Колетт.— Но никогда нельзя...

Я использовал наступившую паузу и допил свой бокал. Если Колетт была уверена, что Лози справится с ситуацией, то и я мог быть спокоен. Через две минуты Лози

возвратился, держа перед собой пакет, завернутый в оберточную бумагу.

— Принес портье,— сказал он.— Пакет был прислан с мальчиком-посыльным.

— От кого? — резко спросила Колетт.

— Портье не поинтересовался.

Лози положил пакет на стол и осторожно отступил.

— Я не жду никаких посылок,— сказала Колетт.

— Я тоже,— буркнул Курт.

— Там ничего не тикает? — осторожно спросил я.

— Я проверил на металл,— холодно заметил Курт.— Но если вы боитесь, Донован, можете подождать в ванной, пока я ее открою.

— Полностью полагаюсь на ваш опыт.

Я внимательно смотрел на Лози, пока он разворачивал пакет. Сбросив крышку, он осторожно заглянул в коробку.

— О, Боже! — вырвалось у него. На Курта глядели безжизненные глаза Мак-Ларена.

— Какая свинья могла додуматься до такого?

Колетт испуганно вскрикнула и, закрыв глаза, отвернулась. Лози сочно выругался, надел крышку на картонку и вынес ее в прихожую. Когда он вернулся, кожа на его лице посерела.

— Значит, они висят у нас на хвосте,— сказал я.— Эти ребятки знали, кому это нужно послать, как предупреждение.

— Кто? — Он ударил кулаком по столу.— Ради всего святого, кого вы имеете в виду?

— Я должна еще выпить, и побыстрее! — сказала Колетт.— Бочар — вот кто может быть в курсе всего этого!

— Если он еще в Лондоне,— ответил Лози.

— Ты должен его найти, где бы он ни был, и все разузнать,— сказала она.— И мне безразлично, даже если ты его при этом убьешь. Но мы должны об этом знать.

Я не спеша поднялся.

— Мне думается, что сейчас нечего и думать о ленче. Я лучше пойду.

— Но мы будем держать с вами связь, Пол,— сказала она.

— К чему? — Я посмотрел на нее.— Если противная сторона знает, куда она должна послать голову Мак-Ларена, то вся ваша маскировка полетит ко всем чертям еще до того, как мы начнем.

Есть еще шанс,— сказала Колетт,— если Курт до-

статочно быстро свяжется с Бочаром. Прошу вас, не порывайте так быстро с нами.

— Я буду ждать вашего звонка,— ответил я.— Но теперь, как говорится, моя хата с краю...

5

— Вы уверены, что они оба ничего об этом не знали? Хикс недоверчиво посмотрел на меня.

— Как можно быть в этом уверенным? Но по тому, как они отреагировали на голову Мак-Ларена, я предположил, что для них это настоящая неожиданность.

— И на этом все кончится?

— Не думаю,— осторожно ответил я.— Не забывайте, что голова сперва была послана нам. Возможно, отправители теперь думают, кому они должны послать наши с вами головы.

— Ну, хорошо,— буркнул Хикс.— Что будем делать?

— Колетт и Лози скоро опять обратятся к нам,— сказал я.— И даже если они узнают, кто убил Мак-Ларена, будут утверждать противное. Убедить меня в этом им будет нелегко, но, в конце концов, я позволю им это сделать, и после этого мы полетим в Калифорнию.

— Вы — настоящий сумасшедший! — с убеждением сказал Хикс.— Как вы можете узнать, можно им доверять или нет?

— А я не собираюсь им доверять,— ответил я,— поэтому склонен принять вариант, предложенный Колетт.

— Вы еще сперва должны уговорить эту дурочку Мэнди,— недовольно сказал он.

— Все равно,— упорствовал я.

— А что делать мне?

— Вы — авангард,— сказал я,— вернее, тайный агент, работающий на свой страх и риск.

Он закатил глаза.

— Вы должны мне об этом рассказать поподробнее, даже если я и не хочу слышать об этом.

— Вы возвращаетесь в Штаты завтра утром. Сразу же отправляетесь в мой дом в Коннектикуте, собираете все, что вам может понадобиться, и приезжаете в Калифорнию.

— Хиллсайд,— сказал он.— Так, кажется, называется этот городок?

— Совершенно верно,— ответил я.— Вы будете выдавать себя за английского туриста, который разыскивает своего дальнего родственника, якобы проживавшего по-

следнее время в Хиллсайте. Для маскировки этого будет достаточно. Наверняка там не так уж много отелей и мотелей. Я остановлюсь в одном из них под своим собственным именем, так что вам не составит труда меня отыскать.

— А если позвонит по телефону эта куколка Колетт?

— Предоставляю вам действовать по собственному усмотрению,— доверительным тоном сказал я.— Может быть, посоветовать ей, чтобы она появилась в Хиллсайте под чужим именем.

— Скорее всего, мне нужно использовать не свое имя. Тогда мне было бы все равно, что с ним станется.

— А вам приходит на ум какое-нибудь подходящее имя? — терпеливо спросил я.

— У меня есть паспорт, который я давно приобрел на такой случай. Эта книжечка стоила мне двести фунтов.

— О'кей! — сказал я.— Возьмите и используйте! На какое имя он выдан?

Он слегка покраснел.

— Возможно, это немного глупо, но я смогу...

— На какое имя выдан паспорт?

— Сент-Клер,— сказал он глухим голосом.— Бертран Оберон Сент-Клер.

И так раскатисто рассмеялся, что шрам на его лице даже побелел.

— Очень неплохо! Сгодится и такое имя! — сказал я, когда он смог говорить.

— Это было после Конго,— буркнул он.— У меня были необходимые деньги, и я хотел на какое-то время исчезнуть. Вот и отправился на Багамские острова. В то время это имя мне казалось хорошим, поскольку я хотел угодить всем американским чиновникам...

— Мне оно нравится,— сказал я.— Ну, а поскольку это ваша последняя ночь в Лондоне, я не буду вас задерживать. Надеюсь, вы найдете, чем себя занять.

— Во всяком случае, посплю,— буркнул он.— А откуда мне взять деньги, коллега?

— Возьмите у Финчли сколько считаете нужным, а я постараюсь за это время перевести вам телеграфом деньги в Коннектикут. Вы их получите, когда будете там. О билете на самолет тоже может позаботиться Финчли.

— Надеюсь, у вас тут тоже все будет в порядке.

У него даже вид стал лучше, если так вообще можно было бы сказать о лице Хикса.

— Не наделайте глупостей и не дайте себе отрезать голову.

— В настоящий момент я могу вас обрадовать одним только словом.

— Наверное, — «смазывайтесь»!

— Вы буквально сорвали его с моих губ. Где Мэнди?

— Ушла за покупками.

— Что же еще ей понадобилось, ради всего святого? — воскликнул я.

Он пожал плечами.

— Откуда мне знать об этом, коллега. Видимо, все, что она увидит в витринах.

После того, как Хикс исчез, я заказал себе бифштекс вместо ленча, от которого отказался у Колетт, и попросил поднять его наверх.

Поев, я пришел к выводу, что сейчас все равно ничего не смогу предпринять, пока не услышу что-либо от Колетт, и самое время подумать о стратегии в деле Фишера. Я прошел в спальню, снял ботинки и куртку, лег на кровать и быстро уснул. Разбудил меня радостный голос Мэнди.

— Ты только посмотри, что я купила, Пол, дорогой! А какое там великолепное нижнее белье!

— Чепуха! — проворчал я и повернулся на другой бок.

Тонкий пальчик вонзился мне как раз между ребер.

— Ты совсем не обращаешь на меня внимания, засоня! Через несколько секунд я буду совершенно неотразима, и хочу, чтобы ты меня изнасиловал...

— Который час? — спросил я и поднялся на кровати.

— Половина седьмого, — сказала она. — Хикс сегодня вечером свободен?

— Да.

— Значит, нам никто не помешает, — проворковала она. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— А почему нет? Водку с яблочным соком.

Я обстоятельно вымылся под душем и растерся полотенцем. После этого, уже полностью проснувшись, я вернулся в спальню. Мечта каждого мужчины стояла у кровати в задумчивой позе, заложив руки за спину. Светлые волосы Мэнди были гладко зачесаны, черный бюстгалтер был из нейлона, и кораллово-красные соски дерзко глядели из отверстий, специально предназначенных для этого.

Через нейлоновые чулки, державшиеся на крошечной нейлоновой подвязке, были видны ярко-красные трусики, составлявшие лишь крошечные треугольники.

— Ну, что ты на это скажешь, Пол,— спросила она.

Ее темные влажные глаза заблестели.

— Разве не фантастический наряд?

— Последний крик грязной моды,— сознался я.

— Спасибо.

Она глубоко вздохнула.

— Бывают времена, когда и порядочная женщина хочет почувствовать себя проституткой, а наряд помогает ей в этом.

— И сколько же будет стоять сегодняшняя ночь? — хмуро спросил я.

— Подожди минутку,— сказала она.— Ты еще не все видел. Взгляни-ка вот сюда!

Она широко расставила ноги. Мои глазные яблоки чуть не вылетели из орбит, когда в центре трусов появилась щель, которая расширялась до тех пор, пока не появились волосы.

— Вход открыт! — с триумфом возвестила Мэнди.— Здесь все продумано.

Я схватил стакан, стоявший на баре, и лихорадочно отпил.

— В пятницу мы летим в Калифорнию,— попытался я отвлечь ее.

— Прошу тебя, сконцентрируйся, Пол, дорогой,— попросила она.— Ведь у тебя даже еще не стоит! А это не так уж лестно видеть девушке стоимостью пятьсот долларов за ночь.

— Нужно обсудить с тобой детали нашего путешествия,— торопливо начал я,— кое-что изменилось. С нами полетит еще одна пара.

— Не слишком ли это много?

Ее нижняя губа немного выдвинулась вперед, и она стянула с себя красные трусики.

— Так лучше?

— Все дело заключается в том,— продолжал я,— что нам нужно нечто вроде маскировки или прикрытия, поэтому я полечу вместе с одной женщиной, а ты — с мужчиной, если ничего не имеешь против.

— Может быть, у тебя не стоит оттого, что у меня не наведена прическа на нужном месте?

Она схватила щетку для волос, растопырила ноги и начала усердно расчесывать себе между ног. Когда она кончила, ее газон уподобился девственному лесу.

— Так лучше, Пол, дорогой?

— Что касается нашей поездки,— в отчаянии сказал я,— то я хотел бы...

— А как его зовут? — холодно спросила она.

— Курт Лози.

— Как он выглядит и сколько ему лет?

Я коротко описал Курта, стараясь его не обидеть, так как в эту минуту понял, что он вызывает во мне отвращение.

— А как зовут ее и как она выглядит?

Я описал и Колетт Доркас, причем тщательно пытался скрыть ее достоинства и прелести.

— Ты будешь с ней спать? — поинтересовалась Мэнди.

— Не знаю,— с самоубийственной честностью сказал я.

— Но ты ожидаешь, что я буду спать с этим Лози? — сказала она.

Я не успел открыть рот, как она продолжала:

— Ну и дерьмо ты, Пол Донован! Ты же не можешь выкинуть меня просто так, как какую-нибудь...

— Как какую-нибудь машину,— помог я ей.

— Ты сам смотришь на меня, как на игрушку,— резко продолжала она,— а теперь делаешь из меня игрушку для другого мужчины! Нет, так дело не пойдет!

Она подошла к шкафу, сорвала с вешалки платье и натянула его на себя. Затем надела норковое манто, но тут же безвольно опустилась на кровать, усевшись прямо на свою любимую норковую шапочку.

— Куда ты собралась? — мягко спросил я.

— Куда-нибудь! — прошипела она.— Спать с кем-нибудь! Уж если я должна разыгрывать роль грязной шлюхи, мне нужно потренироваться.

Она снова вскочила и бросилась вон. Стены вибрировали еще секунд пять после того, как она захлопнула дверь. Я допил свой коктейль, а потом слишком поздно вспомнил о правиле: сперва любить, а потом просить об одолжении. Я почувствовал нечто вроде сожаления, тем более, что ее дьявольский наряд подействовал на меня сильнее, чем я хотел ей показать.

Приблизительно через час, когда я допивал уже третью порцию, зазвонил телефон.

— Говорит Лози! — Голос звучал гордо и самодовольно.— Он у меня в руках!

— Кто? — деловито спросил я.

— Человек, которого мы искали. Я нагнал на него такого страха, что у него чуть не случился сердечный

припадок. Как бы то ни было, но новый поверенный Фишера в европейских делах — это человек по имени Хендрикс. Он нанял некоего Сугдена в качестве ответственного за район Лондона. Я поймал его.

— Где он?

— Здесь, в апартаментах Колетт. Бочара я использовал, как приманку. Сугден сидит здесь, привязанный к стулу, и, наверное, делает в штаны от страха. Причем, я к нему даже пальцем не притронулся.

— Ну и что вы хотите от меня?

— Приезжайте сюда прямо сейчас, — сказал он. — Правда, я бы мог потом вам все пересказать, но боюсь, вы не поверите. Так что приезжайте сюда и слушайте все из первоисточника.

— Хорошо, — сказал я. — Через двадцать минут буду.

Но я потратил не двадцать минут, а полчаса. Дверь открыла Колетт и мило мне улыбнулась. На ней были черные брюки и черная блузка с вырезом чуть ли не до пупка. Вид был отнюдь не неприятный. Мы прошли в гостиную, и она показала на дверь.

— Курт держит его там. Заходите и пользуйтесь ситуацией, если до этого не хотите выпить.

— Нет, спасибо. А вы разве не пойдете?

— Я не малодушна, — сказала она, — но зато нетерпелива. Вам наверняка будет неприятно, если у него будет исцарапано лицо до того, как он ответит на ваши вопросы.

Итак, я вошел в столовую, где находилась эта парочка. Привязанный к стулу высокий и толстый человек походил на мешок. Один глаз закрывала прядь густых каштановых волос, другой глаз был карим. Я дал бы ему лет сорок, и он казался не очень опасным. Правда, люди, привязанные к стулу, редко кажутся опасными.

— Разрешите представить вам Джеймса Сугдена, — сказал Лози. — Он стоял за стулом. — Это, вероятно, первый охотник за головами, которого вы встречаете в своей жизни.

Он схватил Сугдена за волосы и откинул его голову назад.

— Повторите мистеру Доновану все то, что вы рассказали мне, — сказал он спокойно.

Он отпустил голову, и она поникла. Когда Сугден приподнял ее снова, его глаза угрюмо остановились на моем лице, однако в них не было злобы.

— Хендрикс приказал мне взять на себя Мак-Ларена, — хриплым голосом начал он. — Его нужно было убрать,

но Хендрикс знал, что он уже наносил вам визит до этого. Он хотел вас запугать и поэтому послал голову в ваш адрес. Точнее, это сделал я по его распоряжению.

— А потом вы послали ее нам,— вмешался Лози и с усмешкой посмотрел на меня.— Это был очень благородный жест с вашей стороны, Донован.

— Я думал, что, возможно, именно вы послали ее мне,— ответил я.— Вот и решил удостовериться.

— Он еще до сих пор не дал Хендриксу полного отчета,— сказал Лози.— Говорит, что должен связаться с ним только завтра.

— Где? — спросил я.

— В Париже,— хмуро ответил Сугден.

— А что вы сделали с остальным телом?

— Как что?

— Голову вы послали мне,— терпеливо объяснил я,— а что сделали со всем остальным?

— Какое это может иметь значение? — буркнул Лози.

— Но мне это интересно.— Сейчас я думал о Хиксе.

Сугден вспотел еще больше. Вид у него был довольно неприглядный.

— Только не вздумайте сказать, что вы забыли,— дополнил я.

— Ну, выкладывайте!

Лози ударил его по голове, и тот завизжал.

— Мне помог один знакомый,— сказал он.— Мы бросили труп в реку, привязав к нему груз.

Внезапно я потерял интерес ко всему и отвернулся.

— Вы больше не хотите спрашивать его? — осведомился Лози разочарованным голосом.

— Не думаю, чтобы это было важным,— сказал я.— Дело закончено.

— Что вы под этим подразумеваете, черт побери?

— Он в ваших руках и завтра не сможет встретиться с Хендриксом, но все равно Хендрикс меня уже знает.

— Тогда выйдите и поболтайте с Колетт,— сказал он.— А я еще поработаю здесь с этим слизняком. Потом скажу вам, почему дело еще не закончено.

— Что ж, хорошо. Только меня будет трудно переубедить.

Я вернулся в гостиную, и Колетт поднесла мне бокал. Мы полюбовались ночной панорамой через стеклянную стену и поговорили о том о сем. На все ушло минут пять, может быть, немного больше. Потом из столовой вышел Лози.

— Теперь я знаю все,— самодовольно сказал он.— Знаю, как выглядит Хендрикс, где он живет в Париже, и когда и где они должны встретиться с Сугденом завтра.

— Ну и что?

— Вместо Сугдена там завтра буду я и сам займусь им.

— Вы что, собираетесь его убить?

— Курт в таких делах очень добросовестный,— хмуро сказала Колетт.

— А если я буду сопровождать вас? — спросил я.

— Вы мне просто помешаете,— сухо ответил Лози.

— Курт!

Голос Колетт прозвучал холодно.

— О'кей! — Он раздраженно пожал плечами.— Если так...

— Возможно, что мы уже опоздали,— сказал я,— и Хендрикс известил Фишера обо всем.

— Исключено,— вставила Колетт.— Он ждет доклада Сугдена завтра вечером. В данный момент он даже не знает, убит ли уже Мак-Ларен или еще нет.

— Возможно, вы и правы,— сказал я.— Но прежде, чем действовать, мне нужно самому убедиться в том, что Хендрикс обезврежен.

— Вы что, не можете положиться на мое слово? — пропищал Лози со злостью.

— Мне нужны не слова, а факты,— настаивал я.

— Вы все ужасно затрудняете, Донован,— пожаловался он.— Я даже спрашиваю себя, зачем мы связались с вами.

— Мы будем сотрудничать с Полом, потому что он может стать надежным союзником,— резко сказала Колетт.— Мы уже пришли к этому мнению, и еще ничего не случилось, что могло бы изменить наши намерения. Ты, Курт, на его месте поступил бы точно так же, и ты это знаешь.

— Может быть. И все-таки прошу вас, Донован, не мешать мне. Я обеспечу все доказательства, которые вам нужны.

— Ну, ладно,— сдался я.— А что вы собираетесь делать с Сугденом?

— Это я вам скажу позднее в столовой,— сказал он.— Колетт подробностями и деталями не интересуется.

Колетт мило улыбнулась и пригубила бокал. Я повернулся в сторону Лози, чтобы отправиться с ним в столовую, но он, казалось, никуда не спешил.

— Как-то я попросил Колетт связать мне пуловер,— мягко сказал он.— И даже купил ей шерсть и спицы.

— Вот как? — удивился я.

— А она отказалась.— Он коротко рассмеялся.— Возможно, Колетт просто не создана для семейного уюта. Но спицы были особенные, из стали. Вот я их и забрал обратно в надежде, что они мне еще пригодятся.

— И это себя оправдало? — задал я глупый вопрос.

— Может быть, хотите убедиться сами?

— Нет,— сказал я,— он еще жив?

— Нет,— ответил он.

Я ушел.

6

Мы поцеловали друг друга, но я не был уверен, что у нас восстановились прежние отношения. Мы любили друг друга плотской любовью, но у Мэнди был какой-то отсутствующий вид. Она хотя и реагировала так, как и можно было ожидать, но в эмоциональном отношении это было все равно, как чинная китайская трапеза. В течение двух дней у нас даже не было тем для разговора. Она не спрашивала, куда исчез Хикс, а я сам ей этого тоже не говорил.

Короткий зимний день прошел, и за окнами стало темно. Снег растаял и превратился в грязь. Было около восьми часов вечера, и я налил себе выпить, как из спальни появилась Мэнди. У нее было только одно лицо, и я при каждом удобном случае спрашивал себя, как можно тратить столько времени на уход за ним, но спросить ее, а не себя, каждый раз не решался.

На ней опять были лишь клочки от туалета, а платье даже с вырезом до талии. Возможно, к такой экипировке принадлежал и бюстгальтер, но Мэнди, конечно, сочла его излишним. Черные чулки держались на одной крошечной подвязке, туфли на высоких каблуках были огненно-красные.

Она повернулась передо мной вокруг своей оси и вопросительно посмотрела на меня.

— Нравится?

— Грандиозно! — ответил я.— Я только спрашиваю себя...

— Конечно! — строгим тоном сказала она.— И мне для этого даже не надо раздеваться.

— Выпьешь со мной?

— Ты с каждым днем становишься все галантнее.—

Она наморщила носик.— Нет, пить я не хочу, ты, грубый крестьянин! Я хотела бы с тобой поговорить.

— В таком случае, говори.

— Сейчас среда, а мы улетаем в Калифорнию в пятницу, так?

— Так было запланировано,— согласился я.— Но другие участники должны еще дать свое подтверждение.

— И ты хочешь, чтобы я поехала с этим Лози, а ты поедешь с этой секс-миссис Колетт?

— Тебе совсем не обязательно ехать с ним. Я могу отправить тебя на самолете в Нью-Йорк.— Видя, что она собирается открыть рот, я поднял руку.

— А если ты полетишь с Лози, тебе совсем не обязательно спать с ним.

— Зато ты будешь спать с этой тварью Колетт!

— Я ведь тебе уже говорил, что сам этого еще не знаю.

— Такая форма равносильна положительному ответу,— сказала она с чисто женской проницательностью.

— Мы летим в Калифорнию, чтобы кое-что узнать об одном человеке,— объяснил я.— Дело может стать опасным. Для этого нам понадобилась такая маскировка.

— Опасным для меня?

— Нет, не думаю,— осторожно ответил я.— Пока ты ничего не знаешь об этом человеке и о наших намерениях, тебе опасность не угрожает.

Она сжала губы.

— Я хотела бы с ним познакомиться.

— С кем?

— Естественно, с Лози.— Она даже притопнула ногой.— Иногда ты бываешь совсем глупым.

— Когда?

— Скажем, сегодня вечером.

Я задумался, а потом пожал плечами.

— Что ж, хорошо! Я им позвоню.

— Им?

— Ты можешь познакомиться сразу с ними обоими,— терпеливо сказал я.— Ведь мы проведем много времени вместе.

Теперь она пожала плечами.

— Ты имеешь в виду, что ты много времени проведешь с ней?

— Но, возможно, нам придется бросить это дело,— удрученно сказал я.— Дело в том, что этот Лози — садист.

— По отношению к женщинам? — живо спросила она.

— Не знаю,— ответил я.— Но хватит и этого!

— Я сама составлю себе мнение о нем,— сказала она.— Звони им обоим!

Я снял трубку и набрал номер. Колетт подняла трубку после третьего гудка.

— Говорит Пол Донован,— сказал я.

— Наверняка тут вмешалась телепатия,— ответила Колетт.— Я только что собиралась вам позвонить. Курт сегодня днем вернулся из Парижа и привез вам доказательства.

— Вы не хотели бы зайти к нам на рюмочку? — спросил я.— Заодно познакомитесь с Мэнди.

— С вашим последним соратником по кровати,— рассмееялась Колетт.— Я чуть было не забыла о ней, а ведь она будет спутницей Курта. Мы сможем приехать через полчаса, Пол.

Не успел я сообщить Мэнди, что они сейчас приедут, как она повернулась и исчезла в спальне. Ее зад, возможно, и потерял что-то в эластичности, но все равно остался впечатляющим. Я позвонил Финчли, обрисовал обоих посетителей, назвал их имена и сказал, чтобы их пропустили наверх. Мэнди вернулась из спальни минут через пятнадцать, и, насколько я мог понять, лицо ее осталось без изменений. Она, видимо, просто переоделась для случая. На ней были черная прозрачная блузка и короткая черная юбка. Когда она села и закинула ногу на ногу, окантовка юбки поднялась достаточно высоко, чтобы показать верхний край чулок и пояс с подвязками.

— Как я выгляжу? — спросила она.

— Как сучка на грани отчаяния,— дружелюбно ответил я.

Это был заключительный аккорд нашей беседы. Гости прибыли без опоздания, и Финчли сам проводил их наверх. На Колетт были белая куртка и белые брюки с рисунком, изображающим рыбий скелет, а под курткой — черный пуловер. Выглядела она очень элегантно. Лози в голубом костюме напоминал юрисконсульта предприятия, которое продает несуществующие нефтяные источники. Я представил всех троих друг другу и занялся приготовлением коктейлей. Лози сел рядом с Мэнди на кушетку, и она одарила его приветливой улыбкой, закинув ногу на ногу так, чтобы окантовка юбки поднялась еще выше на пару сантиметров. Колетт села на табурет у бара и стала наблюдать, как я разливаю коктейль по бокалам. Потом она взяла два бокала и присоединилась к парочке, сидевшей на кушетке.

Дав каждому по бокалу, она вернулась обратно на табурет и вынула из сумочки сложенную бумагу.

— Вот вам доказательство, Пол.

Это была газетная вырезка из вчерашней парижской газеты, и моего французского языка как раз хватило для фото, чтобы разобраться в этой заметке. В ней говорилось, что на одной из малолюдных улиц рано утром был обнаружен труп американского подданного.

Его зарезали и, по всей видимости, ограбили. Это было третье убийство в Париже за этот месяц, и так далее... Я свернул листок и вернул обратно.

— Как видите, нас больше ничего не удерживает,— сказала она.— Я заказала билеты на прямой перелет до Лос-Анджелеса на завтрашнее утро. Встретимся в одиннадцать в аэропорту. Тогда у нас будет достаточно времени.

— Хорошо,— сказал я.— Как вы думаете, мы после этого сразу отправимся в Хиллсайд?

— Я заказала номера в отеле,— ответила она.— Полагаю, что нам лучше отдохнуть, а на другое утро выехать в Хиллсайд, наняв какую-нибудь машину.

— Ну и хорошо! А как Курт отделался от трупа Сугдена?

Она отпила глоток и поставила бокал на крышку бара.

— Не знаю,— ответила она невыразительно.— Я не интересовалась этим.

— Вы интересуетесь убийством, как таковым,— подвел я черту.

— Мне не хочется дискутировать по этому поводу, Пол! Не поймите меня превратно, но если я кого-нибудь должна убить, то я его убиваю.

Она оглянулась на оживленно беседующих Мэнди и Курта, потом снова повернула голову в мою сторону и улыбнулась.

— Кажется, у этой парочки нет никаких забот. Сначала я нашла Мэнди немного вульгарной, но потом пришла к выводу, что как раз такая Курту и понравится.

— Вас это не волнует? — небрежно спросил я.

— Кажется, мне все время придется исправлять то впечатление, которое я оказываю на вас,— сказала она.— С Куртом мы только партнеры, и никаких физических связей у нас с ним не было. Понятно, Пол?

— Разве он не привлекателен?

— Может, и привлекателен, но не в этом смысле,— ответила она.— И давайте оставим эту тему.

— У меня есть еще один вопрос, который остался

невыясненным и который волнует меня. Как будет себя вести Бочар?

— Он слишком боится Курта, чтобы что-нибудь предпринять,— сказала она категорически.

— А что вы скажете насчет Фишера? Как он будет реагировать, когда узнает, что убиты и Хендрикс, и Сугден?

— Он не знает, что Сугден убил Мак-Ларена,— сказала она.— По-моему, он решит, что обоих устранил Мак-Ларен, и пошлет сюда еще одного человека, чтобы ликвидировать его.

— Судя по всему, вы продумали каждую мелочь.

— Да, кроме легенды, которую вы должны будете рассказать Фишеру,— сказала она.— Надеюсь, что тут вы сможете мне помочь.

— Несколько месяцев назад я был втянут в революцию в Малагае,— сказал я.— Бочар хорошо об этом знает, поскольку он поставлял мне оружие. Но дело потерпело неудачу. Допустим, я решил сделать еще одну попытку, но для полной уверенности хочу, чтобы это взял в свои руки Фишер. Ну, как?

— Почему бы и нет?

Она на какое-то мгновение задумалась, а потом кивнула.

— Звучит неплохо. А Фишер может, если хочет, осведомиться у Бочара, который, естественно, это подтвердит.

— Я ознакомлю Лози, поскольку он будет моим помощником, со всеми подробностями этого дела,— сказал я.— Но это мы можем сделать и в самолете.

— У вас есть какие-нибудь планы относительно дальнейших действий после нашего приезда в Хиллсайд? — спросила она.

— Это мы можем решить после того, как встретимся с Фишером,— сказал я.— В такой ситуации нельзя спешить.

— Я не спешу,— сказала она.— Самое главное — уничтожить этого убийцу до того, как мы уедем.

— Пол! — Голос Мэнди был сладок, как мед.— Я могу перекинуться с тобой парой слов?

— Прошу меня простить,— сказал я Колетт.— Конечно.

Она наградила меня застывшей улыбкой.

Я последовал за Мэнди в спальню, и она тщательно закрыла за собой дверь.

— Он мне нравится,— заявила она,— и я понравилась ему, это он дал понять недвусмысленно. Теперь я замечаю

и то, что раньше ускользало от моего внимания. Ты мог, когда хотел, заниматься любовью, потому что ты очень богат, но сейчас мне хочется занять настоящего мужчину. Как говорится, ты очень мил, но там, где у человека должен проходить позвоночник, у тебя какая-то тряпка.

— Зато Лози — хладнокровный убийца и садист, — сказал я. — Правда, не знаю, в какой степени он садист по отношению к женщинам, но ты можешь взять риск на себя, если хочешь!

— Конечно! — решительно ответила она. — Он хочет, чтобы я поехала сейчас к нему и провела с ним ночь. Ты, конечно, не против?

— Право, не знаю, Мэнди. Вот втянул тебя в эту аферу, и, наверное, зря.

— Пол, дорогой! — Она ласково потрепала меня по щеке. — В твоих словах известный оттенок ревности, и это мне нравится. Но цель этого упражнения — только половой акт, и я не буду иметь ничего против толики садизма, если он не оставит заметных следов.

— О'кей! — Я пожал плечами. — Если я тебе понадобится, позвони.

— Не думаю, чтобы возникла такая необходимость. — Она удовлетворенно хихикнула. — Если мы до пятницы не вылезем из постели, то встретимся в аэропорту.

Она вынула из чулана чемодан и начала укладываться. Я вернулся в гостиную и посмотрел на лицо Лози, искаженное судорожной улыбкой.

— Она вам сказала, что сегодня пойдет ночевать ко мне? — спросил он.

— Да.

— И вы не имеете ничего против?

— Ничего, если вы хорошо будете с ней обращаться.

— Она принадлежит к той категории женщин, которым по нраву любой метод, — сказал он. — Я понял это по кончику ее носа.

Я прошел мимо него к бару и взял свой бокал. Колетт наблюдала за мной с легкой улыбкой на губах.

— Значит, Курт уже завоевал сердце женщины? — спросила она.

— Так, кажется.

— И вы действительно не имеете ничего против?

— Я бы не утверждал этого так категорично, — ответил я. — Но как-нибудь переживу.

Появилась Мэнди с чемоданом. Она тепло улыбнулась Лози и сказала:

— Я полностью готова.

— В таком случае, едем.

Лози поднялся, взял у нее чемодан, и оба направились к двери.

— Если это настоящая норка, дорогая,— сладким голосом сказала Колетт,— то я на твоём месте ещё бы подумала. От Курта ты в лучшем случае получишь искусственного леопарда.

— И пятнистость будет постоянно меняться,— добавил я.

— Очень смешно!

Лози презрительно фыркнул.

— Весь риск я беру на себя,— сказала Мэнди.

Она сделала прощальный жест рукой.

— Да, Лози! — холодно сказала Колетт.— Возьми номер в отеле. У меня нет никакого желания всю ночь слышать из соседней комнаты скрип кровати и хриплые стоны.

— Если тебе это мешает,— прошипел он,— то отправляйся в отель сама, черт бы тебя побрал!

Они вышли, и дверь громко хлопнула.

— Для младшего партнера он слишком груб,— заметила Колетт,— но в данный момент Лози нужен мне, и он знает это.

— Если хотите, можете остаться на ночь здесь.

Когда она взглянула на меня, ее блестящие глаза были холодны.

— Это что, прямое предложение, мистер Донован?

— Я имею в виду номера отеля,— сказал я.— Сейчас в отеле полно свободных номеров.

— Откуда вы знаете? — спросила она.

— Потому что отель принадлежит мне.

— Ловлю вас на слове,— сказала она.— Но у меня с собой ничего нет.

— Администратор даст вам все необходимое.

— Благодарю.— Ее глаза заметно потеплели.— Думаю, что смогу принять ваше предложение.

Я позвонил Финчли и попросил его через полчаса приготовить номер со спальней, который находился бы от моих апартаментов совсем недалеко. Пока я с ним говорил, Колетт взяла бокал и снова села на кушетку.

— Эта девушка знает что-нибудь о Фишере? — спросила она.

— Нет.

— Это хорошо. Значит, во время поездки она будет только подружкой Курта?

— Да,— сказал я.— Лично я буду играть роль человека, который собирается воспользоваться услугами Фишера, а Курт будет моим советником.

— А я на время поездки буду вашей подругой,— быстро закончила она.— Вы очень богатый человек, Пол Donovan, и всегда смешивали труд и удовольствие. Но я хотела бы, чтобы вы помогли мне познакомиться с Фишером, с человеком, который виновен в смерти моего брата.

— Если Фишер все время будет держаться стен своего дома, то это будет не просто.

— Я полностью уверена, что вы найдете выход из положения,— небрежно сказала она.— Вы очень изобретательный человек. Это доказывает хотя бы голова Мак-Ларена, которую вы послали к нам как раз во время нашего с вами разговора, чтобы посмотреть на нашу реакцию.

— Если он падок на женщин, то это будет легче устроить.

— Я тоже так подумала.

— А как вы думаете, не повторить ли нам по бокалу?

— Шампанского.— Она улыбнулась, когда я кивнул.— Оно великолепно укладывает в кровать. Вы не считаете?

Я открыл еще одну бутылку охлажденного шампанского, налил два бокала и протянул один из них ей.

— За наш успех, Пол.

Мы выпили, и я снова наполнил бокалы. Какое-то время мы сидели молча.

— Нам нечего сказать друг другу, а впереди еще целый вечер,— наконец тихо сказала Колетт.— Поскольку мы заключили союз, то появляются и опасения, и сомнения. Я права, Пол?

— Да, нас не связывают никакие воспоминания, а только сомнения в будущем. Это значительно затрудняет разговор.

— Вы правы.

Она поднялась с кушетки, держа в руке бокал с шампанским.

— Думаю, что, выпив его, я быстро усну.

Я проводил ее до дверей номера, который приготовил ей Финчли, открыл дверь и зажег свет. Она бегло осмотрела гостиную, а потом вошла в спальню.

— У вас прилежный управляющий! — сказала она.— На кровати лежит даже ночная рубашка. Правда, для меня

это не имеет значения, я все равно сплю нагая, но умею ценить заботу.

— Если вам что-нибудь понадобится, позвоните вниз.

— Спасибо,— промурлыкала она.— Но я хотела бы, чтобы вы сделали для меня кое-что еще.

— Конечно! — ответил я.— Что именно?

— Откройте бутылку шампанского и принесите ее сюда. Не забудьте и свой бокал, разумеется.

Для того, чтобы сходить за шампанским, открыть его и принести вместе с бокалами, мне понадобилась всего пара минут. В гостиной никого не было. Я снова наполнил бокалы, поставил их на низенький столик и принялся ждать. Вскоре она появилась из спальни совершенно голая.

На красивых овальных грудях отчетливо выделялись крупные соски. Талия была удивительно тонкая и поэтому подчеркивала округлости живота. Черный треугольник между ног контрастировал с абсолютной белизной ее кожи.

— С вашей стороны было очень умно предоставить мне эти апартаменты,— сказала она.— Ваши собственные для этого не годились бы. Там слишком многое напоминало бы вам о Мэнди. Возможно, там еще носится запах ее духов. А здесь — нейтральная почва, Пол, и самая приятная обстановка, чтобы стартовать и начать наши отношения.

— За это надо выпить,— предложил я.

— Я сразу подумала об этом, как только мы познакомились,— продолжала она.— И вы — тоже. Вы были совершенно правы, когда сказали, что нас ничего не связывает. Ну, а теперь, до того, как мы приедем в Хиллсайд, нас будет связывать хотя бы одно общее, а именно — что мы лежали в объятиях друг друга.

— Тоже верно,— согласился я.

— В таком случае, раздевайтесь, Пол, потому что когда я раздетая нахожусь в обществе одетого мужчины, чувствую себя последней девкой с улицы.

Чтобы раздеться, мне не понадобилось много времени. Она подошла и прижала свое обнаженное тело к моему. Потом ее рука поползла вниз.

— Ты — высокий, и все в тебе находится в надлежащих пропорциях,— промурлыкала она.— Это меня радует. Я очень сексуальна, и если уж захотела это сделать, то все должно быть на должном уровне.

— Очень рад это слышать,— ответил я.

— Может быть, это звучит глупо,— прошептала она,— но после гибели брата я поклялась не заниматься лю-

бэвью, пока он не будет отомщен. Но сейчас я чувствую, что нахожусь так близко у цели, что даже не нарушу своей клятвы, если займусь с тобой любовью.

Я положил свои руки на ее крепкие округлые груди и начал их мять.

— О-о-о! — Она сразу застонала. — Возьми меня, Пол, и делай это грубо, если хочешь...

Я взял ее на руки, понес в спальню и положил на постель. Она осталась лежать, широко раздвинув ноги и глядя на меня. Ее глаза как-то странно блестели.

— Пообещай мне одно! — сказала она. Голос ее прозвучал торжественно.

— Что?

— Как бы ты ни относился к Курту, не предпринимай ничего, пока Фишер не будет мертв.

7

В Хиллсайд мы приехали в конце дня.

Колетт поместила нас в мотеле, так как считала, что это менее заметно. Кроме того, он был удобно расположен на окраине города. После того, как мы выполнили обычные формальности, наши дамы быстро исчезли, а я помог Лози разгрузить машину.

— Знаете, что я вам скажу, Донован? — сказал он, чуть не сбросив чемодан мне на ногу. — Эта Мэнди — штучка что надо! Никогда не видел таких бешеных в постели!

— Вот как?

— Она наслаждалась каждым мгновением, — самодовольно продолжал он. — Даже если после этого ей придется ходить нараскоряку.

Я взял два чемодана и отнес их в мотель. Лози последовал за мной.

— У вас с Колетт все в порядке? — спросил он.

— В каком плане? — буркнул я.

Он рассмеялся.

— Звучит так, будто ничего и не было. Могу себе представить! Если вы меня спросите, я скажу, что женщины делятся на две категории: или бесчувственные или лесбиянки. Но я вас не спрашиваю. Ну, хорошо! — Он с довольным видом улыбнулся. — Только не просите меня, чтобы я вернул вам Мэнди! Ничего из этого не выйдет!

В этот момент женщины вернулись, и мне пришлось сдержаться, чтобы не пнуть его между ног. Мы получили

все лучшее, что нам мог предоставить мотель: два стоящих рядом бунгало с гостиными, спальнями и ванными. Рассортировав багаж, мы расселись в гостиной, которая была предназначена для меня и Колетт.

— О'кей! — сказал Лози. — Вот мы и прибыли. С чего начнем?

— Я считаю, что Мэнди не должна ничего слышать, — бросила Колетт. — Она ничего не сможет рассказать, если ничего не знает.

— Мэнди уже обо всем знает, — сказал Лози. — Я ей рассказал.

— Что ты сделал!

Колетт холодно уставилась на него.

— Ей просто не терпится действовать вместе с нами, — сказал он. — И она будет нам полезна в любом отношении. Правда, Мэнди?

— Конечно! — ответила Мэнди. — Курт рассказал мне все об этом противном Фишере.

Она посмотрела на Колетт невинными глазами.

— И как он убил вашего брата, и все остальное. Я тоже хочу внести свою лепту в уничтожение этой бестии.

— О, Боже ты мой! — прокаркала Колетт, закатив глаза. — Уже рассказал!

— Может быть, нам стоит сперва осмотреть город? — предложил Лози. — Совершим круговую поездку и сориентируемся. А если удастся найти дом Фишера, приглядимся к нему поближе.

— Я чувствую себя совершенно разбитым, — заявил я. — В настоящий момент мне может помочь только душ. Почему бы вам не поехать вдвоем с Мэнди?

Он недоверчиво посмотрел на меня, потом едва заметно пожал плечами.

— О'кей! Это можно сделать.

Они направились к двери, и, провожая их взглядом, я пришел к выводу, что в одном Лози был совершенно прав. Мэнди шагала так, словно у нее между ног был спрятан какой-то ортопедический аппарат.

— Выпьем по рюмочке, Пол? — сказала Колетт. — Или ты сперва хочешь принять душ?

— Сперва выпьем, — ответил я. — Кстати, найти дом Фишера можно гораздо быстрее и легче, чем объезжать для этого весь город.

— Каким образом?

— Добиться того, чтобы тебя туда пригласили.

Я взял телефонную книгу и начал ее листать. Колетт

вынула из чемодана бутылку шампанского и пошла за бокалами. Найдя телефон Шелдона Фишера, я снял трубку, чтобы позвонить ему. К тому моменту, когда меня соединили, Колетт как раз вернулась с бокалами в руках.

— Контора «Фишер и К», — послышалось в трубке.

— Я хотел бы поговорить непосредственно с Фишером.

— Прошу вас, назовите свое имя.

— Донован, — сказал я. — Пол Донован. Мистер Фишер меня не знает.

— Не вешайте, пожалуйста, трубку.

— А я-то думала, что это какой-то важный телефонный звонок, — сказала Колетт. — Например, что ты собираешься заказать кубики льда.

— У телефона Шелдон Фишер! — послышался в трубке густой бас.

— С вами говорит Пол Донован. Мне хотелось бы договориться с вами о сроке, когда вы сможете меня принять, мистер Фишер.

— Для какой цели?

— Я хотел бы сделать вам деловое предложение, которое, как вы потом сами поймете, будет для нас взаимовыгодным.

— Прошу меня простить, но я возвел в принцип не мешать рабочие дела с частными. — Голос звучал очень мягко. — Позвоните завтра на фабрику моей секретарше, и она попытается найти свободное время для вашего визита.

— Это дело не имеет ничего общего с вашей фабрикой, — сказал я. — А за меня может поручиться Клод Бочар!

— Вот как?

Наступила длинная пауза.

— Где вы находитесь, мистер Донован?

— В одном из мотелей... Послушай, милая, — сказал я Колетт, — как называется этот мотель?

— «Хиллсайд-мотель», — ответила она.

— Вы, кажется, не один? — спросил Фишер.

— Нас здесь четверо, — ответил я. — Мой помощник, который хорошо разбирается в тех делах, которые я хочу предложить вам и еще две девушки, которые нас сопровождают. Мы только что прибыли из Лос-Анджелеса.

— Как долго вы собираетесь пробыть здесь, мистер Донован?

— Сколько потребуется.

— Я вам позвоню,— решительно сказал он.— Но не обязательно сегодня.

— Несколько дней назад Бочар был в Лондоне,— сказал я.— Но в любом случае вы его легко найдете. Итак, я жду вашего звонка, мистер Фишер.

Я повесил трубку, задумался на мгновение, а потом снова снял трубку и заказал кубики льда.

— А ты не очень спешишь,— заметила Колетт.

— Мы — его потенциальные клиенты, и, пока остаемся таковыми, как бы узаконены. Правда, чем скорее мы сконцентрируемся, тем будет лучше.

Появились кубики льда, и Колетт наполнила бокалы. Я сел в кресло, вытянул ноги и пригубил виски. Колетт села напротив меня и внезапно улыбнулась.

— Когда ты сказал, что очень устал, я сразу тебе поверила. Во всяком случае, я тоже так себя чувствую после последней ночи. Ты считаешь, что мы должны экономить свои силы?

— Нет,— решительно заявил я.— Во всяком случае. Лози их не экономит, в этом я уверен.

— Что верно, то верно.— Она лукаво улыбнулась.

— Если судить по походке Мэнди, он ни на минуту не оставляет ее в покое.— Улыбка сошла с ее лица.— Теперь, когда мы уже в Хиллсайде, я начинаю понемножку нервничать, Пол.

— Это вполне естественно.

— Его дом наверняка хорошо охраняется,— сказала она.— Для этого он вполне может нанять с десяток людей. Как же нам его убить, Пол? А если даже удастся это сделать, то как мы потом выберемся живыми?

— Возможно, придется сделать Курта героем,— сказал я.— И перестань забивать голову всякими мыслями. В настоящий момент для этого нет никаких оснований.— Я поднялся с кресла.— Пойду приму душ.

Курт и Мэнди вернулись через час. Колетт наполнила и разнесла бокалы, и мы приготовились слушать Лози.

— Ничего интересного в городке нет,— сказал он.— В центре проходит главная улица, а боковые улицы тянутся в обе стороны кварталов на пять. Фабрика лежит внизу, в долине, и большая часть людей, которые там работают, живут неподалеку от нее.

— А что вы выяснили насчет дома Фишера? — спросила Колетт.

— Он находится по ту сторону горы,— ответил Курт,— в центре огромного земельного участка, огороженного

высоким забором из колючей проволоки, через которую пропущен ток. У главного входа стоят двое охранников, кроме того, внутри имеются собаки.

Зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Мистер Донован,— раздался в трубке густой баритон,— с вами говорит Шелдон Фишер. Клод Бочар снова в Париже. Я вынужден был поднять его с постели, но он мне поручился за вас. По его благоговейному голосу я понял, что вы очень богаты. Насколько я понимаю, мистер Донован, ваше предложение касается заграницы?

— Совершенно верно.

— В таком случае, я заинтересован выслушать подробности,— милостиво сказал он.— Если вы не очень устали от поездки, то мы можем еще сегодня вечером предварительно побеседовать.

— Это меня вполне устраивает.

— Вы, разумеется, хотите иметь при себе своего помощника? — сказал он.— У меня есть такое предложение. Приезжайте ко мне на ужин вместе со своими дамами, хорошо? Надеюсь, они не будут иметь ничего против, если после ужина на какое-то время будут предоставлены самим себе? И поверьте, ужин в моем доме гораздо лучше, чем в мотеле.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал я.— В каком часу?

— Скажем, в девять. И без всяких формальностей, разумеется.

— Хорошо, договорились,— сказал я и повесил трубку.

Три пары глаз уставились на меня, когда я снова повернулся к своим компаньонам.

— Кто это был, черт возьми? — не удержался Курт.

— Фишер. Мы все приглашены сегодня к нему на ужин.

— Как это вам удалось, черт бы вас побрал?

— Тут ясно лишь одно,— сказал я.— Нам не придется лезть через колючую проволоку, чтобы очутиться в доме.

— В каком часу? — спросила Мэнди.

— В девять.

— В девять? — На ее лице появилось мучительное выражение. В таком случае у нас остается немногим больше часа на все.

— Сколько туда ехать? — спросила Колетт.

— Пятнадцать минут,— ответил Курт.

— Тогда будет лучше всего, если все мы встретимся

здесь ровно через час,— сказала она.— Я приму душ и приведу себя в порядок.

— Это не торжественный прием,— сказал я.— Вы можете ехать в этой же одежде.

— Неужели ты серьезно думаешь, что я поеду на ужин в таких лохмотьях? — выдавила Колетт.— Да ты просто...

— Мужчины этого не понимают.— Мэнди схватила Лози за руку и потянула к двери.— Пошли, иначе мы не успеем!

Как только эта парочка удалилась, Колетт исчезла в ванной. Я налил себе новую порцию и с удовольствием подумал, что уже принял душ. Снова зазвонил телефон.

— Я в баре мотеля,— послышался в трубке голос, который я сразу узнал.— У вас найдется пять минут, коллега?

— Думаю, да.

— Я закажу для вас выпивку,— сказал он.— Но только не водку с яблочным соком, иначе меня тут примут за шведа.

— Шотландский виски со льдом,— ответил я.— Этого будет вполне достаточно. Я сейчас приду.

Я постучал в дверь ванной, и гневный голос сразу же выкрикнул, что мне надо, черт побери! Если я думаю, что у нее есть сейчас время для ЭТОГО, то мне придется поневоле померить свои сексуальные потребности. Я сказал ей, что отправился в бар выпить, так как мне все равно нечего делать, пока она приводит себя в порядок. Она сочла, что это превосходная мысль, так как в этом случае я не буду ей мешать.

В баре в этот час было довольно спокойно и малоллюдно. Хикс сидел на одном из табуретов у стойки в ковбойском одеянии, словно призрак.

— Вот ваш бокал, коллега.— Он показал на рюмку, которая стояла рядом с ним.

— Что вам взбрело в голову надеть этот маскарадный костюм? — спросил я.

— Очень хорошая маскировка,— самодовольно ответил он.— Какой-нибудь дурак-турист в этой дыре наверняка натянет на себя нечто подобное.

— Вы давно в Хиллсайде? — спросил я.

— Два дня. Я навез сюда кучу всякой артиллерии, так, на всякий случай. Если вам очень хочется, можем прямо сейчас начать Третью Мировую войну.

— Сегодня мы ужинаем у Фишера,— сообщил я Хиксу.

— Я вчера вечером поел какой-то гадости, которую они

здесь называют «чиликон-жарне»,— сказал он грубоватым голосом.— Нужно быть пожирателем огня, чтобы есть нечто подобное.

— Надо было запивать пивом.

— Вы отлично знаете, что за пиво у американцев,— ответил он.— Оно может разве что только помочь отвыкнуть малышу от материнской груди.

— Что вам удалось выяснить?

— Я осмотрел со всех сторон дом Фишера,— сказал он.— Это — крепость, в буквальном смысле слова, коллега. Электрический забор, охранники и собаки. И это только снаружи! А представляете себе, что творится внутри!

— Что еще?

— Фабрика находится внизу, в долине, и люди, которые на ней работают, живут поблизости. В финансовом положении город во многом зависит от нее. У меня сложилось впечатление, что Фишера здесь терпят только потому, что с его уходом придет безработица.

— Ну, а что дала вам эта маскировка?

— Вы не поверите, коллега, но и тут я нашел куколку, мать которой урожденная Сент-Клер. Во время войны она вышла замуж за парня из американской авиации, и оба потом обосновались в этом городке. Мать умерла три года назад, а дочь до потери сознания выпытывает у всех о доброй старой Англии и родственниках. Я должен был нагородить ей с три короба всякой чепухи об этих Сент-Клерах, что у меня и сейчас голова еще пухнет.

На его лице появилось довольное выражение.

— Мне кажется, что я в какой-то степени пришелся ей по душе, но только должен быть осторожен. Ее супруг — водитель грузовика, и телосложение у него, как у танка.

Я бросил взгляд на часы.

— Через полчаса мы едем к Фишеру. Когда мы уедем, я бы хотел, чтобы вы осмотрели бунгало, в котором оставались Лози и Мэнди.

— Значит, вы ее все-таки уговорили?

— Через пять минут после того, как она познакомилась с Лози, она уже была сама не своя.

— Что мне там искать?

— Я просто хочу знать, что имеется с собой у Лози. Оружие и так далее. Просто осмотрите повнимательней. Может быть, наткнетесь на что-нибудь интересное.

— О'кей! — Хикс пожал плечами.— Это все?

— Встретимся завтра перед ленчем,— сказал я,— приблизительно в двенадцать, если мне удастся.

— Вы все уже основательно продумали? — спросил он.
— Все будет зависеть от обстоятельств. Возможно, что попасть к Фишеру будет гораздо легче, чем выбраться от него. Вот над этим я большей частью и думаю.
— А что будет, если он вас не выпустит?
— Значит, вам придется вызволить меня, — ответил я.
— Я ведь сразу был согласен, чтобы лететь в Акапулько, — бросил он с каким-то ожесточением. — Если мне придется вас вызволять, то только ночью, в ранние утренние часы.
— Я всегда догадывался, что у вас чуткий сон, — сказал я.

8

Охранники у ворот холодно встретили нас и осмотрели багажник. После этого они разрешили нам проехать к дому.

Это был настоящий дворец, казалось, что здесь хранятся выкраденные из Голливуда пышные декорации времен немого кино.

Когда мы вышли из машины, двери дома открылись. На пороге появились еще два охранника, а позади них ожидал улыбающийся слуга-филиппинец.

— Гуськом, один за другим, понятно? — сказал один из охранников и показал пальцем на меня. — Вы — первый.

Я направился к двери. Лози следовал за мной, потом Колетт, и последняя — Мэнди. Внезапно металлический детектор жалобно зазвонил, и большая рука схватила Мэнди.

— О'кей, леди! — сказал охранник. — Выкладывайте!

— Что выкладывать? — удивленно спросила Мэнди.

— Пистолет, нож или что у вас там металлическое?

— Но у меня нет ничего такого! — запротестовала она.

— Вы здесь гостя, леди, — сказал охранник со вздохом. — И мы не хотим никаких неприятностей из-за вас. Детектор установил, что при вас есть что-то металлическое, поняли?

— Металлическое? — Мэнди на секунду задумалась, а потом лицо ее прояснилось. — Мне кажется, я могу вам это показать.

Она приподняла подол юбки чуть ли не до талии. Ее стройные ноги туго обтягивали черные чулки, державшиеся на крошечных подвязках.

— В этом отношении я старомодна, — заявила Мэн-

ди.— Эти подвязки имеют металлические замочки, понятно?

— О'кей, леди! Одно могу сказать: ваши ноги — самое грозное оружие, которое мне приходилось видеть.

Мэнди хихикнула и опустила юбку. Лози схватил ее за руку и грубо потянул вперед. Его глаза злобно блестели. Я направился с Колетт вслед за ними, а филиппинец сделал приглашающий жест, который означал, чтобы мы следовали за ним. Коридор, по которому мы пошли, был очень длинный и заканчивался сводчатой дверью. Мы вошли в эту дверь и очутились в зале огромных размеров с потолком не менее пяти метров высоты и галереей, которая тянулась с трех сторон. По всему залу была расставлена мебель самых различных эпох и стилей, начиная от античной и кончая самой современной.

Филиппинец одарил всех нас лучезарной улыбкой.

— Леди и джентльмены,— сказал он приветливым тоном,— мистер Фишер сейчас будет. Разрешите мне принести вам что-нибудь выпить?

Мы высказали свои желания, и он исчез.

— Вот это комната! — протянула Мэнди.— Настоящая королевская зала!

— И страшно безвкусная,— добавила Колетт.— Я знала, что она вам понравится, Мэнди.

— Возможно, вы и правы,— ответила Мэнди голосом маленькой девочки,— но надеюсь, что когда я достигну вашего почтенного возраста, у меня вкус будет не хуже.

Колетт что-то хотела ответить, но в этот момент появился филиппинец с подносом, на котором красовались полные рюмки. Через несколько секунд в эти же сводчатые двери вошли еще трое.

В центре шла женщина-блондинка. Ее волосы цвета спелой пшеницы были уложены на голове в высокой прическе, что подчеркивало нежную горделивость ее шеи, а глаза были какого-то необыкновенного фиолетового оттенка. На ней было длинное вечернее платье из белого джерси, кажущаяся простота которого еще больше подчеркивала ее элегантность. Сидело оно на ней великолепно, плотно облекая красивую фигуру и подчеркивая все округлости, так что внезапно наряды Мэнди и Колетт показались мне страшно вульгарными.

Мужчина, шедший справа от блондинки, был плотный, с густыми выющимися волосами и густыми усами, казалось, он дышал жизненностью. Ему было лет сорок. Темно-карие глаза сидели глубоко в глазницах. На нем были темный

костюм и пестрая рубашка — сама по себе комбинация чудовищная, но на нем она смотрелась. Другой мужчина был лет на десять старше, высокий, худощавый, с тронутыми сединой висками и очками в толстой оправе — тип мыслителя.

— Я — Шелдон Фишер, — сказал высокий мужчина густым голосом. — А это — мой партнер, Хэл Дибори. — Потом он с улыбкой взглянул на блондинку. — А это — Джулия.

— Пол Донован, — сказал я и представил других.

— Прошу простить за все формальности при вашем прибытии, — сказал Фишер. — Но в наши дни нужно быть осторожным.

— У вас, действительно, не дом, а крепость, — сказал Лози.

— Так оно и есть, — самодовольно сказал Фишер. — Мой дом — моя крепость. Зато здесь человек может расслабиться и отдохнуть.

Филиппинец опять принес напитки и роздал их желающим. Все устроились в плетеных креслах, которые стояли в центре зала. Фишер и Дибори с блондинкой — с одной стороны, Мэнди, Лози, Колетт и я — с другой. Минуты две мы болтали о том о сем, а потом Фишер деловито кашлянул.

— Джулия, — сказал он, — может быть, ты покажешь дом этим леди? Это их наверняка заинтересует.

— Конечно, — скучным тоном сказала блондинка.

Она поднялась.

— Возьмите с собой свои бокалы, милостивые сударыни, — благозвучно посоветовал Фишер. — С ними будет менее скучно.

Он подождал, пока все три женщины не удалились, а потом посмотрел на меня.

— Поскольку сегодня у нас лишь предварительный разговор, — бросил он небрежно, — то я подумал, что мы успеем поговорить и до ужина.

— Разумеется, — согласился я.

— Вот и отлично! — Он сделал глоток из своей рюмки. — Какое же у вас ко мне предложение, мистер Донован?

Я объяснил ему, что хотел бы финансировать новую революцию в Малагае, что первая попытка потерпела провал из-за саботажа при пересылке оружия. Я поддерживал народность Имродасов, и они были готовы выступить в любой момент.

После этого я предоставил слово Лози. К счастью, он помнил все, что я говорил ему в самолете, когда мы летели над Атлантикой. На его сообщение понадобилось какое-то время. Временами Фишер издавал какое-то урчание, но Лози не перебивал.

Лишь когда последний кончил, он сказал:

— Ситуация мне ясна. Теперь я знаю, что вы хотите, но еще не знаю, чего вы хотите от меня.

— Я хотел бы, чтобы вы взяли операцию на себя,— сказал я.— Прошлый раз попробовал сделать это сам, но все пошло кривь и вкось, поэтому у меня довольно плохая репутация в Малагае, особенно у Имродасов.

— Примите мои сочувствия, мистер Донован.— Он самодовольно усмехнулся.— Значит, теперь вы стали умнее и хотите, чтобы в деле участвовали профессионалы?

— Я хотел бы, чтобы вы обеспечили за меня фрахт в Малагай: ружья, автоматы, гранаты и минометы. Ну и, разумеется, заряды к ним.

— А другим оружием вы пользоваться не хотите?

— Нет,— ответил я.— Имродасы — племя не очень развитое. Они не сумеют овладеть более сложным оружием. Кроме того, мне нужна команда белых наемников, хотя бы на первое время, чтобы поддержать выступление Имродасов.

— Сколько вам нужно людей? — спросил он.

— Человек двадцать,— ответил я.

— Это вам встанет в копеечку,— задумчиво сказал он.— А как понимать ваши слова: «на первое время»?

— Думаю, что месяца на два,— ответил я.— Если выяснится, что они нужны на более длительный срок, то это мы можем оговорить позднее.

— Откуда вы получаете оружие?

— Я его вообще не буду получать. Как я уже сказал, у меня в Малагае подмоченная репутация. Никто ни в коем случае не должен узнать, что за всей этой операцией скрываюсь я.— А оружие вы можете получить от Бочара.

— Нам понадобится судно,— сказал он.— Я думаю, что лучше всего транспортировать на одном и том же корабле и людей, и оружие.

— Видимо, вы правы,— согласился я.

— Но это будет стоить больших денег,— сказал он.— Может быть, есть смысл сделать прямо сейчас предварительные расчеты, чтобы посмотреть, не испугают ли они вас, мистер Донован?

Дибори уже орудовал карандашом и блокнотом. Каза-

лось, он настолько погрузился в расчеты, что забыл о нашем существовании. Наконец, он поднял голову.

— Все еще очень приблизительно,— сказал он.— Надо бы поинтересоваться у Бочара, не поднялись ли за это время цены. Корабль найти не проблема, но команда может обойтись весьма дорого, когда люди узнают, для какой цели их нанимают. Как минимум — миллион долларов, но скорее всего больше.

— Как вы считаете такую сумму, мистер Donovan?

Фишер посмотрел на меня.

— Вполне приемлемой.

— Гарантии не даются.— Голос его прозвучал резко.— Речь идет об особых людях, которых еще нужно найти, и они, разумеется, сделают все возможное, но обратных выплат не будет, если операция потерпит неудачу.

— Это вполне понятно,— ответил я,— но я буду менее понятлив, если отступление начнется при первых же неудачах.

— Такого не может быть,— заверил он меня.— Судя по всему, мистер Donovan, мы останемся довольны друг другом.— Он взглянул на Дибори.— Вы, конечно, произведете точные расчеты, Хэл?

— Разумеется,— ответил тот.— Но тут имеется еще кое-что, что я должен проверить до того, как все вычислю. Простите меня, пожалуйста.

Он поднялся и вышел из зала.

Фишер посмотрел ему вслед, а потом с улыбкой взглянул на меня.

— Когда-то он был старшим бухгалтером огромного концерна, а потом его поймали с поличным, когда он сунул лапу в кассу. Где многие проигрывают, там хоть один обязательно выигрывает, не так ли?

— Вы давно работаете в этой области? — поинтересовался Лози.

— Довольно давно,— небрежно бросил Фишер.— Мы провели уже больше десятка крупных операций. Ваше дело не сложнее прежних.

— Но в этой стране вы операций не проводите? — спросил я.

— Я не так глуп,— ответил Фишер.— Здесь, в Штатах, я — Мистер Белый Жилет и должен таковым и остаться.

— Вы сами участвуете в операциях, мистер Фишер? — вежливо осведомился я.

— Нет. Я только организую их, плачу за активную работу, но никогда не беру на себя никакого риска.

— А если что-то идет не так? — спросил я.

— Если в организации все в порядке, то такого не бывает, — сухо ответил он. — Возможно, вы не были бы здесь, если бы моя организация участвовала в вашем первом деле в Малагае.

— На это трудно что-либо возразить, — ответил я.

— А Джулия? — спросил Лози. — Это ваша жена?

— Я мог бы вам ответить, что вас это совершенно не касается, — прошипел Фишер, — но поскольку вы со своим шефом находитесь у меня в гостях, то я постараюсь сдержаться.

— Извините за мое любопытство, — ответил Лози. — Но она такая очаровательная!

— Ваши женщины тоже очаровательны, — сказал Фишер. — Мэнди — это ваша подруга?

— Да, — ответил Лози.

— Я так и думал, — презрительно заметил Фишер. — Такой человек, как вы, всегда выберет себе молодую и глупую девушку. У мистера Донована больше вкуса.

— Послушайте, вы! — сказал Лози. Он сжал зубы. — Я не понимаю...

— Мне кажется, вам лучше оставить эту тему, — решительно вмешался я.

— Вы правы, — согласился Фишер. Он холодно посмотрел на Лози. — А Джулия — жена, но не моя. Я беру все то, что хочу, если вас удовлетворит такой ответ.

В этот момент женщины вернулись в зал и, судя по всему, а также по лицу Лози, в самый подходящий момент.

— Дом поистине фантастичен, — сказала Мэнди с мечтательным взглядом. — Ты бы посмотрел на плавательный бассейн, Пол! На сауну и на все прочее. Какая вы счастливая, Джулия, что можете жить в этом доме и всем наслаждаться. Я вам завидую.

— Благодарю, — холодно сказала блондинка.

— Да, кстати, мистер Донован, — сказал Фишер. — Вы, кажется, познакомились с моим европейским представителем, Мак-Лареном?

— Нет.

— Странно. У него прямая связь с Бочаром. — Фишер пожал плечами. — Может быть, он позволил себе слегка расслабиться. Ты тоже ничего о нем не слышала, Джулия?

— Ничего не слышала с тех пор, как он уехал, — монотонно ответила она.

— Он — супруг Джулии, — сказал Фишер. — Видимо, поэтому не может сосредоточиться на своей работе.

Ужин, накрытый филиппинцем в небольшой столовой, был превосходен. Во время ужина каждый думал о своем, и если бы Колетт и Мэнди не вели между собой «пинг-понговый» разговор, в столовой вообще бы царило молчание. Наконец, слуга подал кофе и коньяк и безучастно удалился.

— Хэл обещал сделать все расчеты к завтрашнему дню.— Голос Фишера вновь звучал приветливо.— Как вы смотрите на то, чтобы встретиться завтра во второй половине дня, мистер Донован? Тогда мы могли бы и оговорить детали.

— Хорошо,— сказал я.— Часа в три.

— Я буду ждать вас обоих.

Мэнди состроила гримасу.

— А как же мы? Разве нам нельзя приехать, чтобы покупаться в вашем роскошном бассейне, пока вы, мужчины, будете вести скучные беседы?

— В мотеле же есть бассейн, черт тебя подери! — грубо сказал Лози.— Вот и купайся себе на здоровье.

— Это совсем не то! — продолжала упорствовать Мэнди.

— Если вы хотите купаться, то приезжайте, пожалуйста,— сказал Фишер.— Джулия вам все устроит.

— Большое спасибо,— сказала Мэнди.— У вас сказочный бассейн, мистер Фишер. Там мы будем купаться абсолютно голые, а я так люблю купаться голой!

— Ты останешься в мотеле! — сухо сказал Лози.

— Если ты меня не привезешь сюда, я приеду на такси,— заявила Мэнди.

Лози перегнулся через стол и залепил ей пощечину тыльной стороной ладони. Шлепок раздался громко и противно. Мэнди засопела, ударилась в слезы и, вскочив из-за стола, бросилась из комнаты.

Фишер поднялся.

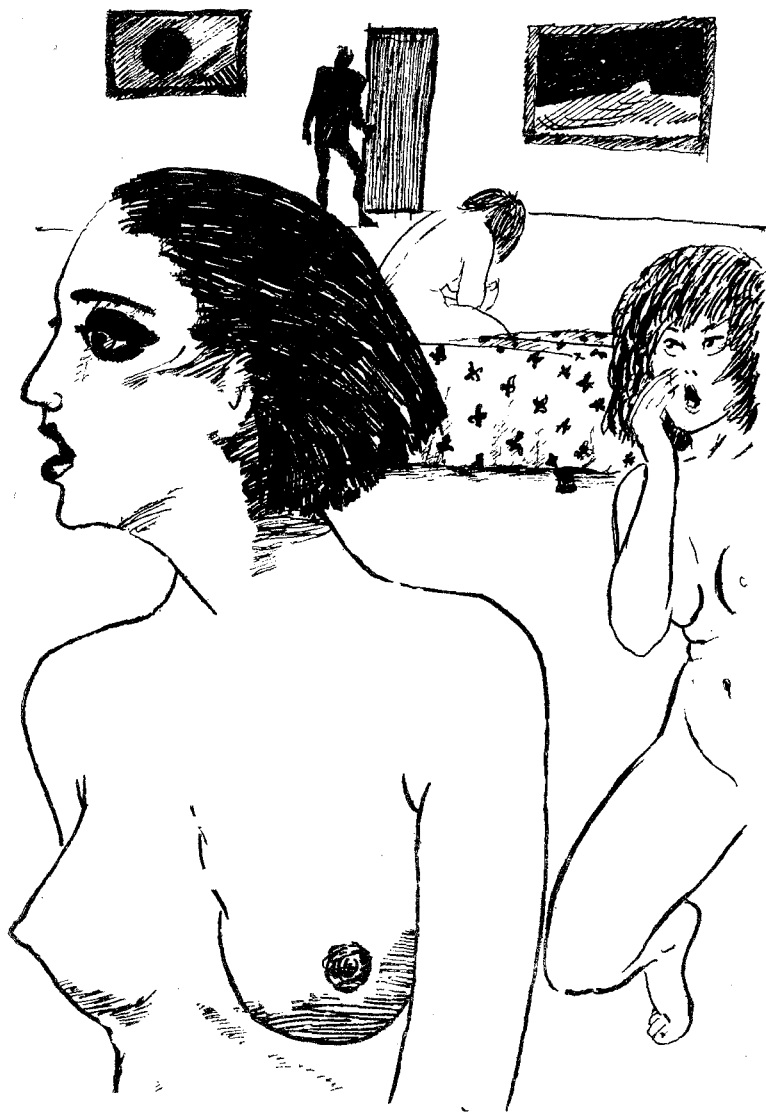
— Никто не имеет права обращаться с моими гостями таким образом,— глухо сказал он.

Обойдя стол, он направился к Лози. Тот, со своей стороны, тоже отодвинул стул и поднялся.

— Дешевый ты мешок с деньгами! — прошипел он.— Ты мне с первого взгляда не понравился!

Лози повернулся ко мне спиной. Я встал и ударил его ребром ладони по шее, довольно сильно. Колени его подогнулись, и он плюхнулся на пол.

— Зачем вы это сделали? — спросил Фишер.— Предоставили бы это удовольствие мне!

— Мы приехали сюда, чтобы поговорить о делах,— ответил я,— а не выяснять, кто из нас сильнее.

— Почему же вы не объяснили ему этого раньше?

— Я нанял его для других целей,— сказал я.— К тому же, частично он прав.

— Ну, хорошо,— сказал Фишер.— В таком случае будем считать, что инцидент исчерпан.

Снова появился филиппинец — я подумал, что слишком уж быстро — и помог мне отнести Лози в машину. Я сел за руль, Колетт устроилась рядом со мной, а на заднем сиденье расположились Лози и Мэнди. Когда он начал приходить в себя, она залопотала какие-то утешительные слова.

— Неужели вам надо было бить меня с такой силой? — заворчал он.

— Если бы вы ввязались в драку с Фишером, было бы хуже,— сказал я.— По всей вероятности, он бы вызвал двух охранников, и дело для вас могло бы кончиться совсем плачевно.

— А что вы скажете о моей игре? — внезапно спросила Мэнди наивно скромным голоском.— Она была искренна? Вы действительно поверили, что я жду-недождусь, как бы лечь в постель вместе с Фишером?

— Ты была хороша,— согласился Лози.— Поэтому я и должен был залепить тебе пощечину, иначе он бы подумал, что здесь что-то не так.

— Значит, все это была игра? — медленно спросил я.— Но зачем, черт бы вас подрал?

— Мы же приехали сюда, чтобы вспороть пузо этому мешку с дерьмом, не так ли? — пробурчал Лози.— Шанс протащить незаметно в его дом оружие очень невелик. Значит, мы должны найти другой путь.

— Какой? — спросил я.

— Он очень падок на женщин,— сказал Лози.— Джулия — живой пример этому. Я полагаю, что все охранники знают его слабость. Если бы Мэнди практически бросилась ему на шею, а я бы разыграл ревнивого любовника, то у нас действительно кое-что бы получилось. Но вы нам все испортили, Донован.

— Ты действительно действовал глупо, Пол,— с упреком сказала Мэнди.

— Я бы его убил, и все это выглядело бы, как несчастный случай,— продолжал Лози.— Джулия да и все его охранники расценили бы это только таким образом.

— Ты что, с ума сошел, Курт? — набросилась на него Колетт.

— Почему же вы ничего не сказали нам перед отъездом? — спросил я.

— Потому что вы в этом случае прореагировали бы не так, как надо.

— Идея сама по себе неплохая, — признался я. — Но ее надо тщательно продумать. Мы должны узнать, что у Фишера на уме...

— Это обязательно.

— Когда мы уходили, филиппинец появился, как по мановению волшебной палочки, чтобы помочь мне перетащить Курта в машину, — сказал я. — Фишер его не звал, он просто появился. А это означает, что весь дом пропитан микрофонами и прослушивающими устройствами. Если это так, то в тот момент, когда вы для Фишера представляли бы опасность, с вами бы случилось что-нибудь неприятное. Я почти уверен в этом.

— О'кей, великий маэстро, — хмуро буркнул он. — Тогда выдумайте что-нибудь более детальное.

— Оставим про запас эту идею, — сказал я. — Завтра в три мы поедem к Фишеру, а девушки могут подъехать позже в такси. Джулия наверняка хорошо ориентируется в доме, и если вы обе найдете с ней общий язык, то из нее нетрудно будет выжать то, что она знает.

Мы прибыли в мотель и разошлись по своим комнатам. Как только мы очутились в своем бунгало, Колетт налила мне рюмку виски.

— А ты сама не будешь? — спросил я ее.

Она покачала головой.

— Я ложусь в постель, а ты не растягивай удовольствия, Пол.

— Я могу вообще не пить.

— Нет, вышей, — сказала она. — Мне нужны две-три минуты, чтобы подготовиться.

Я посмотрел ей вслед, пока она не исчезла в спальне, думая с оригинальностью, что я никогда не смогу понять женщин. И это было к лучшему, так как если бы мужчины понимали женщин, то в женщинах не было бы ничего таинственного.

Я не спеша выпил свой виски и подумал о Шелдоне Фишере. Да, это настоящий террорист-профессионал.

Я даже придумал несколько аншлагов к его действиям: «Наслаждение террором», «Мы выполняем за вас всю работу», «Руки террориста в ночи». Такие заголовки восхи-

тили бы наборщика. Потом я подумал, а как в таком случае назвать Поля Донована, и если вспомнить слово «катализатор», как нечто, действующее на что-то, то для меня лучше всего подошло бы слово «антикатализатор». Я избавился от этих мыслей, допил рюмку и отправился в спальню.

Единственным источником света была ночная лампа с колпаком. Колетт лежала на кровати совершенно нагая лицом вниз, подложив две подушки под живот, благодаря чему ее зад был немного приподнят и освещен умело поставленной лампой. Голова лежала на руках.

— Я так и буду лежать, Пол,— сказала она тихим мечтательным голосом,— а ты будешь любить меня долго и щедро.

Я разделся и присел на край кровати.

Мои руки начали нежно гладить ее плечи и спину, а потом поползли вниз, чтобы захватить в плен пышные упругие груди. Мой указательный палец стал играть с ее сосками, пока они не налились кровью и не стали жесткими и упругими. Она застонала и начала вилять задом из стороны в сторону. Я отнял руки от груди и начал подбираться к заветному треугольнику. Она сразу же расставила ноги еще шире.

— Начинай, Пол,— прошептала она.— Я созрела еще тогда, когда лежала тут и ждала тебя...

Я начал. Она застонала.

— Медленнее, Пол. Это должно продолжаться вечно.

Я начал работать неторопливо, в медленном ритме, который порой приносит больше наслаждения, чем бешеный натиск.

Но рано или поздно все в жизни кончается. Вскоре и мы достигли апогея экстаза. У Колетт вырвался длинный и блаженный стон.

— Этого я никогда не забуду, Пол,— сказала она хриплым голосом.— Какое будет воспоминание!

— Ты серьезно? — спросил я.

— Я еще никогда так не чувствовала, Пол, и этого не забуду всю свою жизнь!

С первого взгляда могло показаться, что это очень милый комплимент, но в какой-то степени он меня все-таки обеспокоил. Лишь когда я засышал, понял, почему. Эти слова прозвучали у нее, как прощание.

Суперковбой что-то промычал, когда я рассказал ему о событиях вчерашнего вечера, и отпил глоток из бокала.

— Какая неудача! — сказал он потом. — Фишера можно было убить руками Лози, а Лози — руками охранников! Таким образом, мы могли бы убить сразу двух зайцев и еще сегодня улететь в Акапулько.

— Вы — грандиозный помощник, — сказал я.

— Я всегда был таким, коллега, — самодовольно ответил он.

— Вы привезли какие-нибудь пластики из Коннектикута? — спросил я.

— Вы имеете в виду взрывчатку?

— Во всяком случае, не рюмки, — буркнул я.

— Кое-что есть, — ответил он. — А что?

— Нам придется сделать отвлекающий маневр.

— Хотите сделать дыру в проволочном заборе?

— Я скорее имел в виду фабрику, — ответил я. — Ознакомьтесь с ней получше, чтобы случайно не отправить к праотцам сторожа ночной смены или еще кого-нибудь в этом роде.

В глазах Хикса заиграли деловые искорки.

— Какой мощности должен быть взрыв? — с надеждой спросил он.

— Такой, чтобы заставить Фишера выскочить из дома, — сказал я, — и чтобы возникла настоящая паника.

— Это не проблема, — сказал он. — А когда?

— Вот этого пока не знаю, — ответил я. — Возможно, завтра вечером.

— Я поговорю с женой шофера. Она до замужества работала на фабрике.

— Вот и хорошо.

— Я совсем не против остаться тут, — задумчиво сказал Хикс. — Погода тут намного лучше лондонской, а эта куколка, жена шофера, бабенка, что надо, настоящий огонь. Времени совершенно не признает, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я непонимающе уставился на него.

— Нет, — сказал я осторожно, — совершенно не представляю, о чем вы говорите.

— Говорят, делу — время, потехе — час, поэтому я перестал понимать, что, черт побери, нам здесь нужно. Может быть, вы объясните мне?

— Мне и самому до конца не ясно. Но что-то в этом деле кажется странным.

— Конечно, я только несчастный камердинер,— горько усмехнулся он,— и вы даже не считаете нужным объяснить мне все, что надо. Или же вы хотите этим сказать, что вы прибыли сюда не для того, чтобы убавить этого проклятого Фишера?

— Может быть, для того, а может, и не для того,— ответил я.— Насколько я знаю, причина якобы в этом. Но сам еще далеко не уверен.

— Опять двадцать пять, черт возьми!

— Не забывайте, что до появления Мак-Ларена мы ничего не знали о Фишере,— сказал я,— а он пытался разбудить наш интерес тем, что послал в отель трех негодяев с заданием похитить меня. Потом совершенно неожиданно, словно с небес, появился Бочар и рассказал нам еще кое-что о Фишере и впридачу о Колетт. Потом кто-то послал нам голову Мак-Ларена на тот случай, чтобы поддержать наш интерес. Кому-то очень нужно было настроить нас против Фишера. Тут же позвонила Колетт и предложила нам объединиться, а Лози нашел человека, который убил Мак-Ларена, и расправился с ним и с его боссом в Париже.

— Ну и что? — недоуменно спросил Хикс.

— Мы в Лондоне жили и, как говорится, ни о чем не тужили,— сказал я,— а потом вдруг чуть ли не полмира стало нуждаться в нашей помощи, чтобы убить Фишера. Все это вызывает во мне известные сомнения.

— Вы считаете, что за этим кроется что-то еще?

— Во всяком случае, не исключая этого варианта,— согласился я.

— Ну, и что вы предлагаете делать?

— Попивать чай и выжидать,— сказал я.

— Но в таком случае можно и опоздать. Послушайте, коллега,— терпеливо продолжал он.— Я знаю, что вы помешанный не во всех отношениях, но в определенной области, так? Вы хотите помочь страдающему человечеству своим, очень своеобразным способом, и я против этого ничего не имею, так как все это обостряет мой интерес к делу.

— Если не считать денег, поездок и куколок,— сказал я.

— Ну, это понятно,— великодушно сознался он.— Но я бы не хотел, чтобы вы меня постоянно перебивали, когда я начинаю задумываться. Возвращаемся к Фишеру. Вы

считаете, что такая свинья, как он, должен быть стерт с лица земли. О'кей! Но если кто-то имеет определенные планы против нас? Почему же вы сидите здесь и ничего не предпринимаете?

— Если я не буду этого делать,— сказал я со свойственной мне логикой,— то они поставят ловушку в каком-нибудь другом месте, и та ловушка может быть гораздо более неприятной.

— Я ошибся,— огорченно сказал он.— Вы настоящий сумасшедший.

— А вы мой козырный туз, который я держу в рукаве. Так что если я не выберусь собственными силами из дома Фишера, вам придется вступить в игру.

— Поэтому-то я и работаю на вас с такой охотой, коллега,— мрачно буркнул он.— Мне только такое и поручается.

— Мы встретимся завтра здесь в это же время.— сказал я.— Проследите за тем, чтобы я свободно вышел сегодня из дома Фишера.

— Опять радости остаются в стороне,— недовольно сказал он.— Разве я не говорил вам, коллега, что шофер сегодня уезжает в Сан-Франциско?

— Пожелайте ему счастливого пути.

В три часа мы встретились перед домом Фишера и опять подверглись такой же экзекуции, что и в первый раз. Фишер и Дибори уже ждали нас, и взаимные приветствия были сведены до минимума.

— Хэл все привел в порядок,— сказал Фишер.— Хотите послушать?

— Почему нет?

Дибори полистал свой блокнот и немного покашлял.

— Я связался с Бочаром и получил от него твердые цены оружия каждого типа и соответствующей амуниции. Вас это устраивает?

— Звучит неплохо,— сказал я.— Детали можно опустить. Назовите общую сумму.

Дибори смущенно заглянул в блокнот.

— Если вы на этом настаиваете,— пробормотал он.— Для наемников я исходил из срока в два месяца, если вы не возражаете.

— Если они понадобятся на более длительный срок, можно будет это оговорить позднее.

— Миллион двести тысяч,— сказал он.— Или вы мо-

жете договариваться об оружии непосредственно с Бочаром.

— Я же вам сказал, что держусь в стороне от этого дела,— сказал я.— А сумма для меня приемлема.

— Деньги должны быть выплачены вперед,— сказал Фишер.— И потом вы должны сказать, когда мы начинаем эту операцию?

— Как можно быстрее.

— Значит, как только вы заплатите, так мы и начнем.

— Каким образом и куда перевести деньги?

— Хэл? — каркнул Фишер.

— Я полагаю, что ваш швейцарский счет в состоянии выдержать эту сумму? — мягко сказал Дибори.— Мы предпочли бы перевод в евродолларах, и лучше всего на наш швейцарский счет.

— Я пошлю телеграмму,— сказал я.

— Значит, все в порядке,— сказал Фишер.— Я думаю, теперь можно и выпить.

Буквально через две секунды появился филиппинец и принял у нас заказы.

Я выждал, пока он ушел, а потом спросил у Фишера:

— Как вы это делаете? Применяете телепатию?

Он ухмыльнулся.

— Все дело в зеркалах, Донован. Может быть, позднее я вам покажу.

Напитки были принесены, и мы откинулись в креслах.

— Мистер Донован! — Дибори посмотрел на меня, его глаза блестели из-за очков.— Вы не будете иметь ничего против, если я вам задам вопрос личного характера?

— Попробуйте,— сказал я.

— Надеюсь, что вас это не оскорбит,— сказал он почти робким голосом.— Но когда речь идет о такой сумме, как та, о которой мы только что говорили, обычно проверяется платежеспособность клиента. Ну, вы понимаете, чтобы не терять зря времени?

— Ясно.

— У вас есть, конечно, трестовский фонд, который вы унаследовали от вашего отца, но это не капитал, в обычном смысле этого слова, даже если вы сами им распоряжаетесь. Но когда я познакомился с источниками вашего дохода, то был потрясен.

Его голос понизился на октаву, словно он держал речь в соборе.

— Простите мне мое любопытство, Донован, но не

могли бы вы сказать мне сумму вашего годового дохода, конечно, за вычетом трестовского фонда.

— После уплаты налогов? — спросил я.

— Да, конечно. — Он усердно закивал. — Я имею в виду чистую сумму.

— Точно не могу сказать. — Я заметил на его лице выражение горького разочарования. — Думаю, приблизительно миллионов пятнадцать.

— Я так и предполагал, — сказал он, бросив взгляд на Фишера. — С нами сидит действительно богатый человек, как я их себе представляю, мистер Фишер.

Филиппинец снова появился в комнате и что-то зашептал Фишеру на ухо.

— Конечно! — сказал тот. — Все в порядке.

— Откуда вы берете наемников? — спросил я после того, как слуга удалился.

— Отовсюду, — ответил он. — У меня много людей, разбросанных по всему миру, — подрывников, саботажников и так далее, каких только душа желает.

Он усмехнулся.

— Среди них даже несколько настоящих патриотов, которые помогают, если вы считаете, что надо бороться за правое дело.

— А они не боятся репрессий?

— Я принимаю необходимые меры предосторожности, — ответил он небрежно. — Это и является одной из причин, почему я не работаю в Соединенных Штатах.

— Но ведь известности все равно избежать нельзя, — сказал я. — И клиентов приходится выбирать очень тщательно?

— Конечно! — ответил он. — Трюк и заключается в том, чтобы взвешивать все предложения по отношению друг к другу. Никогда нельзя проводить операции против тех, кто когда-то был клиентом, не то недругов не оберешься.

— Неужели нам обязательно нужно сидеть здесь и разглазывать о всякой чепухе? — презрительным тоном осведомился Лози. — Я хотел сегодня с Мэнди пойти куда-нибудь, где можно хорошо разрядиться.

— Я просто заинтересован узнать побольше о деле мистера Фишера, — сухо ответил я. — А если вам скучно, можете катиться к чертям собачьим.

— Возможно, такая тема действительно может показаться скучной, — неожиданно сказал Фишер. — Может, мне показать вам, как у меня функционируют зеркала?

— Если это не затянется,— фыркнул Лози.

— Мы вышли из комнаты, и Фишер повел нас по длинному извивающемуся коридору внутрь дома.

Наконец мы очутились в маленьком помещении без окон, в котором стояло какое-то электронное устройство.

— Это стоило мне целое состояние,— сказал Фишер, посмеиваясь.— Но полностью себя оправдало.

У одной из стен находился большой экран, а под ним — довольно сложный распределительный щит. Фишер остановился и начал нажимать на кнопки.

Экран вспыхнул, и мы смогли увидеть гостиную.

— Система мониторов,— сказал Фишер,— позволяет наблюдать, что делается в каждом помещении дома, за исключением моей спальни, конечно.

Он хрипло хихикнул.

— Поэтому мой слуга знает, когда ему подавать напитки, а когда помочь гостю сесть в машину.— Он бросил взгляд на Лози.— Вчера вечером у вас не было ни малейшего шанса. Вам нужно благодарить своего шефа, который вовремя свалил вас с ног. Если бы в комнате появились мои мальчики, вы бы так дешево не отделались.

Он нажал на другую кнопку, и мы внезапно увидели плавательный бассейн.

На экране монитора он казался таким большим, что в нем смог бы поместиться океанский лайнер. То, что мы увидели дальше, напоминало порнографический фильм, который начинался показом трех совершенно нагих леди, сидевших на краю бассейна.

— Черт возьми! — прошипел Лози.— Я же сказал своей поблядушке, чтобы она оставалась в мотеле и ждала меня!

— Видите, она изменила свое решение! — спокойно бросил Фишер.

Он снова поколдовал над кнопками и переключателями, и мы внезапно увидели Мэнди крупным планом. Она стояла на краю бассейна и готова была броситься в воду.

— У этой леди действительно есть все! — констатировал Фишер слегка хриплым голосом.

— Я ей выдерну ноги из задницы! — распалялся Лози.

Мэнди нырнула в воду, и Фишер снова нажал на кнопку, чтобы мы смогли увидеть крупным планом Колетт и Джулию, которые еще сидели на краю бассейна и болтали в воде ногами.

Предполагаемые прелести Джулии, которые вчера были скрыты платьем из джерси и только угадывались, теперь

предстали во всей своей красе. Тело ее было золотистым от загара, полные груди, словно налитые молоком, храбро смотрели вперед. Судя по всему, она и Колетт были вовлечены в интересную беседу, поскольку их губы все время шевелились.

Фишер нажал еще на одну кнопку.

— ...в Лондоне,— как раз закончила говорить Колетт, причем, казалось, что она находилась в одном с нами помещении, настолько ясно она это говорила.

— Направленные микрофоны,— гордо сказал мисс Фишер.— Понимаете, ими можно целиться, как из ружья.

— Я и думала, что он уже мертв,— глухо сказала Джулия.— Практически его можно было считать мертвым с того момента, когда Шелдон отослал его в Лондон и изъявил желание, чтобы я осталась у него. Я должна была...

— Очень впечатляюще! — быстро сказал я.— А вы не покажете нам сам земельный участок, который...

— Заткнитесь! — злобно прикрикнул Фишер.

— ...а это означает, что я и сама себя могу убить,— сказала Джулия таким же глухим голосом.— Когда Шелдон насытится мной, он меня передаст кому-нибудь, стоящему пониже, скажем, Дибори. Когда насытится тот, он передаст меня старшим охранникам, и, в конечном счете, я стану девкой, с которой может лечь спать любой, кому захочется...

— Послушайте, Донован,— сказал Фишер спокойно,— почему ваша женщина знает о том, что Мак-Ларен мертв, когда об этом даже я еще не знаю?

— Что-то я вообще вас не понимаю,— ответил я.— Что вы имеете в виду?

— В таком случае вам придется остаться у меня, пока вы этого не поймете,— сказал он.

— Я могу сразу заняться этим мешком дерьма! — ревностно вмешался Лози.

— Почему же вы не занимаетесь? — спросил я.

Фишер быстро выключил экран и с презрительной гримасой повернулся в сторону Лози.

— Я бы ничего не имел против,— сказал он,— но в данный момент не могу тратить время на это.

— Я переломлю вам хребет! — сказал Лози каким-то свистящим голосом.— С переломанным хребтом все умирают мучительной смертью.

— Хэл! — решительно сказал Фишер.— У вас есть

пистолет. Стреляйте, как только он сделает хоть шаг в мою сторону.

— Нет,— мягко сказал Дибори.

— Что?

Фишер с удивленным выражением на лице повернулся к Дибори и на мгновение забыл о Лози. В тот же момент нога Курта угодила ему между ног, тыльной стороной ладони он ударил Фишера по носу и разбил его.

Фишер застонал и ударился о распределительный пульт. Внезапно на экране вспыхнула пустая столовая.

Лози повторил свой маневр: коленом снова ударил Фишера между ног, а ребром ладони угодил ему по шее как раз за ухом. Фишер грохнулся на пол, а Лози безжалостно ударил его еще ногой в бок. Он хотел ударить его снова, но в этот момент Дибори крикнул: Стоп!

Голос его был теперь отнюдь не мягкий.

— Не понимаю,— хрипло сказал Лози.

— Я знаю, что он должен поверить в это,— сказал Дибори,— но не сейчас.

— Возможно, вы и правы,— нерешительно сказал Лози, медленно опуская ногу.

— Может быть, кто-нибудь, черт возьми, удосужится мне объяснить, что здесь происходит?

— Конечно,— согласился Дибори.— Только не сейчас.— Пистолет в его руке был направлен мне прямо в живот. Мне очень не хотелось бы убивать человека с таким астрономическим годовым доходом, но я это сделаю, если вы меня вынудите, мистер Донован.— Он почти робко улыбнулся мне.— Ваша роль сейчас заключается в том, чтобы не проявлять ни малейшей активности. Это единственная возможность спасти себе жизнь.

Он нагнулся над потерявшим сознание Фишером, вынул пистолет из кобуры, висевшей под мышкой, и снова поднялся.

— Ловите! — Он бросил оружие Лози.— Держите мистера Донована под прицелом, а я пока все проверю.

Он встал перед распределительным щитом и стал нажимать на кнопки. Появилась Мэнди, плывшая в бассейне на спине в то время, как две другие женщины все еще беседовали. Потом плавательный бассейн исчез и сменился рядом картин: разные комнаты дома, земельный участок, подъездная дорога и крупным планом ворота и охранники.

— Все выглядит вполне нормально,— сказал Дибори. Он выключил монитор.

— Об охранниках мы можем не беспокоиться. Они

привыкли к обычному распорядку дня и все равно видят Шелдона в среднем два раза в неделю. Но есть кое-кто другой, о ком мы должны побеспокоиться.

— Кто? — спросил Лози.

— Мы сейчас выйдем из помещения, — сказал Дибори, пропустив вопрос мимо ушей, — и будем так же мило беседовать. Не забывайте этого, мистер Донован.

Он открыл дверь, и мы вышли в коридор.

— Фишер ошибся. Хотя эта установка стоила целое состояние, но полностью себя не оправдала, — заметил Дибори. Потом он повысил голос: — Мануэль!

Из-за угла появился филиппинец с вежливой улыбкой на устах.

— Вас на секунду зовет мистер Фишер, — небрежно сказал Дибори. — Он в этой комнате.

Слуга кивнул и, все еще продолжая улыбаться, прошел мимо нас в комнату с монитором. Дибори дождался, пока он открыл дверь, потом поднял пистолет и выстрелил филиппинцу в голову. Тот упал за порог, и Дибори закрыл за ним дверь.

Потом он вынул связку ключей и запер дверь на замок.

— Чистая работа, хотя и довольно жестокая, — сказал он почти весело. — Так кончают все верные слуги.

10

Главная спальня была большой и роскошной и имела даже бар. Это, пожалуй, было единственное, что радовало меня. Даже общество нагих женщин не могло смягчить у меня острое чувство депрессии. Дело в том, что Дибори и Лози запихали сначала меня в эту спальню, а позже трех обнаженных леди. Времени было вполне достаточно, чтобы успокоить их жалобные всхлипывания и даже приподнести им напитки. Времени хватало и на то, чтобы рассказать им, что произошло, хотя по выражению их лиц я понял, что они не поверили ни одному моему слову.

— Хэл Дибори? — сказала Джулия. — Не может этого быть?!

— Этот маленький мышонок? — Колетт как-то по-идиотски хихикнула. — Ты что, с ума спятил, Пол!?

— Кто вас привел сюда от плавательного бассейна? — спросил я.

— Курт!

Груди Мэнди колыхались от возмущения, и я подумал: «А почему бы не он!». Тем временем Мэнди продолжала:

— Он ужасно обошелся с нами, Пол! Даже не позволил нам одеться и был очень груб!

— Курт? Груб? — озабоченно спросил я. — Что-то с трудом верится, Мэнди.

— Он сказал, чтобы я поспешила, а когда я не послушалась, ущипнул меня за зад, — пожаловалась она. — До сих пор болит.

— Вы знали, что плавательный бассейн снабжен устройством для подслушивания? — спросил я Джулию.

— Нет.

Она посмотрела на меня, ее глаза расширились от страха.

— Вы думаете, Шелдон слышал наш разговор о моем супруге?

— Во всяком случае, он слышал достаточно.

— А потом Лози и Дибори набросились на него? — спросила она. — Не могу себе представить, откуда у этого маленького ничтожества по имени Хэл появилось мужество.

— У него даже хватило мужества, чтобы выстрелить Мануэлю в затылок! — безжалостно сказал я.

Лицо Мэнди внезапно неестественно побледнело.

— Пол, дорогой, — сказала она лепечущим языком, — я знаю, что говорила, что охотно бы приехала сюда, а теперь выходит, что здесь очень опасно, да?

— Чего вам бояться после того, как вы переспали с Куртом? — спросила Колетт голосом мягким, как воск.

— Когда мужчина вливает в любовный акт немножко садизма, мне это даже нравится, — сказала Мэнди с краской на лице. — Но после того, как нам все рассказал Пол, можно подумать, что Курт превращается в жаждущего убийств маньяка, а может быть, и во что-то более страшное и мерзкое.

— Перестаньте причитать, — резко сказала Колетт. — Лучше давайте подумаем, что нам теперь делать.

— Правильно! — подхватила Джулия. — Что нам теперь делать?

— Выпьем еще чего-нибудь, — ответил я.

— О, Боже ты мой! Тебя ни о чем нельзя спросить! — Мэнди фыркнула, и ее нижняя губа выдвинулась вперед. — Я уже говорила, что у тебя не позвоночник, а какая-то мокрая и скользкая прокладка!

— Это все не решает проблемы, — вмешалась Джулия. — Может быть, подумаем о чем-нибудь конструктивном?

— Но Пол здесь единственный мужчина! — запримечала Мэнди. — Только он сможет что-то предпринять.

Я прошел к личному бару Фишера и налил себе выпить. При этом я буквально чувствовал, как три пары глаз буравили мне спину.

— Может быть, я ошиблась, а вы правы, Мэнди, — сказала Колетт. — Он действительно ни на что не годится.

— Не будьте так несправедливы, — сказала Джулия.

Мое сердце учащенно забилося.

— В данный момент действительно он ничего не может сделать, пока мы заперты.

Внезапно в ее голосе появились возбужденные нотки.

— У меня есть идея! Когда они откроют дверь, мистер Донован может спрятаться за ней, а мы отвлечем внимание того, кто войдет, пока мистер Донован не даст ему по затылку.

— Отвлечем? — спросила Колетт.

— Ну, я так думаю... Ведь мы все голые, не так ли? — сказала Джулия.

— У плавательного бассейна мы тоже были голые, — сказала Колетт, — но я что-то не заметила, чтобы Курта это отвлекло.

— Мы могли бы, например, сделать вид, что жаждем его всей душой, кто бы это ни был, — благонаивно заметила Джулия. — А потом...

— А, заткнитесь вы! — фыркнула Колетт. — Вы еще хуже Мэнди!

После этих незатейливых словесных оплеух женщины решили, что благовоспитанность в данной ситуации неуместна, и между ними началась бурная перепалка.

Я сидел, попивая свой напиток, и с некоторой горечью думал о том, что один из моих снов, свидетельствовавших о наступлении половой зрелости, стал действительностью: я находился один в комнате в обществе трех обнаженных красавиц.

Через некоторое время Мэнди поняла, что ее интеллект не в силах больше отражать изысканные оскорбления своих более развитых соперниц, и выровняла положение тем, что наградила обеих пощечинами. После этого она осталась одна во вражеском лагере. Враждующие стороны, быстро заключив между собой союз, схватили ее, бросили на кровать и стали хлестать по заднице.

— Мы напрасно теряем время, — сказала Колетт минутой позже. Она тяжело дышала. — Ей это даже начинает нравиться.

— Бисексуальная тварь! — с отвращением сказала Джулия.

Они с презрением отвернулись от нее и подошли ко мне. Мэнди осталась лежать наедине со своими вздохами и стонами.

— Что-нибудь выпить, мои дамы? — спросил я с надеждой.

— Знаете что, Колетт? — сказала Джулия глухим голосом. — Он мог бы стать великолепным евнухом!

— Я хотела бы что-нибудь выпить, — сказала Колетт в изнеможении. — Все это начинает становиться смешным.

— Кто тебя навел в Лондоне на след Мак-Ларена? — спросил я ее.

— Клод Бочар.

— Он рассказал тебе о Мак-Ларене?

— Нет, Курту.

— Ты просила меня сказать Мак-Ларену, как только я его увижу, чтобы он не возвращался в отель, потому что там его ожидают люди Фишера. Кроме того, ты сообщила, что вы организовали за ним слежку, но потом потеряли из виду.

— Правильно, — сказала она.

— Откуда ты знала, что люди Фишера нашли отель, в котором жил Мак-Ларен?

— Мне об этом сказал Курт.

— Кто следил за Мак-Лареном, а потом потерял его из виду?

— Курт.

— Как мал мир, — сказал я спокойно.

Ее лицо внезапно побледнело.

— Ты хочешь сказать, что Мак-Ларена убил Курт?

— Похоже на то.

— Этого не может быть! — В ее блестящих карих глазах буквально застыл немой крик. — А как же тогда с Сугденом и с Хендриком в Париже?

— Все это игра, — ответил я. — Они своей цели достигли. Курт, видимо, нанял Сугдена, чтобы тот сыграл перед нами роль человека Фишера. Когда он понял, что это его последняя роль, было поздно.

— А Хендрикс? — прошептала она.

— Видимо, это был один из парижских знакомых Лози, кто подходил для этой роли.

— Ты считаешь, что он мог просто так убить двух... нет, трех человек, преследуя какую-то свою гнусную цель?

— Я думаю только то, что думаю, — сказал я. — И ты

не должна забывать, что Курт — садист. Он наслаждался этими убийствами.

— О, Боже! — прошептала она. — Лицо ее было мокрым от слез. — И зачем только?

— Как ты догадалась взять Курта в помощники после того, как был убит твой брат?

— Он время от времени исполнял обязанности курьера, — тихо сказала она. — Я знала, что мой брат доверял ему.

— Интересно, твой брат не мог передавать через него деньги Фишеру?

— Понятия не имею, — ответила она.

— Но это не исключалось?

— Не исключалось.

— Именно таким путем он и мог познакомиться с Дибори, — сказал я. — Дибори, видимо, рассказал ему о том, что произошло с Джулией и что это означало для Мак-Ларена.

— Но это только предположения, Пол.

— Конечно, предположения. Но давай остановимся именно на этой версии. Курт подсказал Мак-Ларену, что только я смогу ему помочь вернуть его жену, а после этого направил по моему адресу и тебя, видимо, через Бочара.

— Для чего? — спросила она.

— Меня гложет неприятное чувство, что мы об этом скоро узнаем, — ответил я. — Если оба считают меня клиентом, то тогда Лози удастся проникнуть в дом Фишера, не вызывая у него подозрения. Но за этим кроется и еще что-то.

— Что они с нами сделают, Пол?

— Что бы они с нами ни сделали, хорошего здесь мало.

Сам того не подозревая, я оказался пророком. В замке повернулся ключ. Мэнди вскочила с кровати с покрасневшим лицом и дикими блестящими глазами.

Дверь открылась, и вошел Лози с пистолетом в руке.

— Курт! — закричала Мэнди. — Дорогой ты мой! Они такие ужасные вещи говорили о тебе! Сплошные клеюзы о том, что ты убил в Лондоне мужа Джулии и ещё двух человек! Но я-то знаю, что это сплошная ложь!

Она бросилась к нему с распростертыми объятиями и с отчаянной надеждой на лице. Мне даже стало ее жаль. Когда она добежала до него, Лози ткнул ее дулом пистолета в солнечное сплетение. Она взвизгнула, переломилась надвое и упала на пол.

— Глупая гусыня! — сказал Лози. — Пойдемте, Donovan. Мы хотим с вами поговорить.

Я вышел из комнаты и остановился, чувствуя спиной дуло пистолета. Лози запер дверь на ключ, и мы прошли в гостиную, где нас ждал Дибори.

— Садитесь, мистер Donovan! — Он милостиво улыбнулся мне. — Ужин сегодня запоздает, а может быть, его и вообще не будет. Но выпить я могу вам дать.

— Нет, спасибо.

— Как хотите, — сказал он. — Речь идет о предварительном разговоре, но мы, тем не менее, считаем, что вам лучше сесть.

— Благодарю, — сказал я и уселся в ближайшее кресло.

— Мы продолжаем нашу операцию, — сказал он. — Курт и я. Но этот дом больше не будет главной резиденцией. Мы подыщем себе другую.

— Как интересно! — вежливо сказал я.

— Колетт Доркас отомстит за смерть брата, убив Фишера, но к сожалению, с ней самой произойдет несчастный случай, — продолжал он. — Возможно, она даже войдет в число святых мучениц. Как это звучит для вас, мистер Donovan?

— Еще интереснее.

— Более мелкие проблемы можно легко решить прямо сейчас. Курт возьмет с собой Мэнди, когда мы будем уезжать отсюда, а я сам, должен признаться, равнодушен к Джулии, из чего следует, что она поедет со мной.

— У вас обоих очень хороший вкус, — сказал я.

— Благодарю.

На его губах снова заиграла свойственная ему робкая улыбка.

— Возможно, вам будет интересно узнать о том, что это дерьмо Фишер подло обманул меня, благодаря чему стал дешево пользоваться моими услугами. Мне нужен был партнер, и когда я познакомился с Куртом, то понял, что он подходит мне по всем статьям.

— Переходите к делу! — буркнул я.

— Вы правы, — сказал Дибори. — Вначале мы видели в вас только нечто вроде приманки, мистер Donovan. Я надеюсь, вас это не оскорбит. Но с тех пор, как я познакомился с вами поближе, пришел к выводу, что мы с вами можем заключить договор.

— Какой? — спросил я.

— А такой, что если вы хотите остаться в живых, вы

должны будете раскошелиться, мое сердечко! — буркнул Лози.

— Ну, я бы выразился иначе, — тихо сказал Дибори. — Но, в сущности, Курт прав. Во сколько вы бы оценили собственную жизнь, мистер Донован?

— Как ни странно, но мне кажется, что вы назовете свою сумму, — сказал я.

— Я думаю, было бы глупо с нашей стороны быть слишком жадными. Как вы смотрите на половину вашего годового дохода? Мы будем великодушны. Что для вас эти жалкие семь миллионов?

— Я не верю вам. Сколько бы вы ни получили от меня, все равно покончите со мной. Так, может быть, лучше сэкономить денежки?

— Мы сделаем все, чтобы заслужить ваше доверие, — сказал он. — Вы все равно собирались телеграфировать в Швейцарию о переводе на счет Фишера одного миллиона двухсот тысяч долларов. Так вот, мы хотим, чтобы вы это сделали сейчас. Позднее мы будем готовы проехаться с вами в Швейцарию. Вы проведете нас в банк и сразу переведете на наш счет все то, что нам еще причитается. Как только вы это сделаете, будете свободны.

— А если вы удовлетворитесь миллионом долларов?

— Конечно, все может быть, — подтвердил он. — Но эта сумма все-таки дает вам, как говорится, срок висельника. Если же откажетесь, то вы — мертвец уже к исходу этого дня.

— Предположим, вы действительно возьмете меня с собой в Швейцарию, и все будет происходить так, как вы сказали, — заметил я. — Скажите, что же в таком случае помешает мне поднять тревогу, как только мы войдем в банк?

— Ваша собственная гордость, мистер Донован, — сказал он. — К тому времени Фишер будет мертв, Колетт причислится к сонму мучениц, а Джулия и Мэнди будут спрятаны так хорошо, что вы их никогда не найдете. С этой стороны против нас будут только одни ваши слова. Никто не сможет этого подтвердить, а вас самого могут принять за сумасшедшего. Настоящий антигерой, если так можно выразиться, человек, который позволил, чтобы погибла женщина, и тем самым выкупил свою жизнь.

— И еще кое-что, — добавил Лози. — Если вы попытаетесь очернить нас, то мы не рискуем оставить в живых Мэнди и Джулию. Как только я услышу об этом, собственноручно перережу им глотки.

— О'кей! — сказал я. — Вы меня убедили.

Дибори поднялся и протянул мне блокнот и ручку.

— Может быть, вы будете так любезны и составите телеграмму в ваш швейцарский банк. Для нас не проблема отослать ее.

— Пожалуйста.

— Я полагаю, что ваш банк не переведет просто так с одного счета на другой такую большую сумму, если телеграмма будет подписана только словом «Донован»?

— Совершенно верно, — сказал я. — Телеграмма должна быть закодирована.

— Может быть, вы нам сообщите этот код?

— Конечно, нет, — уверил я его.

— Я могу из него выбить этот код, — предложил свои услуги Лози.

— Не будьте так наивны, Курт, — сказал Дибори. Он взглянул на меня и улыбнулся. — Мистер Донован может рассказать нам любую сказку. И мы не будем знать, сказал ли он нам правду или нет, до тех пор, пока не обратим внимание на реакцию банка... Пожалуйста, напишите телеграмму, мистер Донован.

Мой код был совершенно не сложный. Если я хотел, чтобы деньги были выплачены, я просто писал ту или иную сумму. Во всех остальных случаях, как, например, в этом, я начинал телеграмму магическим словом «пожалуйста».

Это слово было сигналом тревоги, и швейцарский банк должен был быстро связаться с моим главным бюро в Нью-Йорке и начать следствие. В данном случае это мало бы мне помогло, так как там считали, что я нахожусь в Лондоне.

Итак, я написал телеграмму и отдал блокнот и ручку Дибори. Меня совсем не утешал тот факт, что они все равно не получают денег, если убьют меня.

— Вы вели себя очень разумно, мистер Донован, — сказал мне Дибори. Он снова улыбнулся. — Сейчас Курт проводит вас в спальню.

Затем он добавил плутовским тоном:

— Общество трех прекрасных леди не так уж трудно переносить.

— Встать! — приказал Лози.

— Скажите мне только одно. — Я поднялся с кресла. — Когда Колетт должна превратиться в мученицу?

— Она приехала сюда с Мэнди вскоре после вашего приезда, — сказал Дибори. — Охранники у ворот это вспомнят. Потом все остались на обед, где многие просто

нализались спиртного, и в конечном итоге — ах, как все будет драматично! — Колетт в кульминационный момент оргии схватила нож, который лежал на столе, и пронзила им сердце Фишера.

— Это действительно похоже на трагикомедию, — согласился я.

— Но она полностью соответствует стилю легенды о мученице, — с довольным видом заметил он. — Разве вы не поняли, это мистер Донован? В последнюю секунду Шелдон успел выхватить револьвер и выстрелить в нее. Поднялась суматоха, я в истерике стал звать охранников, но к тому мгновению, когда они вбежали, оба главных героя были уже мертвы.

— А как вы объясните охранникам исчезновение двух других девушек?

— Очень просто, — ответил Дибори. — Я им скажу: «Будет очень плохо выглядеть, если мы сознаемся, что здесь разыгрывалась оргия. Лучше сделать так, чтобы девушки были тайно увезены Куртом до того, как прибудет полиция». Охранники поймут, что так будет лучше, особенно после того, как им смажут лапы.

— А как вы объясните труп Мануэля? — спросил я.

— О Мануэле никто ничего не узнает, — ответил он. — Люди будут целиком и полностью заняты смертью Фишера. Он в этом городе большой человек, мистер Донован. А позднее у нас будет время, чтобы уничтожить или спрятать труп филиппинца.

— Кажется, вы все продумали, — сказал я. — И когда все это должно случиться?

— Где-то после полуночи, — ответил он. — А точнее мы сами еще не знаем.

— Пойдемте, Донован! — буркнул Лози.

— Я как раз вспомнил, что у Шелдона в спальне находится бар, — дружелюбно сказал Дибори. — С вашей стороны было бы актом милосердия, если бы вы напоили девушек к полуночи, мистер Донован.

Я вышел из комнаты, все время чувствуя на своей спине дуло пистолета Лози. Таким образом мы и вернулись в спальню. Перед дверью он сунул мне связку ключей.

— Откройте дверь и потом отдайте мне ключи, — сказал он.

Я выполнил его приказ, но не спешил заходить.

— Вы слепое оружие в его руках, Курт, неужели вы этого не понимаете?

— О чем это вы, Донован?

— Он — мозг операции,— сказал я,— и все это дело его рук. Что же касается вас, то вы просто подсобная рабочая сила. А когда все будет позади, он придет к мнению, что в подсобной силе больше не нуждается.

— Вы действительно умны, Донован! — Лози коротко рассмеялся.— А сами, наверное, думаете, как долго я буду в нем нуждаться?

Он распахнул дверь ногой и грубо втолкнул меня в комнату, так что я чуть было не упал.

11

Вечер был теплым, и можно было не бояться, что обнаженные пленницы простудятся.

Я снова бросил взгляд на часы и констатировал, что до полуночи остался один час.

После этого я снова спросил себя, куда мог запропасться Хикс.

Возможно, он совершал отвлекательный маневр и подкладывал бомбу под фабрику, следуя моему профессиональному совету.

Мы уже давно прекратили все разговоры. Девушки сидели на огромной кровати и безучастно смотрели перед собой.

Мне надоело предлагать им напитки. И, если честно говорить, мне все уже надоело.

— Может быть, у кого-нибудь есть какие-нибудь хорошие мысли? — наконец бодро спросил я.

— Может, разбить стекло и выпрыгнуть из окна,— предложила Мэнди.

— И если нас не разорвут собаки, то схватят охранники и вернут обратно в дом,— добавила Джулия.

Еще была небольшая надежда, что Хикс ведет наблюдение за домом, хотя он с таким же успехом мог вести наблюдение до утра, но для нас это было бы слишком поздно. Значит, надо было дать ему каким-то образом сигнал. Но каким?

— Они всех нас убьют,— сказала Мэнди трагическим тоном.— Я знаю.

— Мы тебя спрашивали десять раз,— сказала Колетт холодным тоном,— и теперь спрашиваю еще раз. Что они хотели от тебя?

— Они хотели денег,— ответил я.

— Ты — жалкий лжец,— сказала она.— Ты пошел с ними на сделку, и отлично это знаешь. Скажи нам правду.

Любая правда лучше полного незнания. Сидишь тут и ждешь, сам не зная чего!

— Они хотели денег,— повторил я.— Возможно, все это довольно сложно, но в конечном итоге они хотели денег.

— И вы, значит, спасли свою жалкую жизнь, дав им откупное? — с величайшим презрением сказала Джулия.— А что будет с нами?

Я прошел к бару.

Поскольку девушки ничего не хотели пить, я тоже был вынужден воздержаться, а сейчас решил: черт с ним, надо выпить!

Из чистого любопытства я посмотрел, какими запасами обеспечил себя Фишер, поскольку профаном его в этом деле считать было совсем нельзя. Я увидел, что тут было практически все. Например, тут были две бутылки фирменного коньяка «Наполеон»...

А Хикс, возможно, ждал снаружи...

Я прошелся по комнате, и мой взгляд упал на хрустальную чашу с цветами. Казалось, она подходила для моих намерений. Я взял вазу и выплеснул из нее воду вместе с цветами прямо на пол.

— Ну, а теперь он совсем свихнулся,— констатировала Мэнди.— Не смог вынести такого душевного гнета!

— А что вообще можно ожидать от этих мужчин! — бросила Колетт.

Чаша была в поперечнике приблизительно сорок пять сантиметров и высотой сантиметров восемнадцать. Я поставил ее перед баром и вылил туда обе бутылки коньяка. Это был отличный коньяк и очень старый.

— О'кей, мои милые! — бодро сказал я.— Поднимайтесь!

— Пошел-ка ты в...— заявила Мэнди.

Я подошел к ней, взял ее за соски указательными и большими пальцами и подтянул к себе.

— Поднимайтесь! — повторил я.

Она пронзительно закричала и вскочила.

— Теперь он уже превращается в садиста! — завизжала она.

— Вы обе тоже поднимайтесь или с вами будет то же самое! — небрежно бросил я.

В следующий момент они уже стояли. Я приказал им повернуться. Мгновение казалось, что мне придется подавлять бунт, но потом все трое действительно повернулись.

Парису было бы трудно вынести свое решение, но

он бы подошел к этому не с такими мерками. У Мэнди и Джулии были округлые и милые задочки, но именно по этой причине они и исключались из соревнования.

Задочек Колетт был тоже мил, но не такой округлый. В данный момент мне бы подходил еще более узкий, но за неимением лучшего сойдет и этот. Я схватил ее за руку, повернул к себе и повел к бару.

— Что все это значит? — спросила она с недоверием и недоумением.

— Все это довольно сложно объяснить, — признался я, — и, возможно, просьба моя покажется тебе странной, но, заверяю тебя, что все это поможет нам отсюда выбраться.

— Так что же я должна делать? — спросила она. — Убить тебя?

— Страшно смешно, — процедил я сквозь зубы. — Если будет время, я еще покатаюсь по полу от смеха. Но пока этого времени у меня нет. Ты видишь чашу на полу?

— Какая некрасивая!

— В ней содержится только старый добрый коньяк, — уверил я ее. — И ты должна сесть на нее.

— Что я должна?

— Сесть на нее, — повторил я. — В настоящий момент он холодный. Я имею в виду коньяк. Твой зад согреет его, и через какое-то время он будет иметь комнатную температуру.

— Я и раньше слышала о разных шутниках, — сказала она. — Но тебе полагается за это диплом первой степени!

— Я говорю серьезно, — повторил я.

— Ты опасный сумасшедший! — прошипела она.

— С холодным коньяком ничего не выйдет, — сказал я.

— О, Бог ты мой! — выдохнула Джулия. — Я слышала о людях с комплексами, но с таким встречаюсь первый раз. Это превосходит все!

— Заткнись! — набросился я на нее.

Разумными разговорами здесь, видно, добиться было ничего нельзя, поэтому я схватил Колетт за плечи одной рукой, а другой под коленки и посадил ее на чашу.

Раздался какой-то шлепающий звук, Колетт пронзительно вскрикнула и попыталась выбраться из сосуда, а так как коньяк проливать было нельзя, — у нас его больше не было, — то я уселся верхом на ее бедра и крепко держал ее руки за спиной.

— Сейчас пойдет пар, — благоговейно заметила Джулия, — и пары коньяка сорвут их обоих с чаши.

— Раньше он не был таким, — самодовольно сказала

Мэнди.— Видно, он стал импотентом после того, как я бросила его.

— Отпусти меня! — выла Колетт.— Ты, развратник!

Она укусила меня в мочку уха.

— Я только хочу, чтобы ты тут немного посидела,— прокряхтел я.

— Он мокрый, холодный и ужасный! — закричала она.— И ко всему прочему, так сидеть неприлично!

— Если мы не согреем коньяк, он не загорится,— объяснил я.

— За кого ты меня, черт возьми, принимаешь? — не сдавалась она.— За рождественский торт?

Ее зубы снова подобрались к моему уху. Я быстро повернул голову в сторону, и она своими зубами сорвала мне кожу. Боль была ужасная.

— Если нам удастся поджечь коньяк, то мы можем его отнести к окну и поджечь занавески! — простонал я.— И если бы вы обе подняли свои толстые задницы с кровати и помогли набросать у окна простыни, одеяла и другие хорошо горящие предметы, то вы оказали бы мне большую помощь.

— Ты хочешь поджечь дом?

Колетт так уставилась на меня, что глаза ее, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Дутый кирпич не очень-то хорошо воспламеняется,— нетерпеливо сказал я.— Нам просто нужно привлечь внимание охранников. Собаки близко к огню не подбегут и, кроме того, их удержат охранники, особенно, если они увидят, как из окна выпрыгивают голые девушки, чтобы спастись.

— Эта комната находится на втором этаже,— пугливо сказала Джулия.

— Это не играет никакой роли,— буркнул я.— Вы будете прыгать, договорились?

— Прямо в руки к охранникам, которые снова отведут нас в дом,— бросила Джулия.— Великолепная мысль!

— Мы должны их чем-то отвлечь, на забывайте этого,— сказал я.— Мы должны устроить маленькую панику внутри дома и вне его.

— И что потом? — спросила Мэнди.

— Об остальном я еще не подумал,— признался я.— Но самое главное — начать.

— Более идиотских слов я еще никогда не слышала,— заявила Джулия.— Я в этом не участвую.

— О'кей! — Я глубоко вздохнул. Я не хотел вам рас-

сказывать, потому что это очень жестоко, но вы мне не оставляете выбора.

— Что рассказывать? — спросила Мэнди.

— Они собираются впустить сюда в полночь всех охранников, чтобы они все по очереди насиловали вас, пока с вас не слезет кожа. А если этого окажется недостаточно, Курт позаботится об остальном.

Джулия так высоко подпрыгнула с кровати, словно ее укусил в зад крокодил.

— Не сиди, как глупая гусыня! — набросилась она на Мэнди. — Помоги мне перенести постельное белье к окну!

Внезапно все уверились в правоте моих слов, даже Колетт.

Когда я встал, она послушно осталась сидеть на чаше, словно внезапно увидела в этом свое призвание.

— Пол, — тихо сказала она. — Я хотела бы все знать. Значит, мы разожжем костер, охранники увидят нас и примчатся сюда. И тогда мы выпрыгнем из окна, так?

— Приблизительно, — сказал я. — Если говорить точно, то выпрыгнут Мэнди и Джулия.

— А что будет со мной?

— Ты будешь мертва, — сказал я.

— Что?

— Ну да, ты должна притвориться, будто ты мертва, — сказал я, — хотя бы на тот срок, пока здесь будут те, которые сюда прибегут. Чтобы их обмануть.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже надеюсь, — ответил я.

С огромной кровати уже были сорваны все простыни.

Я сбросил матрац на пол и потащил его к двери. Матрац был набит какими-то искусственными волокнами, которые толком и гореть-то не будут, а только чадить.

— Как там у нас коньяк? — спросил я Колетт.

— Теперь он уже не кажется холодным.

Две другие девушки стояли у кучи одеял и простыней, которые они нагромодили у окна, и внимательно наблюдали за мной.

— Мы действительно должны выпрыгнуть из окна? — нервно спросила Мэнди. — Мне бы очень не хотелось, чтобы в мои пикантные места впились осколки стекла.

— Возможно, ты и права, — сказал я. — Может быть, будет лучше разбить стекло, а вы будете стоять рядом и кричать во всю глотку.

— Я начинаю спрашивать себя, а не лучше ли предпочесть смерть...

— К чему? Сюда ворвутся охранники и спасут нас...

Наконец послышался голос Колетт:

— Мне долго еще сидеть, Пол? Я боюсь, что эта чаша разрежет мне весь зад.

Я помог ей подняться и осмотрел ее зад.

На нем красовался красный круг, а вокруг шли лиловые подтеки.

— Сенсационный рождественский подарок! — заметил я удивленным тоном. — Задница, выдержанная, как старое вино, и настоящая на коньяке!

Я поднес к чаше горящую спичку, и коньяк загорелся ярким голубым пламенем. Потом взял немного матрацной набивки, подержал ее над огнем, пока волокна не начали чадить, а потом сунул обратно в матрац. Облако едкого дыма поднялось к потолку, превратившись в нечто вроде дымовой завесы.

После этого я схватил стул и ножками выбил четыре оконных стекла. Вслед за этим поднес чашу с горящим коньяком к куче одеял и простыней и поджег ее. Через несколько секунд все вокруг горело, полыхали даже занавески.

— О'кей, мои милые! — сказал я. — Теперь начинайте кричать!

— А что делать мне? — хмуро спросила Колетт, словно я исключил ее из программы удовольствий.

— Ты мертва, — сказал я, — задохнулась от дыма.

— Это, конечно, не шутка, — сказала она и закашлялась.

Я отвел ее в сторону от двери, повернул спиной к ней и уложил на пол.

— Попытайся расслабиться, — сказал я и тоже сильно закашлялся.

— Расслабиться? — Ее лицо судорожно скривилось. — Я же здесь задохнусь, ты, умник!

Едкий дым быстро наполнил всю комнату. Да, она была права. Дышать становилось все труднее. Кроме того, стало жарко. Постельное белье весело горело, пламя достигало почти потолка, и крики девушек казались вполне естественными.

«Не совершил ли ты, Донован, ошибки?» — подумал я.

У меня на это имелось лишь одно утешение: если и совершил, то теперь было поздно все исправлять.

Поэтому я остался стоять у двери, прижавшись к стене, и выжидал.

Пот лил у меня по лицу, в комнате стало невыносимо жарко, и я не мог подавить свой кашель.

Дым подействовал и на девушек, стоявших у окна, и они чередовали свои крики с приступами кашля.

Колектт, лежавшая на полу, чувствовала себя немного лучше, но только немного.

Где-то в доме я услышал возбужденные голоса людей, потом последовали три глухих взрыва.

В следующее мгновение ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась.

Несколько секунд все было спокойно. Потом появилась рука, державшая пистолет. Я схватил ее запястье обеими руками и приложил всю свою силу. В следующее мгновение я резко повернулся и рванул обладателя руки на сто восемьдесят градусов, так что он описал дугу и грохнулся о стену.

Я услышал, как что-то неприятно хрустнуло и треснуло.

Я отпустил запястье, и человек упал на пол.

Когда я нагнулся, чтобы посмотреть, кто это, я увидел, что это Дибори.

Очки его разлетелись на тысячи осколков, и лицо его было залито кровью.

Без особого воодушевления я констатировал, что он еще дышал.

Колектт встала, а две других девушки продолжали кричать.

Я подбежал к ним, схватил их за руки и потянул к двери.

— Бегите,— прорычал я,— и продолжайте кричать.

— Пол,— сказала Колектт сдавленным голосом,— а что будет...

— Позже,— прошипел я.— Сейчас мне надо найти Курта. Ты тоже беги и кричи посильнее.

Все трое не нуждались более в подсказке. Они помчались с такой резвостью, словно это был финал олимпийского марафона. Я, не переставая кашлять, поднял пистолет Дибори, закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке.

После этого я сам помчался по коридору вслед за кричащими дамами, которые бежали в сторону гостиной.

Потом крики внезапно смолкли.

Когда я подбежал ближе, я услышал одиночный выстрел, а потом еще сразу несколько, которые прозвучали, как стаккато.

На раздумье времени не оставалось.

Одним рывком я отскочил в сторону от двери и упал на колени, продолжая держать в руке пистолет.

Три голых девушки стояли неподвижно, словно статуи, и глаза их были наполнены страхом.

Лози лежал на полу на спине, и кровь фонтанчиком била из его ран на груди.

В рамке двери, находившейся на противоположной стороне, стояла фигура ковбоя с потемневшим лицом и с автоматом в руках.

— О, Боже ты мой! — тихо сказал я. — Мститель из Эльдорадо собственной персоной!

— У него не голова, а мешок с навозом, — презрительно сказал Хикс. — Думал, что может попасть в человека из револьвера на расстоянии тридцати шагов!

— А что с охранниками? — спросил я.

— Уложил спать!

Он ухмыльнулся и сверкнул своими белоснежными зубами на фоне потемневшего лица.

— Когда я увидел огонь, бросил гранату, коллега. Она взорвалась у самых ворот и расправилась с двумя часовыми. Они только без сознания, — я был осторожен. Потом к воротам бросилась целая орава парней, пришлось бросить еще одну гранату. Парни сразу повернули обратно. — Он мрачно усмехнулся. — Может быть, они и до сих пор еще куда-то бегут.

— Отведите девушек к плавательному бассейну, чтобы они смогли наконец одеться, — сказал я.

— Что ж, хорошо. — Он пожал плечами.

— У вас еще найдется граната?

Он сунул руку в задний карман, вытянул оттуда гранату и протянул ее мне.

— Спасибо, — сказал я. — Пусть девушки оденутся, а потом встречаемся перед домом.

Он открыл было рот, чтобы задать вопрос, но быстро снова его закрыл.

— Хикс! — Мэнди наконец обрела дар речи. — Вы были просто великолепны! Такой мужественный и... — Она передернула плечами. — И такой жестокий и хладнокровный!

Я пошел по коридору, который вел в сторону помещения с мониторами. Дойдя до него, я взял связку ключей, которой Дибори открывал спальню, и открыл дверь комнаты. После этого я осторожно отступил метров на шесть назад и стал ждать.

Некоторое время все было тихо. Потом дверь немножко отворилась, и Фишер высунул оттуда голову.

— Что здесь происходит, черт возьми? — хрипло спросил он. — Создается впечатление, что разгорелась революция.

— Возможно, парочка ваших террористов занялась своей работой, — ответил я.

— А где этот мешок с дерьмом по имени Дибори?

— Находится при последнем издыхании, — ответил я. — А Лози мертв.

— Я вам очень благодарен, Донован, — сказал он. — Требуйте от меня, чего хотите, и вы это получите!

— У меня для вас есть подарок, — сказал я.

Я сорвал запальник с гранаты и сосчитал до трех. После этого я бросил ее ему.

— Ловите!

У меня едва осталось времени на то, чтобы броситься за угол на пол и выставить подметки для защиты. После этого граната взорвалась. Секунд через пятнадцать в коридоре опять все стало тихо, хотя мои барабанные перепонки еще гудели. Я поднялся. Там, где была дверь, в стене зияла дыра, а от Фишера вообще ничего не осталось.

Я прошел через гостиную в гигантский вестибюль, а оттуда — на улицу. Создавалось такое впечатление, будто пожар перекинулся на другие комнаты.

Каменные стены, конечно, не горели, но что касалось всего другого, то тут у огня не было равных, и если это предоставить самому себе, то все интерьеры дома будут им загублены. Но это была уже не моя забота.

Хикс и три девушки пришли со стороны плавательного бассейна, и я очень пожалел, что все они уже одеты.

— Я отведу леди обратно в мотель, — сказал я. — Мне кажется, что будет лучше всего, если вы отправитесь на своей машине в Коннектикут и сгрузите там всю свою артиллерию. После этого, Хикс, приезжайте к нам в Акапулько.

— К нам? — в один голос воскликнули девушки.

— Взорвался Фишер, — ответил я. — Я бросил в него гранату.

— И он ее поймал? — удивленно спросила Джулия.

— Не знаю, — честно сказал я. — В тот момент я не смотрел в его сторону.

— Но она его убила? — спросила Колетт.

— Да, — ответил я.

— Бедная Мэнди!

Джулия истерически захохотала.

— Она даже и не догадывается, чего она лишилась.

— Я тебя должна поблагодарить, Пол,— сказала Колетт.— Фишер погубил моего брата.

— Я тоже вас благодарю,— сказала Джулия.— Он убил моего мужа.

Некоторое время мы ехали молча. Потом где-то вдаль послышался вой сирен, и мне оставалось только надеяться, что полиция прибудет к дому Фишера, когда там все уже кончится. Но даже если они и найдут обугленные трупы, им будет нелегко решить, что же там произошло.

— Хикс с Мэнди,— осторожно сказала Колетт,— а мы втроем.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Она имеет в виду, как мы будем проводить время в Акапулько. Все эти прекрасные, полные безделья дни где-нибудь у плавательного бассейна.

— И будем пить холодные напитки в апартаментах отеля с кондиционером,— добавила Колетт,— и чувствовать постоянно жар в крови, который заставляет дрожать, как в лихорадке.

— Я все еще не совсем вас понимаю,— сказал я нервно.

— Мы говорим между собой,— холодно сказала Колетт.— Речь идет о женском коде, и мужчинам никогда не разгадать этот код.

— Я бы ничего не имела против,— сказала Джулия.— И если говорить честно, то мне это даже нравится.

— Я тоже ничего бы не имела против,— сказала Колетт,— и с нетерпением жду этого.

— Я тоже,— сказала Джулия,— рада что у нас общие интересы и вкусы.

— Я знаю, что это глупый вопрос, но скажите, Бога ради, в чем у вас общие вкусы? — поинтересовался я.

— Мы будем в Акапулько втроем,— сказала Колетт.— Ты что, немного поглупел от взрывов, Пол? В Акапулько мы вдвоем составим твой гарем. Королевство Донована, если хочешь.

— Основанное в звездный час святого Донована,— добавила Джулия.— Как тебе нравится такая мысль, Пол?

— Ведь Донован-то это я,— сказал я.— А гаремы, черт возьми, мне всегда нравились.

**СТРАСТИ ГНЕВНЫХ
АМАЗОНОК**

На воротах красивого старого дома в Пало-Альто было написано: «Владения амазонок». Вывеска сразу бросалась в глаза, очевидно, это соответствовало намерениям хозяйки дома. О ней я тоже кое-что уже знал. Ланетта Холмс, как мне сказали, являлась наследницей скромного состояния и бесстрашной основательницей союза «Гневных амазонок» — весьма энергичного общества, борющегося за равноправие женщин.

Над высокой каменной оградой, окружающей владения, проходила колючая проволока. Рядом с массивными железными воротами была табличка поскромней: «Прошу звонить», а недалеко от нее я обнаружил медную проволоку звонка. Решительно дернув за нее, я почему-то вообразил себя маклером, намеревающимся продать холодильник фирме Джeneral-электрик.

— Кто там? — неожиданно раздался сухой женский голос, усиленный репродуктором.

— Это студентка-заочница, — ответил я искусственным сопрано. — Зарабатываю на хлеб продажей газет и журналов. Не хотите ли подписаться на «Плейбой»?

Словно в подтверждение моих опасений, что амазонки — чересчур строгие дамы, в репродукторе пропали даже хрипы — меня не желали слушать. Сначала, собираясь в этот дом, я хотел вообще сказать Ланетте Холмс, чтобы она обратилась к женщине-адвокату. Но потом подумал, что, отказавшись от дела, начну себя корить за проявленную слабость. Да и где она найдет женщину-адвоката с такой квалификацией, как у меня? Ко всему прочему очень хотелось узнать, зачем понадобилась «Гневным амазонкам» юридическая помощь.

Я дернул медную проволочку еще раз.

— Это все еще вы? — спросил тот же голос.

— Совершенно верно, — ответил я басом.

— О! Какие в вас перемены!

— Я просто пошутил, и никаких газет не продаю...

— А что вы продаете?

— Ничего, я — адвокат, и...

— Вас зовут Рендол Робертс?

— Да. Если хотите удостовериться, я предъявлю документ, мне известно, что далеко не всякий мужчина может войти за эти ворота.

— Мне кажется, — холодно заметил репродуктор, — вы слишком молоды, чтобы быть адвокатом. Однако, рискну.

— Благодарю за доверие, — буркнул я, ожидая, что вслед за этим ворота откроются, но не тут-то было.

В репродукторе послышалось предупреждение:

— Хозяйка дома давно ждет вас, но боюсь, Либби придется не по душе ваш юмор.

— Тогда, может быть, ей понравятся другие мои мужские достоинства? — я усмехнулся.

— Их вам вообще лучше оставить за воротами! — отрезала невидимая собеседница. — Когда будете возвращаться — подберете!

После этих слов раздался металлический лязг и передо мной открылся путь в таинственные владения. Я вошел, за спиной снова щелкнул замок и звук показался мне зловещим в этой полной, невообразимой тишине, господствовавшей за стеной — даже птицы не пели там! Я оказался в довольно запущенном, но очень обширном поместье и это производило впечатление. Да и кто теперь обращает внимание на то, хорошо ли выбиты газоны, когда растет тенденция и на мужчин-то не обращать внимания.

Белый дом с колоннами и порталом был украшен гипсовыми ангелочками, порхающими между окон. У крыльца стоял автомобиль, и в его кузове я обнаружил Венеру без головы, почему-то подумав, что это — оскверненный труп, превратившийся в камень.

Под ногами скрипел гравий. Я обогнул грузовик, и, поднимаясь по ступеням, заметил за домом деревья, чьи набухшие почки напоминали о приближающемся лете.

На пороге меня уже поджидала маленькая златовласая женщина:

— Мистер Робертс? — спросила она без улыбки.

— Вы спутали меня с кем-то. Я — продавец газет.

— Мне тоже не нравятся ваши шутки, мистер Робертс. Вы что, действительно лучший адвокат в Сан-Франциско?

— Кто вам это сказал? — спросил я, не ~~показав~~ удивления.

— Гм, наверное какой-нибудь противник нашего движения,— она скептически осмотрела меня.— Впрочем, мы уже привыкли к злобным выходкам некоторых мужчин, постоянно находясь под обстрелом этих господ!

— Я всегда полагал, что пьедестал господства следует занимать женщинам,— сказал я с галантной улыбкой.

— Конечно! — взгляд зеленых глаз метнулся к грузовичку.— Чтобы взирать на нас всегда, как на объект наслаждения! Как на бесправного идола, с которым можно делать все, что угодно, задоблив его подарками! Но кому понравится долго быть вашим идиолом? Лично я предпочитаю оставаться живым человеком, способным свободно дышать, чувствовать...

— Ну-ка, вздохните еще разок, и поглубже, если можно,— попросил я, глядя на ее грудь.

Под тонким пуловером не было лифчика, но чудесные формы упругой груди доказывали, что не нуждаются в нем. Ткань не препятствовала сиянию ее кожи и я с наслаждением предался созерцанию, которому не мешал даже значок: рука с обнаженным клинком.

— Что с вами? — презрительно спросила она.— Вы начитались «Плейбоя» или похотливы от рождения?

— Ничего подобного. Просто я мужчина,— ответил я скромно.

— Ну, это еще можно простить! — усмехнулась златовласка.

Блеск зеленых глаз, сопроводивший реплику, подсказал, что «простить» — не совсем то слово, которое она хотела употребить, но я не настаивал на разъяснениях. Передо мной стояла представительница общества, которое борется против диктатуры мужчин, и все же я был уверен, что в другом месте и в другой час мне удастся убедить ее в своем искреннем восхищении.

Округлые бедра незнакомки обтягивала синяя юбка — узкая и модная, уж никак не рассчитанная на утаивание женских прелестей — скорее наоборот. На ногах были красные туфли, которые хорошо гармонировали с огненно-рыжими волосами. Короче говоря, я беседовал с прекрасной и вполне нормальной женщиной, но она почему-то разыгрывала роль мужененавистницы.

— Меня зовут Линда Лазарев,— неожиданно представилась она.— Я журналистка и пишу для амазонок, возможно вы читали мои статьи?

— Да, возможно,— я кивнул.— Не вы ли провозгласи-

ли, что пока женщина позволяет властвовать над собой, мужчина является потенциальным Гитлером?

— Я с этим согласна. Но мысль, собственно, принадлежит Либби...

— Либби? А это кто?

— Мы зовем так Ланетту Холмс.

Едва она договорила, из дома донесся резкий вопрос:

— Линда! Что там с этим проклятым адвокатом, где он?

Честно говоря, я рассчитывал, что меня встретят всеобщим ликованием и фанфарами. Зеленоглазая бросила на меня насмешливый взгляд, словно провоцируя на какую-нибудь бестактность, но сказать я ничего не успел.

— Мы идем! — крикнула мисс Лазаревф, открывая дверь.

— Нельзя ли побыстрее? — раздалось требовательно. — Я немедленно хочу обсудить дело и избавиться от этой свиньи!

Я не имел ни малейшего представления, о какой свинье идет речь, но зато прекрасно понял, как относится к этим животным хозяйка дома.

Вслед за Линдой Лазаревф я прошел в просторный холл, устланный большим ковром. В стороне я заметил вешалку, и она показалась мне реликвией тех далеких времен, когда в доме еще принимали мужчин. Сейчас здесь не осталось никакого следа их пребывания, а Ланетта Холмс, похоже, считает, что мужчин вообще нет на свете.

Никого в холле не обнаружив, я вопросительно уставился на свою сопровождающую.

— Первая дверь направо, — сказала она тихо и почти-тельно. — Можете смело входить. — Линда улыбнулась, как римский центурион, приглашающий на арену христианина.

Внешность Ланетты Холмс, или Либби, как называли ее сподвижницы, поразила меня. Я ожидал увидеть за этим именем нечто отталкивающее, а предстал перед красивой, статной женщиной, немного полноватой, и тем не менее, стройной. Короткие волосы мисс Холмс вились нежными прядками, но из-под длинных ресниц на меня сурово смотрели голубые, холодные глаза.

— Я намерена сразу поговорить о деле, мистер Робертс, — заявила она непререкаемым тоном. — Знакомые наговорили о вашей конторе кучу лестного, поэтому я и решила обратиться к вам. Надо расправиться с одним типом за злостные сплетни, клевету и...

— Прежде, чем мы распнем его, хотелось бы знать конкретнее, что он натворил? — осторожно вставил я.

Стоя перед массивным письменным столом красного дерева, Либби напряженно всматривалась в меня. А я, тем временем, продолжал разглядывать ее.

Узкие брюки обтягивали крепкие и полные ноги в изящных сапожках. Ее груди под оранжевым пуловером были округлы и мягки, как все в ней. Держалась мисс Холмс очень самоуверенно, из глаз струилась такая внутренняя сила, что я мгновенно понял, почему она назвала организацию — союзом «Гневных амазонок». Не знаю, каковы другие женщины, проживающие под крышей этого дома, но хозяйка была действительно — гневной и гордой амазонкой во плоти. Хорошо, хоть левую грудь не ампутировала, подражая древним воительницам, с чем я и вознамерился уже ее поздравить, но вовремя прикусил язык.

— Этот тип! — заговорила она резко. — Он угрожал! Всей организации и мне лично! Он организовал поход против нас...

— А это злобное существо в облике мужчины имеет какое-нибудь имя?

Либби пронзила меня взглядом, словно уничтожая саму возможность иронии в этом деле. Я немедленно придал лицу невинное выражение.

— Чарльз Морган, — сухо сказала она. — Этот тип преследует одну женщину нашей организации. Преследует из самых примитивных, животных намерений! Вы с ней, кстати, знакомы.

— Линда Лазарев?

— Да. Когда-то они были... близки... Но разумеется, Морган не замечал в Линде человека, не считался с ее взглядами, ему нужно было только ее тело! В конце-концов она пришла в наше общество и добровольно, заметьте, вполне добровольно осталась с нами, а это животное просто взбесилось с тех пор!

— Вы хотите сказать, Чарльз Морган разозлился на свою подругу? — осторожно вставил я.

— В первую очередь он разозлился и весь свой гнев обратил на меня, но поняв, что меня его нападки мало волнуют, он буквально начал поход против всей организации. Поливает нас грязью, постоянно выставляет на посмешище. Но Линда все равно к нему не вернется, у нее своя голова на плечах!

— Каков характер нападок? — спросил я.

— Морган журналист. Линда работала с ним в одной

газете, но решила покончить со своим подневольным положением, пришла к нам, а этот подонок крошает на нас пасквили! — Либби прошла за свой стол, выдвинула верхний ящик и достала ворох газетных вырезок.

— Вот, — презрительно бросила она их на стол.

Я взял верхний лист, заголовок гласил: «Долой бюстгальтеры — да здравствует равноправие!»

В статье говорилось о причудах «Гневных амазонок», требующих у калифорнийского суда, чтобы «билль о правах» распространялся и на женщин, как в экономической, так и в общественной областях. В каждой строчке звучала ирония, а между строк явно слышалось, что подобные требования могут исходить лишь от женщин, которых недостаточно жестко взяли в тиски супруги.

Я положил вырезку на стол.

— Естественно, что тон статьи вам не нравится, — проговорил я. — Но в данном случае о клевете не может быть и речи.

— О, это не все! — гневно фыркнула мисс Холмс. — Далеко не все. Морган лично угрожал мне и Линде при встрече, по телефону тоже! Словом, мистер Робертс, если вам недостаточно материала, мною предоставленного, значит вы совсем не такой адвокат, каким вас расписали!

Либби посмотрела на меня с таким презрением, что на долю мгновения я сам себе показался свиньей в человеческом обличьи. Я улыбнулся, надеясь ее смягчить, но и в моей робкой улыбке новоявленная амазонка снова что-то заподозрила.

— Вы что, испытываете симпатию к этому Моргану? — строго спросила она.

— Как он угрожал вам? — уклонился я от прямого ответа.

— Он говорил, что убьет меня, — она холодно улыбнулась. — В присутствии Линды обзывал фригидной, орал, что я — агрессивная ненавистница мужчин и преступница, которая заплатит за свои преступления жизнью. А когда я ответила, что все преступления на земле совершаются мужчинами или из-за мужчин, он готов был растерзать меня на месте.

— Но его удержала Линда?

— Ну что вы! — Либби усмехнулась. Вы же ее видели, слабенькая, маленькая, с детства в ней культивировали лишь нежную женственность, но это становится недостатком в мире, где самцы охотятся на самок! В отличие от

меня, она никогда не тренировала свое тело, в ней нет ни силы, ни ловкости, Линда — просто беспомощный котенок!

— Иначе говоря, вы отдубасили этого Чарльза Моргана и выставили за дверь, — подвел я итог.

— Хм, я уже в четырнадцать лет владела приемами дзюдо, а в двадцать — каратэ, так что не представляло особого труда выпроводить этого рохлю к его пишущей машинке — единственному оружию, каким он владеет! — Либби горько вздохнула. — Но если его подтолкнет ненависть, он и за револьвер схватится. Чем больше я наблюдаю мужчин, тем больше удивляюсь, до чего ж легко растрезвожить их самолюбие!

— А может быть, вы избили Моргана слишком сильно?

— Чепуха, ничего серьезного, какая-нибудь пара синяков. Главное в другом — я унизила его.

— Но унижение любого выведет из себя, — спокойно заметил я. — Будь вы даже мужчиной, Морган разозлился бы не меньше.

Она испытующе посмотрела на меня, а затем кивнула, словно соглашаясь с какой-то своей мыслью. Я молча ждал.

— Да, кажется, вы такой же, как все. В любую минуту готовы встать на защиту мужчин и пресловутого мужского достоинства. Очевидно, женщинам остается одно: защищаться самим. Мне придется нанять женщину адвоката, мистер Робертс.

— Боюсь, в данный момент вы не найдете таковой в Сан-Франциско. Полагаю, знакомые и об этом вам сообщили.

Мисс Холмс нахмурилась.

— Да, вы правы, — заявила она наконец. — Но этот тип должен заплатить мне за все! Что вы можете предложить?

Я переступил с ноги на ногу, покосился на кресло, стоящее перед столом, но сестра она не предложила.

— Дело начать можно, — нерешительно промямлил я, — но невелики шансы выиграть его... Даже с помощью такого опытного адвоката, как я, — улыбнувшись, я дал понять, что последние слова — всего лишь шутка, но глава гневных взглянула на меня так, что шутить в ее присутствии расхотелось раз и навсегда.

— Прежде всего я предпочел бы переговорить с Морганом, — заявил я деловым тоном. — Возможно, достаточно сообщить, что вы собираетесь подать на него жалобу в суд, и он уgomонится. А если нет, начнем процесс.

Либби презрительно скривила губы.

— Вы ему сочувствуете, я не ошиблась. В душе вы уверены, что у Моргана достаточно оснований вести себя подобным образом...

— Конечно достаточно! — не удержался я. — У него практически украли подругу, затем познакомили с приемами восточной борьбы, и мне кажется, что он еще легко отделался. Именно это я хочу ему втолковать при встрече.

— Хорошо мистер Робертс, — холодно произнесла Либби. — Делайте, что находите нужным, но все-таки передайте — я потребую миллион долларов за убытки, если он немедленно не прекратит травлю!

— Миллион?

— Да! — подтвердила она. — Я буду обвинять не только Моргана, но и газету, которая печатает его опусы, вот пусть вместе и расплачиваются!

Выйдя из-за письменного стола, она протянула мне руку. Некоторое время я с дурацким видом смотрел на холеную кисть, но потом додумался, что от меня требуется, и пожал ее.

— До свидания, мистер Робертс. И позвоните мне, как только переговорите с Морганом.

— Хорошо, мисс Холмс.

— Называйте меня просто Либби, — сказала она почти дружелюбно.

Я кивнул и направился к двери, но по пути растерял вдруг все свое самообладание и решительно вернулся к столу. Либби смотрела выжидательно.

— Если Моргана не остановит угроза в миллион долларов, — начал я небрежно, — тогда скажу ему, что вы собираетесь натравить на него банду лесбиянок! Специалист по кастрации, которые устраивают свои налеты по ночам и, естественно, без предупреждения! Такой угрозы не выдержит ни один мужчина.

Она выслушала мою тираду совершенно спокойно, а затем, твердо глядя мне в глаза, ответила:

— Похоже, все мужчины уверены, что если лишить их этой маленькой игрушки, то они превратятся в ничто, в полный нуль. И как я вижу — вы не исключение. — Либби надменно вскинула голову. — Впрочем, в определенной мере так и есть: все ваше гипертрофированное самолюбие заключено в этой штучке, за которую вы так трясетесь! Можете об этом и Моргану сказать. Вообще, говорите ему что угодно, мне важен результат, а не способ, каким вы намерены его добиться.

Я мог бы ей ответить что-нибудь, но чувство юмора

катастрофически оставило меня. Быстро покинув кабинет, я вышел из дома, и проходя мимо грузовичка, пощупал грудь безголовой Венеры. Ощущение, полученное при этом, заставило задуматься: может ли хоть одна живая женщина превратить мягкую, теплую плоть свою в такой твердый и ледяной камень?

2

Чарльз Морган жил в роскошной квартире на самом дорогом верхнем этаже. Судя хотя бы по этому, в газете его ценили — нужно хорошо зарабатывать, чтобы жить в подобной квартире.

Он открыл дверь лишь после третьего звонка, вид у него был весьма озабоченный.

— Извините, — сказал журналист, — я сейчас работаю над очень важной статьей и не могу вас принять. Заходите в другой раз.

— А название вашей статьи: «Долой мужеподобных женщин»? — усмехнулся я, прислонясь к косяку.

— Кто вы? — насторожился он.

— Ваш поклонник. И полностью согласен с тем, что женщина должна быть рабой мужчины. Но боюсь, вам придется отложить работу, если не хотите, чтобы вас втянули в судебный процесс.

— Может быть, вы все же представитесь?

— Разрешите мне войти, тогда я непременно это сделаю.

Он с неохотой посторонился, пропуская меня. Его приятное лицо, обрамленное черными и довольно длинными волосами, оставалось мрачным, а руки нервно полезли в карман куртки, словно он боялся, что помимо воли задушит непрошеного гостя.

— Адвокат — Рендол Робертс, — представился я, перешагнув порог.

— Какой сюрприз! — он насмешливо улыбнулся. — Всегда думал, что адвокаты — джентльмены, а вас можно принять за опустившегося сыщика.

Со словом «опустившийся» он дал маху. Зато теперь мне было много легче приступить к делу, в успехе которого я очень сомневался.

— Видите ли, — начал я, — Ланетте Холмс не нравится все, что вы пишете, и тем более, что говорили при встрече лично. Поэтому она решила обратиться в суд с жалобой на вас.

При упоминании имени гневной из гневных амазонок хозяин квартиры улыбнулся как паук, почувший в своих сетях муху.

— И сколько же она собирается с меня содрать?

— Миллион долларов.

Он презрительно захохотал и прошел в гостиную, в которой стояли белоснежные кресла и красная кушетка. На полу, перед застекленной дверью на балкон, лежал красивый светлый ковер.

Я подошел к окну. Вид на бухту и Голденгеймский мост был великолепен.

— И все-таки, очень советую вам охладить пыл, особенно это касается угроз в ее адрес, — заметил я спокойно.

Он остановился у бара и оперся рукой на полированную поверхность, а затем повернулся ко мне с наглой, и в то же время смущенной улыбкой.

— Признаю, я допустил ошибку, — заявил журналист. — Но что бы на моем месте сделали вы, когда бы вас схватила в охапку толстая баба и вышвырнула за дверь, чуть не проломив затылок!

— Не знаю, не довелось испытать такого, — я пожал плечами.

— Она ничего не рассказала? — удивился репортер.

— Нет. Заявила только, что вы угрожали и продолжаете делать это по телефону.

Морган засопел.

— Эта ведьма отлично понимает, что все мои угрозы — не больше, чем слова.

— Конечно, — заметил я, — когда набрасывается разъяренная женщина, трудно выбирать слова и может сорваться какое-нибудь неосмотрительное замечание в ее адрес. Мне интересно одно — до какой степени оно было неосмотрительно?

— Право, не знаю, — он покачал головой и взял бутылку бурбона. — Что-то вроде: «Поганая ты сука, когда-нибудь я доберусь до тебя и прикончу!»

— Очень остроумно.

— Плевать! Я был вне себя от бешенства.

— Значит, вы утверждаете, что к вашим словам нельзя относиться серьезно?

— Само собой разумеется. Я говорил все это в запале. — Он наполнил себе бокал. — Линда заявила, что между нами все кончено, это вывело меня из себя. А тут еще эта проклятая баба... Да к чему рассказывать...

Выпив, он воинственно поднял голову. Мне тоже хотелось выпить, но я не обиделся, а только заметил:

— Может и стоит рассказать. В суде вам тоже придется объяснять, как было дело, так что сейчас у вас как бы репетиция.

— А вам-то какое дело? — он ухмыльнулся. — Мне ваши советы не нужны, я вас не нанимал. Что касается моих статей, то все вопросы согласованы с редакцией, к тому же я могу писать все, что хочу. Важно, чтобы было интересно, ну и соответствовало истине. Кстати, будет вам известно, в нашей газете тоже есть юрист, и он просматривает все мои материалы, выходящие в печать, так что эта стерва вряд ли найдет, за что зацепиться! А что касается личных угроз... да я заявлю на суде, что меня спровоцировали! Или вообще от них откажусь, вот так-то! — его глаза торжествующе блеснули, но тотчас опять наполнились ненавистью. — Мы с Линдой собирались пожениться, пока ее не заразила своими бредовыми идеями эта вонючая лесбиянка!

— Может, возьмете эти слова обратно? — не без иронии спросил я.

Он отмахнулся.

— Чего ради? Свидетелей нет, я у себя дома и говорю, что хочу! — запальчиво выкрикнул Морган.

— Вы действительно думаете, что Ланетта Холмс лесбиянка?

— Уверен в этом!

— Значит Линда...

— Прекратите! — рявкнул журналист. — Линда совершенно нормальная женщина, просто она чересчур впечатлительна и быстро увлекается всякими бредовыми идеями.

— Другими словами, представляет собой эмансипированную инфантильность, — я хмыкнул.

— Вообще-то, вы мне уже надоели со своими шуточками, — он поставил пустой бокал в бар. — Работу я продолжать буду, и газета меня поддержит, понятно?

— Стоит ли усложнять себе жизнь? — я равнодушно пожал плечами. — Оставили бы в покое этих амазонок, начали бы писать о хиппи, например. Тогда, я думаю, мисс Холмс забудет об инциденте...

— А я не хочу, чтобы она забыла! — воскликнул журналист. — Эта баба наверняка разлучила с любимой не меня одного! Ее радикальные взгляды опасны, они всем принесут вред, и я сделаю все, от меня зависящее, чтобы остановить ее безумный марш против мужчин!

— Но, может быть, Линда вернется быстрее, если вы станете более терпимы? Ведь оскорбляя то, во что она сейчас верит, вы лишь упрочаете, ее уверенность в правильности выбора.

— У меня свои принципы,— сухо заявил Морган, подошел и взял меня под руку.

— Ну что ж, отлично,— я усмехнулся.— Дело — пустяк, речь всего лишь о миллионе долларов.

Он повел меня к двери.

— Эта идиотка никогда не выиграет процесс,— он покосился на меня.— Тем более с таким адвокатом. И вы это прекрасно знаете.

Я счел, что личные оскорбления совсем уж ни к чему, и не стал отвечать в том же духе. Судя по всему, борца за мужское превосходство из меня не получится. Видно, придется стать почетным членом общества «Гневных амазонок»!

— Утолите любопытство,— попросил я на прощанье,— как называется статья, над которой вы сейчас работаете?

— Думаю, сейчас мне придется начать другую,— Морган мрачно усмехнулся.— «Журналиста запугивают судебным процессом» — примерно так будет звучать заголовок.

— Великолепно! — я улыбнулся, и подумал: «Как же так получается, что такой хитрый адвокат, как я, одновременно может быть таким глупцом, который позволит какому-то журналисту накропать очередной пасквиль?»

— Надеюсь, моя статья вам понравится,— заявил Морган цинично.— Да вы не переживайте, вашего имени я не назову.

— Премного благодарен,— с сарказмом ответил я, и журналист захлопнул дверь.

Я вошел в лифт, проклиная могущество прессы. Утешало меня одно: вид из нашей с отцом конторы был ничуть не хуже, чем из окна этого писаки, да и расположена она в более роскошном районе Сан-Франциско.

В приемной за огромным письменным столом, как обычно, сидела Мендел Уормингтон, сидела на своей славной попочке, которую мне всегда хотелось ущипнуть. В ее владения выходили двери двух кабинетов, и Мендел была связующим звеном между ними: направо находился кабинет моего отца, а налево — мой.

Закинув ногу на ногу, секретарша читала газету. Рядом с пишущей машинкой стояла чашка кофе.

— Шеф пришел,— сказал я.

— Нет, шефа нет и сегодня не будет,— бросила она.

— Но я же пришел... И насколько мне известно, должен подписать несколько писем,— буркнул я.

— Ах, да, Ренди! Они уже отпечатаны.— Девушка так и не удостоила меня взглядом.— Письма у тебя на столе. А сказав, что шефа нет, я имела в виду твоего отца.— Она продолжала читать газету.

— Чего я только не пережил за последние часы! — с пафосом воскликнул я.— Битву с фанатичной амазонкой, сражение с разъяренным журналистом, а тут еще и мятежная секретарша!

Мендел подняла голову, откинула со лба каштановые волосы и, наконец, взглянула на меня. О, я хорошо знал эти голубые глаза со стальным блеском, и помнил, как сталь начинала плавиться в огне страсти. Но она давно не давала мне повода увидеть это еще раз.

— Знаешь, что мне не нравится в тебе больше всего? — спросила вдруг секретарша.— Ты, Ренди, уверен, будто женщина должна подчиняться мужчине, а уж я тем более, поскольку в буквальном смысле твоя подчиненная на работе, должна ублажать все твои прихоти! Но ты заблуждаешься! Я не только женщина, я еще и человек, а ты этого, кажется, не понимаешь.

— Во всяком случае то, что ты превосходная женщина, я заметил давно, Мендел.— Я улыбнулся.— И ничуть не отрицая твое право называться человеком. На подчинении, по-моему, тоже не настаиваю. Если я что и желал бы подчинить, так только твое тело, но этого не хочешь понять ты. Имей в виду, на свете мало таких снисходительных шефов, как я.

— Вот-вот! Опять к тому же и пришли! — сердито сверкнули ее глаза.

— Наверное, только что прочитала какую-нибудь статейку,— я усмехнулся.

— Это очень хорошая статья! — сурово заявила Мендел.

— И подписана она Чарльзом Морганом, не так ли?

— Нет... Линдой,— девушка заглянула в газету,— Линдой Лазарев. И большей частью мне ее рассуждения нравятся.

— Полагаю, мне лучше пойти и подписать письма,— встал я поспешно и скрылся в своем кабинете.

Подписав бумаги, я откинулся на спинку кресла, крутнулся к окну, снова увидел расстилающуюся внизу бухту,

вспомнил Моргана и подумал, что он прав. Да, он прав в своем страстном желании отправить к праотцам Ланетту Холмс! Или хотя бы в том, что непременно нужно остановить эту оголтелую бабу, а иначе отношения между мужчинами и женщинами очень скоро и повсеместно перейдут в непримиримую вражду.

Зазвонил телефон.

— Тебя спрашивает мисс Холмс,— строго сказала Мендел.— Звонит по важному делу.

— Соедини.

В трубке раздался голос самой гневной амазонки.

— Мистер Робертс?

— Да, Либби, слушаю вас.

— Вы виделись с Морганом?

— Да, и собирался вам позвонить... К сожалению, он очень несговорчивый человек...

— Ладно, с ним разберемся потом. А сейчас я прошу вас срочно приехать, дело очень важное.

— Вы уверены в этом? У меня много дел, и все они срочные и важные...

— В одну из наших девушек стреляли! — раздраженно перебила меня Либби.— В полицию я обращаться не хочу, поэтому и звоню вам. Вы приедете?

— О'кей,— ответил я недовольным тоном.— А револьвер мне тоже оставить у входа?

Мисс Холмс молча положила трубку на рычаг.

3

— Вызовите полицию,— настоятельно посоветовал я.

Черноволосая девушка с заплаканным лицом вся сжалась в комочек, сидя в кресле, стоящем рядом со столом Либби. Она выглядела очень испуганной.

— Никакой полиции! — крикнула мисс Холмс.— Мы примем дополнительные меры, хотя дом и так хорошо защищен, а этих мужланов я на территорию не пушу!

— Если дом хорошо защищен, почему же в эту девушку стреляли? — спросил я с сарказмом.

— Эффект неожиданности! — выпалила Либби.— Мы не ожидали столь наглого нападения, этим и воспользовался наш враг. Хоть Морган и угрожал, но я полагала, что он слишком слабоволен, и не сможет осуществить свои намерения.

Предводительница амазонок перегнулась через стол, заботливо разглядывая съежившуюся в кресле фигурку.

— Может быть, он спутал ее со мной?

— Вы же сами этому не верите! — я ухмыльнулся и бросил взгляд на миниатюрное, испуганное создание.

— Боже мой! — воскликнула Либби. — Возможно, он и не хотел убить Дорис, да вообще, кого бы то ни было, а просто надумал нас хорошенько напугать, решив, что уж после такого ужаса Линда сама бросится к нему в объятия и навсегда забудет наш союз! — мисс Холмс саркастически улыбнулась. — Ничего у него не получится.

— Мне понятен ход ваших мыслей, — терпеливо заметил я, но нахожу вашу теорию несостоятельной, я ведь уже имею понятие, что из себя представляет Морган.

— Какова же ваша теория, уважаемый адвокат? — с издевкой спросила Либби.

— Вообще никакой, — честно ответил я. — Но мое мнение однозначно — вы должны сообщить полиции...

— Это исключено! — всхлипнула Дорис, подняв личико, припухшее от слез. Светло-карие глаза смотрели жалобно.

— Почему?

— Либби ведь уже объяснила! Мы только на руку сыграем этому человеку!

— Хм... почему это?

— Неужели вы не понимаете? — с возмущением подхватила мисс Холмс.

— Иногда до меня доходит кое-что, — я посмотрел в ангельский лик черноволосой амазонки и снова перевел глаза на Либби. — Попробуйте мне втолковать, а я уж постараюсь понять.

— Что, по-вашему, сделает Морган, если мы вызовем полицию? — спросила она, как строгая учительница, вытягивающая из ученика хоть два-три слова для отметки.

— Э-э... напишет статью, — ответил я бодро.

— Гениально! — поощрила Либби. — А что он напишет, как вы думаете?

— Ну, это же понятно — напишет, совершенно покушение на одну девушку из союза «Гневных амазонок», дело расследует полиция...

— Не будьте смешным! — перебила мисс Холмс. — Он, первым делом, начнет издеваться над нами. Станет расписывать, как независимые амазонки на деле оказались беззащитнейшими существами и обратились за помощью к большим и сильным мужчинам, работающим в полиции! Таков его стиль, уж я-то знаю.

— Ну и что предлагаете вы? — поинтересовался я.

Оставить Дорис в саду как приманку и посмотреть, что из этого получится?

— Очень умно,— обронила она с издевкой в голосе.— Вы, похоже, не заметили, что территория огорожена высокой стеной, поэтому попасть к нам, практически, можно только через ворота...

— Прекрасно, спрашиваю еще раз: как же сюда проник человек, стрелявший в Дорис?

Произнося последнее слово, я уже нашел версию, и не дав никому ничего сказать, спросил:

— Вы, вообще, уверены, что стрелял посторонний? А может быть кто-то из живущих здесь?

— Смешно! — Презрительно отвергла мое предположение мисс Холмс.

— Нет, нет! — Поспешно и одновременно с ней воскликнула жертва покушения.— Уверю вас, я видела мужчину! — девушка показала на открытое окно, которое находилось на одной линии со столом и креслом.

Я внимательно осмотрел стену позади стола и нашел след, оставленный пулей.

— Либби,— обратился я к мисс Холмс,— вы тоже находились в кабинете?

— Нет,— покачала головой Дорис, переставшая уже плакать.— Мы работали, я записывала под диктовку, а потом Либби пошла за словарем...

— Дорис — моя секретарша,— поспешно вставила воинственная амазонка. По-моему, даже слишком поспешно.

Дорис бросила на нее быстрый взгляд, и я, уловив в нем странный какой-то блеск, подумал мимоходом, что привлечь Моргана за клевету, пожалуй, не удастся.

— У вас не было никакого предчувствия? — обратился я к пострадавшей.

Девушка отрицательно покачала головой, и словно ища поддержки, снова взглянула на Либби.

— Нет, ничего такого...— пробормотала она.— Выстрел раздался неожиданно, я обернулась, увидела, как от дома убегает мужчина, и закричала.

— Да,— кивнула Либби,— когда я влетела в кабинет, у нее была уже настоящая истерика. Мы отвели Дорис в ее комнату, уложили в постель, а потом позвонили вам.

— Кто это «мы»?

— На крик сбежались и другие женщины.

— Хм, другие женщины...— пробормотал я многозначительно.— Каким же образом намерены вы их защитить?

без полиции? Если, конечно, вы действительно нуждаетесь в защите...

— Мы усилим меры предосторожности,— холодно заявила Либби и достала сигарету с позолоченным мундштуком из дубового ящичка, стоящего на столе.

Дорис тоже закурила, я от сигареты отказался.

— Почему бы вам не нанять частного сыщика? — спросил я.

— По той же причине, по которой я не желаю обращаться в полицию! — воскликнула Либби, глядя на меня как на последнего идиота.

Я твердо выдержал ее взгляд и тем не менее заявил:

— Не понимаю. Частный детектив вряд ли будет давать интервью журналистам, а тем более — Моргану.

— Но он может привлечь внимание,— сердито возразила мисс Холмс, и если Морган наблюдает за нашими владениями, то рано или поздно заметит его.

— О'кей, значит, помощь вам не нужна,— усмехнулся я.— Вы тут все такие ловкие и сильные, что вполне можете постоять за себя сами. Зачем тогда понадобился я?

Либби неожиданно мягко улыбнулась, и если бы я не успел немножко узнать ее за время нашего общения, я бы назвал эту улыбку самой дружеской.

— Никто не говорит, что нам не нужна помощь,— сказала она.— В подобной ситуации, и я это признаю, мужчина действительно способен помочь нам.

— Можете быть уверены, что этих слов я Моргану не передам,— улыбнулся я.

— О! Да он бы все равно не поверил! — ответила она бархатным голосом.

— Но если Чарльза Моргана разозлить...— начал я и остерегся продолжать.

Либби мгновенно протрезвела и снова метнула в меня свой пронзительный и жесткий взгляд.

— Прекратите! — она жадно затянулась и, выпустив дым, заговорила властно.— Я хочу, чтобы вы остались здесь и предотвратили очередное покушение, или что там еще последует. Морган знает, кто вы, и вряд ли посмеет появиться вновь, если только находится в своем уме!

— Вы хотите, чтобы я провел ночь в этом доме?

— Именно так, да и завтра вы нам пригодитесь, пока будут приниматься дополнительные меры по охране владений.

— Но как же забрался сюда преступник? — третий раз спросил я.

Хозяйка дома пожала плечами, и я заметил игру мышц под прозрачной тканью блузки. Да, мисс Холмс была сильной женщиной, и все же я не мог назвать ее мужеподобной.

— Ворота я осмотрел, когда приехал, там полный порядок, замок не взломан. Через стену перелезть очень трудно, пожалуй даже невозможно,— начал я рассуждать вслух.

— Согласна с вами,— подхватила Либби.— Тем не менее я распоряжусь, чтобы через колючую проволоку пропустили ток. Завтра же займусь этим, и тот, кто попытается проникнуть к нам через ограду, скорее попадет сразу к праотцам! — заявила она грозно.

— А не может быть так, что кто-то впустил постороннего? Ведь если в крепости,— я улыбнулся,— есть сообщник, не нужно лезть на стену...

— Какой сообщник? — скептически усмехнулась Либби.— Здесь нет мужчин! — Добавила она гордо.

— Если вы позволите мне побеседовать с остальными девушками, живущими здесь, я возможно смогу дать более определенный ответ.

Мисс Холмс посмотрела на Дорис, затем снова на меня, размышляя о чем-то.

— Нет, это исключено,— заявила она наконец.— С другими вам знакомиться ни к чему, в этом нет ни малейшей нужды. Я же не требую от вас расследования, а вы — не сыщик, но адвокат, если не ошибаюсь. Вот и прошу всего лишь вашей защиты.

— А если другие дамы сами желают познакомиться со мной? — спросил я с самой обаятельной улыбкой.

— Не уверена,— ядовито отрезала Либби.— У вас есть оружие?

— Вы же требуете, чтобы мужчины по-возможности все, так сказать, мужское, оставляли за воротами,— усмехнулся я.— Револьвер я оставил в машине.

— Сходите за ним,— приказала она, затем подошла к Дорис и положила ей руку на плечо.— Пойдем, дорогая. Тебе лучше всего лечь в постель.

Признаться, такой нежности в голосе гневной амазонки я не ожидал.

Дорис облегченно вздохнула и поднялась. Она еще нетвердо держалась на ногах.

Когда за ними закрылась дверь, я подошел к креслу, осмотрел его, но кроме следов слез ничего не обнаружил на черной коже. Тогда я вновь подошел к стене, прикинул

траекторию полета пули и выглянул в окно. Метрах в пяти от стены дома была разбита цветочная клумба, а за ней, вдоль дороги стояли эвкалипты. Солнце уже зашло, за деревьями я не разглядел ничего.

Я хотел уже отправиться за револьвером, но тут подумал, что я, в конце-концов, не частный сыщик и не личный телохранитель мисс Холмс, тогда зачем мне лишние хлопоты? Не проще ли сесть в машину и уехать, предоставив воинственной даме самой решать свои проблемы. Так бы я и поступил, но в этот миг раздался ласковый шепот:

— Хелло, приятель! Очень рада с вами познакомиться!

Я выпрыгнул из кресла, словно укушенный тарантулом, и оглянулся. Под окном стояла очаровательная девушка, нежное личико которой обрамляли темно-каштановые волосы. Ее глаза были подобны двум миндалям, а губы, казалось, источали аромат спелой дыни. На секунду я просто онемел.

— Рады познакомиться со мной? — переспросил я взволнованно и снова упал в кресло с бешено бьющимся сердцем.

— Да,— нежно шепнула она.— Слушайте меня! Пройдите в комнату, что напротив этого кабинета, через нее выйдете на террасу и в сад, я жду вас там.

Я снова оглянулся, но знакомка уже исчезла.

Бывают минуты, когда мужчины не переносят распоряжений женщины, но случается и наоборот. Поэтому я сказал себе, что револьвер может подождать.

4

Она имела прекрасную фигуру. Разрез красной мини-юбки обнажал ноги при каждом ее шаге чуть не до талии. Длинные и стройные ножки были очень аппетитны, а на фоне белого пуловера выделялась небольшая, но красивая грудь.

Прелестная амазонка приложила к губам палец, предостерегающе оглядываясь по сторонам, взяла меня за руку и потянула за собой по эвкалиптовой аллее. Миновав ее, мы вошли в сосновую рощицу, могучие ветви сомкнулись крышей над нашими головами. Я то и дело спотыкался о корни, но энергичные пальчики цепко держали мою ладонь и все тянули за собой в глубину леса.

Когда мы оказались на берегу небольшого пруда, девушка повернулась ко мне с глазами, полными восторга.

— Давно не встречала такого роскошного мужчины! —

выдохнула она. — Меня зовут Дениз. А вы — мистер Робертс, адвокат, не так ли?

Утвердительно кивнув, я тоже назвал свое имя.

— Вы мне безумно нравитесь, Ренди! — возбужденно шепнула она.

— О? — удивился я. — Мы же знакомы всего лишь несколько минут.

— Ну и что? — отмахнулась она. — Я уже успела влюбиться в вас, разве это плохо?

Я согласился, что это замечательно, но для меня слишком неожиданно, и мне необходимо прийти в себя.

— Вы, кажется, хотели мне что-то сообщить? — спросил я, давая себе возможность очухаться.

— Да, — Дениз кивнула. — Успеем о деле, у нас еще достаточно времени! С тех пор, как Либби запретила молочнику переступать порог своих владений, я не стояла рядом с мужчиной так близко! — горячо и торопливо пробормотала она.

— С тех пор, — повторил я. — Это произошло очень давно?

— Недели две назад, — Дениз как-будто задумалась. — Да, так и есть. О, боже, я вконец изголодалась!

— А почему Либби запретила входить молочнику?

Дениз хихикнула и со смущением отвернулась.

— Потому, — сказала она, — что я слишком слаба, чтобы неукоснительно придерживаться всех принципов, за которые борются мои сестры-амазонки. А — позор для нашего союза...

— Так, я полагаю, говорит Либби. А каково ваше мнение?

— Просто, я питаю слабость к мужскому полу, — девушка сделала шаг вперед и ее грудки коснулись моей груди. — Я питаю к мужчинам столь страстную слабость, что совсем не желаю бороться, когда они рядом и милы со мной! — она прижалась ко мне сильнее и хихикнула. — Наверное, во мне есть что-то от нимфоманки.

— Бывает и хуже, — с иронией заметил я.

— Вот-вот, — Дениз укоризненно покачала головой. — Как только мужчины начинают говорить, я целиком и полностью согласна с Либби. Наверное, именно это заставило меня примкнуть к ее движению. Конечно, я могла бы не запираяться в ее обители, но мне хотелось испытать себя... Увы, плоть моя слаба...

— Да, тяжело вам тут, — посочувствовал я. — За такой тюремной стеной...

— Все не так уж плохо! — она хитро улыбнулась. — Мы выезжаем с докладами, организуем демонстрации, а мужчины всюду, и я успеваю использовать малейшую возможность.

— Хм... может быть я сумею быть вам полезен?

— То есть? — она лукаво вскинула глазки.

— Последую природным инстинктам, сорву с вас одежду и...

— О, Ренди, скорее же! Скорее следуйте своим инстинктам!

Дениз торопливо стала расстегивать пуговицы моей рубашки, а я принялся за пуговицы ее юбки. Через минуту мы уже упали в траву.

— Ренди! — томно простонала она, — какое счастье! Такой крепкий мужчина, о! Глаза бы мои не смотрели на того общипанного молочника, судьба смилостивилась, похвалю вас, такого бесподобного парня!

Я не нашел возможности поблагодарить ее за комплимент, у меня были другие заботы. Она застонала еще жарче и притянула меня к себе неистово. Наступал самый торжественный момент.

— Дениз! — раздался над нами резкий окрик.

— Как это похоже на тебя! — ехидно произнес другой голос.

Я перестал дышать, приподнял голову и увидел прямо перед носом две пары ног в черных сапожках и брюках.

Отважившись, я поднял голову еще выше и встретился с возмущенными взглядами двух женщин, не столь прекрасных, как Дениз, но все же, не менее аппетитных. У меня голова пошла кругом. Но они смотрели на меня с таким гневом, что я подумал: «А не лучше ли мне одеться и как можно быстрее?»

Я отполз в сторону, собрал свою одежду, бросил Дениз ее юбку и натянул брюки.

— Мы всего лишь обсуждали некоторые правовые аспекты изнасилования, — буркнул я, не поднимая глаз. — Однако, вы нам помешали и теперь мы, наверно, не придем ни к какому выводу.

— Если бы зависело от меня, — пролопотала Дениз, — я совсем не прочь довести нашу беседу до конца.

— Это было больше похоже на практику, чем на теорию, — ядовито заметила одна из подошедших.

Я посмотрел на ее иссиня-черные волосы и не смог решить, естественный ли это цвет. Женщине было не больше двадцати шести лет. С ее спутницей, что была

несколько ниже и полнее, я уже имел счастье познакомиться. Но сама Линда Лазарев казалась просто неприступной скалой, она явно игнорировала мое присутствие.

— Дениз, ты же должна была привести его к нам! — с упреком набросилась она на прелестную шалунью. — Мы ждали вас целых полчаса!

— Могли бы и еще подождать, что за спешка? — ухмыльнулась Дениз.

— Да мы слишком хорошо знаем тебя, дорогуша! — презрительно бросила черноволосая.

Я внимательнее присмотрелся к ее стройной девчоночьей фигурке. Она выглядела прекрасно, лишь отсутствие косметики делало ее лицо слишком строгим.

— Нам необходим ваш совет, мистер Робертс, — Линда наморщила лобик и смутилась. — Точнее, мы хотим просить вашей помощи в одном вопросе...

— Вот оно как! — воскликнул я. — Похоже, всем здесь нужна моя помощь! А где же ваш самостоятельный, эмансипированный ум, способный все решать без мужского тщеславного умишки?

— Вы не хотите нам помочь? — хмуро спросила мисс Лазарев.

— Если я его попрошу, Ренди нам обязательно поможет! — проворковала Дениз.

— Ладно, — буркнул я недовольно. — Выкладывайте, что там у вас? — Поднявшись, я затянул ремень и отряхнул брюки. — Хотя, для начала не мешало бы получше узнать, что у вас здесь творится и кто есть кто. Я даже не знаю, с кем имею честь...

— О, извините! — торопливо пробормотала Линда. — Это Кэрри Нейтли, отвечает за общественную работу и налаживает контакты с внешним миром, в частности, она заботится о том, чтобы все, написанное мной, нашло как можно больше читателей.

— Понятно. А Дениз чем занимается?

— Я отвечаю за финансы, веду всю бухгалтерию, — пропищала моя соблазнительница. — К этой работе у меня просто талант!

Я подумал, что талант у нее, похоже, совсем к другому, но уточнять не стал.

— Может, ты все же оденешься? — с усмешкой спросила Кэрри. — Иначе мы никогда не приступим к делу! Письмо у тебя, Линда?

Мисс Лазарев вынула из кармана брюк конверт, но не сразу подала мне.

— Это письмо из Нью-Йорка, оно случайно попало мне в руки,— смущенно проговорила она.— Пишет отец одной девушки, примкнувшей к нашему движению... письмо очень странное, мы теряемся в догадках...

— Я считаю, что этот человек просто пытается запугать нас! — резко заявила Кэрри.

— А нам с Дениз кажется, что за ним кроется какая-то тайна,— неуверенно сказала Линда.— Мы решили расследовать, но не знаем, с чего начать. Не могли бы вы подсказать? — она протянула мне конверт.

Я взял его с улыбкой, хоть меня и раздражало, что у окружающих возникла навязчивая идея, будто я обязан помогать им. Письмо сначала было разорвано кем-то на мелкие кусочки, а затем аккуратно склеено.

«Многоуважаемая мисс Холмс!

Возможно, вы уже слышали обо мне от своих функционеров. Если нет, сообщаю, что я — отец восемнадцатилетней девушки, ставшей, как я предполагаю, жертвой вашей организации. Это всего лишь предположение, поскольку я не могу найти дочь, но уверен, что все-таки отыщу ее. И если ваша организация виновна в ее исчезновении, я призову вас к ответу.

Возможно, вы ничего не знаете о судьбе моей девочки, тогда советую вам основательно проверить деятельность ваших функционеров в других городах. Смею заверить, дело весьма серьезно, и я имею основания писать так.

С уважением Берт Т. Томас.»

— Гм, такое письмо мог написать человек, действительно, желающий напугать вас до смерти,— заметил я, складывая письмо.

— А в **ином** случае вывод напрашивается сам собой,— прищурилась Дениз.— В нашей организации есть люди, которые делают какие-то свои темные дела, а мы ничего не знаем!

— Не обязательно,— заметил я.— Автор говорит, что у него нет полной уверенности, да и в самом письме — почти никаких фактов.

— Мистер Робертс, вы не могли бы выяснить подробности? — робко спросила Линда.

— Прошу вас, Ренди! — поддержала Дениз.

— Я нахожу, что мистер Робертс зря потратит время! Это просто — очередная попытка запугать нас,— решительно заявила Кэрри.

Линда нахмурилась и повернулась к ней.

— Но мы должны выяснить! Если происходит что-то противозаконное...

— Например, какое отношение ко всему этому имеет Либби? — неожиданно перебила ее Дениз.

— Либби? — удивился я. — Вы хотите сказать, что она сама разорвала письмо?

Мисс Лазарев сконфузилась.

— Я нашла обрывки письма в ее кабинете, совершенно случайно, — с несчастным видом пробормотала она. — Принесла рукопись, Либби не было, я положила статью на стол, но один лист подхватило сквозняком, и он упал. Я наклонилась за ним и в корзине для бумаг заметила что-то, разорванное на мелкие куски... Конечно, это слабость и стыдно об этом рассказывать... В общем, я поняла, что это какое-то письмо и... и не устояла перед любопытством. — Она вздохнула. — Впрочем, сейчас важно выяснить, что за ним кроется. Вы понимаете, конечно, я не могла спросить об этом Либби, но показала письмо Кэрри и Дениз.

— Может быть, мисс Холмс разорвала письмо после того, как написала ответ? — спросил я.

— Не думаю, — Линда покачала головой. — Я просмотрела книгу учета, переписки с мистером Томасом там не зафиксировано. К тому же Либби никогда не выбрасывает писем, и тем более тех, на которые она отвечает.

— Ну что ж, пожалуй, возьмусь вам помочь, — медленно проговорил я. — Можно, к примеру, нанять частного детектива в Нью-Йорке, он выяснит все об авторе письма и его дочери, если таковая имеется.

— Вот и прекрасно! — прошептала Дениз, — я, как ответственная за финансы, гарантирую вам оплату всех расходов!

— Договорились. Едва что-нибудь узнаю — дам знать, — пообещал я. Кстати, вам известно о сегодняшнем происшествии?

— Естественно, — мрачно обронила Кэрри. — Все слышали выстрел.

— Да, — кивнула Линда. — Я даже связала как-то подсознательно это покушение с письмом, — торопливо добавила она. — Не знаю, у меня такое чувство...

— А что вы скажете на предположение мисс Холмс, что стрелял Чарльз Морган? — неожиданно задал я вопрос, глядя ей прямо в глаза.

— Это... это бред, — тихо сказала Линда. — Он не может убить...

— Никто и не говорит об убийстве. Может быть, он в самом деле решил таким образом напугать именно вас, надеясь, что после паники вы скорее вернетесь к нему? — говоря это, я внимательно наблюдал за мисс Лазарев.

На ее лице появилась снисходительная улыбка.

— Либби его совсем не знает, мистер Робертс. Чарли не способен на подобные выходки, он, я бы сказала, слишком джентльмен для подобных авантур. Он и Либби ненавидят друг друга скорее из принципа, — она вздохнула. — Правда, похоже, что место этого принципа все больше занимаю я, вот что печально и в чем суть.

— Мужчины делают, что хотят! — неожиданно возвестила Дениз печальным голосом. — Если бы женщины имели такую свободу, они бы тоже посвятили себя важным проблемам, и давно бы уже решили важный вопрос об отношениях полов.

— Вечно у тебя на уме один секс! — насмешливо одернула ее Кэрри. — Не понимаю, зачем ты вообще пришла к нам, если и недели не можешь прожить без мужчины! Ложишься под каждого встречного, фу! — совсем разошлась она.

— Моя дорогая мисс Нейтли, — начала язвительно Дениз, уперев руки в боки, — я заинтересована в улучшении отношений между мужчинами и женщинами по причинам естественным и нормальным. А вот вы, кажется, одержимы одним желанием — мстить всем мужикам, не обратившим на вас внимание в свое время!

— Шлюха! — прошипела Кэрри.

— Гермофродит! — не осталась в долгу Дениз.

— Прекратите немедленно! — сердито крикнула Линда. — Мы никогда не одержим победы над враждебными полчищами мужчин, если будем тратить энергию на распри между собой!

— Лучше скажите, кто-нибудь из вас видел человека, стрелявшего в Дорис? — спросил я.

— Нет, — коротко бросила Линда.

Кэрри, кинув на меня гневный взгляд, покачала отрицательно головой, Дениз растерянно улыбнулась и виновато пожала плечами.

— Я ничего не видела, — сказала она, — но у меня есть свое мнение о нынешнем происшествии. Совсем недавно Дорис звонил бывший муж и умолял, чтобы она вернулась к нему. Может быть, это он решил ей отомстить таким образом?

— Да, он звонил, — подтвердила Линда. — Не знаю уж, что говорил, но девочка после разговора была сама не своя.

— Хм, ни Либби, ни Дорис о нем не обмолвились, — заметил я.

— О, они очень не любят касаться этого вопроса, — ехидно вставила Кэрри.

— Вы полагаете, мистер Робертс, что кого-то из нас действительно могут убить? — с отчаянием воскликнула Дениз.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Возможно, этой ночью еще что-нибудь произойдет, вот тогда и узнаем.

Женщины тревожно переглянулись.

— Мне кажется, нам лучше пройти в дом, — чуть слышно сказала Линда.

— Вы идите вперед, а мы с мистером Робертсом вас догоним, — поспешно предложила Дениз.

Кэрри злорадно усмехнулась, Линда только покачала головой.

— Прошу вас, — чуть не со слезами в голосе прошептала Дениз, но обе амазонки решительно не желали ее слушать.

Она вздохнула и молча побрела к дому. Сестры-амазонки последовали за ней, как конвоиры — с обеих сторон. Передо мной покачивались женские бедра, я вспомнил об интрижке с Дениз, так и не закончившейся естественным образом, разволновался вновь и чуть не налетел на дерево. Взяв себя в руки, я оторвал взгляд от женских прелестей, и надумал все же сходить за револьвером.

— Где вы пропадали? — гневно спросила Либби, как только я переступил порог ее кабинета. Перед ней на столе стоял бокал, наполненный янтарной жидкостью.

— Это бурбон? — спросил я.

— Виски. — Она кивнула на шкафчик позади меня. — Можете выпить тоже.

Я налил себе двойную порцию и выпил, не взглянув на хозяйку кабинета, уж слишком презрительным взглядом провожала она меня от кресла до шкафчика.

— Вы разговаривали с другими женщинами, несмотря на мой запрет, что это значит?

— Позвольте уточнить, инициатива принадлежала скорей уж женщинам, чем мне, — сказал я спокойно.

— Дениз, не так ли? — мисс Холмс поморщилась, словно проглотила горькую пилюлю.

— Вы правы,— улыбнулся я.

— Она повела вас к пруду?

— Да.

— И что дальше?

— Ничего,— сказал я, не скрывая сожаления.— Линда и Кэрри помешали нам. Но они, кстати, рассказали о человеке, которого вы даже не упомянули при нашем разговоре. Муж Дорис...

— Бывший! — злобно перебила меня Либби.— И почему это я должна о нем помнить?

— Хотя бы потому, что он тоже мог желать смерти жены.

— Смешно. Натаниэл Нибел — человек — беспозвоночное, он не отважится даже голоса повысить, и уж тем более — нажать на курок! — Либби презрительно передернула плечами.

— В тихом омуте, говорят, черти водятся,— заметил я.— К тому же есть люди, которые боятся повысить на другого голос, но они могут выстрелить и молча...

— Не думаю. Но если у вас возникли сомнения, можете связаться с Нибелом и выяснить, где он находился сегодня во второй половине дня.

— Я предпочел бы поговорить с ним лично. Он действительно хочет вернуть Дорис?

Либби нахмурилась.

— Об этом вам лучше спросить у него. Меня это не касается. Знаю лишь, что Дорис не вернется к нему ни за что на свете. Пять лет жизни с таким слизняком любую доведут до нервного истощения!

— У вас есть его адрес?

— Да, должен быть где-то,— она вздохнула, показывая, как наскучила ей тема, заглянула в бумаги и выписала адрес Нибела.

— Револьвер-то из машины вы хоть забрали? — спросила мисс Холмс с усмешкой.

— Да.

— Хорошо. В таком случае можете отдыхать в комнате для посетителей, там есть кушетка. Надеюсь, вы не будете дрыхнуть как сурок?

— Сперва я хочу переговорить с Нибелом. Вы можете сказать женщинам, чтобы они не покидали дом и заперли все двери, пока я буду отсутствовать?

Она резко выпрямилась и с силой ударила ладонью по столу.

— О, боже мой! Ну зачем вам ехать к нему именно сейчас?

— А если в Дорис стрелял он?

— Еще раз повторяю, ваша задача не искать преступника, а защитить нас от него!

— Если я найду стрелявшего — это и будет лучшей защитой, вы не находите?

Кажется, воинственная амазонка не знала, что ответить. Я взял со стола бумажку и прочел адрес.

— Вернусь минут через сорок, револьвер оставляю вам, — я улыбнулся, — на всякий случай.

5

Нибел жил в буковой роще на холме, возвышающемся над Пало-Альто. Дом стоял на склоне в тени сосен и буков. Когда я подъехал к нему, из окон лились звуки оперной арии.

Дверь открыл тщедушный, маленький человек.

— Простите, но я не могу вас принять, — заявил он. — Я слушаю божественную музыку, и в такие минуты никого не принимаю, зайдите пожалуйста в другой раз.

Я спросил себя, почему это люди норовят закрыть дверь перед моим носом? И кажется, нашел ответ — просто кое-кто не может видеть спокойно человека более красивого и умного, чем он сам.

— Речь пойдет о вашей жене, — сухо сказал я.

— О моей жене? Что с ней? — занервничал человек.

— Ее чуть не убили.

— О, господи! — Он засопел и потер глаза, словно только проснулся.

— Может, вы все-таки пустите меня в дом? Я мог бы рассказать подробней.

Нибел быстро отступил в сторону, и я вошел. Комната была обставлена очень просто. Большая часть мебели напоминала интерьер садового домика. Стулья имели широкие подлокотники и тонкие синие подушечки на сиденьях.

— Надеюсь, с ней ничего не случилось? — спросил хозяин, тяжело дыша.

— Только нервное потрясение, — успокоил я. — Очень надеюсь, вы не откажетесь помочь мне кое в чем разобраться?

Нибел подошел к проигрывателю и с сожалением его выключил.

— Дело в том... понимаете ли... Я не видел жену более

года, и понятия не имею о ее нынешней жизни... Не знаю, кому могла понадобиться ее... — он не мог произнести вслух последнее слово. — Возможно, этой ужасной женщине, с которой она живет.

— Дорис видела убегающего мужчину, но не опознала его. Вас, я полагаю, она бы узнала даже через год... А может быть и узнала? Но не захотела выдать?

— Я попрошу... что вы себе позволяете? — он упал в кресло, словно подкошенный. — Неужели вы думаете, что я... что я хотел убить свою жену?

— Я не знаю вас, не знаю, на что вы способны в гневе.

— Нет! Нет! Я не могу, нет! Ваши подозрения ужасны!

— Тогда, предположим, что вы хотели убить Ланетту Холмс, но в последний миг поняли, что обознались...

— Нет. — Он выпрямился и плотно сжал губы.

— Но вы пытались убедить Дорис вернуться, не так ли?

— Я считаю, что моя личная жизнь вас нисколько не касается, — он сжал губы еще сильнее.

— Поймите же, — не сдавался я, — мне необходимо выяснить мотив преступления, и я вынужден задавать вам подобные вопросы. Не ищите в моих словах пошлых намеков!

— Все ваши утверждения — бред! Если я хотел вернуть жену, зачем бы мне убивать ее?

— В отместку. — Я помолчал. — Ведь она отказалась вернуться и... Впрочем, может вы и не собирались убивать ее, а решили просто напугать, но все с той же целью — чтобы она одумалась и вернулась.

— С меня хватит, мистер... даже не знаю вашего имени. Да это и не имеет значения. Я требую, чтобы вы оставили меня в покое. Конечно, вас подослала эта бой-баба, чтобы припугнуть меня. О, она хорошо знает, что если я о чем-то говорю, то говорю серьезно. И если она не отдаст мне Дорис, я взорву ее паршивую обитель... — он умолк, растерянно взглянув на меня.

— Что вы имеете в виду в данном случае? — спокойно спросил я. — Жену убить вы не можете, а взорвать целое поместье... И почему вы говорите о жене, как будто она заключенная?

— Да потому, что это так и есть, — помрачнел он. — Но не вижу смысла обсуждать эту тему с вами. Вы же, очевидно, находитесь на службе у Либби, с вами я не желаю говорить ни о чем.

— Вторую половину дня вы провели у себя дома? — внезапно атаковал я.

Он уставился на меня, как на полного кретина.

— Я у себя дома, мне не перед кем отчитываться. Но чтобы вы оставили свои глупые подозрения скажу: я находился здесь с четырех часов, с того момента, как вернулся из поездки.

— Из поездки?

— Да, я постоянно езжу на восточное побережье, профессия обязывает.

— А кто вы по профессии?

— Агент.

— И как там, в Нью-Йорке?

— Душно, грязно... У вас больше нет вопросов, надеюсь? Если в ваших словах есть хоть доля правды, благодарю за сообщение, что моя жена жива и здорова. Этому я искренне рад и позвоню ей сегодня непременно.

— Я бы на вашем месте не стал ее беспокоить. После шока Дорис нужно прийти в себя, сейчас она наверняка спит.

— Да, понимаю.

Он поднялся и пошел к двери.

— Еще одно, мистер Нибел. Я думаю, ваше мнение обо мне со временем изменится, так имейте в виду — я адвокат, и с удовольствием готов помочь как вам, так и вашей супруге. Уверяю вас, что бы вы ни рассказали, все останется между нами.

Он посмотрел на меня скептически, всем своим видом показывая, что вряд ли когда-нибудь обратится ко мне, и молча закрыл дверь.

Дернув медную проволочку звонка у ворот «Гневных амазонок», я прождал десять минут, прежде чем услышал скрип гравия под чьими-то ногами.

— Мистер Робертс, — сказала Либби, которая уже не выглядела столь воинственной и непримиримой, как утром, — я очень рада вашему возвращению. Без вас мы чувствовали себя несколько неуютно.

Я пропустил мимо ушей эту льстивую фразу, поскольку рядом с ней стояли Линда и Дениз, а их присутствие слишком волновало столь самоуверенного мужчину, как я. Уж кто-кто, а они точно были рады видеть меня.

— Никто не появлялся?

— Нет, — ответила Либби. — Мы все время сидели в холле, но ничего не слышали. Преступник не осмелился повторить попытку.

— Или выжидает, пока мы уснем, а там уж перебьет всех разом,— пошутил я.

Глядя на женщин, стоящих за воротами, я подумал, что Линда и Дениз действительно похожи на заключенных, а Либби — на надсмотрщицу.

— Где Кэрри? — спросил я.

— Наверху, присматривает за Дорис. Я решила, что мы будем дежурить у нее по очереди.— С этими словами мисс Холмс нажала скрытую в стене кнопку, и в тишине открывшийся замок щелкнул оглушительно. Я распахнул ворота и снова сел за руль остина.

— Кто хочет прокатиться? — весело пригласил я.

Либби одарила меня ядовитейшим взглядом, а на своих спутниц посмотрела неодобрительно.

— Как чудесно! — защебетала Дениз, — я еще не катаюсь в такой роскошной машине! — она плюхнулась на сиденье рядом со мной.

— А мне где сесть? — нерешительно спросила Линда.

— Садись рядом со мной,— затрещала Дениз, распахнув дверцу.— Ренди ведь не будет против, если я к нему слегка прижмусь?

Линда втиснулась в машину и с третьей попытки закрыла дверцу.

— Ох, тут и правда, стало тесновато! — взвизгнула Дениз возбужденно.

— Мне бы не мешало как-нибудь повернуться, чтобы включить зажигание,— сказал я.

— Зачем? — она прижалась ко мне щекой и горячо зашептала, что лучше всего включить первую скорость и все будет в порядке.

— Поезжайте как можно медленнее, нам некуда спешить,— попросила она и укусила меня за мочку уха.

Я кое-как завел мотор и нажал на педаль. Либби все еще стояла у машины.

— Закрою ворота и подойду следом за вами,— сказала она, осуждающе глядя на нас. Дениз дрожала мелкой дрожью.

Сейчас Либби еще больше напоминала надсмотрщицу. Ее взгляд, казалось, говорил девушкам, что она немного ослабила поводья только из-за моего присутствия, но потом спросит за все и с полной строгостью.

У дома мы дождались ее и все вместе вошли в холл, а оттуда сразу прошли в комнату для посетителей, где мне предстояло провести ночь.

— Отдыхать можете здесь,— Либби показала на кожа-

дый диван у стены. — А вот ваше оружие, — она подала револьвер дулом вперед.

— Спасибо, — пробормотал я. — Мне здесь очень нравится.

Говоря это, я отметил, что диван находится как раз напротив двери на террасу, так что я буду представлять собой великолепную мишень для того, кто наведается во владения, возможно, этой ночью.

— Пойду, посмотрю, как там Дорис, — сказала Либби, но не тронулась с места.

Линда и Дениз прятали глаза, чтобы не видеть ее молчаливого и сурового приказа. Тогда она не выдержала и раздраженно добавила вслух:

— Я считаю, что нам всем нужно оставить в покое мистера Робертса.

Девушки молча покинули комнату.

— Спокойной ночи, мистер Робертс, — она направилась к двери. — Если что — я у Дорис, второй этаж, первая дверь направо.

Когда она вышла, я осмотрелся тщательнее, прикидывая, как изменить обстановку. В комнате была еще одна коротенькая кушетка и несколько кресел. Не придумав ничего лучше, я решил перетащить кожаный диван так, чтобы его спинка закрывала дверь на террасу. Он оказался весьма тяжелым, я ворочал его с проклятьями, а когда перетащил — взмок от пота. Но теперь, по крайней мере, если я буду спать как сурок, меня никто не увидит с улицы.

Я решил, что честно заработал выпивку, вытер пот со лба и на цыпочках прокрался к кабинету Либби через холл. Дверь была заперта на ключ, но я не успел разозлиться.

— Что вам здесь нужно? — прорычал над самым ухом низкий и грубый голос.

Я резко обернулся, держа револьвер наготове. В следующий миг я ощутил мощный удар по руке и услышал, как мой смит-вессон брякнулся об пол. А потом я стоял с самым глупым видом и рассматривал приземистую, широкоплечую женщину, стрижка у которой была еще короче, чем у меня. «И уши больше, чем у меня», — злорадно констатировал я.

— Это ты стрелял в Дорис? — проскрежетала она.

Стоящее передо мной существо явно готовилось к схватке — ноги были широко расставлены, руки сжаты в кулаки. И несмотря на то, что она была ниже, я понял, — эта дама расправится со мной как с сосунком.

— Вы глубоко заблуждаетесь, — начал я учтиво. — Мне

захотелось выпить, а спиртное в кабинете у Либби. Поверьте, я ваш друг.

— А зачем тогда револьвер?

Ее глубоко посаженные глаза настороженно следили за мной и мне подумалось, что они еще усиливают ее сходство с гориллой.

— Либби вам все объяснит,— сказал я уже спокойнее.— Понимаете ли...

— Не рассказывай мне сказок, дружочек! — резко оборвала она.— Выкладывай-ка все как есть, а не то живо проломлю череп!

Я посмотрел на нее со всем своим презрением, на какое только был способен. Это, похоже, заставило ее о чем-то задуматься.

— Либби мне ничего не говорила. Кто ты такой, собственно?

— А вы кто? — спросил я.— Мне Либби тоже не сказала, что держит в доме обезьяну.

Ее реакция оказалась молниеносной. Придя в чувство, я обнаружил себя у противоположной стены холла, нестерпимо ныл большой палец левой руки.

Будучи до невозможности сильной, моя противница оказалась до такой же степени глупой — револьвер все же лежал на полу и совсем недалеко от меня. Я закрыл глаза, сосредоточился и одним броском захватил оружие. Держа гориллу под прицелом, я отполз обратно к стене.

— А теперь слушай, сумасшедшая баба! — рявкнул я.— Не могу сказать, что мне очень нравится быть мячиком, который швыряют об стены, поэтому...

— Ты меня застрелишь? — перебила она, но голос ее был абсолютно спокоен.

— К твоему счастью, я адвокат, а не наемный убийца. Я Рендол Робертс, и меня наняла Либби. Сегодня она попросила меня остаться на ночь в вашей чертовой обители, чтобы никто не попытался снова проникнуть во владения.

— Для подобной цели нанимают сыщика,— недоверчиво сказала она.

— Либби не хотела этого! О, боже, как у меня болит затылок! А кого и зачем вам нанимать, разбирайтесь сами!

— И ты будешь ночевать в доме? — на ее лице появилась такая гримаса, словно я тифозный больной.

— А ты думаешь, что мне лучше спать в цветочной клумбе, не так ли? Да кто ты такая!..

— Садовница,— неожиданно ответила она.— И только

попробуй забраться на клумбу! Я ухаживаю за ними уже много лет, меня наняли родители Либби, когда ей самой было только шестнадцать.

— Хм, вероятно, чета Холмсов решила сэкономить, взяв в дом садовника и цепного пса в одном лице, — сказал я со злостью.

В ее глазах вспыхнул испепеляющий огонь, тем не менее, ни одной дырки она во мне не прожгла.

— Меня зовут Френсис Коутори! — прохрипела садовница.

— Очень рад познакомиться, — небрежно откликнулся я.

— Я сейчас же узнаю у Либби, что ты делаешь в доме! — угрожающе заявила она. — И скажу, зачем ты ломился в ее кабинет.

— Это я сам могу сообщить, — раздраженно заметил я. — Кажется, прав мой отец, говоря, что мужчин делают алкашами только женщины.

— Ага, значит, ты еще и алкоголик! — пробухтела она. — Ладно, сходи на кухню, может у Тины найдется бутылка водки.

Она кивнула головой на заднюю часть дома и стала подниматься на второй этаж. Я отправился на кухню.

В первый момент мне показалось, что Тина — просто копия моей новой знакомой, но присмотревшись, я заметил, что она миниатюрней Френсис и вроде бы немного приветливей. Когда я появился на кухне, женщина в ужасе отшатнулась, хотя я и спрятал заблаговременно револьвер.

Я быстро втолковал ей, кто таков, и зачем пожаловал, и кухарка сразу дала мне полбутылки водки, а поспешность, с какой это было сделано, давала понять, что от меня хотят избавиться как можно скорее. А я и не думал задерживаться.

Вернувшись в приемную, я выпил изрядную порцию водки и начал поудобнее устраиваться на диване. Ощутив какое-то беспокойство, я все же встал и выглянул в окно. Там, кроме луны и листьев, поблескивающих в ее свете, не было видно ни зги. Выпив еще немного, я блаженно растянулся на диване.

6

— Ренди! — окликнул меня чей-то голос.

Я инстинктивно сжал ладонь, но она оказалась пуста, видимо, револьвер выпал из руки, когда я уснул. Я осто-

рожно нащупал холодную сталь у подушки, но чтобы взять оружие, надо было повернуться, а делать лишних движений не хотелось.

— Ренди! Проснись же!

Кто-то начал трясти меня за плечо. В моем воображении возникла физиономия гориллы, а затем еще и ухмыляющаяся Тина с кухонным ножом в руке.

— Какой из вас охранник! — начал сердиться голос. — Так и я могу охранять!

Пожалуй, для Френсис Коуторн голос был слишком мелодичен, я решился и открыл глаза.

— Хелло, Линда! — воскликнул я бодренько. — Не спал ни минуты, только прикидывался, — незаметно извернувшись, я захватил револьвер и показал ей.

— Уберите сейчас же! — со страхом выпалила она. — Терпеть не могу оружия!

— Понимаю, — усмехнулся я. — Но с ним чувствуешь себя уверенней, особенно в некоторых ситуациях.

— Я в любой ситуации буду свободна и самостоятельна, — заявила мисс Лазарев.

— Не совсем понимаю, — улыбнулся я, — мы говорим об оружии, или о мужчинах?

Линда была в просторной пижаме и казалась маленькой девочкой, присевшей доверчиво на краешек дивана, где мирно дремал ее папаша.

— Оружие, мужчины! — она взмахнула рукой. — Это две стороны одной медали. То и другое — просто символы бесчувствия, и как следствие — жестокости. Вы не согласны со мной?

— Не согласен. — Я сел. — Хотите верьте, хотите — нет, но мужчины тоже люди.

— Догадываюсь, — сказала она ласково, — и поймите, я никогда не была ненавистницей мужчин, и не упрекаю ваш род за жестокость. Общество сделало вас такими, и наша задача исправить ошибку. Нужно объяснить людям заново, что мы подразумеваем под женским началом, а что — под мужским. Ведь все давно уже смешалось в кучу!

— Мне знаком отличный способ исправить эту, как вы сказали, ошибку, — я улыбнулся. — Он еще никогда не подводил.

— А, чепуха! — отмахнулась она. — Эх вы, мужчины! Все-то хотите поправить постелью, но в этом и кроется самое большое ваше заблуждение!

— Линда, дорогая, — заговорил я слегка возбужденно, — мое мнение таково, что и женщины и мужчины

должны иметь равные права в проявлении своих природных инстинктов. Разве, исходя из этого положения, я не могу надеяться, что ваше женское начало ответит моему — мужскому?

Она долго и пристально смотрела мне в лицо, словно оценивала.

— Конечно, вы правы... — сказала она тихо. — Но пока я не могу... Мне кажется, что я еще в какой-то степени люблю Чарльза, и было бы непристойно отдаться сейчас другому...

После этих слов, я сразу же опустил ноги с дивана и стал нащупывать ботинки, не спросив даже, как это можно любить «в какой-то степени». Можно было заметить еще и то, что слово «отдаться» звучит в данном случае слишком высокопарно, но мне не хотелось начинать дискуссию в четыре часа утра — я просто застонал, когда взглянул на часы.

Наклонившись, я начал обуваться.

— Оставьте в покое свои ботинки, Ренди! — раздался возмущенный голос от двери, ведущей в холл. — А тебе, Линда, не стыдно?

Я поднял голову и оторопел.

— Дениз? — мисс Лазарев вскочила с дивана. — Твои подозрения неумны! Мы только беседовали с мистером Робертсом об отношениях между мужчинами и женщинами...

— Так я тебе и поверила! — ехидно перебила Дениз и пропорхала по комнате ночной бабочкой в своей невесомой, голубой рубашке. — Ну, к какому выводу пришли? — спросила она насмешливо, встав перед диваном.

— Боже мой, Дениз! — запричитала Линда. — У меня и в мыслях не было ничего такого... Только у тебя на уме один секс!

— Хм, не у меня одной, я уверена! — отпарировала Дениз. — И на Ренди у меня больше прав, я первая его подхватила! Не ожидала от тебя такой подлости, Линда!

— Еще раз повторяю... — начала та.

— Замечу, — поспешно вставил я, — что мне, как эмансипированному мужчине, хотелось бы самому решать, у кого какие на меня права.

Дениз хихикнула.

— Ах, Ренди, я сразу поняла, что вы свой парены! — воскликнула она нежно. — И догадалась, что секс доставляет вам такое же удовольствие, как мне.

— Но я пришла сюда не за этим,— ледяным тоном заявила Линда.— Я хотела кое-что сказать...

— Ну, выкладывайте,— добродушно хмыкнул я.

— И сразу бы сказала, но мы отвлеклись, поскольку...

— Нельзя ли покороче? — поторопила Дениз.— Сколько мне еще терпеть твое присутствие?

— Я только хотела сказать, Ренди... В общем, мне послышалось, будто открылись ворота, по крайней мере, какой-то шум в той стороне. Я проснулась от какого-то жуткого сна, попила, снова легла, но не могла уснуть, и вдруг услышала...

В этот момент раздался грохот выстрела, разнесенный эхом по всем владениям амазонок. Подскочив к окну, я отдернул штору и стал всматриваться в темноту. Ни увидеть, ни услышать больше ничего не удалось, только ветер шумел в деревьях.

— Закройте за мной двери! — крикнул я, выскочив на террасу.— Откройте лишь в том случае, если убедитесь, что вернулся я!

Обе женщины остолбенели от испуга.

— Свет, надо выключить свет! — прошептала наконец Линда.

— Закройте двери!— снова рявкнул я и бросился в парк.

Конечно, первым делом я угодил на клумбу, но потом все же почувствовал под ногами гравий и одновременно услышал, как захлопнулась дверь.

Я не мог с полной определенностью сказать, с какой стороны долетел выстрел, и поэтому, доверясь судьбе, помчался по дорожке с револьвером в руке в сторону ворот. Скоро глаза привыкли к темноте, к тому же из-за облака показалась луна, и я подумал, что в таком свете вполне можно заметить бегущую фигуру. Но впереди никого не было, похоже, кроме меня к воротам никто не спешил.

Я резко изменил направление и направился к восточной стене, при этом ворота остались позади и немного слева. А справа чернелась зловеще группа деревьев — неплохое место для укрытия. Если пришелец затаился там, то ему тоже прекрасно видно бегущую фигуру, которой, очевидно, являюсь в этом парке только я. Я прикинул, что перспективы у моего противника отличные, правда расстояние пока великовато. Возможно, именно поэтому не последовало еще очередного выстрела.

Стараясь сохранять это безопасное расстояние, я мчался к восточной стене во весь опор, до нее оставалось несколько метров, когда в глаза бросилось что-то, заставив-

шее меня резко остановиться. Я присмотрелся: почти у самой ограды лежала распластанная фигура, напоминавшая почему-то соломенное чучело. Самым разумным я счел затаиться в ближайших кустах — неизвестно, как поведет себя это чучело.

Не успел я забраться в кусты, как на меня навалилась какая-то туша, будто я угодил в медвежье логово. Мы покатались по земле, я безуспешно молотил кулаками своего врага, когда его пальцы вдруг сомкнулись на моей шее.

— Горилла! — прохрипел я, а она невольно ослабила хватку. — Значит, это ты стреляла?

— Нет, ты! — рыкнула она, отпустила мое горло и вцепилась в револьвер. — Отдай!

Я крепко держал оружие, и пока Френсис пыталась его вырвать из моих пальцев, изловчился и сильно ударил ее коленом в живот. На какое-то мгновение у нее перехватило дыхание и она потеряла силу. Вскочив, я приставил дуло револьвера к ее уху.

— Ты что же, обезьяна, так и думаешь, что стрелял я?

— Кто же еще? Оружие только у тебя! — рыкнула садовница, и я должен был признать, что ее вывод логичен.

— Но ты же видела этот револьвер! — заорал я. — И взял я его по просьбе твоей милой Либби, чтобы вас же защищать! А тот, кто стрелял днем, явился снова и сейчас застался где-то, это ты можешь понять?

— Я решила, что стрелял ты, — упрямо повторила она.

— Тьфу! — плюнул я и спрятал револьвер.

Она медленно поднялась, вдруг ее глаза замерли и она вся передернулась.

— А там кто? — вероятно, Френсис заметила чучело.

— Пойдем посмотрим, — процедил я. — Надеюсь, у тебя хватит ума не нападать на меня еще раз?

— Ну конечно, если стрелял не ты... Но ты способен...

— Убить собственную мать? Ты права, моя прелесть, но знай, что эту тайну я доверил тебе единственной.

Она с отвращением отвернулась.

Уже в нескольких шагах от распростертой фигуры я понял, что подхожу к труп. В первый момент, увидев перед собой мужчину, лежащего на животе, я удивился. Но потом, когда я наклонился и осмотрел мертвого — то удивился еще больше.

Я знал этого человека, и, глядя на его труп думал, что он похож на птичку, убитую жестокосердным чудовищем; стреляли с близкого расстояния, пуля навывлет пробила грудь.

— Вы знаете, кто это? — спросил я Френсис.

— Впервые вижу.

— Его звали Натаниэл Нибел. Муж Дорис.

В глазах садовницы появился интерес.

— Я должна сообщить Либби, — сказала она.

— Наверное, об этом и Дорис стоит сообщить, — цинично посоветовал я.

Она впервые взглянула на меня с любопытством.

— Конечно! Но ей пусть скажет Либби.

Садовница направилась к дому.

— Передайте своей хозяйке, что сейчас непременно нужно вызвать полицию! — крикнул я вслед.

Начало светать и я смог обследовать все без помех. Следы Нибела шли от самых ворот, похоже, он бежал. А немного в стороне, тоже недалеко от восточной стены, я нашел место, где, вероятно, поджидал его убийца. Трава там была сильно вытоптана и на одном участке примята так, будто человек долго лежал. Значит, он ждал жертву здесь, и вероятно, ждал именно Нибела. От этого лежища следы уходили в сосновый лесок и там терялись.

Когда я подошел к дому, в приемной горел свет и слышались возбужденные голоса, которые сразу стихли, как только я постучался.

— Ну, милые дамы, кого вы любите больше всех? — проорал я импровизированный пароль.

Дверь открылась и на террасу выглянула Либби.

— Мы сразу поняли, что это вы, — она усмехнулась и ядовито добавила, что никакой другой нормальный человек не способен быть таким самонадеянным.

— Разве плохо быть любимым? — спросил я с иронией, вошел и закрыл дверь.

— Должно быть, на нас покушается какой-то маньяк, — жалобно пролепетала Дениз.

— Почему вы так думаете? — заинтересовался я.

— Потому, что не могу представить, кому еще могла понадобиться смерть такого безобидного человека, как Нибел. — Разве только убийца принял его за охранника, вот и убрал с дороги...

— Хм, — произнесла Либби. — Не думаю, что Нибел мог представлять собой преграду для кого бы то ни было.

— Верно, — согласился я. — Его убили по другой причине. Мне, например, он намекнул, будто знает нечто не очень лестное о вашем обществе. Он, кажется, грозился

даже взорвать ваши прелестные владения, мисс Холмс, — улыбнулся я Либби.

Она только презрительно рассмеялась, а затем, твердо глядя мне в глаза, сказала:

— Я разговаривала с ним всего раз, недели три назад, по телефону. Последнее время он часто стал донимать звонками свою бывшую жену. В тот день Дорис попросила меня взять трубку и сказать ему, чтобы он прекратил названивать. Я передала ее просьбу, и вот после этого он забормотал, что мол, разоблачит нас, и дальше в том же духе. Я поняла — человек вне себя от злости, и не обратила внимания на его лепет. Мы уже привыкли к подобным выходкам бывших мужей!

— Странно, — задумчиво проговорил я, — мне его речи не показались бредом супруга, свихнувшегося от горя.

Либби скользнула по мне совершенно равнодушным взглядом и демонстративно отвернулась.

— Кто-нибудь сообщил в полицию? — спросила Линда.

— Да! — Либби раздраженно фыркнула. — Какой-то мужик, мерзкая бестия, бесчинствует в наших владениях, так пусть его и выловят братья по полу! И они же осудят на смерти!

— Вы уверены, что убийство совершено женщиной? — спокойно спросил я.

— Кем же еще! — возмутилась она. — Наверняка это тот же тип, что стрелял вчера в Дорис!

— Не знаю, — пробормотал я. — Возможно, это и мужчина, если судить по следам... Но, скажем, у Френсис — веселого парня, да и ступня не меньше. И где она, собственно?

— В кухне с Тиной, — резко ответила Либби. — И попрошу вас прекратить глупые шутки! Я знаю Френсис много лет, она здесь ни при чем!

— Я и не обвиняю ее. Но полиция будет рассматривать все варианты.

— Даже тот, согласно которому убийцей окажетесь вы? — насмешливо прищурилась глава амазонок.

— Либби! — пискнула Дениз. — Зачем ты так?

Я с благодарностью взглянул на свою маленькую защитницу. Либби резко повернулась в ее сторону.

— Так, так, мисс Девлон, — она двинулась на девушку и та вся съежилась в кресле. — Ты хочешь сказать, что он не мог убить, потому, что был у тебя в постели? Последний раз предупреждаю тебя, потаскушка: еще одна такая выходка и амазонки изберут себе другую кассиршу!

— Успокойтесь, Либби, прошу вас, — сказал я миролюбиво. — Не вините ее зря. Они спустились сюда вместе с Линдой, поскольку услышали какой-то шум у ворот.

— Это так? — обернулась она к Линде и та кивнула, не смея поднять глаза.

Мисс Холмс помолчала, обдумывая что-то.

— Значит, сначала сюда пробрался убийца, а потом кто-то впустил еще и Нибела... Но зачем?

— Чтобы убить, разве не понятно? — снисходительным тоном заявила Кэрри, стоящая у порога. Никто не слышал, как она вошла. — Ты же сообщила об этом Дорис? — с едва заметной усмешкой спросила девушка гневную из гневных.

— Нет еще, — вдруг потупилась та.

— А тебе не кажется, что ей лучше узнать об этом до того, как нагрянет полиция?

— Да, верно, — Либби вздохнула. — Пойду и скажу ей.

— Я пойду с тобой, — твердо заявила Кэрри, и я впервые не увидел вокруг Либби ее властного ореола.

Они вышли, и в комнате на какое-то время воцарилась тишина. Не прошло и минуты, как Дениз издала глубокий вздох.

— Бедный мистер Нибел, — жалобно пискнула она.

— Вы были с ним знакомы? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— Да, пожалуй, он всю свою жизнь был «бедным мистером Нибелом», — сказал я с горечью.

Линда заплакала. Я подсел к ней и положил на плечо ладонь, пытаюсь успокоить. Через несколько минут послышался вой полицейской сирены.

7

Мендел Уормингтон подняла голову ровно настолько, чтобы поздороваться со мной, и снова углубилась в чтение газеты. Рядом с машинкой, как всегда, стояла чашка горячего кофе.

— Был бы весьма признателен, — начал я самым дружеским тоном, — если бы ты сделала кое-что для меня. Конечно, если не считаешь жутким диктатором!

— Ты и есть настоящий диктатор, но пока платишь мне жалованье — можешь командовать, — девушка усмехнулась. — Только имей в виду, твои требования не могут распространяться на мое тело.

— Жаль... А я-то думал, что если хорошо плачу, то

могу ждать к себе хорошего отношения,— я горько усмехнулся.

— Ну и зря! — отрезала Мендел. — Вообще не понимаю, как можно думать о сексе с утра пораньше?

— К вечеру я слишком устаю.

— Готова поспорить, что устаеть ты только от своих походов! — заметила она презрительно. — Может, перейдем к делу.

— Хм, мне уж показалось, что ты не желаешь выполнить ни одной моей просьбы.

— Ну, на хлеб мне надо зарабатывать все же.

Я присел на край стола, с удовольствием разглядывая ее длинные, роскошные волосы.

— Надеюсь, ты много слышала о «Гневных амазонках»?

— Откуда? — вскинула она брови. — Из газет ничего толком не узнаешь, а ты не рассказывал.

— Хорошо, расскажу, только газету отложи.

Мендел аккуратно сложила газету, закурила, глотнула кофе и с улыбкой уставилась на меня.

— Жду с нетерпением.

— Это и видно, — промычал я.

— Ну что такого интересного ты можешь рассказать? — она обнажила в улыбке белоснежные зубки.

— Сегодня ночью во владениях амазонок совершено убийство.

— О, боже! — секретарша нахмурилась. — Но эта мужеподобная дама...

— Не в ней дело. Там убит мужчина.

— Вот так да! — воскликнула Мендел. — Наверняка он ее спровоцировал!

— Мендел, ты можешь выслушать без комментариев?

Девушка вздохнула, изображая покорность.

— Убийца — тоже мужчина, — продолжил я. — И уверяю тебя, дорогая, это дело никак не связано с половыми конфликтами. Хотя, побывав в логове мисс Холмс, я кажется, начинаю понимать, чего можно ожидать от женщин.

— Камешек в мой огород? — Мендел раздраженно пожала плечами. — Ты даже не представляешь, до какой степени бываешь несносным. Давно бы мог сказать, что я должна сделать.

— Объясняю тебе подоплеку дела, чтобы перейти...

Отпив еще глоток кофе, секретарша затянулась и выпустила дым мне в лицо.

— На мой взгляд, — невозмутимо продолжал я, — ночное убийство связано с одной историей в Нью-Йорке, подробности которой я и хотел бы выяснить. Во-первых, имеется письмо некоего Бертон Томаса, полное намеков на то, что амазонки втянуты в какую-то аферу. Его дочь, примкнувшая к их движению, бесследно исчезла. Во-вторых, тот, кто убит ночью, похоже знал о союзе «Гневных амазонок» тоже что-то разоблачающее. Очень может быть, мистеру Томасу грозит опасность, поэтому найми частного детектива в Нью-Йорке, пусть он разыщет этого Томаса, предупредит его и узнает подробней обо всем, что касается исчезновения его дочери.

— Будет сделано, шеф! — усмехнулась Мендел. — Что еще?

— Когда закончишь с этим делом, нужно переписать одну бумагу.

— Ты просто не можешь видеть, чтобы я сидела без дела и читала газету! — взорвалась девушка. — Да будет тебе известно, что я должна быть в курсе всех событий, и читаю не в свое удовольствие, но для пользы дела — секретарша в конторе адвоката просто обязана быть хорошо информирована!

— Хм, с чего ты взяла, будто я против? Читай сколько угодно. Раздражает меня совсем другое.

— Что же?

— Ну хотя бы то, что ты давным давно не спала со мной... Не позволяешь даже за попку ущипнуть...

— Сам виноват! — она усмехнулась. — Последний раз ты так долго раскошегаривался, что я чуть не уснула.

— Зачем же об этом напоминать? — мрачно спросил я. — Да, попроси, чтобы сведения из Нью-Йорка прислали как можно быстрее.

— Слушаюсь, сэр!

— Большое спасибо, Менди...

— Не смей называть меня Менди! — крикнула она вслед.

Я вошел в свой кабинет и тяжело опустился в кресло, подумав, что для «Гневных амазонок» я сделал пока все, что мог, и сейчас пора заняться другими делами. Полиция тщательно обследовала владения и никого не обнаружила. Лейтенант предложил выставить патруль, но мисс Холмс отказалась от этого, а утром распорядилась пропустить ток через колючую проволоку. Похоже, и в моей помощи там больше не нуждаются.

Облегченно вздохнув, я начал разбирать бумаги.

Без четверти четыре раздался телефонный звонок. Звонила Линда Лазареф, и я сразу понял, что ошибся — так просто от меня не отстанут.

— Электрик сказал, Ренди, что закончит монтаж только послезавтра,— жалобно проговорила она.

— Ну и замечательно,— поддержал я отеческим тоном.— Думаю, причин для волнения нет, вы ведь отказались от патруля, значит можете постоять за себя сами.

— Я не о себе пекусь! — гордо воскликнула она.— И потом, мы только женщины, а убийца — хладнокровный мужчина, может быть, даже не один...

— Почему вы решили, что не один? — встрепнулся я.

— Не вы же брали с собой оружие!

— Не вижу логики.— Мне стало смешно.— Вы, вероятно, считаете, что если убийца один, то его можно ткнуть пальцем в грудь и он охотно подымет руки вверх? Знаете что? Пусть Либби купит пару охотничьих ружей!

— Вы издеваетесь надо мной? — спросила она со слезами в голосе.— Что мы будем делать с этими ружьями? А я вообще ненавижу оружие...

— Пусть ружья возьмут Френсис и Либби, они наверняка сумеют ими воспользоваться в случае чего. Френсис — эта уж точно, до того, как стать садовницей, была охотником на крупных хищников!

— Как вы можете шутить! — с отчаянием воскликнула мисс Лазареф.— Ах, впрочем, понятно, вашей жизни ничто не угрожает, почему бы не повеселиться.

— Вот именно, мне ничего другого не остается.

— Приезжайте к нам, а? — вдруг попросила она.— Побудьте с нами, пока электрик не закончит работы.

— Хм, это лично ваша просьба? А где уверенность, что Либби не выставит меня за дверь?

— О, сначала они с Кэрри были против, чтобы позвонить вам, но тогда мы с Дениз пообещали немедленно покинуть владения. Мы заявили, что не желаем оставаться беззащитными и вообще уйдем из союза. Наверное, Либби решила, что ваше присутствие будет меньшим из зол, и согласилась.

— Ладно, договорились. Приеду около шести, но у меня есть условие.

— Слушаю вас.

— Мне совсем не нравится кожаный диван в приемной. Хотелось бы выспаться по-человечески, в вашей крепости найдется нормальная постель?

— О, конечно! У нас есть комнаты для гостей,— обра-

дованно затараторила Линда,— и если в этом заключается все ваше условие, тогда никаких проблем!

Я поблагодарил ее и положил трубку.

Выйдя из кабинета, я спросил Мендел, не получила ли она известий из Нью-Йорка.

— Нет, когда я позвонила, на восточном побережье был уже вечер, мне ни с кем не удалось связаться,— отпартовала девушка.

— Может быть, поужинаем вместе? — предложил я, поняв, что до утра все равно ничего уже не узнать.

Секретарша не услышала моего предложения, даже головы от газеты не подняла. Я не стал ее уговаривать, покинул контору и заскочил в первое попавшееся кафе, чтобы подкрепиться перед встречей с суровыми амазонками.

В половине шестого я уже стоял у ворот их владений.

— Входите быстрее! — прошептала Линда, открывая дверь.— У меня есть для вас кое-что...

Я проскользнул в щель, точно вор.

— В чем дело?

— Я слышала, как Дорис призналась Либби, что убила своего мужа! — выпалила мисс Лазарев.

— Ваше волнение вполне объяснимо, но успокойтесь же, дорогая! — Я положил руку ей на плечо. Она благодарно улыбнулась.

— После разговора с вами,— сказала Линда уже спокойнее,— я прилегла, но уснуть не могла и решила спуститься вниз. Проходя мимо комнаты Дорис, я услышала, как она повторяет сквозь слезы: «Я убила его, Либби, я убила его!» А Либби утешала ее, уговаривала поспать, кажется, предлагала снотворное. Я еще немного постояла, надеясь услышать что-нибудь важное для расследования, но больше они не разговаривали.

— Но Линда, дорогая! Разве из этих слов следует, что Дорис убила мужа?

— Она же сама сказала!

— Во-первых, не подлежит сомнению, что убийца — мужчина. Я сам видел следы, и полицейские их зафиксировали. Дорис вполтину легче убийцы, да и нога у нее меньше размеров на шесть! — я засмеялся.

— Но... значит она... она могла нанять убийцу? — пробормотала Линда.

— Вот это возможно,— согласился я.— Как вы думаете—

те, она может оказывать влияние на работу филиалов? С ее мнением считаются?

— Откуда мне знать? — удивленно взглянула девушка. — Дорис, как секретарша Либби, конечно имеет дело со всей корреспонденцией. Но не думаю, что она имеет какое-то влияние, и известна кому-либо, кроме членов нашей группы. Правда, она всегда сопровождает Либби во всех поездках, но обычно держится в тени.

— Люди, которые держатся в тени, очень любят и темные дела, — я хмыкнул. — Тем не менее Дорис вряд ли можно заподозрить...

— Я тоже так думаю! — нервно подхватила Линда. — Но если бы вы слышали, какая вина была в ее голосе!

— Скорей всего, она упрекает себя, что отказалась поговорить с мужем последний раз по телефону, и думает сейчас, что если бы выслушали его тогда, он не явился бы вчера и остался жив.

— Вероятно, вы правы, Ренди. Я вообще чересчур впечатлительна, а сейчас еще и нервы на пределе.

— Неудивительно, дорогая, — я прижал ее к себе не очень крепко, но так, что родительской лаской это не назовешь. Она положила было голову на мое плечо, но сразу снова подняла ее.

— Что мы делаем! Нас могут увидеть из окна! — с паникой оглянулась Линда.

Я предложил ей сесть в машину, закрыл ворота и мы подъехали к дому.

— Где сейчас Либби? — спросил я, остановив машину у крыльца.

— В кабинете, я думаю.

— Ну, в таком случае, до встречи, Линда, — я ласково улыбнулся милой амазонке и направился к кабинету гневной.

Я постучался и тотчас услышал нетерпеливый возглас, приглашающий войти.

Когда я переступил порог, мисс Холмс оторвалась от газеты, подняла глаза и мне стало не по себе от ненависти, исказившей ее черты.

— Морган состряпал свою очередную паршивую статью! — бросила она мне в лицо. — Клеветы здесь еще больше, чем в предыдущих!

— Судя по всему, его нелегко остановить, — заметил я меланхолично. — Мы ведь пытались это сделать...

— Вы! Вы пытались это сделать! — с бешенством крик-

нула Либби.— А ночью, когда преступник разгуливал по парку, вы дрыхли, как медведь в берлоге!

— А я не нанимался вашим телохранителем,— спокойно отпарировал я.

— Нет, вы послушайте, что пишет Морган! — с издевкой сказала она, пропустив мое замечание мимо ушей.— Он заявил, будто его пугают судебным процессом, и это в стране, где свобода слова и печати! И что амазонки откопали где-то жалкое существо мужского пола, которое явилось к нему с этим поручением, не имея смелости разговаривать с ним, Морганом, на равной ноге! А в довершение он сравнивает нас с гангстерами, с политической коррупцией, и добавляет, что равноправие нам нужно лишь как средство для достижения соответствующих целей!

— Столь неудачные сравнения могут повредить его карьере,— спокойно заметил я.— На мой взгляд, подобный бред нужно просто игнорировать. Да и что, в самом деле, он может сделать вам?

— Что может сделать? — гневно переспросила Либби.— Свести на нет всю большую работу, которая проделана, чтобы общество приняло, наконец, нас всерьез! Можно сказать, он уже сделал это!

— Ну, что ж, по всей вероятности я допустил тактическую ошибку,— смиренно признал я.

— Я уничтожила бы вас сию минуту, если бы не опасалась раскола в моем союзе! — со злостью выпалила мисс Холмс.— Завтра же начинайте приготовления к судебному процессу! Морган должен замолчать, а как вы этого добьетесь — не моя забота!

Сознавая, что я не слишком тщательно подготовился к визиту, когда шел к Моргану, я не перечил и относительно спокойно дал излиться ее бешенству. К тому же, честно говоря, сейчас меня много больше интересовало убийство.

— Дорис имеет какое-нибудь отношение к гибели бывшего своего мужа? — спросил я неожиданно, с любопытством ожидая реакции Либби.

В ее глазах застыло удивление, лицо помрачнело, но уже в следующее мгновение она казалась абсолютно спокойной.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Да так, пришло в голову и спросил. Тот, кто убил Нибела, должен иметь какой-то мотив...

— Абсурдная мысль, мистер Робертс, я имею в виду ваши подозрения относительно Дорис. В момент убийства она спала, а я находилась в ее комнате.

— Никто и не говорит, что убила она. Но может быть косвенно...

— Нет! — решительно перебила гневная из гневных.

— Я хотел бы поговорить с ней самой.

— Ее уже допросили полицейские, часа два мучили. Дорис ничего не сказала!

— Но я все же хотел бы задать ей несколько вопросов. Не исключено, что ее ответы прольют свет на некоторые моменты... Или вы не заинтересованы в расследовании убийства?

Мисс Холмс вздрогнула.

— Повторяю, Дорис вам ничем не поможет, — сказала она, но уже без прежней категоричности. — Впрочем, будь по-вашему, раз вы так настаиваете. Но вы сможете поговорить с ней лишь завтра утром, а сегодня пусть она поспит спокойно... Да, и не вздумайте ее путать или обвинять в чем-либо! — воинственно закончила она.

— У меня пока нет причин обвинять кого бы то ни было. Но я пришел сюда потому, что где-то поблизости бродит убийца и нужно предпринять все возможное для предотвращения очередного несчастья.

Либби посмотрела на меня просто свирепо, а затем, переведя взгляд на газету, буркнула:

— Лучше заткните глотку Моргану! Я вас нанимала для этого. — Она снова уткнулась в статью.

Я решил ретироваться, пока она не дочитала до конца. Кто знает, не прошелся ли там Морган по поводу любовных связей мисс Холмс. Мне нисколько не хотелось присутствовать при том, как она будет читать подобные строки.

8

В кухне моя приятельница Тина торопливо протянула мне непочатую бутылку водки. Я по привычке прошел в комнату для посетителей, опрокинул пару рюмочек и вышел в парк. Солнце уже скрылось за массивной каменной оградой, и на небе проступал серп месяца. В деревьях сгустился мрак и меня передернуло при мысли, что там может скрываться убийца. Я решил, что не мешает выпить еще и поднялся на террасу.

— Ренди, скорее! Там мужчина! — Линда так стремительно выскочила на террасу, что чуть не сбила меня с ног.

— Где? — спросил я, держа ее в объятиях.

— Он убежал через главный вход... Я вышла из своей

комнаты и увидела, как он спускается по лестнице... Свет еще не включили, видно было плохо, но одно я поняла сразу — это не вы, на том — темный костюм, а у вас светлая куртка!

Не слушая ее больше, я бросился к воротам, опять угодил для начала в клумбу с тюльпанами, а потом еще разорвал куртку, зацепившись за розовый куст.

Наконец, я увидел впереди себя человека, спешащего к воротам. Вероятно, он не был знаком с механизмом, и когда я подбежал, все еще пытался открыть ворота.

Еще на ходу я прикинул, что противник меньше меня дюймов на восемь и легче фунтов на пятьдесят, поэтому я решил захватить его без помощи оружия.

— Отпустите меня! — заорал он, когда я сделал захват со спины. — Я подам в суд за оскорбление действием!

Узнав голос, я одним рывком повернул его к себе лицом.

— Ничего не выйдет, Морган! Скорей уж я подам в суд на вас, за то, что вы прокрались в чужой дом! А может, заодно, пришью убийство! А ну, быстро — что вам здесь надо?

— Это вас не касается! — буркнул он.

— Ну-ну, пойдете-ка в дом, там все и выясним, — я достал револьвер и подтолкнул журналиста. — Я не знаю, почему вы оказались слишком близко от места, где накануне совершено убийство, а говорить вы не желаете. Если я сейчас пристрелю вас, то останусь безнаказанным, это-то вы хоть понимаете?

— Ах вот как! Этот гермофродит, эта чертова баба приказала пристрелить меня! — нервно завопил он.

— О, если бы я это сделал, то наверняка бы получил большую награду! — я ухмыльнулся. — Ну, вперед, куда идти вы уже знаете.

Я решил провести его через террасу в приемную и поговорить, пока Либби не видела нас и не знает о его присутствии.

— Вы не имеете права задерживать меня! — Морган фыркнул. — А если у вас есть ко мне претензии, я готов обсудить их, но только в присутствии адвоката!

— Я и сам адвокат, чего же вам не хватает? — насмешливо ответил я.

— Чарльз! — с кушетки вскочила Линда, которую мы сразу не заметили. — Неужели на лестнице был ты?

— Да, — он смутился. — Я пришел за тобой, Линда. Услышав об убийстве, я пришел, чтобы увести тебя отсюда.

Пойдем со мной, Линда, образумься, прошу тебя! — в конце тирады появились самоуверенные нотки. — Почему же ты побежала, когда увидела меня?

— Я не узнала... — пробормотала Линда. — Наверно, нервы не выдержали, подумала, что по дому разгуливает убийца!

— А вы-то почему бросились наутек? — поинтересовался я. — Или тоже нервишки подвели? А может быть, есть и другая причина?

— Прекратите ваши штучки! Я пришел, чтобы забрать Линду, только и всего!

— Чарльз, скажи, это ведь не ты стрелял в Дорис, нет? — умоляюще посмотрела на него Линда. Журналист молчал.

Тогда она приблизилась к нему, подбоченилась одной рукой, а другой начала размахивать перед самым его носом, заставив на шаг отступить.

— А может быть — ты? Может, хотел меня запугать, чтобы я побежала за тобой, позабыв от страха все на свете, так?

— Ну что ты, Линда! Разве я способен... Тем более, когда речь идет о женщине...

— Вот именно, вот именно! — сердито перебила она. — Женщина для тебя не человек, ты и слышать не хочешь о равноправии, узнаю тебя, Чарльз Морган! Ну что ж, если ты ни во что не ставишь женщин, тогда мог ведь убить мужчину? Не ты ли застрелил вчера Нибела? — разошлась она.

— О, боже, Линда! — возопил он, разводя руками. — Ты же знаешь, я вообще против насилия! Кроме того установлено, что Нибела убил тот же человек, что стрелял в Дорис.

— Откуда вы это знаете? — спросил я.

— Стреляли из оружия одного калибра, как установила полиция.

— Бывает и так, что из одного револьвера стреляют разные люди, — заметил я. — И потом, откуда у вас такая подробная информация?

— Я прочел все полицейские отчеты! — огрызнулся он. — И повторяю вам еще раз, что пришел сюда за Линдой!

— Я верю тебе, Чарльз, — Линда печально покачала головой. — Но в то же время прекрасно знаю, что ты никогда не поймешь, почему я так настойчиво защищаю

права женщин, и не хочу быть такой, какой ты желаешь меня видеть.

— Но, Линда...

— Отношения выясните потом,— вмешался я.— А теперь позвольте узнать, что вы делали наверху?

— Неужели я должен повторять все сначала! — заорал он.— Перестаньте разыгрывать из себя детектива. Вы адвокат, вот и начинайте свой миллионный процесс, а сейчас отстаньте от меня, и баста!

— Линда, мне кажется, что вам лучше оставить нас наедине,— повернулся я к ней.— Посмотрите заодно, как там Дорис, боюсь, он что-то пытается скрыть...

— Послушайте, уважаемый! — крикнул журналист.

— Что именно? — резко спросил я.— Вы болтаете уже давно, а я не знаю даже того, как вы попали во владения амазонок!

— Верно,— подхватила Линда.— Кто-то его впустил! Или через стену перелез?

— А может быть, он прошел тем же путем, что и вчерашний убийца? — язвительно спросил я.

— Вам не удастся пришить мне убийство! — Морган снова из наступления перешел в защиту.

Линда покинула комнату, громко хлопнув дверью, и ее каблучки застучали по лестнице.

— Ну, Морган, теперь-то вы скажете, как проникли сюда?

— Ворота были открыты,— бросил он небрежно.

— Скверный ответ для журналиста,— заметил я.— Нельзя ли придумать что-нибудь поумней?

Его костюм был слегка смят, но через стену в нем явно не перелезали.

— Думаю, вас все-таки впустили,— я подошел к дивану и наклонился за бутылкой.

Морган проследил за мной злыми глазами и сел на кушетку. Я наполнил рюмку.

— Прошу извинить,— с наигранным сожалением пробормотал я,— другой рюмки здесь нет, а оставить вас без присмотра я не рискну.

Он молча проглотил издевку, а я — водку. Вдруг в комнату влетела Линда, следом за ней в проеме двери показалась Дениз.

— Подлая тварь! — подскочила Линда к Моргану с белым от злости лицом.— Теперь я понимаю твои слова, что хозяином в доме должен быть мужчина! Для тебя это

означает только, что ты можешь юркнуть в постель к любой потаскухе, которую встретишь на своем пути!

Она размахнулась и сильно ударила его ладонью по щеке.

— Самец! Подонок! Эгоист! Аморальный, похотливый самец, вот ты кто!

Похоже, начиналась великая драма, и мне не хотелось быть свидетелем всех ее действий. Я бросил взгляд на Дениз, робко стоявшую в двери: каштановые волосы растрепаны, короткий халатик открывал ее хорошенькие коленки с ямочками. Я подкрался к ней на цыпочках.

— Вас подняли с постели?

— Да,— она смутилась.

— Это вы впустили Чарльза?

Она кивнула.

— И провели его к себе?

— Да,— она помолчала.— Вообще-то он искал Линду.

— Хм, тогда почему он убежал? Что такое вы с ним сделали?

— От меня он не убежал! — она подняла на меня свои невинные глазки.— Чарльз просто вышел из моей комнаты, и тотчас завопила Линда, потом раздался топот ног на лестнице, но я осталась у себя, надеясь, что все закончится благополучно.

— Но ваши надежды не оправдались,— я усмехнулся.

— Увы,— Дениз вздохнула.— Конечно, я должна была дожждаться вас, Ренди... Но ждать так трудно, вы меня понимаете? Я так соскучилась по мужчине, что не смогла устоять перед искушением... Вы не сердитесь на меня?

— Мы ведь не обручены, милая,— великодушно ответил я.— Вдобавок к этому, вы — эмансипированная женщина. А в вашем положении я бы напрочь забыл о принципах тоже.

— Спасибо, Ренди,— она улыбнулась нежно.— У вас всегда готовы слова утешения.

— Интересно, почему же кроме вас никто не услышал, когда Морган позвонил?

— Он и не звонил,— шаловливо блеснули ее глаза.— Я гуляла в парке, увидела, как к воротам подходит мужчина, и окликнула его прежде, чем он успел дернуть за шнурок.— Дениз просто сияла.— В подобных ситуациях я всегда чувствую, как надо действовать!

— Очень рад за вас,— с воодушевлением ответил я.— Знаете, у меня еще осталась водка, может найдем где-нибудь удобное местечко, чтобы мило побеседовать?

— Водка? — Дениз возмущенно подняла брови.— В баре есть шотландское виски.

— В баре? — пришел мой черед изумляться.— Почему же никто не сказал мне о нем раньше?

Линда и Чарльз продолжали вовсю ругаться.

— Дорогая, мне кажется, мы зря теряем время. Бар, я надеюсь, не очень далеко?

— В другом флигеле,— амазонка кокетливо улыбнулась.— Там же комнаты для гостей, и даже танцевальная площадка.

— Давайте сбежим туда немедленно, показывайте дорогу! — прошептал я.

Дениз прошмыгнула мимо ругающихся на террасу, я за ней, и, прикрывая дверь, услышал громкий голос Либби, донесшийся из холла:

— Кто это там? Линда, с кем ты?

Я оглянулся, увидел, как мисс Холмс вошла в приемную, и, честно говоря, посочувствовал участи Моргана.

9

Я бежал за Дениз как верный пес. Мы миновали большую гостиную, в которой стоял рояль, и наконец добрались до бара.

Девушка щелкнула выключателем и две великолепные хрустальные люстры осветили помещение. Там стояло не меньше десятка столиков и каждый был окружен удобными креслами. Вдоль стойки бара тянулся ряд красных круглых табуретов. Переведя взгляд дальше, я с удовлетворением отметил, что запасов спиртного хватит на любые вкусы и аппетиты.

Дениз забралась на табурет и попросила сделать ей коктейль:

— А я думал, эмансипированные женщины сами готовят себе коктейли,— усмехнулся я.

— Вы не совсем верно понимаете это слово,— загадочно улыбнулась Дениз.— Мне виски с содовой... А потом садитесь рядышком, и мы обсудим все, что хотите.

— Меня не столько интересует мнение амазонок вообще, как мнение отдельных членов вашей организации,— задумчиво произнес я, готовя мартини.— Например, я хочу знать, каковы отношения между Либби и Дорис.

Дениз хихикнула, осторожно взяла бокал и пригубила виски.

— Надеюсь, Ренди, вы не ревнуете меня к Моргану?

Просто, сегодня он повстречался мне раньше вас, понимаете?

— Конечно, и пусть вас это не беспокоит,— сказал я.— Но в данный момент я пытаюсь понять совсем другое: мотив преступления. Наверняка Нибел знал какие-то, компрометирующие вашу организацию, факты. Скорее всего, именно поэтому его и убили.

— Если это на самом деле так, то естественно, никто бы из нас не желал, чтобы подобные факты стали достоянием общественности,— со скучающим видом сказала Дениз.

— Тем не менее, вы показали мне письмо? Значит, хотите иметь уверенность, что ваш союз не замешан в темном деле?

— Вы что-нибудь выяснили? — насторожилась она.

— Пока нет. Вероятно, завтра смогу дать более-менее определенный ответ. А сейчас прошу вас, не переводите разговор на другую тему и скажите, каковы отношения между Либби и Дорис?

— Я не люблю сплетничать, Ренди.

— Мне нужно это для расследования.

— Ну ладно,— согласилась она недовольно.— Скажу, только пусть это останется между нами. Наверное, вы и сами обо всем уже догадались... Либби и Дорис — любовники.

— Когда это началось? До того, как Дорис стала секретаршей, или после?

— После, но почти сразу... Да, она живет здесь практически с момента основания союза. Это я узнала об обществе лишь два года назад и решилась запереться в обители, чтобы испытать себя, но сексуальная диета — тяжкий крест...

— Вы уже два года пытаетесь жить против законов природы? — недоверчиво переспросил я.

— Ну, в общем да... Потому и не могу спокойно видеть мужчин...

— Понятно,— пробормотал я.— А что, Дорис целиком находится под влиянием Либби?

— По-моему, да. Дорис мазохистка, ей нравится, когда командуют. А ее муж, как я слышала, не относился к тем, кого называют сильными личностями.

— Либби, на ваш взгляд, можно отнести к этому разряду?

Девушка пожала плечами и отодвинула бокал. Я поднялся, чтобы снова приготовить напитки.

— Мне кажется, вы успели хорошо познакомиться с Либби, и сами можете решить, сильная ли она личность.

— Да, пожалуй,— я хмыкнул.— По отношению к Дорис она ведет себя просто как заправский супруг.

— Мисс Холмс не трудно сыграть такую роль,— равнодушно заметила моя собеседница.

— А Кэрри? Она ведь тоже занимает здесь не последнее место? — спросил я.— И, должно быть, тоже прилежно относится к своим обязанностям?

— Очень прилежно. Она чертовски трезво смотрит на вещи, ее не запугаешь ничем. Кэрри всегда знает, чего хочет. Последнее время она часто сталкивается с Либби, хотя ей и безразлично, за кем последнее слово, она все-равно все делает по-своему.

— В связи с чем обострились их отношения?

— Думаю, Либби приревновала ее к Дорис, но по-моему, оснований для этого никаких. Просто Дорис печатает кое-что для Кэрри, ну и Кэрри, естественно, выражает ей свою благодарность, относится к ней много мягче, чем к другим.

— А как давно примкнула к союзу Кэрри?

— Тоже с самого начала, можно сказать, она стояла у истоков вместе с Либби.

— Послушай, Дениз! — прервал наш диалог чей-то сердитый возглас.— Надеюсь, ты еще не перекинулась совсем на сторону противника? Тем более, что сегодня это у тебя уже второй мужчина!

Подняв глаза, я увидел в дверях Кэрри Нейтли в белой узкой мини-юбке и ярко-красной блузке. Ноги девушки были пожалуй тонковаты, но для ее хрупкой мальчишеской фигурки годились вполне.

— Хелло, Кэрри,— бросила Дениз, не поворачивая головы.— Я только что рассказывала Ренди, какой большой вклад вносишь лично ты в нашу работу.

— Думаю, мистер Робертс и сам успел это заметить,— Кэрри подошла к бару, взяла чистый бокал и смешала водку с апельсиновым соком.

Я многозначительно посмотрел на Дениз, она хмыкнула и отвернулась.

— У вас нет никаких соображений по поводу смерти Нибела? — обратился я к Кэрри.— Кто может быть замешан в этом деле? Вы, как умная женщина, наверное имеете свое мнение?

— Вы не ошибаетесь. Но убийцу должна искать полиция! И нечего вмешиваться в личную жизнь других, вас об

этом никто не просил! — ответила она весьма суровым тоном.

— Хм, этот ответ можно расценить как угодно. Например так — вам есть что скрывать от других, — начал я спокойно.

— Мне нечего скрывать! — возмущенно воскликнула она. — Но я не желаю, чтобы кто-то копался в моей личной жизни! И я не стремлюсь, в отличие от некоторых, изливать душу первому встречному! — она с презрительной усмешкой покосилась на Дорис. — Убийством же, повторяю, должна заниматься полиция.

— Ну, я давно уже хотела идти спать, — пробормотала Дениз. — Благодарю за компанию, Ренди, вы — роскошный парень! — она подмигнула мне и грациозно поплыла к выходу. Кэрри тем временем вышла из-за стойки и заняла освободившийся табурет.

— Вы, как я вижу, действуете прямолинейно, — заявила она с недоброй усмешкой.

Я улыбнулся.

— Не совсем понимаю, что вы за женщина такая, но чувствую, что меня еще ждут сюрпризы.

— Во мне нет ничего таинственного, — вздохнула она. — Я самая обычная женщина, в известной мере привлекательная и обладающая самолюбием. Но с последним трудно ужиться в мужском обществе, там и своего самолюбия с избытком, а я не мужчина и не могла вести игру на равных. Чтобы конкурировать с мужчинами, необходимо уподобиться им, но этого я не хотела. Поэтому пошла на компромисс.

Я одним глотком допил мартини.

— Вы говорите о компромиссе? Я что-то не понял?

— Я имею в виду свою работу здесь, — она сделала широкий жест рукой и грустно усмехнулась. — Всю свою энергию направляю на то, чтобы создать для женщин в этом мире более сносные условия! Для тех женщин, которые находят удовлетворение в самостоятельной творческой работе, но при этом остаются женщинами!

— Вы часто расходитесь в мнении с Либби?

— Не очень, — глаза Кэрри блеснули. — Либби более враждебно относится к мужчинам. Но с идеологической точки зрения у нас нет расхождений.

После упоминания о враждебности Либби я спохватился о судьбе Моргана и прислушался.

— Я почему-то не слышу голосов из приемной, а вы,

Кэрри? Что-то у меня появились опасения насчет журналиста.

— Здесь толстые стены,— усмехнулась девушка.— Но если вас интересует, я некоторое время наблюдала весь этот спектакль. Либби повалила Моргана на пол, и кажется, хотела выдавить ему глаза, а Линда пыталась ее оттащить от своего бывшего любовника, хотя и поливала его ругательствами.

— Бедняга Чарли,— вздохнул я.

— Хм, ваш бедняга все время вопил, что он джентльмен и никогда не станет бить женщину!

— Восхищаюсь мужчинами, которые в любых обстоятельствах придерживаются своих принципов,— заметил я.

— Смотря каких,— едко заявила она.

— Возможно, вы правы... Может, дело и не в принципах, но в самом мужчине... Как вы считаете, Линде удалось спасти его от кастрации?

— Не знаю. Когда я уходила, Либби еще сидела на нем, но Морган, кажется, перехватил ее руки и завел ожесточенный спор с Линдой о том, является ли отказ бить женщину свидетельством превосходства мужчин. Он говорил, что мол, женщина физически слабее, и поэтому силу к ней применять нельзя, даже защищаясь,— Кэрри замолчала, с интересом посматривая на меня.

— Должен заметить, подобные умозаключения не очень-то годятся для ситуации, в которой он оказался,— осторожно сказал я.

— Благодарю за откровенность,— лицо Кэрри смягчилось.— Вы честный человек, мистер Робертс... Могу я называть вас Ренди?

Я кивнул.

— Вы знаете, Ренди... я уже давно, очень давно не была наедине с мужчиной,— замурлыкала вдруг она мартовской кошкой.

— Кэрри, вы свободная женщина,— поддержал я ласково.— Вам достаточно лишь выбрать подходящего мужчину, а уж того, поверьте мне, не замучат угрызения совести, когда дело касается удовлетворения плоти. Увидев прекрасное женское тело, даже самый волевой парень становится слабым и мягким.

— Вы говорите о сексе, как об оружии,— с упреком заметила Кэрри.

— Оружием может стать что угодно, смотря в чьих руках,— усмехнулся я.

— А если я скажу, что уже нашла такого парня? Если скажу, что это вы? — спросила она неожиданно.

— В ответ могу успокоить, что для меня секс — отнюдь не метод борьбы, — просиял я.

— Значит, мы не враги, Ренди? — радостно воскликнула девушка.

Ответить я не успел, в бар ворвалась запыхавшаяся Линда. Ее волосы были растрепаны, на блузке не хватало пуговиц. Подбежав к нам, она рухнула на стойку, словно после марафонского пробега.

— Мы... мы видели лицо! Мужское лицо! — она отдышалась немного. — Он заглянул в окно приемной... ужасное, отвратительное мужское лицо со сломанным носом!

Я вскочил с места и бросился к двери, доставая револьвер.

— Обе отправляйтесь наверх, — крикнул я на ходу, — приглядите за Дорис!

— Не подстрелите там Чарли! — взвизгнула Линда. — Он тоже побежал в парк!

10

Я столкнулся с Морганом посреди клумбы, и его нападение удалось предотвратить, только громко выкрикнув свое имя. Впрочем, приглядевшись к Чарльзу при свете луны, я подумал, что в таком состоянии он вряд ли представлял собой серьезную опасность. Впечатление было таким, словно его потрепала свора собак: костюм основательно разодран, все лицо исцарапано.

— Почему вы меня бросили, когда явилась эта чертова баба? — набросился он первым делом.

— Каждый решает свои проблемы сам. Это неписанный закон. Закон джунглей, Чарли.

— Благодарю! — бросил он зло. — И не смейте называть меня Чарли!

— Справедливое требование, — согласился я. — В самом деле, какой же вы Чарли? Вы плохой цирковой клоун, который спит холодной ночью в носках, ничуть не заботясь о том, как к этому отнесется блондинка, лежащая рядом...

— Линда рыжая! — раздраженно рыкнул Морган.

— Хм, верно, и у Дениз волосы каштановые, — ухмыльнулся я. — Да откуда мне знать, может у вас и блондинка где-нибудь припасена!

— Мы что, всю ночь будем обмениваться идиотскими

колкостями на этой клумбе? — взорвался журналист. — А кто пойдет ловить того психа со сломанным носом?

— Пожалуй, верно, — благоразумно согласился я. — Мы тут разорались, а он, вполне возможно, уже держит нас на прицеле.

Морган как ужаленный подскочил на месте и бросился прочь с клумбы, я последовал за ним. Когда мы выбрались на дорожку, клумба выглядела так, словно по ней прошло стадо носорогов.

Мы обошли весь парк, но никого не нашли и ничего подозрительного не заметили.

— Наверное, убийца сделал круг и сейчас уже в доме? — озарило Чарльза, и он ринулся к дому.

Я не отвергал его предположения, но и бежать следом считал ненужным. Будь убийца в доме, мы бы уже услышали выстрелы: около Дорис сейчас три женщины, и ни один головорез не прорвется к несчастной, пока не убьет всех троих.

Когда я вошел в дом, Линда и Кэрри стояли в холле.

— Вы схватили преступника? — выпалила Линда.

— Кто с Дорис? — хмуро спросил я.

— Либби.

— Убийца скрылся, — мрачно сообщил Чарльз.

— Какой ужас! — простонала мисс Лазареф и начала грызть ногти на своих холеных пальцах. — Надо сейчас же осмотреть весь дом!

— Если бы кто-то вошел, мы бы услышали, — спокойно заявила Кэрри. — Дверь на веранду закрыта, а мистер Робертс, полагаю, догадался закрыть дверь центрального входа.

Я заглянул в ее решительные глаза и почему-то решил, что дружба между нами уже кончилась — передо мной стояла непреклонная амазонка, которая только терпит присутствие мужчин в этом доме.

— Пойду, проверю, все ли заперто, — хмуро проговорил Морган.

— Ты смелый мужчина, Чарли! — воскликнула Линда. Храбрый Чарли кисло улыбнулся и ушел.

— Дорис спала, когда мы поднялись и заглянули к ней, — сообщила деловым тоном Кэрри.

— А где была в это время Либби?

— Внизу. Она поднялась минут через пять после нас.

Я постоял в раздумье.

— Если первый раз он просто не попал в Дорис, то

сегодня постарается убить, так я думаю. Поэтому нужно всю ночь дежурить у ее комнаты.

— Может быть имеет смысл сообщить в полицию? — спросил вернувшийся Морган. — Правда, в доме все спокойно, все окна и двери на запоре.

— Зачем же нам полиция, в таком случае? — улыбнулся я.

Он ответил мне взглядом, полным ненависти.

— Рассудите сами, — продолжал я, — чем может помочь полиция в данный момент? Вы, Чарльз, утверждаете, что всюду все закрыто, значит никто не проникнет в дом без шума. Остается только установить дежурство у комнаты Дорис и до утра как-нибудь протянем.

— Почему вы решили, что опасность угрожает лишь одной даме? — скептически скривил губы Морган.

— В нее стреляли, или вы уже забыли об этом?

— Не забыл! — вспыхнул он. — Но это не значит, что вы во всем и всегда правы!

— Я этого и не утверждаю. Честно говоря, я просто устал и хочу спать, мне и в прошлую ночь досталось как следует... Не могли бы вы, Морган, первым занять пост, а я сменю вас в два часа, — предложил я дружелюбно.

— Ладно, — буркнул он. — Мне все равно не уснуть, слишком сильно болит рука.

Посмотрев на его правую руку, которую журналист все время поддерживал на весу, я твердо решил избегать всяких, и особенно идеологических столкновений с мисс Холмс.

— Вы полагаете, ему можно доверять? — неожиданно спросила Кэрри, скептически оглядывая Моргана. — А если убийца — это он и есть?

— Кэрри! — раздраженно воскликнула Линда. — Морган лежал на полу, когда мы с Либби увидели в окне ту страшную физиономию, что ты несешь? — мисс Лазарев передохнула. — К тому же, несмотря на все его недостатки, Чарли не может убить, в этом я просто уверена.

— Благодарю, — фыркнул журналист. — Пойду, принесу стул из кухни.

Я негромко постучал в комнату Дорис, Либби приоткрыла дверь и прошипела:

— Тише! Дорис спит! Она так вымоталась, ее нужно оставить в покое.

— Вы будете спать в ее комнате? — осторожно спросил я.

— Да, необходимо, чтобы с ней рядом постоянно кто-

то находился, мало ли что, она перенесла тяжелое нервное потрясение. Пожалуй, я останусь с ней, буду спать в кресле.

Я сообщил, что мы с Чарльзом решили по-мужски разделить дежурство возле двери Дорис. Гневная из гневных на удивление спокойно восприняла эту новость, но строго сказала:

— При сложившихся обстоятельствах я допускаю такой вариант, но поймите, что доверять вам бесконечно не могу. Сейчас уж тем более я останусь в комнате Дорис.

— А вы уверены, что с ней все в порядке?

— Конечно! — Либби метнула в меня молнию. — Она размеренно и глубоко дышит. Спокойной ночи, мистер Робертс.

Дверь закрылась.

Вернулся Чарльз со стулом, и я попросил Линду проводить меня до комнаты и обеспечить будильником.

— Советую всем закрыться, — обронил я на свою голову.

— Вы что, страдаете лунатизмом? — ядовито спросила Кэрри, и я очень хорошо понял, каких попыток не стоит предпринимать.

— Я ничем не страдаю, но вот убийца... — махнув рукой, я отправился в отведенную мне комнату.

Усталость валила меня с ног, и я упал на постель во всей одежде, сняв только ботинки. Уже засыпая, я подумал о том, как трудно нормальному, здоровому мужчине охранять эмансипированных, но при этом очень хороших, женщин.

Некоторое время я не мог понять: проснулся уже или вижу сон. Чье-то горячее тело придавило меня, мою нижнюю губу щекотали кончиком языка. Усталый мозг никак не мог решить, во сне или наяву это происходит. Я машинально провел рукой по кровати и наткнулся на мягкое и гладкое женское бедро.

— Ты голая? — пробормотал я.

— Я всегда сплю без одежды, в отличие от тебя, — прошептал грудной голос прямо в ухо.

— Это я тебя раздел?

— Вот еще! Я и сама могу раздеться!

— Боже мой, но ты же совсем голая! — сонно повторил я.

— Ах, Ренди, да проснись же! — чья-то рука начала теревить меня за плечо.

Сон, наконец, отступил, я открыл глаза, и все еще не очень веря, воскликнул:

— Линда?

— Ренди, милый, проснулся! — она с силой прижалась ко мне всем телом и обвила мои ноги своими. — Я поняла, что больше не люблю Чарли, он мне совершенно безразличен, я свободна! Свободна, Ренди, и могу любить тебя, когда захочу!

— И как захочешь?

— Да... До конца, до конца, — проворковала она.

— А сколько времени? — прокряхтел я.

— О, времени у нас достаточно! — она не дала мне поднять голову, чтобы взглянуть на часы. — Надеюсь, ты не принадлежишь к мужчинам, которым не нравится, когда женщина находится сверху? — томно простонала Линда.

— Нет, — шепнул я нежно и почувствовал жаркий нажим ее бедер.

Время превратилось в какой-то абстрактный фактор, я потерял о нем всякое представление, да и не только о нем.

Потом я спросил, не считает ли она оскорбительным лежать под мужчиной.

— О, Ренди! — со страстью выдохнула Линда. — Чувствовать на себе тяжесть мужского тела — это божественно!

— Клянусь, никогда не выдам Либби твою тайну, — промурлыкал я.

— Ей вообще ничего не надо знать, — со смехом откликнулась девушка.

Когда я догадался взглянуть на часы, стрелки показывали двадцать минут третьего.

— Мне нужно сменить Чарльза, — сказал я виновато и быстро выскользнул из неослабевающих объятий.

— Чарли видел, как ты вошла ко мне? — спросил я, не попадая ногой в штанину.

— Он слишком серьезно относится к обязанностям ночного сторожа. — Линда рассмеялась и поглубже зарылась в одеяло.

— Если он не спал, то непременно видел, — нервно начал я.

— Он не спал, Ренди, — мягко перебила девушка.

— И не попытался тебя остановить?

— Полагаю, Чарли хватило ума понять, что между нами все кончено. Я к нему никогда не вернусь! Поэтому

он не имеет никакого права вмешиваться в мою личную жизнь.

— Хм,— с сомнением произнес я.— Он точно не устроит сцену ревности?

— Дорогой, я совсем не хотела вызвать в нем ревности! Просто испытала неистовое к тебе влечение, у меня не хватило сил осторожничать, поверь же, Ренди! И я не ошиблась в тебе, ты подарил мне незабываемые минуты...

— О'кей,— я поцеловал ее.— Но мне пора.— Я хотел выпрямиться, но она обвила мою шею руками и мы ласкали друг друга еще минут пять.

Когда я приблизился к стулу, Чарли демонстративно посмотрел на часы.

— Вы опоздали на тридцать минут,— сухо заявил он.

— Мне снился чудный сон,— улыбнулся я.— Снилось, будто я — генерал освободительной армии, под началом которого сто тысяч обнаженных девиц... Очень хотелось досмотреть до конца...

Суровый взгляд Моргана остудил мое воображение, я попридержал язык и пожал плечами.

— Ладно, идите спать,— отпустил я журналиста и заметил, какой тоскливый взгляд он бросил на дверь, из которой я только что вышел.

Я уселся на стул и стал придумывать, как бы скоротать остаток ночи, но мне не сиделось. Для очистки совести я решил посмотреть, как там Дорис, подошел к двери и бесшумно приоткрыл ее. Неподвижная фигура на кровати, закутанная одеялом до самого лица, вызвала во мне какое-то беспокойство,— лицо девушки показалось слишком серым.

Я перевел взгляд на Либби, спящую в кресле у туалетного столика, затем снова на Дорис и решился подойти к кровати, полагая, что во всем виноват лишь неверный свет ночника. Я осторожно пробрался в комнату и уже достиг кровати, когда вскочила Либби.

— Черт бы вас побрал, Ренди! — прошипела она с бешенством.— Что вы тут потеряли?

Я отвернулся от воскового лица Дорис и хотел сказать, что если здесь кто-то что-то потерял, то только она, но встретившись с ее взглядом, тихо пробормотал:

— Дорис больше не дышит, Либби.

Мисс Холмс некоторое время смотрела на меня остановившимися глазами, потом ее лицо передернула сильная судорога, она закрыла глаза и беззвучно заплакала.

— Хелло, Мендел! — бодро поприветствовал я секретаршу.

— А тебе известно, что сейчас половина восьмого? — со злостью бросила она в трубку.

— Естественно, — усмехнулся я. — Через час пятнадцать ты должна быть в конторе, вот я и решил, что звоню в самое время. Или ты надумала оставить оскорбительную для тебя должность?

— По твоей милости я не спала всю ночь и могла бы прийти на работу позже, — все еще сердито ответила Мендел.

— Это в чем же я провинился?

— Интересно, по чьей просьбе я наняла детектива в Нью-Йорке? — язвительно спросила она. — Этот тип позвонил мне в половине третьего, поскольку у них, видите ли, уже день! Зачем только я дала ему свой домашний телефон! Да и тебе тоже!

— Мендел, дорогая, можешь гулять два дня, — сказал я возбужденно, — только сначала расскажи, что он сообщил!

— А в чем дело, Ренди? Где твое олимпийское спокойствие и гипертрофированная сексуальность? Ты не заболел? — заботливо спросила секретарша.

Я немного разозлился на ее психологические экскурсии в свой адрес, но все же сказал:

— Сегодня ночью совершено еще одно убийство. Во всяком случае, я так думаю. Женщина умерла от чрезмерной дозы снотворного. Мы тут с одним журналистом сторожили у нее под дверью, никто посторонний не входил, а она спокойненько умерла в своей постели, представляешь?

— Бедняжка, — посочувствовала Мендел, хотя и совершенно не понятно, кому. — Может быть, это все-таки самоубийство? — спросила она.

— Мало вероятно. Эта женщина — бывшая жена убитого накануне Натаниэла Нибела, улавливаешь связь? Но вся шутка в том, что снотворное выписано ей врачом. А в комнате Дорис никого не было, Ланетта Холмс не отходила от нее почти весь день, понимаешь?

— Да, да, ну и что?

— А то, что я не понимаю, зачем бы ей убивать Дорис, даже если предположить, что муж этой несчастной убит по ее распоряжению!

— Ну и как ты намерен это выяснить?

— Надеюсь на твою помощь,— льстиво заявил я.— Если ты сможешь вразумительно передать сообщение из Нью-Йорка, может я и найду там какую зацепку.

— Если ты думаешь, что я до сих пор сплю, то заблуждаешься! — выпалила секретарша.— Подожди, сейчас найду блокнот, не помню куда сунула его ночью...

Минуты через две снова взяла трубку.

— Слушай, с Бертом Томасом детектив встретился. Тот сказал, что его дочь пропала тридцать восемь дней назад, зовут ее Белинда. Пока она училась в школе, никаких конфликтов с родителями не возникало, по его словам дочь всегда была веселой и славной девочкой. А сейчас он убежден, что она стала наркоманкой: после исчезновения в ее комнате нашли сломанную иглу для инъекций, правда, ничего другого.

Мистер Томас сказал, что поведение дочери в последнее время настораживало их, казалось, будто она что-то скрывает от родителей, но они, по его словам, не лезли к ней в душу, полагая, что это типичный момент взросления. Ну как, уловил твой адвокатский ум нюансы ситуации?

— Меня огорчает одно: пока что ты не сообщила ничего интересного,— отпарировал я.

— Для тебя же стараясь! — Мендел фыркнула.— Конечно, я могу опустить подробности, а если среди них окажется и твоя зацепка? — ехидно спросила она.

— Ну, хорошо, хорошо,— сдался я.

— После школы Белинда поступила в университет и вскоре примкнула к женскому освободительному движению, часто принимала участие в различных митингах и акциях протеста. Месяца два спустя девочка стала очень скрытной, часто запиралась в комнате, не ночевала дома и отказывалась говорить где была. В доме начались скандалы. Сначала мистер Томас и не подумал обвинять амазонок, напротив, он решил обратиться в общество, надеясь, что женщины, с которыми дочь общается вне дома, смогут повлиять на нее благотворно, поскольку лучше знают ее нынешние интересы. Он встретился с некой Вирджинией Лассар, представительницей от союза амазонок, но она сообщила, что Белинда давно не посещает их заседаний. Ах, что же я... — сбилась Мендел.— Эта Лассар не просто представительница, она была президентом манхеттенской группы...

— Была?

— Имей же терпение. Я все скажу,— отрезала девуш-

ка.— Через неделю после этой встречи Белинда ушла из дома и не вернулась ни в тот день, ни на следующий. Он заявил в полицию, те не нашли никаких следов ее пребывания, ничего не знали о ней знакомые, в обществе amazонок — тоже. Но на третий день отец случайно увидел ее в магазине. Она была не одна, и заметив его, скрылась вместе со своей спутницей. Он шел за ними до Рокфеллер-центра, а там потерял.

— Мой адвокатский умишко подсказывает, что ее спутницей была Вирджиния Лассар,— вставил я.

— Ну почему ты не даешь мне удивить тебя! — возмутилась Мендел.— Да, мистер Томас утверждает именно так. Он поднял большой шум, к мисс Лассар направилась полиция, и та долго объясняла, как Белинда ненавидит родителей и не желает их знать. Она сказала, что до встречи в магазине девушка действительно скрывалась у нее, а потом исчезла так внезапно, что мисс Лассар не может даже предположить, куда она делась. Полицейские удовлетворились объяснениями, ведь подобное происходит сейчас довольно часто. Но мистер Томас не поверил ни единому слову. Он уверен, что его дочь сама, без чьего либо наущения, никогда не стала бы скрываться от них. Большие того, он говорит, что если бы дочь изъявила желание жить самостоятельно, они бы не стали препятствовать ей! Да, он даже утверждает, что совсем незадолго до исчезновения они обсуждали этот вопрос с дочерью, и он предложил, если она надумает уйти, материальную поддержку на время учебы.

Полиция не предпринимала никаких шагов, тогда мистер Томас нанял частного детектива, и он очень быстро обнаружил ряд интересных фактов. Но тут произошло еще одно событие...

— Пропала Вирджиния Лассар,— незамедлительно сказал я.

Мендел, кажется, поперхнулась.

— Ты невыносим! — крикнула она.

— Что удалось сделать детективу?

— Он обнаружил следы девчонки в одном... весьма легкомысленном доме... Вероятно, ему пришлось стать клиентом этого заведения, чтобы добыть информацию! — Мендел фыркнула, сдерживая смех.— Не знаю, похож ли он на тебя, но это испытание детектив перенес как мне показалось, совершенно спокойно...

— Что он узнал там? — нетерпеливо перебил я.

— Белинда в самом деле баловалась наркотиками, од-

нажды у нее был припадок истерии, она пыталась покончить с собой. А потом кто-то переправил ее куда-то на юг.

— И это все?

— Детектив продолжает поиски. Мистер Томас высказал предположение, что мисс Лассар — агент преступной организации, торгующей девушками. И либо эта шайка вся скрывается под вывеской «Гневных амазонок», либо запустила в общество свои щупальца, и его дочь — не первая их жертва.

— У этих предположений есть основание?

— Да, я поняла, что детектив кое-что знает. В том доме он разговорил одну девицу, которая сказала, что сначала тоже была участницей женского движения, а потом оказалась в этом местечке...

— Мендел, ты сообщила мне бесценные сведения! — воскликнул я. — Прими мой воздушный поцелуй и оцени, каким я стал скромным после вчерашнего твоего выговора! — я повесил трубку.

Затем я набрал телефон нашего домашнего доктора. Эрнест Белвин с самого моего рождения старался поддерживать мое брэнное тело и бессмертный дух в более-менее сносном состоянии.

— Хелло, Рендол, мальчик мой! — обрадовался старик.

— К сожалению, доктор Белвин, я не имею возможности поговорить с вами обстоятельно, — пробормотал я, — но очень нуждаюсь в вашей консультации.

— Слушаю тебя, мой мальчик.

— Дело темное. От чрезмерной дозы снотворного скончалась женщина, но лекарство прописано ей врачом. Сколько таблеток надо принять, чтобы доза оказалась смертельной?

— Необходимо знать вес этой женщины.

— Сто фунтов примерно.

— Хм, — доктор на мгновение задумался. — Четырнадцать таблеток, но при условии, что она приняла их одновременно. Смертельная доза значительно уменьшается, если это снотворное принимают с алкоголем, тогда уж все зависит от количества спиртного.

— Алкоголем там не пахнет.

— Значит, четырнадцать гранул, мой мальчик.

— Доктор, а можно ли заставить человека принять такое количество таблеток? Ну, скажем, может это сделать тот, кому доверяют, сказав, к примеру, что дает совсем другое лекарство?

Некоторое время в трубке слышалось только дыхание.

— Дружок,— сказал наконец мистер Белвин,— на свете не существует лекарств, которые нужно принимать такими дозами. И мне кажется, мальчик, что ты не веришь, будто в данном случае имело место самоубийство.

— Вы угадали.

— Гм. В таком случае я уже обдумал, как могли осуществиться такое убийство.

Я ждал, затаив дыхание.

— Скорее всего, женщине в течение нескольких часов постоянно давали вполне допустимые дозы лекарства, но чаще обычного, а она находилась в таком состоянии, что не замечала этого. Таким способом ее привели в состояние полной потери воли, хотя она и оставалась в сознании. А человека, лишённого воли, нетрудно заставить принять любую дозу любого лекарства, и не только лекарства.

— Спасибо, доктор Белвин, вы мне очень помогли! — поблагодарил я. — Когда понадобится укол пенициллина, непременно позвоню вам!

— Звони, Рендол, в любое время,— ответил он ласково. — И передай привет батюшке!

12

В половине девятого я вышел из комнаты Линды. Когда я поднялся сюда, чтобы позвонить, полицейские были еще внизу. Но я уже дал показания и не был нужен им. Тело Дорис уже увезли.

Я спустился на первый этаж, трое чиновников продолжали допрос. Либби держалась достойно амазонки, мне бы и в голову не пришло, что она может быть другой, если бы я не видел ее оплакивающей подругу. Мне, как адвокату, разрешили присутствовать при допросе.

После показаний Либби, все, казалось, пришли к выводу, что Дорис приняла большую дозу снотворного, находясь в состоянии депрессии.

Вероятно, такая формулировка всех устраивала, а я держал рот на замке.

Мисс Холмс ни словом не обмолвилась, что умершая считала себя виновной в смерти Натаниэла Нибела, и мне подумалось: «Либо Линда ослышалась тогда в коридоре, либо предводительница амазонок не захотела вдаваться в подробности». Возможно, Либби сейчас так тяжело, что она просто не хочет ворошить всех этих событий. Но факт

остается фактом, она заявила, будто ей неизвестно, почему Дорис находилась в столь угнетенном состоянии.

Полицейские разрешили ей уйти, и мисс Холмс отправилась наверх, чтобы подготовиться к митингу, который, оказывается, был запланирован на половину первого в Юнион-сквере. Я узнал об этом с огромным удивлением, и снова подумал о том, как мало еще знаком с характером амазонок.

Пресловутое мужское самолюбие нашептывало мне, что я вообще ничего не знаю об этом доме, хотя и провел в нем не одни сутки. Я попытался отмахнуться от назойливого тщеславия, но оно продолжало сверлить все в том же духе: что я здесь вообще был вроде мебели, вроде стула, на который можно опереться, когда дрожат коленки.

Этим невеселым размышлениям я предавался в комнате Линды. Она вошла и спросила таким тоном, словно пригласила на похороны: «Вы пойдете на собрание?».

Я задумался. Картина в основном прояснилась, но некоторых деталей не доставало, так может быть я найду их там, в Юнион-сквере?

— Да, Линда, пойду,— ответил я.— Только скажи честно, там не будут бросаться камнями?

— Надеюсь, нет,— она усмехнулась.— Могу я на минутку остаться одна? Мне нужно переодеться.

— Разумеется! — воскликнул я с широкой улыбкой,— переодевайся! А я заодно узнаю, где ты прячешь свое оружие.

Без грубостей, но по-хозяйски мисс Лазарев выставила меня из комнаты.

Юнион-сквер был заполнен женщинами в белых костюмах, они все шли и шли из контор и магазинов, стекаясь в плотную толпу у трибуны. Полицейские следили за порядком, оцепив место митинга. Немного в стороне сбились в кучку мужчины, которые с насмешливыми улыбками ждали веселого представления.

Сначала с трибуны выступали совершенно незнакомые мне участницы движения. Вскоре центральное место на трибуне заняла мисс Холмс, а позади нее устроились Линда, Кэрри и Дениз.

— Сестры! — начала Либби своим мелодичным голосом.— Оглянитесь по сторонам, мы отовсюду окружены мужчинами, которые своей злой волей готовы задушить нас, как душат побережье набегающие волны океана! Наша женская честь не позволяет терпеть этого больше!

— Тебе ли говорить о чести? — крикнул какой-то мужчина.

— Посмотрите на ее титьки, — подхватил старикан с сизым носом, — да она давным-давно позабыла о своей чести!

— Она наверно боится, что мы ее изнасилуем! — хохотнул мужчина в темном, добротном костюме.

Женская толпа недовольно загудела, бросая в сторону крикунов недовольные взгляды. Либби продолжала, будто ничего не слышала:

— В таком унижении находились ваши прабабушки и бабушки, находятся ваши дочери и сестры, в этом жалком положении женщина находится с самого начала цивилизации!

— Значит, когда наши предки прыгали обезьянами, между самцами и самками было равноправие? — хихикнул старикан.

Несколько женщин одновременно двинулись в его сторону и любитель выпить моментально умолк.

— Мы находимся в подобном положении потому, — спокойно продолжала Либби, — что еще в древности стали рабынями патриархата! Иными словами, физическая сила мужчин — вот предпосылка традиции, согласно которой женщина — слабое существо, способное только рожать детей!

— А-аа! теперь понятно! — крикнул парень в добротном костюме. — Вы хотите, чтобы отныне рожали мужчины!

Никто не обратил внимания на эту реплику. Мисс Холмс перевела дыхание и начала с еще большим воодушевлением:

— Но знайте, сестры! В этом вековом мраке было уже женское общество, которое доказало, что не зависит от милости мужчин и способно само решать все проблемы, не менее решительно и смело, чем они. Мужчин в том обществе ни во что не ставили, от них не зависели, и это самостоятельное женское общество, впервые отринувшее притязания мужчин на господство — наш пример. Этими женщинами были амазонки!

Толпа у трибуны загудела приветственными возгласами, раздалась аплодисменты. Едва они стихли, старый пьянчужка брякнул:

— Амазонки? Это те бабы, которые отрезали себе титьки?

Последовал взрыв мужского хохота.

— Ха-ха, крошка,— крикнул кто-то,— и ты называешь себя амазонкой с такими-то буферами?

На мгновение хохот мужчин еще усилился, но внезапно совсем прекратился: группа разъяренных женщин бросилась в их сторону, издав жуткий воинственный клич.

Я моментально вжался спиной в какую-то стену, можно сказать, слился с ней, изумленно наблюдая, как мужчины бросились бежать от толпы женщин, которая уже вся пришла в движение и неумолимым потоком хлынула в их сторону. Я видел, как она поглотила человек десять отставших весельчаков, там взлетали кулаки, ноги, блузки, юбки и снова кулаки. Мужчин не было видно совсем. А недалеко от меня двое зевак мужского полу уговаривали взбешенных женщин пощадить их. Они умоляли их, как жестоких судей, один даже встал на колени, что, на мой взгляд, было тактической ошибкой: одна молодая угреватая бестия сразу впилась ему в горло.

Чуть правее меня две особы в мини-юбках садистски избивали какого-то парня. У меня мороз прошел по коже, и я тихонько начал выбираться из сквера с намерением нырнуть в ближайший бар, напиться до потери чувств и забыть эти жуткие сцены.

Когда часа через три я выполз из глубин бара, на улице был полный покой, и что удивительно — никаких трупов! Оставалось надеяться, что Либби и другие находились на трибуне, пока полиция разгоняла рассвирепевшую толпу.

Как бы то ни было, я отправился во «Владения амазонок».

Судя по всему их дела были плохи, поскольку Дениз, встретившая меня у ворот с кухаркой, ни на секунду не попыталась прижаться ко мне.

— Все в баре, Ренди,— мрачно заявила Линда, когда мы вошли в холл.

Либби и Кэрри сидели за стойкой, но на разных концах ее, перед каждой стоял полный бокал. Еще перед двумя табуретами на стойке бара стояли наполненные бокалы, очевидно там до моего прихода сидели Дениз и Линда, но каждая — далеко от другой, особняком. Я решил, что порция бурбона не повредит и мне, хотя ситуация была как следует обдумана уже в предыдущем баре. Сейчас оставалось связать все факты воедино.

Дениз и Линда молча устроились на табуретах, уставясь каждая в свой бокал. Либби казалась просто глыбой льда, Кэрри напоминала грозовую тучу.

— Если бы я раньше знал, какие веселые митинги вы

устанавливаете, ни одного бы не пропустил! Вид крови так возбуждает мужчин! — начал я развязно.

— Мы устали от ваших циничных реплик, — с каменным лицом заявила Либби.

Другие, казалось, не обратили на мои слова ни малейшего внимания.

— Хм, если вам не нравятся мои шутки, поговорим о чем-нибудь менее мрачном. Об убийстве, например, — я сделал паузу. — Давайте вместе подумаем, кто убил Наталиэла Нибела и... и его жену.

— Дорис? — вздрогнула Либби и посмотрела на меня так, словно только что заметила мое присутствие. — Но она ведь покончила с собой, фиגляр вы бессовестный...

— Действительно, что вы говорите! — перебила Линда возмущенно. — Все знают, Дорис просто приняла...

— Не будем пока о ней, — оборвал я. — Сперва о бедняге Нибеле. Надеюсь в том, что он убит, никто не сомневается?

Три женщины уставились на меня с немимым вопросом, но Кэрри почему-то демонстративно отвернулась в сторону.

— Мотив преступления ясен с самого начала. Нибел знал какие-то факты, позорящие ваше общество. Их разглашение могло принести вам всем большие неприятности, либо особенно — кому-то из вас, — я помолчал. — Тем более, если бы их преподнес общественности такой журналист, как Чарльз Морган, — я усмехнулся. — Каким путем и что в точности узнал Нибел, не берусь судить. В этом разберется полиция, когда займется его делами в Нью-Йорке. Я только предполагаю, что дело обстоит так: Нибел узнал, что под вывеской «Гневных амазонок» скрывается преступный синдикат, торгующий девушками.

Ваша организация, я думаю, использовалась только затем, чтобы заманивать девушек.

В застывших глазах Либби внезапно засверкал гнев.

— Поганая вы свинья! — крикнула она. — Вам мало, что меня сегодня оскорбляли люди вашей сволочной породы!

— Увы, оскорбляли вас более чем достаточно, — согласился я. — Но, к сожалению, не могу идти против фактов, Либби. Один Нью-Йоркский детектив имеет доказательство, что манхеттенская группа вашего союза использовалась для вербовки девушек. Сначала их приманивали броскими призывами о борьбе за свободу женщин, затем делали наркоманками. А когда жертва становилась настолько за-

висима от наркотиков, что готова за очередную дозу на все, ее отправляли на панель.

— Лжете! Лжете вы! — выдохнула Либби и побледнела, на лице отчетливо проступили скулы.

— Первым предупреждением о том, что скоро все всплывет, было письмо Бертон Томаса. Вторым — заявление Нибела.

— Какое еще письмо? — прищурилась Либби. — Теперь мне совершенно ясно, что вы сошли с ума! Я никогда никаких намеков не получала, ни письменно, ни устно! Торговля девушками, да вы...

— Точно таких слов употреблено не было, — спокойно вставил я. — Но если вы знали, о чем речь, то письмо обязательно было для вас предостережением.

— Я в глаза не видела никакого письма! — Либби осмотрела по очереди всех девушек. — Или кто-то просмотрел мою корреспонденцию до меня?

Линда закусила губу и смущенно выдавила:

— Я нашла это письмо, Либби, в твоей корзине для бумаг, оно было разорвано на мелкие кусочки...

— Да, — подхватила Дениз с милой улыбкой, — а я посоветовала показать письмо Ренди, считая, что нам необходимо узнать, что за всем этим стоит...

Ее тихий голосок совсем сошел на нет, видно Дениз никак не могла представить, что секс можно оплачивать деньгами.

— Я тоже видела письмо, — резко произнесла Кэрри, повернулась и уставилась на меня своими темными глазами. — Только я предполагала, что оно написано каким-то психом, — сделав изрядный глоток виски, Кэрри передернула плечами. — Похоже я ошиблась.

Я счел, что пора начинать второй круг и снова наполнил бокалы.

— Неслыханно! — пробормотала Либби. — В мое отсутствие обыскивают мой кабинет! Впрочем, с этим я разберусь потом. Я просто еще раз хочу сказать, что не видела никакого письма и не понимаю, о чем вы говорите.

— То, что я скажу сейчас, — начал я, — лишь предположения. — Возможно в Нью-Йорке Нибел повстречался в каком-нибудь борделе с одной такой экс-амазонкой, которая и поведала ему свою историю. А после ее рассказа он просто сложил два и два.

Мисс Холмс издала нечленораздельный звук.

— Нибел основательно задумался, — невозмутимо про-

должал я,— поскольку «Гневные амазонки», как он считал, украли его жену...

— Неправда! — запальчиво крикнула Либби.

— Успокойтесь, мисс Холмс, я еще не все сказал.

— Да будет вам известно,— уже спокойнее сказала она,— Дорис ушла от мужа до того, как мы с ней познакомились.

— О'кей, не в этом суть,— кивнул я.— Узнав долю истины, Нибел решил докопаться до остального. Вероятно, его поиски оказались успешными, он многое узнал и позвонил Дорис, чтобы сообщить, в какую историю она влипла. Естественно, он рассчитывал, что после подобных известий жена немедленно порвет с «Гневными амазонками» и вернется к нему. Но Дорис, похоже, просто передала весь разговор Либби.

Дениз глубоко вздохнула.

— Да, пожалуй, так и было, Дорис всегда все рассказывала Либби, а та...

— Я не до конца понимаю,— вмешалась Линда.— Вы значит, утверждаете, что девушек привлекают лозунгами нашего союза, затем развращают и все это делается с ведома мисс Холмс? — назвала она Либби официально, и та вздрогнула.

— Именно такие выводы напрашиваются,— я усмехнулся.— По крайней мере одно верно: ваш союз, если можно так сказать, слуга двух господ. С одной стороны — лозунги, движение за женскую эмансипацию, а с другой — торговля живым товаром.

— Ну, а тот, первый выстрел? Кто же хотел убить Дорис? — спросила Кэрри.

— Инсценировка,— спокойно ответил я.— Чтобы, во-первых, завлечь сюда Нибела без всяких подозрений с его стороны, и убить. А во-вторых, после его смерти это тоже пригодилось — на Дорис не могло упасть подозрений...

— Вы хотите сказать, что Дорис попросила приехать бывшего мужа, зная, что его здесь застрелят? — ужасная догадка широко раскрыла прекрасные глаза Дениз.

Я молча кивнул.

— Вот она на что намекала, когда я слышала их разговор! — с волнением воскликнула Линда.

— Совершенно верно,— подтвердил я.— Но смерть Нибела слишком потрясла Дорис, она не совладала со своими эмоциями и разрыдалась на плече у Либби.

— Но в таком случае,— тихо проговорила Дениз,— она просто не вынесла тяжелой ноши и действительно покончила с собой?

— А я предполагаю, что ее убили,— невозмутимо возразил я.— И даже расскажу вам, как это было сделано. Судя по всему, всю вторую половину дня вчера Дорис давали таблетки снотворного, не больше, чем нужно для одного приема, но несколько чаще, в расчете на то, что в состоянии депрессии она этого не заметит. Результат — полная беспомощность, никакой воли к сопротивлению. В нужный момент сообщник, кстати, он же убил Нибела, показывается в окне, чтобы отвлечь внимание на себя. И в это время Дорис, доведенную уже до совершенного оупения, заставляют принять смертельную дозу таблеток. Все превосходно было продумано и осуществлено очень аккуратно. Убийство приняли за самоубийство — не высшая ли это похвала преступнику? И, безусловно, преступление совершено человеком, находящимся в доме, поскольку убить таким способом извне, как вы понимаете, невозможно. К тому же с несчастной постоянно был кто-то рядом...

— Значит, все-таки, Либби! — презрительно констатировала Кэрри.

— А может быть — ты,— еле слышно встала Линда.— Когда все побежали за тем ужасным человеком, мы с тобой поднялись наверх, как нам велел Ренди. Я только заглянула в комнату Дорис, и пошла переодеться, а ты, Кэрри, осталась в ее комнате! Либби в это время находилась внизу с Френсис и Тиной.

Наступившую тишину разорвал требовательный, нетерпеливый звонок.

— Звонят в дверь! — воскликнула с ужасом мисс Лазарев.— Кто-то опять проник на территорию владений!

— Ах! — воскликнула Дениз с отчаянием в голосе и задрожала всем своим миниатюрным и аппетитным телом.

Я не позволил себе всласть полюбоваться этим зрелищем и бросился к центральному входу.

13

На пороге стоял высокий, разве чуточку пониже меня, светловолосый человек. В правой его руке был револьвер, он гордо улыбался, направив оружие на другого человека в вязаной шапочке и с синяком на подбородке.

— Поймал вот подозрительного субъекта, — усмехнулся блондин, словно извиняясь.

Я внимательно присмотрелся к его добыче: человек был выше меня ростом, а его плоское лицо казалось, расплюснул когда-то сильный удар о стену. Огромный нос, неестественно искривленный, наверняка не раз был сломан.

— О, — протянул я, — да это, похоже, наш любитель заглядывать в окна!

— Совершенно верно, — подтвердил самодовольно блондин. — В ваши окна заглядывал не только его нос, но и револьвер.

Я подумал о своих разглагольствованиях в баре, вспомнил обо всех фактах, что выложил в присутствии четырех женщин, и представил, как мог бы лежать посреди танцплощадки с дыркой в черепе. Вот бы, наверное, суматоха поднялась!

— Мое счастье, что вы так вовремя проходили мимо, мистер... — я запнулся.

— Бойд, — подсказал блондин. — Данни Бойд, — сказал он, усмехнулся и повернулся так, чтобы я оценил его профиль.

— А меня зовут Ренди, Рендол Робертс, — представился я. — Хотелось бы знать, как вам удалось его ущучить? К тому же владения огорожены трехметровой стеной, да еще колючая проволока...

Он ослепительно улыбнулся, показав свои великолепные зубы.

— Там не только колючая проволока, еще и электропровод, а я заметил его в последний момент. Хорошо, ток еще не пропустили, иначе я вряд ли стоял бы перед вами.

— Да и мы бы уже отправились к праотцам, — заметил я. — Заходите, прошу вас, мы обсуждаем в баре одну интересную историю. И вы в самое время привели этого дружочка, Бойд, я с удовольствием представлю его обществу.

Парень со сломанным носом уставился на меня серыми, со стальным блеском, глазами и так сжал зубы, что послышался скрежет. Бойд ткнул его револьвером в спину, подталкивая вперед, и снова широко улыбнулся.

— Бар — это замечательно, рюмочка мне сейчас просто необходима!

Когда мы подошли к двери, я схватил горбоносого в тиски и протолкнул в помещение бара.

Либби вскочила со своего места. Линда испуганно вскрикнула. Дениз до невозможности распахнула глазки

и шумно задышала, а Кэрри поднесла к губам ладонь, сдерживая крик.

Следом за нами вошел Бойд, и его улыбка засверкала неоновой рекламой. Мне показалось, он молниеносно раздел глазами каждую женщину.

— Я поймал этого парня в саду, — просто сказал он.

— Но как, как вы попали в сад? — спросила Дениз, восхищенно рассматривая его. — И кто вы такой вообще?

— Я? Ах, да, позвольте представиться, — он опять самодовольно улыбнулся. — Я — Данни Бойд, частный детектив из Нью-Йорка. А кто из вас Ланетта Холмс?

— Я! — хрипло выдавила Либби. — Что вам здесь нужно?

— Ищу пропавшую Белинду Томас, она не так давно примкнула к вашему союзу, и вдруг исчезла... А этот парень, — он толкнул горбоносого револьвером, — агент той фабрики, где штампуют проституток.

— Нет! Нет! Не может быть! — с рыданиями в голосе простонала Либби.

— Значит, Нибела убил этот тип? — спросила Линда.

— Я никого не убивал, — процедил тот сквозь зубы. — И требую адвоката!

— У нас уже есть адвокат! — Кэрри со злостью ткнула пальцем в мою сторону. — Скажите, мистер Робертс, вроде бы существует такое положение, что адвокат не может высказываться против своего клиента? — с издевкой спросила она.

— А кто такой Нибел? — с интересом спросил Бойд.

Я облегченно вздохнул и подумал, что к счастью здесь есть еще один человек, который тоже все хочет знать четко и ясно.

— Был такой маленький и тщедушный человек, — начал я. — Видимо, он напал на след, выяснил кое-что насчет торговли девушками, — я помолчал. — Скорее всего, бедняга Нибел разузнал слишком много, и этому парню приказали его убрать.

— Хм, откуда вы знаете об этих делах? — удивился Бойд.

— Нанял детектива в Нью-Йорке, тот переговорил с Бертоном Томасом и сообщил мне всю информацию. Непонятно одно — что вы-то здесь делаете, в самом деле?

— Но я ведь уже объяснил — разыскиваю девушку, как раз дочь мистера Томаса, о котором вы только что сказали, — ответил он мне, как полному идиоту.

— С чего вы решили, что Белинда здесь? — сухо спросил я.

— Я ничего не решал. Просто понял, что ее переправили на юг, и...

— Носитесь по спирали, — подхватил я с ухмылкой. — А теперь наткнулись на Пало-Альто.

— Мне становится жаль, что я не дал сделать выстрела этому парню, — заявил Бойд угрожающе.

— Ренди! — воскликнула Дениз. — Зачем вы все время перебиваете мистера Бойда? Ведь он нас всех спас! Дайте же ему рассказать, как он сюда попал!

Она заявила это таким тоном, что я должен был непременно почувствовать себя ослом. Я и сам прекрасно понимал, что блондин спас мне жизнь, но, к сожалению, его самодовольство выводило меня из себя. Я молча налил себе порцию бурбона.

— А я обычно пью тройное виски, — с ухмылкой сказал Бойд. — И бутылку лучше всего не закрывать...

— Мы слушаем вас, мистер Бойд, — с вызовом сказала Кэрри.

Я заметил, что она слишком волнуется, видно ей не очень понравились слова Линды о том, что она одна оставалась рядом с Дорис во время вчерашней суматохи.

— О'кей, — выпил Бойд, явно готовясь к монологу. Я настроился терпеливо слушать. — Я уверен, Белинда Томас находится сейчас в одном из борделей южных штатов. Вот этот боксер с перебитым носом, его имени я даже не знаю, давно меня ведет. А зацепил я его, когда он выходил из одного дома, — сыщик многозначительно ухмыльнулся. — Могу вас уверить, он получил от хозяйки заведения большие деньги. Затем я еще четыре дня колесил за ним по Нью-Йорку, и, ей-богу, он за это время сколотил приличное состояние, складывая денежки в банк. С директором банка я тоже переговорил, но имени своего клиента тот не назвал. А мой дружок берет вдруг билет на самолет и мчится в Сан-Франциско. Я подумал, что могу получить здесь какую-нибудь интересную информацию, и тоже купил билет.

— Выходит, вы следили за ним и в прошлую ночь, в ночь убийства Нибела? — спросил я.

Бойду было не до ответа, — он вовсю улыбался Дениз. Я заметил, как его взгляд скользнул по ее груди и пошел ниже. Но меня обрадовало то, что в этом откровенном взгляде не было вожделения.

— Этот парень приходится вам отцом? — с иронией

спросил блондин.— Или он родился с нюхом хорошей ищейки?

— Я бы сказала, что мистер Робертс просто не уступает в самомнении вам,— хмуро ответила Либби.

Детектив попытался покорить взглядом и ее, повертел головой, выставляя напоказ профиль, но мисс Холмс осталась совершенно равнодушной. Тогда Бойд повернулся ко мне, должно быть от отчаянья.

— На этот славный домик я натолкнулся лишь сегодня,— сказал он миролюбиво.— Позавчера на аэродроме я своего друга потерял,— он кивнул на громилу.— Зато нашел отель поудобней и вкусил пресловутых прелестей ночной жизни Сан-Франциско. Наутро меня от всего тошнило и страстно хотелось кого-нибудь прибить. От нечего делать я позвонил в Нью-Йорк, и выяснил, кто возглавляет местное ядро амазонок. А теперь,— он осклабился,— сожалею лишь о том, что не пришел сюда раньше...

— Среди проституток тоже встречаются эмансипированные дамы,— поддел я.

— Прекратите же, Ренди! — с укоризной посмотрела на меня Дениз.

Бойд подарил ей великолепную улыбку и продолжал:

— Вчера вечером я подъехал к владениям и стал выжидать. Минут через двадцать появился мой приятель, покрутился около и отправился восвояси. Я снова зацепил, а он повел. Правда, пришлось караулить его у отеля почти сутки, он затаился там, как крыса до сегодняшнего вечера! Ну вот, вечером он снова отправился сюда, вошел в ворота и...

— Вошел в ворота? — ахнула Линда.

— Значит, у него есть ключ? — пискнула Дениз.

— Конечно,— Бойд обвел всех удивленным взглядом.— И я полагаю, ключ дала ему Ланетта Холмс, которая руководит синдикатом по вербовке проституток.

Детектив замолчал, горделиво вскинув голову.

— Убийца мог войти в любую минуту! — Линда нервно захихикала.— А Либби распорядилась провести ток? Хитро! Мы бы успокоились, что владения защищены, а он бы открыл ворота и перестрелял нас одну за другой!

Я понял, что у нее начинается истерика, и постарался ее предупредить.

— Успокойтесь, Линда, сейчас вас уже никто не убьет! — громко сказал я.— К тому же, наемный убийца убивает только по приказу, а отнюдь не в свое удовольствие, вы понимаете? Зачем ему вас убивать? Прикажут, он

отберет деньги у хозяйки борделя, намекнут — и он уберет ненужного человека.

— Я пришел сюда не за тем, чтобы кого-то убить, и не за деньгами,— проскрежетал грома с перебитым носом.— Я всего лишь хотел переговорить с одним человеком...

— Это с кем же? — небрежно поинтересовался я.

— Вас не касается!

— О'кей,— я вздохнул.— Не хотите говорить — не надо, я и сам знаю. Да, Бойд, вы ошиблись насчет Ланетты Холмс.

— Значит, у меня нет сведений, которыми располагаете вы, Роберте, — великодушно ответил детектив.— В таком случае, покажите мне истинную виновницу торжества, а я уж спрошу ее, где найти Белинду Томас.

Он протянул руку к стойке, взял бутылку шотландского виски и глотнул прямо из горлышка.

— Знаете, Бойд,— начал я спокойно,— эта дама жадна до мужчин, вы ее наверняка уже очаровали своим профилем. Но она жадна и до денег, поэтому, прикинувшись амазонкой, спряталась за стенами этой обители и руководила отсюда щупальцами своего синдиката, которые действительно распространены по всем филиалам союза «Гневных амазонок».— В моем голосе не слышалось ни печали, ни разочарования.— Имя этой дамы Дениз Девлон.

— Ренди! — крикнула она, и в ее глазах впервые появился страх.

Я кисло улыбнулся.

— Да, Дениз. Именно вы организовали за спиной Либби союз с Дорис, как-то сумев ее убедить, чтобы она помогала вам. Скорее всего, вы ее просто обманули. Она была вам очень нужна, через руки Дорис проходила вся информация, вся почта, прибавим к этому безграничное доверие Либби. Для того вам и нужна была Дорис, чтобы беспрепятственно поддерживать связь со всеми членами своей шайки. А контролируя всю входящую корреспонденцию, вы имели уверенность, что Либби никогда ни о чем не узнает, у нее даже подозрения не возникнет, тем более с такой добросовестной тихоней-секретаршей.

Четыре женщины смотрели на меня во все глаза, как на свихнувшегося.

— Не может быть! — тихо выдавила Линда.

— Вы понимаете, что говорите, Ренди? — недоверчиво спросила Кэрри.

Либби молча взглянула на красотку Дениз и в ее глазах появились опасные всполохи.

— Так вот почему Дорис страдала! — проговорила, наконец, она. — Я-то считала, просто нервный шок, вызванный смертью Нибела, а оказывается...

— Но как же тогда письмо? — взволнованно спросила Линда. — Ведь Дорис всегда вскрывала и просматривала корреспонденцию, а потом клала ее на стол Либби, она могла его просто уничтожить!

— Конечно, — кивнул я. — Это письмо доставило много хлопот Дениз. Скажите, где просматривала почту Дорис, в кабинете?

Линда кивнула.

— А теперь представьте такую картину: Дорис читает злополучное послание, и вдруг слышит приближающиеся шаги Либби. У нее в руках улика, спрятать — нет возможности, поэтому она рвет письмо и бросает в корзину, правильно рассчитав, что обрывки не привлекут внимания Либби, которая ей так доверяет. И позднее она наверняка вернулась, чтобы уничтожить даже их, но ее опередили вы, Линда. Склеенное письмо вы показали Дениз, и ей, в свою очередь, оставалось только подыграть вам. Подумайте сами! Если бы она отмахнулась или начала разуверять вас, что за письмом ничего такого нет, так вы бы ее и заподозрили в первую очередь!

Чтобы у вас не оставалось сомнений на этот счет, вспомните, как Дениз не хотела подпускать к письму постороннего, узнав о вашем намерении обратиться за помощью ко мне. Она не случайно вызвалась привести меня, велев вам с Кэрри ждать у гаража. Если бы вы постояли там еще немного, Дениз вернулась бы к вам без меня и уверила бы, что уже переговорила со мной о письме, но я отказался помочь.

Она и Чарльза Моргана завлекла к себе все с той же целью — выведать, не разузнал ли он что-нибудь о ее преступном тресте, скрывающемся за вывеской гневных...

— Ренди! — улыбнулась вдруг Кэрри, — как вам это удалось! Как вы узнали, что именно она? Я думала, после слов Линды вы обвините меня...

— Да, — ответил я, улыбнувшись ей в ответ. — У вас была возможность дать Дорис смертельную дозу, но у Либби, скажем, времени было много больше, чем у вас. Я не подозревал ни ее, ни вас. Оставалась Дениз.

Помните, мы с вами беседовали здесь, а Дениз сказала, что хочет спать и отправилась наверх? Вскоре прибежала

Линда с воплями о страшном лице, показавшемся в окне. Заметьте, все это время наверху была только Дениз. Либби — тузила Моргана, Линда пыталась его спасти, мы с вами мирно беседовали. В общем, пока мы занимались здесь горбоносым красавцем и Морганом, она могла накопить снотворным десяток человек, лишенных воли.

— Мистер Робертс,— промолвила тихо Либби,— я не давала Дорис в тот день никаких таблеток, а вы говорили...

— Дениз могла делать это в те минуты, когда вы ненадолго оставляли Дорис, а вы ведь не сидели около нее постоянно?

— Наверное, вы правы,— безжизненным голосом ответила далеко не гневная амазонка.

— Я могу также сказать, почему мои подозрения почти сразу упали на Дениз.

Восемь женских глаз снова уставились на меня с жадным любопытством.

— Дело в том, что она нарочито выдавала себя за нимфоманку,— я усмехнулся.— Но ни одной настоящей нимфоманке в голову не придет запереться от мира в какой бы то ни было обители. Конечно, если ее не подвигнет на это какая-нибудь цель. Дениз два года живет у вас, но поверьте, порой у меня возникало ощущение, что я здесь больше на месте, чем она!

— Я же говорила,— прошипела Дениз,— мы часто выезжали, и во время поездок я не упускала случая...

— Конечно,— перебил я,— но в том и беда, что где-то вы немного переиграли, а где-то — наоборот. Мимолетные интрижки для нимфоманки ничто, она бы сошла с ума, а еще проще — сбежала, находясь на столь скудном пайке. Но вы не собирались бежать, сумасшедшей я тоже не мог вас назвать. Мимолетные интрижки для нимфоманки все равно, что умирающему от голода — одна слиза в день.

Я в очередной раз увидел, как тело Дениз начало дрожать, но сейчас дрожь была вызвана ненавистью ко мне, а не страстью.

— Очень рада,— фыркнула она,— что вы не стали моей мимолетной интрижкой.— Дениз одарила меня таким взглядом, словно только разглядела, что я ужасный урод.

— Лучше скажите, сколько вы получали с носа? — спросил я.

— С чьего? — ехидно спросила она.

— За каждую проданную девушку! — рявкнул я.

— Тысячу долларов! — выкрикнула она, словно плюну-

ла каждому из нас в лицо.— Тысячу! Свободными от налогов и наличными! И это только моя доля!

— Советую вам ничего не говорить без вашего адвоката,— попытался ее остановить громила. Его стальные глаза встретились с моими, и я понял, с каким бы удовольствием он включил меня в свой послужной список.

— Все это очень интересно,— скептически заметил Бойд, поставив пустую бутылку на стойку,— но лично меня мало трогает. Я хочу узнать одно — где Белинда?

Он повернулся к Дениз и усмехнулся.

— Очень жаль, крошка,— Бойд направил на нее револьвер.— Я предполагал, что именно вы превратите в праздник мое пребывание в этом городе. Но когда мне платят за хорошую работу, я тоже получаю большое удовольствие, так не лишайте же меня его и скажите, где находится Белинда Томас?

Дениз посмотрела на сыщика равнодушно.

— Понятия не имею,— бросила она небрежно.

— Послушайте, Робертс, не могли бы вы присмотреть за этим головорезом, пока я переговорю с милой дамой наедине?

— Почему бы нет? — кивнул я.— Но прошу, не оставляйте на ее теле слишком много синяков, нам за каждый придется отчитываться в полиции.

— Неужели я похож на человека, который осмелится подойти к женщине слишком близко,— он весело усмехнулся,— без ее согласия?

Я не счел нужным разубеждать ее. Он отдал мне револьвер и молча подтолкнул Дениз к двери музыкального салона.

Не прошло и десяти минут как они вернулись.

— Благодарю вас, Робертс,— Бойд похлопал себя по нагрудному карману куртки.— Здесь лежит один адресок в Новом Орлеане, Дениз мне его буквально навязала. Вот что значит нежное женское сердце,— он ухмыльнулся.— На этом, полагаю, мое дело закончилось.

Он достал из кармана еще один револьвер.

— Вот эта пушка принадлежала ему,— детектив кивнул на горбоносого.— Она вам пригодится, поскольку дело об убийстве расследуется здесь. А теперь разрешите откланяться, и большое спасибо за дружескую помощь,— он широко улыбнулся.

— Минутку, Данни! — остановил его я.— Если не секрет, как вам удалось вытянуть из нее адрес?

Он самодовольно улыбнулся и обратил свой профиль к Линде.

— Очень просто. Сказал, что если она не даст адреса, я пристрелю ее из оружия сообщника, а убийство пришью ему же. Она поверила,— он коротко хохотнул.— Это лишний раз доказывает, что методы Бойда не дают осечек! — В очередной раз ослепительно блеснули его зубы.— Для меня была большая честь познакомиться с вами, леди. Советую вам, не впадайте в уныние. Лучше подумайте о девушках, что разбросаны по борделям страны и ждут своего освобождения. Помните, ваша доля много лучше.

Я посмотрел на Либби, она так и не выпила джин, сидя с застывшим, ничего не видящим взглядом. В уголках глаз блестели слезы. Возможно, она вновь оплакивала Дорис, а может быть — свое общество, не берусь сказать.

— Бойд! — окликнул я еще раз детектива, когда он уже подошел к двери.

— Слушаю? — обернулся он.

— Вы знаете, что ваш правый профиль никуда не годен?

Сыщик глянул на меня так, словно я сказал, что у него правая нога короче левой.

— Если будете в Нью-Йорке, Робертс,— сказал он дружелюбно,— звякните мне. Я там известен как превосходный юморист. Познакомлю вас с моими хорошими друзьями и с лучшими барами!

На прощанье он осветил помещение своей лучезарной улыбкой и вышел. А я решил немедленно позвонить Мендел и строго-настрого наказать ей: если нам придется в другой раз обращаться к частному детективу в Нью-Йорке, им непременно должен быть Динни Бойд!

14

Вечер был создан для ласк, выпивки и тихой музыки, а я сидел один и прекрасно знал, почему. Мендел Уормингтон — мечта, а не секретарша, в сто восемьдесят седьмой раз отказала мне.

Да, я завел бухгалтерский учет ее отказов, но это тайна, которую не посвящен ни один человек. Записная книжечка всегда со мной, во внутреннем кармане пиджака. Когда я начинаю переоценивать свое обаяние, стоит заглянуть в нее и гордыня перестает роптать.

Чтобы вечер не пропал даром, я сделал себе коктейль,

поставил любимую пластинку «Смерть-злодейка» и растянулся на кушетке с бокалом в руках.

Моя квартира расположена на четвертом этаже и вид из окна являет лишь море ночных огней Сан-Франциско, но все же она имеет свое преимущество — это моя квартира. Здесь все принадлежит мне: пластинки, мебель и запасы спиртного. И если город становится поперек горла, я переезжаю мост в сторону Марин-каунти и отдыхаю в своем милом гнездышке, о котором тоже не знает почти никто, за исключением нескольких особ женского пола.

Я встал за очередной порцией коктейля, когда позвонили в дверь. Вероятно, богиня любви шепнула какой-нибудь очаровательной даме, что я срочно нуждаюсь в ее утешении.

Открыв дверь, я опешил от неожиданности. Мои мечты о блондинке, пышущей страстью, оказались просто безделницей в сравнении с явью.

— Линда! Кэрри! — воскликнул я наконец. — Глазам своим не верю! Как вы меня нашли? Этот адрес известен в основном торговцу спиртным из ближайшей лавочки.

Линда улыбнулась, хитро подмигнула Кэрри и обе храбро вошли в логово Льва, захлопнув за собой дверь.

— Мы позвонили в вашу контору, — сообщила Линда, — и милая секретарша любезно дала нам адрес. А еще она сказала, что вы сегодня встали не с той ноги, поэтому сбежали из конторы пораньше и наш визит, по ее мнению, очень вас обрадует!

— Ох уж эта Мендел, — вздохнул я счастливо. — Действительно, чудесная секретарша...

Линда сбросила пальто и осталась в легком платье лимонного цвета, которое обнажало ее процентов на семьдесят. Без всякой дополнительной оптики я разглядел, что бюстгальтера под этим платьицем нет.

Пока она, почти голая в своем наряде, с кошачьей ловкостью устраивалась на диване, Кэрри тоже скинула пальто на ближний стул и прошла к окну. Сначала я видел только ее плотненький, хороший задик, обтянутый короткими панталонами, а потом заметил, что ее костюм дополняет прозрачное кружевное платье.

Когда я подошел к бару, чтобы приготовить коктейли, мои руки дрожали, словно у алкоголика с похмелья. Я мощным усилием воли заставил себя наполнить бокалы, не пролив ни капли, но тотчас понял, что никакой моей воли не хватит, чтобы также успешно донести их моим гостям.

Улучив момент, я для успокоения опрокинул в себя изрядную порцию мартини, и уже совсем легко справился со своей задачей.

— Спасибо, дорогой,— промурлыкала Линда, принимая бокал из моих рук.

— Как поживают гневные амазонки после бури? — спросил я.

— Плохо,— Кэрри огорченно вздохнула.— Либби отказалась от этого названия,— добавила она торопливо.— Морган в последней статье назвал митинг в Юнион-сквере сборищем баб, изнывающих от сексуального голода, базаром проституток и так далее...

— Да, тяжелый Морган современник,— заметил я.— Но другие, надеюсь, не были столь суровы?

— Увы,— Линда пожала плечами.— Все газеты как с цепи сорвались. А ведь в основе движения была хорошая идея! Конечно, расследование усугубило реакцию прессы... Но, кстати, Либби не намерена отступать, сейчас она едет на север, в Вашингтон-штат, хочет начать все сначала.

— И вы едете с ней? — осведомился я.

— Нет,— Линда покачала головой.— Мы с Кэрри обсудили этот вопрос и решили, что хватит нам бороться за эмансипацию, настало время вкусить ее плоды. Какой смысл называть себя свободной женщиной и не быть ей?

— Да,— поддакнула Кэрри,— мы так стремились предоставить свободу другим, что совсем позабыли о своей!

— В общем, Ренди, мы уезжаем за границу,— вставила Линда.

— Сначала в Скандинавию,— заявила Кэрри.— Говорят, там женщины добились полного социального и сексуального равноправия, хотим выяснить, как им это удалось!

— Великолечно,— я улыбнулся.— Только не вздумайте показаться в таком виде на улицах Сан-Франциско, иначе не доберетесь до гавани! Наши мужчины, поверьте на слово, становятся самым слабым полом при виде полуобнаженных женщин!

— А мне кажется, вы очень хорошо владеете собой, Ренди,— бархатным голосом сказала Кэрри.

— Мужчины нашей семьи всегда отличались сильным характером,— ответил я скромно.— А чего вы, собственно, хотите? Чтобы я изнасиловал вас сию минуту?

— Ах, Ренди! Ты же знаешь, что мы против насилия! — воскликнула Линда.— Другое дело, мы уверены, что женщина сама может выбирать себе партнера...

— И потом,— подхватила Кэрри,— мы же признаем

твое физическое превосходство, какой смысл убеждать нас в этом?

В следующую минуту они скинули с себя остатки одежды, а я подумал, что сейчас уж точно сойду с ума.

— Мы вообще ничего не имеем лично против тебя, — непринужденно произнесла Линда. — И я, и Кэрри, мы обе пришли к выводу, что ты переполнен сексом, а это именно то, что нам нужно.

— Линду осенило, что нам, как свободным женщинам, не к лицу соперничать, а значит можно со спокойной совестью поделить мужчину, который понравился той и другой одновременно! — возбужденно добавила Кэрри.

Я молча переводил взгляд с одной обнаженной женщины на другую и просто ликовал, полагая, что уж теперь-то вечер не пройдет даром, моя проблема решена!

Правда, в ту самую минуту она еще не была решена окончательно: две прелестницы, златовласая и черноволосая, улыбались мне кокетливо, их тела излучали страстный призыв, а я никак не мог решить, к какой же из них подойти.

ГЛАЗ СФИНКСА

1. ГОЛЛИВУДСКИЕ ПРАВЫ

На Мегги было подобие пижамы, одетой под халат. И то и другое — из одинакового голубого шелка. Вся эта голубизна выгодно оттеняла ее коротко остриженные в стиле «мисс» светлые волосы. Этот стиль вошел в моду год назад. Но Мегги хватило ума сохранить его — он ей шел.

Платье Хильды обращало на себя внимание необыкновенной экстравагантностью, но вид у нее самой был разъяренный.

— Это бревно! — прошипела она. — Какая муха его укусила? Я пила уже шестой коктейль и стала замечать в глазах Хелла нечто похожее на сверкание обручального кольца, как вдруг явился метрдотель и объявил, что нас обоих по поручению мистера Секвилла какой-то человек требует к телефону. Сверкание кольца в глазах Хелла исчезло так внезапно, что я даже не успела заметить... За кого он нас принимает, этот олух? Производственное совещание в два ночи!

Мегги грациозно зевнула.

— Нужно признать, что Эдди Секвилл — первый комический актер Соединенных Штатов Америки. Так что, считай, он имеет право в два ночи собрать весь свой народ на совещание. У него немного архаичные взгляды на свои права, но ведь он оплачивает наше содержание. Тебе и Хеллу, мне и Джо, — она кивнула мне. — Что ты думаешь об этом?

— Думаю, что Секвилл — старый стоптанный башмак, — ответил я.

Я не слышал, как отворилась дверь.

— Тысяча благодарностей, Джо! — произнес знакомый носовой голос. — Ничто меня так не радует, как непринужденность моих служащих.

Я закурил сигарету.

— У писателя есть одно преимущество, — сказал я. —

Он может писать неведомо для кого и для любого спектакля.

— Получая пятнадцать сотен долларов в неделю?

В голосе Эдди звучала горечь.

— Само собой разумеется, — ответил я, скрестив руки.

В комнату порывисто вошел Хелл. Он считал, что администратор должен иметь определенную походку, и сам строго придерживался этого аллюра.

— Все в сборе? — спросил он на ходу. — Все приготовились?

— Что тебя ущипнуло? — заскрежетал зубами Эдди. — У меня тут имеется кривляка, иначе говоря, комическая артистка, виртуоз по писанию на пишущей машинке и ты! Но когда я назначаю совещание на два часа, это значит, что нужно явиться ровно в два часа, независимо от того, после полуночи это или после полудня.

Хелл изобразил плаксивую мину.

— Послушай, Эдди, — умоляюще проговорил он. — Ведь искать их все равно что искать иголку в стоге сена, клянусь тебе! Как только ты позвонил мне, я стал стучать в двери, вызывать по телефону...

— Избавь меня от этих деталей, — недовольно прервал Эдди, — приведи мне их, и все!

Дверь отворилась и появились те, о ком шла речь. Борис Карков — с лицом, отмеченным болезнью печени, — и Нейл Лефо — профессиональный театрал с небрежным локоном на лбу.

— Мы опоздали? — спросил он томно.

— Садитесь и заткнитесь! — процедил Эдди сквозь зубы.

Собрание было в полном составе.

— У меня потрясающая идея для новой серии скетчей, — заявил Эдди. — Приключения частного детектива — «Глаз Сфинкса». Что вы скажете о названии?

— Сенсационно! — с энтузиазмом воскликнул Хелл.

Остальные молчали. Эдди нахмурил брови.

— Я не хочу героя, помогающего погибающим, мне нужен косолапый тип, неспособный надуть бумажный мешок!

— Это уже легче, — заметил я.

— Необходима серия взамен «Поставщика льда», — нетерпеливо сказал он.

Борис почесал затылок там, где некогда имелась порось.

— Поставщика можно похоронить, согласен, — сказал

он.— Но «Глаз Сфинкса»! — Он слегка наморщил нос.— Это не ново!

— Вам платят за то, чтобы вы выполняли, а не думали! — резко проговорил Эдди.— Речь идет о спектакле Эдди Секвилла, а не о спектакле Бориса Каркова, не так ли?

— Это чувствуется,— ответил с насмешкой Борис.— У меня острые глаза.

Эдди закурил сигарету.

— Ваше мнение, Джо?

— Я ничего не знаю,— ответил я.— Как вы будете это играть?.. Большие комические пьесы, чистый бурлеск?.. Я не вижу другого способа преподнести сие, но это не ваш типаж. Не следует забывать, что представляет собой Эдди Секвилл: это маленький тип с открытым взглядом, в круглых железных очках, который легко и быстро проделывает свои трюки... Это насмешливый сосед, который помогает вам растопить печь и сжечь дом... Это шеф скаутов, который заставляет натягивать тенты на самом краю берега и который орет: «Вперед!»... Вот таков характер типов, который дает нам возможность оплачивать счета нашего бакалейщика... А теперь вы хотите все перевернуть?

— Черт возьми! — воскликнул Эдди, глядя на меня крупными глазами.— Вы зарываете свой талант, малыш. Вам нужно писать эпопею!

— Это уже сделано,— с горечью сказал я.— Я продал восемьсот томов. Даже мальчишки не захотели читать этого!

Борис снова почесал затылок.

— Мне кажется, что Джо прав,— заявил он.— Если вы сыграете это в стиле бурлеска, публика не узнает своего Эдди Секвилла.

— Банда остолопов, вы полагаете, что я не думал об этом? — резко оборвал его Эдди.— Мы воспользуемся нашим обычным персонажем, чтобы создать детектива. Маленький тип станет необыкновенной секретаршей... Конечно, сыгранной Хильдой... Но каждый раз, когда она входит к нему, он все забывает. В нижнем ящике стола, в котором классический детектив прячет свою фляжку с виски, у него находится бутылка с лимонадом, и каждый раз, когда он подвешивает свою петарду под мышку, дуло свешивается наружу. А когда он устремляется в погоне за преступником и хочет спасти клиента, этот тип обманывает его... Существует много ситуаций!

Хелл прочистил горло.

— Это кажется мне сногсшибательным,— сказал он.— Это бомба!

— Возможно, это идея...— скрепя сердце, согласился я.

— Немного,— проворчал Эдди.— Вы должны немедленно приняться за это, Джо. Мне нужен первый набросок к завтрашнему дню, во второй половине... Сегодня вторник. В четверг у нас выпуск.

— Как жаль, что у меня в кармане нет складной пишущей машинки,— сказал я.— Я бы выдал вам это тотчас же.

— Я вам плачу, разве не так? — зловеще спросил он.

— Нет другой причины, что объяснила бы мое присутствие здесь.

Мегги казалась расслабленной.

— Я восхищаюсь вами,— сказала она Эдди,— но разве действительно было необходимо вытаскивать меня из постели в два часа ночи?

— Вы мне без конца напоминаете об этом,— ответил он.— Я хочу, чтобы в первом скетче все вертелось вокруг певицы в ночной коробке, иначе говоря, вокруг вас! Вы готовы к роли, немного черной?!

— Что изменилось бы, если бы я не была готова? — спросила она.

— Ничего.— Эдди покачал головой.— Но, тем не менее, я хотел спросить вас об этом.

— Вы хотите иметь трупы в своих трюках? — спросил я.

— Не в том плане, как было раньше,— сказал Эдди.— Нужно считаться с цензурой, не правда ли?

Нейл нанизал на палец свой локоп.

— Вы говорите о будущем или о настоящем? А, что у вас там есть для меня, Эдди? — спросил Нейл.

— Когда?

— Я говорю о новой серии,— ответил Нейл весьма недовольно.

Чтобы удовлетворить его аппетит, требовалось немало усилий.

— Я как раз думал,— продолжал он,— что вы мне дадите роль детектива, которого я, конечно, сыграю в классическом стиле, а вы, вы будете его комическим ассистентом... Так будет лучше, не правда ли?..

— А я думаю,— со злостью сказал Эдди,— что это будет протеск! От нас требуется комический спектакль, который заставляет смеяться. не так ли?

— Я думаю, о чем я как раз и думал,— ответил Нейл.

— Я вас нанял, не так ли? — продолжал Эдди. — И на время контракта вы будете получать свое вознаграждение, можете не беспокоиться!

Кто-то постучал в дверь, уверенно и громко, не так, как стучит этажный скромный мальчик. Эдди живо обернулся, глаза его потемнели.

— Кто это там? — спросил он. — Уж не счастливый ли случай?

Дверь резко отворилась, и в комнату вошел какой-то тип. Он напоминал персонаж из «Черной маски»...

Высокий, худой, с мертвенным лицом, с глазами, холодней, чем камни в горной реке, в черной шляпе, надвинутой на глаза, и с руками, засунутыми глубоко в карманы пальто.

— Что вам надо? — спросил Эдди с нетерпением.

— Это вы Секвилл? — спросил тип резким и скрипучим голосом.

— Ну, да, я Секвилл.

Эдди всегда обижался, когда его не узнавали с первого взгляда.

— А вы меня приняли за кого? За Микки Мауса?

Тип некоторое время рассматривал его.

— Меня послал Чарли. Он сказал мне, что ему осточертело ждать, — заявил он наконец. Небрежным жестом он вынул руку из кармана и снял очки с кончика носа Эдди. — Его терпения хватило до вашего последнего спектакля. Потом... — он неопределенно пожал плечами. — Вы можете ожидать всего. Так сказал Чарли.

Он уронил очки на ковер и старательно подошвой раздавил одно стекло за другим.

— Вот что сказал Чарли, — повторил он и направился к двери.

Хелл бросился к нему.

— Эй! — закричал он. — Вы не смеете так поступать!

Тип повернулся, посмотрел на него и спросил:

— Почему бы и нет?

Хелл побледнел и остановился.

— Ну что ж... — сказал он неуверенным тоном. — Вы... вы не должны, вот и все. Дело касается Эдди Секвилла! Я не знаю, отдадите ли вы себе отчет...

— Отлично отдаю, — сказал тип.

— С этими словами он ткнул Хелла растопыренной ладонью в лицо. Хелл отлетел, наткнувшись на стол.

Личность с физиономией трупa небрежной походкой вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Эдди ругался, щурясь и стараясь разглядеть что-нибудь дальше своего носа.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул я. — Это и есть «Глаз Сфинкса», или я ничего не понимаю!

2. УБИЙСТВО НА РЕПЕТИЦИИ

При помощи веры, надежды и черного кофе я закончил скетч к шести часам утра следующего дня. Я отдал рукопись Эдди, который прочел ее два-три раза, поворчал и наконец заявил, как бы через силу:

— Это может решить дело... Конечно, мне еще надо... Я посмотрю это сегодня вечером, а утром мы сможем повторить.

Я почувствовал себя так, как если бы у подножия эшафота с моей шеи сняли веревку.

Вернувшись к себе в комнату, я принял душ, потом приготовил выходной смокинг.

В этот вечер Джо Дунн был свободным человеком. В этот вечер он пойдет наверстывать потерянное время. Отличное начало для сценария...

Около семи часов я направился в бар.

Три месяца назад у Эдди появилась шальная мысль снять два этажа отеля «Сплэндид». Каждый член его труппы получил по комнате, а у Эдди была целая квартира. Первый этаж был приспособлен для репетиций и прочих сборищ... Я слышал, что это стоило ему около двадцати тысяч долларов в год... Но какое это имело значение для Эдди? Платил клиент!

Итак, я устроился у бара. Я выбрал себе табурет поближе к бармену. Он посмотрел на меня и подал мне martini. Я поднес бокал к губам, закрыл от удовольствия глаза, но неожиданно чей-то голос вывел меня из блаженного состояния.

— До настоящего момента я не была уверена, что ты настоящий пьяница... Я как раз думала...

Я поставил стакан и обернулся на голос. Мегги занимала соседний табурет.

— Ты не могла бы объявить о своем приходе гудком сирены или клаксоном? — спросил я. — Чтобы по крайней мере знать, что ты на подходе.

Взгляд Мегги скользнул по моему слишком откровенному декольте.

— До настоящего времени я отлично обходилась без

сирены,— сказала она.— Мне кажется, Джо, ты переутомился или еще что-нибудь?

Я опорожнил свой стакан и толкнул его к бармену.

— Глаз Сфинкса,— с неприязнью пробормотал я.— Первый скетч окончен в назначенное время. Завтра репетиция.

— А Чарли в курсе? — спросила Мегги немного неуверенно.

Бармен поставил передо мной новую порцию. Я поднял стакан, глядя на Мегги.

— Ты, конечно, думаешь, что интермедия «Чарли» — не что иное, как хорошая шутка, не знаю кем проделанная, чтобы разыграть Эдди? — спросил я.

— Не имею ни малейшего представления,— ответила Мегги. Легкая дрожь пробежала по ее плечам.— Но я не могу забыть лицо Эдди, когда тот тип раздавил его очки! В ту минуту я почувствовала себя отомщенной, я больше не сердилась на него за то, что меня вытащили из кровати в два часа ночи.

— Это было настолько дико, что не может быть правдой,— заметил я.— «Это Чарли послал меня...» Я писал о подобных вещах несколько лет назад, когда делал популярные фельетоны о частных детективах...

— Джо,— Мегги постукивала о стойку ножкой бокала.— Ты не веришь, что жизнь такова. Я хочу сказать — дика. Эти диалоги и реплики, которые вы, люди пера, выдумываете, не существуют в реальной жизни!

— Давай забудем о всех авторах,— сказал я,— и вернемся к Чарли.

— Я заметила одну вещь после этого происшествия,— продолжала Мегги.— Эдди был очень сдержан. Можно было ожидать, что после такого посещения он станет кричать, позовет полицию, санитарную карету, пожарных... Но он ничего не сделал.

— Он вернулся к себе на квартиру и больше не думал об этом,— прибавил я.— Итак, что ты тут предполагаешь, Шерлок?

— Что он был одурачен,— заявила Мегги,— а может быть, даже напуган!

— Только одно может внушить Эдди страх — это бумага о налогах! А если переменить тему... С меня уже довольно этого. Я не знаю, что Чарли требует от Эдди, но во всех случаях он дал ему срок до завтрашнего вечера. Значит, если Эдди боится, он будет действовать... Какие

у тебя были намерения на этот вечер до того, как ты встретила меня?

— Вы, мистер Дунн, твердый и решительный человек!

— Если мы начнем с того, что повторим по стаканчику? — спросил я и сделал знак бармену.

Наш вечер окончился около часу ночи. Мы вернулись в «Сплендид»... Мегги пригласила меня выпить последний стаканчик у нее в комнате, и я согласился — ведь у меня горячая кровь и я сгорал от желания поближе оценить платье Мегги, когда мы останемся наедине.

Мегги наполнила стаканы и протянула один мне. Она подняла свой.

— За успех «Глаза Сфинкса»!

— Так уж необходимо, чтобы снова возвращаться к этому? — спросил я.

— По правде говоря, меня очень интересует Чарли, — призналась она.

Она перегнулась через ручку моего кресла и, удобно устроившись, прислонилась ко мне.

— Ты меня удивляешь, Джо, — продолжала она. — Действительно... Ты — писатель, и не интересуешься этим Чарли!

— Поговори о Чарли, — сказал я, перекладывая ноги через ручки кресла и кладя голову на колени Мегги.

— Я уверена, что Чарли имеет отношение к прошлому Эдди, к какому-нибудь происшествию или лицу, которое сыграло большую роль в жизни Эдди, — задумчиво проговорила Мегги.

— До или после декларации о его налогах?

— Нет, — нетерпеливо сказала она. — Это совсем не так прозаично. Я думаю, что Чарли и Эдди сделали что-то, и Эдди был недостаточно честен.

— И Чарли может заставить его петь?

— Вот! — воскликнула она. Мегги была так возбуждена, что я боялся, что моя голова свалится с ее колен. — Ты прав! Это шантаж! Эдди не хочет больше платить или он больше не имеет к тому оснований. И подробности будут завтра вечером... В конце концов, тем хуже для него.

— Я продолжаю думать, что это просто фарс, — сказал я.

Она бросила на меня пренебрежительный взгляд.

— И это говорит писатель! И как раз в тот момент, когда появился проблеск света. — Она некоторое время размышляла. — Эдди такой же, как и большинство людей в спектаклях... Ему многое пришлось испытать в жизни. Он

выступал на ярмарках, в кабаре, в ревю, он пробовал Голливуд.— Она пренебрежительно щелкнула пальцами.— Это так, Джо, Голливуд?

— Почему ты ищешь следы в Голливуде? — спросил я.— Что тебе сделал Голливуд?

— Ничего,— мрачно ответила она.

— Тогда не выдумывай. И для тебя еще не все потеряно, все может случиться.

— Очень мило с твоей стороны. Но послушай меня, Джо... Эдди провел двенадцать месяцев в Голливуде и накрутил только один фильм... Один фильм за двенадцать месяцев.

— Этого совершенно достаточно,— сказал я.— Я кое-что знаю об этом. Я видел фильм.

— Но чем он занимался остальное время? — спросила она.— Это долго, год... для единственного фильма! Держу пари, что причина тут!

Я согласился. Женская логика меня всегда покоряла.

— О'кей,— сказал я.— Что же он делал там в Голливуде?

— Я ничего не знаю,— призналась Мегги,— но это, безусловно, что-то не совсем честное. Вот поэтому он попал в лапы шантажиста, который открыл для себя золотое дно.

— Может быть, дело касается его жены? — предположил я.— Он ведь женился на этой малышке, не так ли?

— В Голливуде! — предположила Мегги.

— В Голливуде,— согласился я.— Итак, если это обнаружится, ведь там был Сэм Голдвин, который был влюблен в девушку... Тогда Эдди убил его выстрелом из револьвера, и никто этого не видел и никто ничего не заметил.— Я принял таинственный вид.— Ни одна живая душа! Но какая-то скотина, о которой никто не думал, сразу же заметила, что Сэм мертв. И он никогда не спорил, когда люди говорили, что у него в голове Сэм. И он сразу же понял, эта бестия, что произошло и кто нанес удар... Но что он мог потребовать за молчание? Антрекоты?

Мегги резко поднялась, и голова моя потеряла сразу опору. Она стояла и смотрела на меня, потерявшего равновесие и лежащего у ее ног.

— Отлично, большой дурень! По-настоящему, тебе надо занять место Эдди, а он писал бы твои сценарии... Ты приведешь в восторг кучу дураков, я в этом уверена! Что удручает в тебе, так это то, что у тебя слишком дубовая башка, чтобы создать сенсационную вещь, даже если она влезет тебе в голову и будет щипать за нос.

И она ушла, стуча каблуками.

Я собирался встать, но не успел, так как она вернулась со стаканом в руках и, я подумал, с лучшими намерениями.

К тому же у нее была нежная улыбка.

— Прости меня, Джо. Я плохо веду себя. Хочешь еще стаканчик?

— Ну, конечно, спасибо,— ответил я.

И я его получил. Она наклонила стакан и старательно вылила его мне на голову.

Хорошие женщины — все одинаковы!

По этой причине спустя две минуты я оказался в своей комнате, пережевывая все услышанное.

Для меня тип, который разбил очки Эдди по поручению какого-то Чарли, был не более, чем персонаж из фарса, и я готов был держать пари на пять против десяти, что вдохновителем этого фарса был не кто иной, как Борис.

— А теперь в постель,— сказал я себе.

Утро прошло в репетициях. Эдди прохаживался по поводу моего сценария, как он это делал всегда, но под конец, когда подошел час ленча, объявил, что удовлетворен «Глазом Сфинкса».

В шесть часов я был в баре, чтобы перехватить пару стаканчиков, прежде чем отправиться в студию.

С похоронным видом вошел Борис, расположился у бара и попросил бармена дать ему водки без воды.

— Все идет, как ты хочешь, работяга? — спросил я.

Борис с безнадежным видом пожал плечами.

— Я задаю себе вопрос... Я не перестаю спрашивать себя, зачем, какого черта он мне платит?.. Зачем ему нужно оплачивать администратора сцены, когда он отлично знает, что сам все наладит?

— Это в обычаях сценаристов,— ответил я,— одинаково для комиков, музыкантов, певцов... Черт возьми!.. Ты разве этого не знал? Это издание Эдди Секвилла!

— Я знаю.— Борис проглотил свое питье с таким видом, будто это была дохлая рыба.— Но тем не менее, это раздражает... Посмотрим фактам в лицо, Джо, и тем хуже, если спектакль неудачный... Эдди способен заставить потерять разум человека достаточно твердого, независимо от того, есть ли у него талант. Он потратил много времени, чтобы найти себя, но теперь это сделано, и когда люди ложатся в театр, это для того, чтобы посмотреть на Эдди. Им совершенно наплевать, кто руководит сценой. Карков или Фриц Ланг. Им наплевать, что сценарий написан Лунином или Достоевским!

— Это правда,— согласился я, не давая ему времени приняться за третью порцию.

— Ну, конечно,— сказал он.— Тогда будем улыбаться, даже тогда, когда Эдди ногой даст нам в зубы.

— Или тогда,— предположил я,— когда открывают предохранительный клапан. Выпускают пар, вместо того, чтобы разбить рампу. Нанимают соответствующую личность для шутки, зная, что это обойдется Эдди парой лишних очков, и пользуются случаем, не так ли? Чувствуешь себя очень хорошо в то время, как Эдди проводит приятные минуты... Мои поздравления Чарли!

Борис поднял на меня удивленный взгляд.

— Я не понимаю тебя,— заявил он.

— Ну! Мы же друзья, старина! И губы твоих друзей на замке. Но расскажи что-нибудь!

Борис энергично покачал головой.

— Это не я, дру! Клянусь тебе, что это не я. Чтобы уж быть совсем откровенным, я думал, что это ты!

— Еще одна гипотеза Дунна, которая рассеялась, как дым,— сказал я.— В конце концов, он, может быть, существует, этот Чарли?

— Если это не Хелл, который организовал все это представление,— предположил Борис,— и научил своего сообщника ударить его ладонью по лицу. Во всяком случае, Эдди будет подозревать любого, кроме него.

— Неплохо придумано, дружище,— воскликнул я.— Продолжай в том же духе, и из тебя выйдет отличный детектив!

Борис посмотрел на часы.

— Если я сейчас же не уйду, я не сделаю выхода,— сказал он.— Ты идешь, Джо?

— Приходится,— ответил я.

Такси дожидалось нас у входа в отель. Мы уселись и поехали. Я закурил сигарету.

— А что произошло дальше с женой Эдди? — спросил я.

— Я ничего не знаю.

— Ведь они все еще женаты, не правда ли?

— Следует думать, что он не хочет вмешивать ее в эту кухню, в которой мы сами варимся, не хочет, чтобы она участвовала в его театральной жизни,— ответил Борис своим птичьим голосом.

— Он держит ее взаперти где-нибудь в замке вдали от города? Вот она, вероятно, там забавляется!

— Но Эдди должен остерегаться этого? — проворчал Борис.— Ты ее видел?

Я покачал головой.

— Только на свадебной фотографии... Она недурна!

— Я же видел ее днем,— медленно сказал Карков,— сразу же после венчания. Думаю, что моя встреча с ней не была предусмотрена программой. Во всяком случае у Эдди был очень недовольный вид, когда он увидел, как мы с ней непринужденно болтаем. Это действительно так, как ты сказал, если он вообще не увез ее подальше отсюда. Она была очень красива, это бесспорно, и должна быть красивой и сейчас. То, что я тебе сказал, произошло два года назад.

— Я все никак не могу понять, для чего он снимает эти апартаменты в «Спленидид»,— продолжал я.— Ведь он отсутствует только на уик-энд и то не каждую неделю.

— Спроси об этом у Эдди,— сказал Борис.— У меня достаточно своих забот, и я не жажду разделять с ним его заботы.

Мы пришли в студию. Входя, Борис машинально бросил взгляд на кабину в конце зала. Свет на мгновение отразился на стеклах очков.

— Ты должен чувствовать себя потрясенным, друг,— сказал Борис.— Эдди здесь в течение уже четверти часа и занят украшением твоего скетча.

— По крайней мере все было в его полном распоряжении,— ответил я.— В сущности, это то, что ему надо, блюдо в его полном распоряжении.

Мы подошли к кабине. Когда мы переступили порог, Эдди бросил на нас черный взгляд и посмотрел на часы.

— Вы настоящие бездельники! — вскричал он.— Вам теперь достаточно появляться за час до представления!

— Вы очень любезны, мистер Секвилл, отдавая должное моему таланту,— сладким голосом сказал Борис.

Эдди попытался было открыть рот, но так ничего и не сказал.

Каждый раз, когда он хотел высмеять Бориса, насмешка возвращалась как бумеранг.

— Во всяком случае,— сказал он,— сделайте над собой усилие, чтобы все было ладно в этот вечер, уже в настоящий момент билеты проданы, и я хочу, чтобы так продолжалось и дальше.

— В моих интересах также, чтобы это продолжалось, мистер Секвилл,— холодно сказал Борис.

Эдди бросил на него неприязненный взгляд.

На эстраде царил обычная суматоха. Устанавливался реквизит, натирались полы, сновали люди, наступая друг другу на ноги. Как все устраивалось, чтобы закончиться к двадцати часам, оставалось для меня загадкой. Но всегда успевали.

Борис закурил сигарету и несколько минут наблюдал за суетой, прищурив глаза.

— Все-таки надо мне пойти посмотреть, — сказал он наконец.

Он сделал несколько шагов по направлению к двери и остановился, как вкопанный, так как дверь неожиданно открылась и знакомая фигура переступила порог. Борис отступил на шаг, пропустив пришедшего, не сводя с него блестящих от любопытства глаз.

Тип не обратил внимания ни на меня, ни на Бориса. С руками в карманах, с согнутой спиной, в той же черной шляпе, надвинутой на глаза, он смотрел на Эдди.

— Чарли ждет вашего ответа, — сказал он.

— Убирайтесь отсюда! — прорычал Эдди сквозь стиснутые зубы. — Убирайтесь вон, или я выкину вас отсюда!

— Если я вас правильно понял, я должен сказать Чарли, что вы не хотите ничего знать?

— Вы меня слышали?! — орал Эдди. — Немедленно убирайтесь вон, и чтобы я вас больше не видел! Вы можете сказать Чарли, что он может пойти к...

Эдди глубоко вздохнул и продолжал своим нормальным голосом:

— Скажите ему мой ответ: «нет», и если он не оставит меня в покое, я приму соответствующие меры. Чтобы вы хорошенько поняли, я повторяю, если я увижу здесь еще раз вашу голову, я прикажу выкинуть вас вон!

Тип не казался обескураженным.

— Чарли будет недоволен, — сказал он. — А вы знаете, каков он, Чарли. Это мистер, который не любит терять даром времени. Вы твердо решили сказать ему «нет»?

— Вы меня уже слышали, — пролаял Эдди. — А теперь, вон!

Тип пожал плечами.

— Хорошо, хорошо, — прогнусавил он. — Почему нет? — Он повернулся на каблуках, открыл дверь, потом оглянулся. — Я не говорю вам: «В один из следующих дней», Секвилл! У меня предчувствие, что их не будет, следующих дней!

Дверь за ним бесшумно закрылась.

Я посмотрел на Эдди, потом на Бориса. Борис посмот-

рел на меня, потом на Эдди. Что касается Эдди, то он смотрел сквозь стеклянную стену на толпу, спящую по улице.

Борис с недоумением пожал плечами и снова направился к двери. Когда он дошел до эстрады, я закурил, а Эдди отвернулся от витрины и встал лицом ко мне.

— Этот субъект хуже, чем скверная привычка,— сказал он.

Он хотел улыбнуться, но это вышло у него слишком натянуто. Потом он посмотрел на часы.

— Мне уже пора на эстраду,— сказал он, проходя мимо меня к двери.

Я начинал думать, что, пожалуй, Мегги была права. «Чарли послал меня» — может, и не было шуткой?

Без четверти восемь Борис вернулся к управлению, увешенный картоном, как птица перьями. В восемь часов началось действие.

Музыкальная увертюра.

Анонс: выступление Эдди Секвилла. Аплодисменты.

— Дамы и господа! Вы снова встретитесь с маленьким человеком с большим сердцем — Эдди Секвиллом! — И так далее и тому подобное.

Действие продолжалось: Хильда, роковая женщина-вамп, делает авансы Глазу Сфинкса, который избегает ее.

Лейтенант Албос беспрестанно объясняет... Нейл Лефо, совершенно выбивающийся из сил, пытается разгадать загадку. Подозрения увеличиваются... Глаз Сфинкса, как всегда зевающий и неуклюжий, разоблачает преступника, которым оказывается не кто иной, как наша маленькая подруга Мегги Маки, золотая певичка в ночном кабаре.

Глаз Сфинкса один в апартаментах певичцы. Она просит у него сигарету, и, чтобы найти ее, ему приходится все вынимать из карманов...

На столе нарастает куча предметов, а среди них пистолет Глаза Сфинкса, калибр 38... И неожиданно Глазу Сфинкса удается понять, что скрывается под оболочкой красоты.

С блестящими глазами, порывисто дыша, она бросается к оружию.

— Ну что же, вы теперь знаете! — восклицает она свистящим голосом. — Но не надейтесь на успех. Слишком поздно!

И, хлоп! Она нажимает на курок!

Раздается выстрел, как из настоящего пистолета.

Глаз Сфинкса все еще стоит, хлопая ресницами.

Она смотрит на него в бешенстве с открытым ртом.

Он печально качает головой.

— Простите меня,— говорит он.— Я всегда заряжаю его холостыми патронами. Настоящие пули приводят меня в ужас.

Она с рыданиями бросается на пол, и тут появляются флики.

На этом действие заканчивается, развязка ясна и публичка разражается хохотом и смеется даже тогда, когда скетч закончен... по крайней мере, мы так надеемся. И тогда лейтенант Албос поворачивается к Глазу Сфинкса, пока его агенты уводят певицу.

— Мы слышали звук выстрела,— говорит он.— Как это случилось, что вы не убиты?

И Глаз Сфинкса отвечает с милой улыбкой:

— Я всегда заряжаю холостыми.

Он берет пистолет, наводит его на лейтенанта и добавляет: — Убедитесь сами!

Он нажимает на курок, и лейтенант падает. Глаз Сфинкса задумчиво стоит и качает головой.

— Все же в следующий раз мне нужно быть внимательным,— бормочет он.— Неужели я опять перепутал патроны?

Конец сцены.

Камеры настраиваются. Танцовщицы выстроились позади Мегги, готовые к финальному танцу. Эдди управляет свой смокинг и прилаживает бабочку. Наконец все приготовления закончены, камеры нацелены на танцовщиц — представление подходит к концу.

Я слежу за изображением на маленьком экране, слушаю песню Мегги и вижу появление Эдди с очаровательной улыбкой на губах.

Потом я подхожу к стеклянной перегородке и смотрю на сцену.

За декорациями собралась небольшая группа людей. Я вижу Хелла Уилда, отделившись от группы, он направляется в кабину управления.

Представление окончено. Я слышу вздох облегчения, вырвавшийся у Бориса, когда он выключил прожекторы. Потом он стал разъединять контакты.

И вдруг дверь порывисто распахнулась, и Хелл влетел в кабину.

— Нейл! — закричал он.— Нейл мертв!

Борис и я вместе вскочили.

— Добрые шутки закончились вместе с представлени-

ем,— сказал я.— У нас нет больше сил шутить до следующей недели.

— Это не шутки,— сказал Хелл. Он снял телефонную трубку.— Соедините меня с криминальной полицией! — закричал он.— Быстро!

Я его больше не слушал. Я выскочил из кабины и слетел по ступенькам, ведущим на сцену. Маленькая грушпа на сцене увеличилась. Я растолкал людей и увидел тело Нейла, лежащего на полу.

Тони Клейн стоял, склонившись над ним. Потом он медленно выпрямился, лицо его было бледным.

— Он мертв,— заявил он твердым голосом.

— Мертв? — прошептал Эдди.— Мертв? Но каким образом? — Он бросил взгляд на предметы, все еще лежащие на столе.— Значит, можно сказать, что в пистолете были настоящие патроны?

— Настоящие патроны! — повторила Мегги сдавленным голосом.— Значит, можно сказать, что...

Ее глаза закатились, и она стала оседать. Я едва успел подхватить ее.

— Уилд позвонил в полицию,— сказал я, обращаясь к Эдди.— Нам нечего здесь делать в ожидании ее. И ничего нельзя трогать, это всегда рекомендуется, как мне кажется.

— Без сомнения.— За очками глаза Эдди странно блестели.— Не понимаю, почему Мегги упала в обморок, раз она стреляла в меня холостыми. Я же, напротив, у меня не было осечки...

Он снова посмотрел на Нейла, лежащего у его ног. Затем вынул из кармана пачку сигарет и сунул одну в рот. Когда он высекал огонь из зажигалки, его рука дрожала, как в нервном припадке.

— Даже Глаз Сфинкса не может объяснить этот выстрел,— пробормотал он.— Кто заменил настоящими патронами холостые заряды... И Нейл пал жертвой этого, я надеюсь, вы примете во внимание, что это проклятый случай... Не понимаю, каким образом Мегги меня не застрелила!

Эдди сильно затынулся.

— Это не мое воображение,— продолжал он, говоря как бы сам с собой.— Когда я сказал «нет», он уже приготовил свой удар.

— Кто? — спросил я.

Он резко поднял голову.

Что?

— Кто приготовил удар?

— Никто,— бесцветным голосом ответил он.— Я говорил про себя.

В этот момент открылась дверь и флики наполнили помещение.

Новый лейтенант Солтц возглавлял группу.

Сраженный выстрелом, Нейл Леоф унес тайну в могилу. А Солтц выглядел так, будто может разрешить любую задачу. Он казался как бы высеченным из гранита, а потом поставленным на долгие годы под дождь. И если бы кто-нибудь решился атаковать этот гранит, даже большей массой, он все равно при столкновении с ним раскололся бы на части.

Солтц посмотрел на труп, потом на окружающих. Его губы сжались.

— Хорошо,— сказал он.— Здесь потребуется минимум метода. И прежде всего мне нужен свидетель.

— Лейтенант,— ответил Борис холодно,— вы не отдаёте себе отчета в том, что говорите!

— В чем? — пролаял Солтц.— Что вы там рассказываете?

— Дело идет об окончании представления,— терпеливо объяснил Борис,— и если наши объяснения вас не удовлетворят, вы будете иметь пять миллионов основных свидетелей. Не считая, естественно, тех людей, которых вы видите здесь.

Солтц открыл рот, челюсть его отвисла. Несколько секунд он оставался в таком положении, потом пришел в себя и закрыл свою плевательницу.

— Хорошо,— заговорил он.— Первым делом займемся присутствующими.

У меня уже начали ныть мышцы поддерживать Мегги. Я поднял ее, отнес в ближайшее кресло и кое-как пристроил.

— Куда вы идете? — спросил Солтц.

— Она потеряла сознание,— объяснил я,— и мне тяжело держать ее на руках.

Мегги чуть приоткрыла один глаз и еле слышно прошептала:

— Я тебя слышала!

Я придвинул еще одно кресло и устроил ее поудобнее.

Несколько секунд она лежала без движения, потом медленно приподняла голову.

— Кажется, мне лучше, Джо,— сказала она.— Дай мне, пожалуйста, воды.

— Сю минуту.

Я встал с кресла, где ее устроил, и очутился нос к носу с лейтенантом Солтцем.

— Один из моих людей принесет ей воды,— сказал он.— Ваше имя?

— Джо Дунн.

— Что вы здесь делаете?

— Я пишу сценарии.

— Гм...— Он скосил глаза на Мегги.— Это Мегги Маки, если не ошибаюсь?

— Смотрите сами.

Солтц покачал головой.

— Мне приходилось иногда посещать представления. Почему она упала в обморок?

— Потому что ей пришлось в голову, что она могла убить Эдди,— пояснил я,— и еще потому, что Эдди убил Нейла.

— Что вы говорите! — лицо Солтца прояснилось.— И у вас есть доказательства?

— Да, так же, как и у пяти миллионов зрителей, которые видели, как он выстрелил,— ответил я.

Солтц замигал.

— Я должен это понимать так, что он пустил пулю в названного Лефо перед камерой?

— Ну, конечно!

У него все еще был недоумевающий вид.

— В общем, дело совершенно ясное?

— Не так быстро! Он выстрелил в него, как предусмотрено сценарием. Пистолет, на самом деле, должен был быть заряжен холостыми патронами. Но кто-то заменил холостые патроны на настоящие.

— А! — произнес он, и лицо его омрачилось.— А у кого была возможность заменить патроны перед этой сценой?

— Я подагаю, у любого, кто находился в студии,— ответил я.— Пистолет тоже находился там.

Солтц казалось еще больше расстроился. Он медленно повернулся к толпе, молчаливо стоящей на сцене.

— У меня такое впечатление,— со вздохом проговорил он,— что никто отсюда не выходил.

В три часа утра мы снова собрались в зале собраний «Сплendid» вместе с лейтенантом Солтцем.

Он разглядывал нас одного за другим своими колючими глазами.

— Вы все тут лучше меня представляете себе, о чем может идти речь,— сказал он.— Здесь у меня есть все

ваши показания.— Он посмотрел на Эдди.— Мистер Секвилл, вы что-нибудь от нас скрываете?

— Я? — удивленно воскликнул Эдди. Его лицо было серым, каким бывают лица очень измученных людей. В первый раз за все время нашего с ним знакомства он выглядел на свои сорок пять лет.

— Да, вы! — просвистел Солтц.— Что вы знаете об этой личности? Об угрозе Чарли?.. Все люди, кажется, знают его, кроме вас.

Эдди посмотрел на него потухшими глазами и опустил голову.

— Я не вижу ничего в этой истории,— сказал он наконец,— это неправдоподобно. Дело касалось шутки... Этот тип, я нанял его, чтобы он выполнил свой номер, и заплатил ему за это. Я думал, что это будет смешно. Мы находились в процессе постановки новой пьесы, у нас появился новый персонаж, частный детектив. И в этот вечер, после представления, я как раз собирался объяснить всем, что это была шутка и что...

Солтц сделал два шага вперед.

— Послушайте,— с нажимом сказал он.— Проверим данные. Кто-то заменил холостые патроны на настоящие. Этот кто-то был знаком со сценарием и ходом действия. Он знал, кто будет стрелять первым и в кого. В вас, не так ли? А в итоге убили Лефо. Его убили случайно. И вы с вашим проклятым везением остались в живых! Если бы эта добрая женщина не стреляла как сапог, это вы были бы в морге, а не Лефо!

Хильда жалобно простонала, а Хелл дрожащей рукой похлопал ее по плечу. Солтц не обратил на них никакого внимания.

— Эта ваша история насчет шутки со мной у вас не пройдет, Секвилл,— проворчал он.— В этом деле убит парень. Он еще даже не успел остыть... Итак, я желаю, чтобы вы сказали правду относительно этих угроз Чарли, в противном случае... вы знаете, что вас ожидает, Секвилл. Я вас заберу как свидетеля, заподозренного в ложной даче информации, и ваши дела и заработок не выиграют от этого.

Эдди с непреклонным видом покачал головой.

— Это касается только меня,— пробормотал он.— А главное, не только меня, но и моей жены... Это за нее я боюсь, она...

— Другими словами, это она заменила патроны в пистолете? — прорычал Солтц.

— Нет,— завопил Эдди Секвилл.— Я думаю о том, что с ней будет, если...

Солтц схватил Эдди за галстук и притянул к себе так близко, что лицо Эдди оказалось в нескольких сантиметрах от лица лейтенанта.

— Слушайте!— прошипел он.— Сегодня вечером, стреляя в вас, промахнулись, но весьма возможно, что это постараются повторить. У вас имеется только одна возможность сохранить свою жизнь и жизнь вашей жены, если, как вы говорите, ей угрожает опасность... И чтобы не упустить этой возможности, вам следует все рассказать и как можно скорее! Если вы знаете людей, которые угрожают вам, назовите их. За несколько часов мы их поймаем и бросим в тюрьму!

Эдди явно колебался.

— Хорошо,— сказал он наконец.

Солтц отпустил галстук Эдди и проговорил более спокойно:

— Вот это лучше.

Эдди поднял на лейтенанта потухший взгляд.

— Я встретился со своей женой в Голливуде,— начал он тихим голосом,— но она, конечно, тогда не была еще моей женой. Ее звали Сандра Дийн, и она выступала с другим типом — Эдди все еще колебался.— Его звали Чарли Фаро!

— Фаро! — Глаза Солтца едва не выскочили из орбит.— Вы говорите про знаменитого Чарли Фаро?

Эдди утвердительно кивнул.

— Значит, вы увели девушку из-под его носа и бороды и женились на ней?.. Мой дорогой мистер, как это вам до сих пор удалось остаться в живых?

Эдди ответил, еле шевеля губами, но твердым голосом:

— Я принял меры предосторожности, необходимые как для моей безопасности, так и для безопасности Сандры. У меня есть за городом дом, который охраняется. Днем и ночью его стерегут трое. Я также установил сигнал тревоги вокруг ограды и внутри дома. Я боялся, что Фаро захочет выместить свою злобу на ней. Так что я решил охранять ее как коронные драгоценности.

Я не смог сдерживать своего любопытства.

— Но кто этот Чарли Фаро? — спросил я у лейтенанта.

— Несчастный! — Он повернулся ко мне с презрительной миной.— Откуда вы взялись? Чарли Фаро — это первый гангстер на юге Соединенных Штатов. И он наложил лапу на еще большее количество сыра, чем Аль Капоне

в свое время. По этой причине я и удивляюсь, что Секвилл еще жив.

Эдди не шевельнулся, втиснутый в кресло.

— Прошло около недели, как этот тип пришел повидать меня,— продолжал он,— и он объявил мне, что пришел по поручению Чарли. Он объяснил мне, что Чарли был очень занят, слишком занят, чтобы заниматься Сандрой, но с некоторого времени у него стало больше времени и появилось желание повидать ее.

Губы Эдди скорбно сжались. Через некоторое время он продолжал:

— Он сказал, что советует Сандре уехать от меня в Лос-Анджелес и провести там у него один месяц. Вот все, что он хочет.

— Я бы не колебался! — заявил Солтц.

— Кроме шуток? — насмешливо спросил Эдди.— Я же сильно колебался. Чарли по существу дал мне понять, что замужем Сандра или нет, но она принадлежит ему, и каждый раз, когда ему захочется повидаться с ней, он может держать ее у себя, сколько ему захочется. Вы женаты, лейтенант?

— Женат.

— И как бы вам понравилось, если бы Чарли Фаро стал так распоряжаться вашей женой? — осторожно спросил он.

— Да-а,— произнес Солтц.— Я колеблюсь с ответом.

— Я, конечно, отказал,— сказал Эдди.— Тип предупредил меня, что у меня неделя на размышления. Он снова пришел ночью, когда мы совещались, как вам уже это известно... и также известно, что он был здесь сегодня вечером.

Солтц внимательно осмотрел помещение, а мы следили за ним взглядом.

— Что совершенно ясно,— сказал он наконец.— Это то, что Фаро будет протестовать. Он скажет, что с вашей головой что-то случилось, что вы рассказываете сказки, и он докажет точно, что во время преступления он находился в Лос-Анджелесе.

— Чарли слишком осторожный человек, чтобы убивать самому,— заметил Эдди.

Солтц согласно кивнул.

— Совершенно точно. Но каким образом можно будет приписать ему это дело? Существует много платных убийц... если мы найдем его! У меня такое впечатление, что

мы или найдем его мертвым, или вообще не найдем. Потом имеется еще кто-то, кто заменил патроны...

— Разве это не один и тот же человек?

— Нет,— прервал его Хелл.— Как я уже говорил лейтенанту, я видел его входящим в студию, я хотел преградить ему дорогу, но он меня оттолкнул и пропихнул в кабину. Когда он оттуда вышел — а вышел он тотчас,— то он больше не возвращался.

Солтц закурил.

— Вы знаете? — вымолвил он.— Эта история начинает действовать мне на нервы... Я всегда охотно расследую криминальные истории, когда в них действуют нормальные люди и понятен мотив преступления, есть подозреваемый.

— Подозреваемый? — спросил я.— Как это так, лейтенант?

Он послал мне кривую улыбку.

— Пистолет был необходимой принадлежностью этого скетча... как вы его называете?.. «Глаз Сфинкса»?

— Совершенно точно,— ответил я.

— Вы его написали, другие выучили. Сколько вас было на репетиции?

— Были, конечно, Эдди и я,— ответил Хелл Уилд.— Борис присутствовал как постановщик. Джо тоже, конечно, чтобы быть под рукой у Эдди на случай внесения изменений в сценарий. Потом актеры... Мегги, Нейл Лефо и Хильда, вот она. И потом Морис Хунт и Пегги Прайс, еще комедианты... Вот, пожалуй, и все.

Солтц выдал триумфальную улыбку.

— Итак, вы их всех назвали. Это мой список подозреваемых! Они были единственными, кто знал, когда и каким пистолетом должны воспользоваться. Естественно, что из этого числа исключается Нейл Лефо. Делайте ваш выбор из оставшихся.

— Это возмутительно! — воскликнул я.— Почему вы считаете, что один из нас хотел убить Эдди?.. Эдди только что объяснил вам, что это Чарли Фаро, который...

Солтц нетерпеливо затряс головой.

— Известно. Это Чарли Фаро хотел, чтобы дело было сделано. Но Чарли Фаро не пачкается подобного рода вещами: он нанимает кого-нибудь для этого дела, и этот кто-нибудь — один из вас.

— Кто-то из нас совершил убийство по той причине, что этого захотел Чарли Фаро?

— О, наивное существо с невинными глазами! — сыронизировал Солтц.— Представьте себе, что Чарли Фаро

достаточно могуществен, чтобы иметь все, что хочет, тем более, если дает за это соответствующую еумму. Вам очень хочется чего-нибудь? Так вот Чарли Фаро может вам дать то, чего вы так жаждете: деньги, власть, известное положение... Он может все. Или предположим, вас ничего не интересует, но вы боитесь потерять что-то: положение, женщину, жену, мать... Чарли Фаро мог иметь кого-нибудь среди вас, если ему это было нужно...— Солтц посмотрел на часы.— Хорошо, остановимся в настоящий момент на этом. Никто из вас не смеет уходить отсюда без моего разрешения. И не рискуйте зря, далеко вы не уйдете.— Он подошел к двери, повернулся и добавил: — И вот совет тем, кто связан с Чарли Фаро: наблюдайте за остальными. Рано или поздно, но тот, кто сделал это для Фаро, выдаст себя. Чем раньше вы его разоблачите, тем легче станет жить остальным.

Дверь за ним захлопнулась.

— Этот парень сумасшедший! — воскликнул я.

— Вы так считаете? — ледяным тоном спросила Хильда.

Я повернулся к ней и увидел ее твердое лицо.

— Ну, а я так не считаю,— продолжала она.— Это рассуждение мне показалось вполне логичным. Я не могу удержаться от предположения, что единственный, кому легко было устроить это дело, чтобы случилось именно так,— это автор сценария!

— Если ты можешь думать, что Джо способен быть замешанным в этом деле,— вмешалась Мегги с жаром,— значит ты так же тупа, как и этот лейтенант!

Эдди встал.

— Прошу вас без ссор,— сказал он.— Вечер и так был достаточно насыщен событиями. И раз уж об этом заговорили, эпизод с пистолетом это скорее моя идея.— Он посмотрел Хильде прямо в глаза.— И мне кажется, что вы вышли на неверный след.

Эдди нетвердой походкой подошел к двери.

— Хелл! — позвал он, не оборачиваясь.

— Да, патрон!

Хелл поднялся автоматически.

— Займись всем этим,— сказал Эдди твердо.— Я имею в виду Лефо, понимаешь? Чтобы похороны были на высшем уровне, не считаясь с затратами... Попробуй узнать, нет ли у него родных... кого-то на его иждивении... Я не буду выступать на следующей неделе.

Хелл посмотрел на него круглыми глазами.

— Но, шеф... клиент будет недоволен. Он уже оплатил получасовую передачу. Он не может...

— Я оплачу ему его получасовую передачу, — нетерпеливо оборвал его Эдди. — Помни о том, что сказал лейтенант. Это я должен быть в морге на месте Нейла Лефо!

Он вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Я несколько секунд смотрел на закрытую дверь.

— В конце концов, он, может, не такой и подлый, как я полагал, — сказал я.

— Под паницирем, — объяснил Борис, — он человек. Нужно только копнуть поглубже. Бывают моменты в жизни, когда приходится обнаруживать свою человеческую сущность, как, например, сегодня. Завтра он вернется таким же, как всегда.

Борис откинулся назад в своем кресле и закрыл глаза.

— Такова жизнь, — заключил я.

3. УБИЙЦА СРЕДИ НАС

Меня разбудило появление первого завтрака в сопровождении утренних газет. Я выпил кофе и прочитал кричащие заголовки: «УБИЙСТВО ПО ТЕЛЕВИЗОРУ», «АКТЕР ГИБНЕТ В ОБЪЕКТИВЕ КАМЕРЫ».

Закуривая сигарету, я с грустью подумал о Нейле Лефо. Независимо от того, что Эдди хотел отказаться от представления в будущий четверг, как он об этом объявил накануне, передо мной было восемь свободных дней.

Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку.

— Джо?.. У аппарата Хелл Уилд, — в голосе на другом конце провода чувствовались металлические нотки. — Через полчаса должен вернуться лейтенант. Он собирает нас всех в зале совещаний. Понял?

Я ответил:

— Да, — и повесил трубку.

Итак, сорок минут спустя я появился в зале совещаний. Все уже были в сборе, в том числе и лейтенант. Он метнул на меня злобный взгляд.

— Счастлив, что вы сумели освободиться, — пролаял он. — Теперь, когда мистер Дунн находится среди нас, я думаю, мы можем открыть собрание.

— Предположим, предположим, — сказал Борис. — Во всяком случае мы не сможем помешать вам сделать то, что вы считаете нужным.

Солтц бросил на него недовольный взгляд, таким же взглядом наградил его и Эдди.

— Хорошо, начнем,— сказал он равнодушно.— Я принес несколько красивых фотографий.— Он указал головой на большой пакет, лежащий на столе.— Я хочу, чтобы вы посмотрели это. Может быть, среди них вы узнаете посланца Чарли. Я очень надеюсь на это.

Мы все встали и окружили стол, а Солтц раскрыл пакет. Потом мы медленно, одну за другой, рассматривали фотографии. Нам пришлось затратить на это занятие добрый час.

Когда последняя фотография была отложена, Солтц испустил тяжелый вздох.

— Надо было попробовать,— сказал он.

— Вы знаете,— сказала Мегги, наморщив лоб,— я уверена, что уже где-то видела этого типа.

— Где? — быстро спросил Солтц.

— Не знаю,— грустно ответила она.— Понимаете, как это бывает... Вы видите какого-то человека, и он отпечатывается в вашей памяти. У меня было такое впечатление, что я его уже видела в тот вечер, когда он пришел в первый раз, но я никак не могла вспомнить, где я могла его видеть.

Солтц потер щеку.

— У вас ничего не осталось в памяти?

— Вы видите, как я огорчена...— Вид у Мегги вовсе не был опечаленным,— но память ко мне вернется, я вспомню, я уверена. Со мной это часто бывает, но потом через два-три дня... я обязательно вспомню.

— В тот же момент воспользуйтесь телефоном и позвоните в криминальную полицию,— приказал лейтенант.

— Без сомнения,— пообещала Мегги.

Борис устроился в своем кресле и закрыл глаза.

— Теперь все, лейтенант? — спросил он.

— Похоже на то,— проворчал Солтц.

— Ничего нет нового, лейтенант? — спросил Хелл.

— Ничего интересного,— ответил Солтц.— Мы нашли в стене дырку, которую проделала пуля, пущенная в мистера Секвилла.— Он посмотрел на Эдди.— У вас проклятое везение, она прошла на расстоянии менее двух сантиметров от вашей головы.

Эдди скорчил гримасу.

— Я этого не помню, лейтенант.

— В Лос-Анджелесе произвели расследование относительно Чарли Фаро,— продолжал лейтенант.— Как и следовало ожидать, у него полнейшее алиби. Но это почти ничего не значит, так как он сам и не должен был заниматься подобным делом, как я вам уже объяснял это

прошлой ночью. Этот таинственный посланник Чарли очень интересует нас. Я надеюсь поймать его раньше, чем Чарли его прихлопнет!.. В один из этих дней,— закончил он и быстрыми шагами направился к двери.

Когда дверь за ним с грохотом захлопнулась, наступило общее молчание. Наконец его нарушил Борис:

— Если я кому-нибудь понадоблюсь в течение ближайших семи дней, он сможет найти меня в постели.

Хелл пытливо всматривался в лицо Эдди.

— Патрон,— сказал он,— я отлично понимаю ваше состояние вчера вечером, но ведь это было несерьезно, что вы сказали об отмене выступления? Скажите, шеф?

Его голос звучал задушевно и беспокойно.

— Нет,— заявил Эдди.— Это было серьезно. Выступление в четверг отменяется.

— Но, шеф...

— Заткнись! — вскричал Эдди.— Я тебе плачу, чтобы ты руководил постановкой. Ну вот и занимайся этим! Я уже сказал тебе, что если будет нужно, я оплачу нашему клиенту потерянное время. Так что никто не будет в накладе. Но я не стану выступать в будущий четверг. Это решено.

Я закурил две сигареты и протянул одну из них Мегги.

— Это что? — сказала она,— дружеская услуга?.. Если так будет продолжаться и дальше, я так привыкну к твоим услугам и к тому, что ты крутишься вокруг меня, что принимая однажды душ, не удивлюсь, если ты протянешь мне губку.

— Помолчи! — прошептал я.— Кто-то что-то объясняет.

Хелл оптимистически смотрел на вещи.

— Одну секунду, патрон! Подумайте, что это дело принесло нашему представлению необыкновенную известность! Это напечатано на первых страницах всех газет по всей стране!

— Чудовище! — низким голосом пробормотал Эдди и, повернувшись на каблуках, направился к двери.

— Но патрон! — закричал Хелл в отчаянии.— Я не то хотел сказать! Смерть Лефо меня тоже огорчила; как и других! Черт возьми! Я потратил все утро, разыскивая членов его семьи. Разве это наша вина, что о выступлении всем известно? Ты думаешь, что Нейл осудил бы нас, если...

Дверь резко захлопнулась, оборвав последние слова Хелла.

Я встал и посмотрел на Мегги.

— Ты идешь? — спросил я. — Я больше не хочу находиться здесь в этой ненормальной обстановке.

— Ты можешь предложить мне кофе, — ответила она, вставая.

Мы покинули нашу позолоченную тюрьму и прошли по улице около пятисот метров до кафе, где можно было получить приличный кофе. Когда нам подали его, Мегги наполнила чашки. Я смотрел, как она это проделывала, и она почувствовала мой взгляд.

— Что еще случилось? — спросила она. — Я покрасила губы поперек рта?

— Разве твоя мать тебе не говорила, что, когда идет дождь, нужно прятаться в укрытие?

Мегги смотрела на меня с открытым ртом.

— Что означает эта шутка?

— «Я уверена, что уже видела его где-то», — сказал я, подражая ее интонациям, — «он отпечатался в моей памяти... но я вспомню, я в этом уверена».

Она сделала глоток кофе.

— Что же в этом особенного? — спросила она.

— Ты не забыла лейтенанта Солтца? Ты помнишь, что он нам объявил вчера, прежде чем уйти?

Она наморщила лоб.

— Он сказал что-то относительно подозреваемого? Что надо искать среди людей, занятых в представлении.

— Ну, вот! — сказал я. — И в это утро мы были вместе, и воображаемый убийца среди нас.

— Шутки!

— Ты делаешь поразительные успехи! Если ты дура, то у тебя еще есть шанс! Тем не менее... тебе необходимо было поставить в известность убийцу. Ты не могла закрыть свой рот и подождать, когда тебе удастся поговорить с лейтенантом полиции наедине!

— Ах! — вырвалось у нее, и чашка выскользнула из ее рук.

Я закурил две сигареты и протянул ей одну.

— Оставайся в укрытии, когда идет дождь. Смотри под свою кровать, прежде чем лечь спать, не открывай дверь поздно вечером, если визитер тебе мало знаком.

— Это все очень мило, что ты тут мне говоришь, — с дрожью в голосе сказала Мегги. — Вот я и приговорена к страшным постоянным кошмарам.

— Пойми, если ты узнаешь парня, убийца может быть обеспокоен, да и Чарли Фаро, наверно, тоже. Даже если

они захватят посланца Чарли Фаро, ты всегда можешь вспомнить, где ты его видела, и опознать парня, у них будет шанс добраться до Фаро. Тогда ты станешь представлять непосредственную опасность, в то время как посланец представляет лишь отвлеченную опасность.

Мегги выпустила большой клуб дыма.

— Франкенштейн,— сказала она,— ты способствовал рождению ужаса. Теперь я буду жить в этом кошмаре до тех пор, пока все не разъяснится.

— Не воображай Бог весть что, мое сокровище,— ответил я.— Тебе достаточно иметь около себя преданного мужчину!

В ее глазах появилось выражение недоверия.

— А ты уверен, Джо Дунн,— мрачно сказала она,— что ты не придумал эту маленькую теорию в своей коварной башке?

— Я тебе клянусь, что нет,— запротестовал я.— Я просто очень беспокоюсь о тебе, моя дорогая, вот и все!

— Я беспокоюсь по той же причине... и еще из-за убийцы! Как я могла попасть в подобную переделку?!

Я допил свой кофе.

— Хорошенько смотри, куда ставишь ногу, и тебе не надо будет ни о чем беспокоиться,— сказал я.— Слушай, у меня идея, мы позавтракаем вместе, днем и вечером будем вместе выходить, таким образом тебе не надо будет ни о чем беспокоиться в течение всего дня.

Мы вместе позавтракали, мы выходили днем, мы вместе пообедали, мы вышли вместе вечером. Я люблю деньги, когда их можно тратить, а в этот вечер я истратил их немало, так захотелось Мегги... так, по крайней мере, мне казалось...

Мы вернулись в «Сплэндид» около двух часов ночи. Лифт поднял нас до наших золоченых клеток, нанятых для нас Эдди Секвиллом. Я проводил Мегги вдоль длинного коридора до ее комнаты.

— Доброй ночи, Джо,— нежно проговорила она.— Это было замечательно.

— Оставайся настороже,— предупредил я.— Не забудь посмотреть под кровати!.. Мне даже хотелось бы самому убедиться, произведя небольшой осмотр твоего номера, что тебе ничто не угрожает...

Мегги оперлась о дверь и медленно покачала головой.

— Так, так, так...— произнесла она, не переставая качать головой и ехидно улыбаясь.— Я вижу, ты действуешь

издалека, Джо Дунн! Не помешает, чтобы ты вернулся в свою комнату, а я пойду в свою. Доброй ночи, Джо!

Она протянула губы для поцелуя.

Через пять минут я, скрепя сердце, вернулся в реальность.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я бросил взгляд на твою комнату? — спросил я, полный надежд.

— Нет.

— Неужели... ты не хочешь?

— Ты меня понял.— Она открыла дверь и вошла в комнату.— Доброй ночи, Джо!

Дверь перед моим носом закрылась, и я услышал щелчок замка.

Я медленно прошел в свою комнату, которая была почти напротив комнаты Мегги, достал из шкафа бутылку виски и налил себе хорошую порцию.

Я успел лишь наполовину выпить ее, когда услышал крик.

Секунду спустя я уже атаковал дверь Мегги, стуча по ней кулаками и крича: «Что случилось, Мегги?..» Ключ повернулся в замке, и я с такой силой толкнул дверь, что Мегги, потеряв равновесие, упала на кровать.

Я остановился, разглядывая комнату, и не заметил никакого беспорядка, разве только Мегги лежала поперек кровати.

— Окно! — прошептала она упавшим голосом.— Пожарная лестница!

Я устремился к окну и посмотрел на улицу — там ничего нельзя было разглядеть.

Металлическая лестница спиралью спускалась вниз и, если бы даже целая армия сидела здесь в засаде, я бы не смог их заметить.

Я закрыл окно и повернулся к Мегги.

— Что-нибудь случилось? — раздался голос позади нас.

В дверях стоял Борис, в бледно-зеленой пижаме под красным халатом. Он увидел меня, задыхающегося и встревоженного.

— Простите,— сказал он, и он повернулся в сторону коридора.

Мегги быстро вскочила.

— Подождите! — крикнула она, очень недовольная происходящим.— Не воображайте себе Бог знает что, мистер Карков!

— Я? — невозмутимо произнес Борис.— Кто что-либо

воображает?.. Что заставляет вас так думать, Мегги? Когда я услышал ваши крики, я решил, что дело идет о нашествии термитов в вашей комнате или что-нибудь в этом роде... но я вижу, что опасность уже ликвидирована!

И он вышел, закрыв за собой дверь.

Мегги уничтожающе посмотрела на меня.

— Я не люблю, когда подобные типы инсинуируют разные вещи.

— Я ничего не слышал,— ответил я.

— Я тоже не слышала, но я почувствовала что-то в воздухе.

— А теперь,— сказал я,— перейдем к вопросу номер один... Почему ты кричала?

Мегги побледнела.

— На пожарной лестнице стоял мужчина. Я услышала, как отворилось окно, я повернулась и увидела его с револьвером. И в этот же момент я услышала свист пули возле своего уха, тогда я закричала и этот тип исчез. И сразу появился ты...

Я широко улыбнулся.

— Мегги, моя прелесть, тебе не надо было кричать. Тебе достаточно было тихонько свистнуть.

Она сделала шаг вперед, размахнулась и громкая пощечина, по звуку похожая на хлопанье пробки от шампанского, прозвучала по комнате.

— Повтори еще раз то, что ты сказал, Джо Дунн,— холодно проговорила она,— и тогда здесь произойдет убийство. Убийство, в котором мертвым будешь ты!

Она прошла через комнату и указала пальцем на пятно на стене.

— А это что такое, по-твоему? Дырка от термита?

Я подошел к стене и посмотрел на пятно. Это было отверстие, сделанное пулей.

— Мегги,— прошептал я совершенно потрясенный.— Прошу прощения. Но я слышал только твой крик, я не слышал выстрела.

— Теперь, когда я об этом думаю, я должна признаться, что тоже не слышала! — удивленно воскликнула она.

— Бесшумный пистолет! Он делает «хлоп», вместо того, чтобы делать «бум»! Я не знаю, кто автор этого дела, но должен сказать, что он не теряет времени даром!

Мегги вздрогнула.

— В конце концов, это может быть и женщина. Я не очень отчетливо видела силуэт за окном: силуэт человека в плаще. Одно несомненно — это не мог быть ты!

— Я?!

— Так же, как и Борис Карков,— продолжала она.

— А почему?..— постепенно мозги мои начинали работать...— Пожарная лестница спускается вниз, но она и поднимается вверх. Этот тип мог подняться на этаж по наружной лестнице, потом спуститься по лестнице внутренней и вернуться в свою комнату. Разве не так?

— Да, без сомнения,— согласилась она с дрожью в голосе.— Это... это ужасно, Джо!

— Я знаю, маленькая. И не думай, что я шутил, когда советовал тебе посмотреть под свою кровать.

Так мы стояли друг против друга, и я стал понимать некоторые вещи по-новому. Я, например, заметил, что в своей бледно-голубой ночной рубашке Мегги была настоящей искусительницей. Она опустила глаза, и тоже заметила, что мало одета и быстро накинула пеньюар.

— Что же нам делать? — спросила она.

— Позвонить в полицию?

Эта идея ей не особенно улыбалась.

— Сейчас довольно поздно,— заметил я.— Может быть, Солтц не будет доволен, если его разбудят в такое время.

— Может быть,— сказала она, глядя в пол.

— То, что тебе нужно,— быстро сказал я, осторожно беря ее за руку,— это человек, который был бы около тебя... человек, который следил бы за этой чертовой лестницей и принял бы нужные меры, если бы кто-нибудь вздумал прогуляться по ней или сделать что-нибудь.

Я замер в ожидании, но рука ее не шевелилась в моей.

Мегги сделала два шага вперед и оказалась в моих объятиях.

— Мне кажется, на этот раз ты прав, Джо,— прошептала она.

Женщины стоят дорого, но чего ради них не сделаешь!

4. ВСТРЕЧА С БОССОМ

На следующее утро я рассказал Борису про все, что случилось: про выстрел и про то, почему беспокоился о безопасности Мегги.

Он выслушал меня очень внимательно, не отпуская никаких замечаний.

Я сказал ему, что собираюсь лететь в Лос-Анджелес и что при благоприятных обстоятельствах постараюсь вернуться к завтрашнему вечеру. А также попросил его после

моего отъезда рассказать лейтенанту Солтцу о покушении на Мегги. Борис сказал, что день его будет очень заполнен.

Выходя из отеля через черный ход, я пробежал несколько сотен метров, все время оборачиваясь, но не заметил за собой никакой слежки.

Я приобрел билет на самолет на имя Джо Смита и начал путешествие под этим именем. Никто не пытался меня задержать, никто не обращал на меня никакого внимания, и я решил, что наша полиция не отличается оперативностью.

Самолет приземлился в Лос-Анджелесе около двадцати часов. У меня в городе был друг — журналист Брет Каин. Я позвонил ему из аэропорта и условился о встрече. После обмена приветствиями он спросил меня, какого черта я прилетел в Лос-Анджелес. Я объяснил, что хотел бы повидаться с Чарли Фаро. Услышав это, Брет разразился таким хохотом, что в трубке стоял сплошной звон. Потом он сказал мне:

— Брось трепаться!

— А ты не огорчайся,— ответил я.— Где мне может посчастливиться увидеть его?

— Во имя Неба, о чем ты хочешь говорить с Фаро?

— Это касается сугубо частного дела, Брет. Но поверь, мне необходимо повидать его сегодня вечером. Крайне необходимо.

— Прекрасно,— ответил он.— Но тебе не поздоровится, если ты его тронешь. Существуют типы, которые занимаются такими визитерами... Послушай... лучше всего, если я заеду за тобой в аэропорт и провожу тебя. Он может быть у себя, а может находиться в сотне других мест. Мы совершим турне...

— Спасибо, Брет.— Я держал скрещенными пальцы в надежде, что он предложит мне именно это.— Тысячу раз спасибо!

— Однако я хочу быть в курсе всех новостей по делу Секвилла,— предупредил он.— До встречи, дружище!

Я повесил трубку и стал ждать.

Через двадцать минут Брет вошел в холл. Мы вместе направились к машине.

— Мы начнем с его обычного местопребывания,— сказал Брет.— Он живет на Биверли-Хиллз. Это такое помещение, что даже кинозвезде не по карману!

Брет смотрел мне прямо в глаза добрую минуту, но ничего не сказал. Я был благодарен ему, что он не задавал вопросов, мне было бы очень неудобно, если бы, удовлетво-

рая его любопытство, пришлось сказать ему, что меня привело в Лос-Анджелес... Мне было невыносимо думать, что я могу потерять Мегги, если ей действительно угрожает опасность.

Машина остановилась. Брет выключил зажигание.

— Мы у места, парень,— заявил он.— Если у тебя будут неприятности, предупреди заранее, чтобы я смог убраться отсюда с быстротой ветра.

— Спасибо,— сказал я ему еще раз.— Часа мне хватит!

— Полагаю, тебе хватит двух минут, чтобы получить достаточно,— возразил Брет.— Окажи доверие сторожу у ворот.

Я вылез из машины и направился к тяжелым воротам из кованого железа, запертым изнутри на основательный засов. За несколько метров до них мне в глаза ударил яркий свет. Я остановился.

— Кто такой? — спросил низкий голос.

— Я хотел бы поговорить с Чарли Фаро.

Человек засмеялся.

— И это все? Ну что ж, вы не одиноки! Но в этот вечер мистер Фаро занят, так что отправляйтесь обратно!

— Уверен, он тоже захочет повидать меня, сказал я.— И я также **уверен**, он будет недоволен, если вы не объявите ему о моем приходе.

Пауза длилась несколько минут.

— Идет,— произнес наконец низкий голос.— Я позволю в дом... Кто вы? Как ваше имя?

— Скажите ему, что я Джо Дунн, сценарист-постановщик Эдди Секвилла, и что мне очень нужно поговорить с ним.

— Хорошо, хорошо... Тогда не шевелитесь там, где стоите! Я буду звонить по телефону, но глаз с вас не спущу.

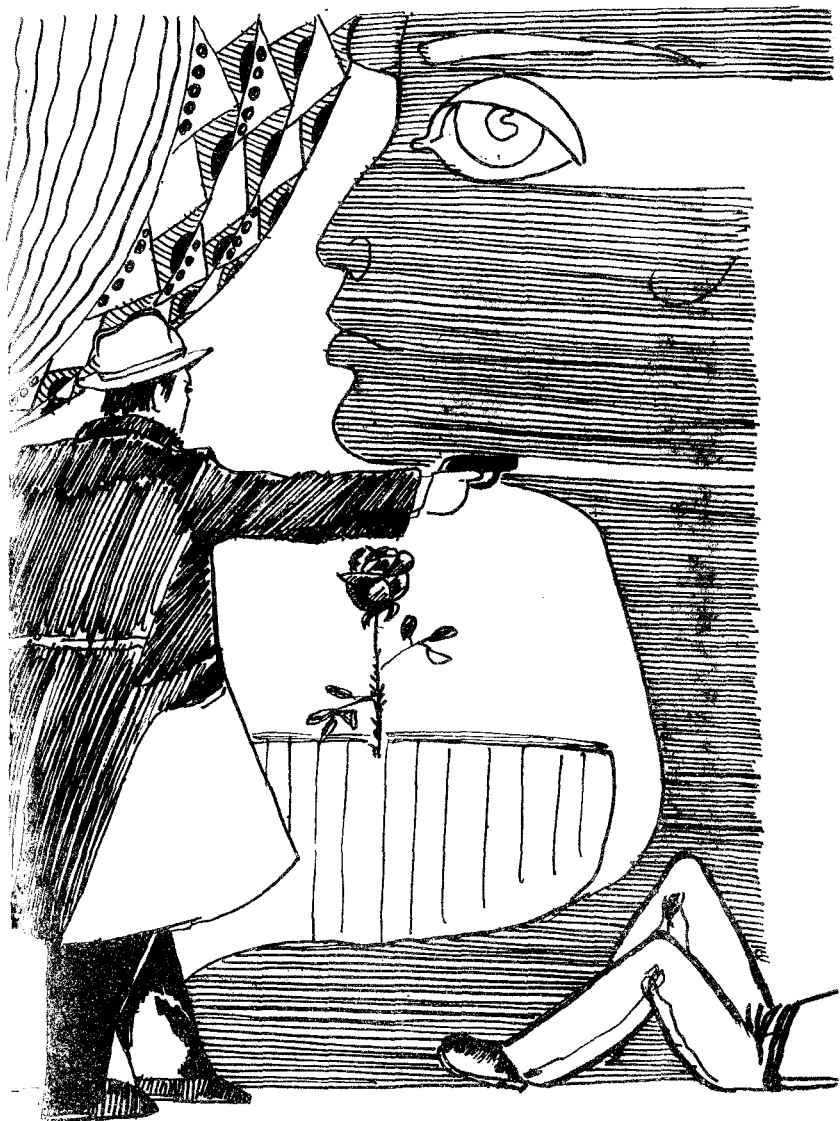
Луч прожектора скользнул по моему лицу. Я ждал минут пять. И снова луч прожектора ослепил меня. Возле ворот открылась маленькая дверца.

— Хозяин согласен принять вас,— низкий голос слышался из дверцы.— Проходите здесь...

Я миновал дверцу, которая с шумом захлопнулась за мной. Луч света все еще был направлен на мое лицо.

Неожиданно с обеих сторон появились молчаливые мужские фигуры. Опытные руки обшарили мои карманы, прощупали одежду сверху донизу.

— Не вооружен,— буркнул один из мужчин.

По длинной аллее мы подошли к дому. Я вынужден был согласиться с Бретом, что ощущение было не из приятных. А дом действительно больше походил на дворец, чем на частное жилище.

Мы поднялись по широкой ярко освещенной лестнице. Входная дверь была открыта. Мои стражи очень походили на телохранителей, которых можно видеть по субботним вечерам на представлении «Один час ужаса».

Не торопясь, мы пересекли необъятный холл и остановились перед одной из дверей.

— Хозяин там, — сказал один из стражей. Он постучал в дверь, потом открыл ее. — Войдите!

Я переступил порог, и дверь за мной тут же закрылась.

— Мистер Дунн, — произнес мужчина за столом. — Вы проделали долгий путь, чтобы повидать меня... Садитесь, пожалуйста!

— Благодарю вас.

Я сел в кресло напротив и несколько секунд мы молча разглядывали друг друга.

За его спиной стоял широкоплечий молодой человек с довольно приятным лицом. Чарли Фаро слегка усмехнулся.

— Пусть Гарри вас не смущает, — сказал он. — Вы ведь понимаете, мистер Дунн, что значит занимать положение, подобное моему?.. Приходится всегда иметь кого-нибудь возле себя, кто бы заботился о моей безопасности. Пока у меня еще нет желания, чтобы мне проломили голову. Гарри Поперкорн делает это очень хорошо. Но мои разговоры его совершенно не интересуют.

— Понимаю, — ответил я и с неудовольствием заметил, что дышу не совсем свободно.

— Вы что-нибудь выпьете? — спросил Фаро. — Гарри, принесите нам что-нибудь освежающее. Вы что предпочитаете, мистер Дунн?

— Шотландское...

— Пожалуй, я тоже выпью виски, Гарри, — сказал Чарли Фаро благожелательно.

Гарри пружинистым шагом направился к встроенному шкафу в углу комнаты. Он открыл его. Я никогда не видел такого количества бутылок, даже в барах. Гарри наполнил стаканы, поставил их на поднос и принес нам.

Я поднял свой стакан.

— Будьте здоровы! — сказал я.

— За то, чтобы ваш визит принес вам полное удовлет-

ворение, мистер Дунн,— сказал Чарли Фаро с любезной улыбкой.— Я заинтересован.

— Вряд ли ваша заинтересованность не исчезнет, когда вы узнаете, что я явился сюда с единственной целью сказать вам, что если с Мегги Маки случится что-нибудь, то я убью вас!

Я видел, как выпрямился Гарри, как его рука скользнула за отворот пиджака.

Чарли Фаро улыбнулся.

— Это становится забавным, мистер Дунн. Кто же такая, эта Мегги Маки?

— Послушайте, я не настроен шутить. Вы отлично знаете, кто такая Мегги Маки! Это певица из представления Секвилла, и ваш человек определенного назначения хотел навсегда заткнуть ей рот. Но вы знайте, что я уничтожу вас голыми руками, если хоть один волос упадет с ее головы.

Он молча рассматривал меня.

— В последний раз я слышал нечто похожее, когда ходил смотреть Эдварда А. Робинзона в Н...— заявил Чарли.— С тех пор прошло уже несколько лет.

— Надеюсь, что вы оставите Мегги в покое...— сказал я, поднявшись.— Вот единственная причина моего появления здесь!

За моей спиной открылась дверь, и я обернулся.

В комнату медленно вошла блондинка. Ее волосы были уложены в виде короны, у нее были ясные глаза и полные влажные губы. Черное платье до колен облегало ее, как перчатка, что позволяло ей ставить одну ногу перед другой... и только. Она курила сигарету с длинным мундштуком.

— Чарли,— проворковала она,— меня достали уже твои приглашенные!

— Это мои деловые друзья, Элла,— остановил ее Чарли.— Потерпи их еще немного, моя красавица!

— Ну, если ты настаиваешь,— ответила она. Потом, бросив на меня пренебрежительный взгляд, спросила: — Этому типу ты поручаешь дела на Севере? Он кажется очень молодым!

— Нет, Элла,— сказал Чарли Фаро терпеливо.— Не ему я поручаю дела на Севере. Это мистер Дунн, он сценарист представлений Эдди Секвилла.

— Да ну?

Блондинка, казалось, почти заинтересовалась.

— А мои гости, Элла? — напомнил ей Фаро. — Не забывай моих гостей.

— Гости? Пусть отправляются подальше! — ответила она.

— Гарри, — продолжал Чарли Фаро еще более мягко, — не проводишь ли ты Эллу к моим гостям?

— Понятно, — сказал Гарри.

Он обошел вокруг стола и прошел передо мной, чтобы взять Эллу под руку. Я видел, как она сморщилась от боли, когда его железные пальцы сжали ей руку.

— Ладно, ладно, — прошипела она.

Они покинули комнату, и Гарри бесшумно закрыл дверь.

Фаро закурил сигарету.

— Садитесь же, мистер Дунн, — сказал он. — Прошу вас. Мне кажется, нам нужно немало потрудиться, чтобы внести ясность в наши дела.

— Мне не кажется...

Я оказался сидящим в кресле. Он нагнулся ко мне.

— Сегодня утром, очень рано утром, — сказал он, — ко мне пришло несколько полицейских нашего района. В общем, в деле ничего особенного не было, вы понимаете... Но это посещение, или, вернее, его причина, были совершенно обычными. Меня попросили подтвердить свое алиби накануне вечером, когда произошло убийство. Я без труда удовлетворил требование этих людей. В тот вечер во время представления Секвилла я как раз был в клубе около Стрип. По крайней мере человек пятьдесят видели меня тогда, когда актер позволил себя убить. Я им швырнул свое алиби. Кроме того, они закидали меня вопросами, на мой взгляд, совершенно нелепыми. Я им это сказал. — Он насмешливо улыбнулся. — И посоветовал обратиться к моему адвокату, к которому и обращаются с подобными вопросами и который учит меня, как отвечать на подобные глупости. Это происходило сегодня утром, и вот сегодня же вечером — ваш драматический выход и обвинение в том, что я посредством какого-то наемного убийцы пытался убить молодую особу, о которой я никогда даже не слышал... Будет ли с моей стороны нескромностью попросить у вас более подробные объяснения?

— Я не собираюсь тратить попусту время, — ответил я. — Если вас забавляет игра слов, поищите себе другого партнера!

— Мистер Дунн. — Его голос теперь звучал леденяще. — Я могу вас уверить, что не играю словами. Может

быть, даже я могу вам немного помочь, если узнаю, в чем дело. Я хотел бы побольше узнать о молодой Мегги и о том, почему она находится в опасности. Почему вы подозреваете, что эта опасность исходит от меня?

Я немного подумал... Либо он знал, либо нет. Если он играет, я ничего нового ему не скажу... Я решил говорить.

Я изложил ему версию Эдди Секвилла относительно его жены и теории лейтенанта, что преступник находится среди исполнителей спектакля. Я объяснил ему оплошность Мегги, заявившей, что она где-то когда-то уже видела посланца Чарли Фаро и что она, безусловно, об этом вспомнит...

Потом я рассказал, как неизвестный стрелял в Мегги через окно в отеле.

Не прерывая меня, Фаро встал и наполнил наши стаканы. Потом он сел на свое место, положив подбородок на сплетенные пальцы рук и дослушал мой рассказ до конца.

Горло мое пересохло, как во время засухи. Я откинулся в глубину своего кресла и посмотрел на Фаро.

— Какая невероятная история, мистер Дунн,— сказал он.— Спасибо, что рассказали. Теперь мне понятны все эти нелепые вопросы.— Он рассмеялся и покачал головой.— Восхитительно! «Это Чарли послал меня!» Никогда бы не подумал, что такие слова еще употребляются!

Я непонимающе уставился на него.

— Мистер Дунн,— продолжал он — я взываю к вашему здравому смыслу... Я богат, я могу позволить себе все... Я очень богат... Вы видели только что Эллу... И не хвастаясь, я вам заявляю, что существует еще дюжина таких же красивых женщин, которые счастливы были бы стать хозяйкой этого дома... И вы действительно поверили, что я так захвачен Сандрой Дийн, что способен мстить Эдди Секвиллу и даже в случае его отказа его убить?

Он снова откинулся в кресле и снова покачал головой.

— По мне, возможно, этого не видно,— прибавил он,— но, уверяю вас, я вышел из юношеской поры.

— Естественно, так, как вы представляете обстоятельства, все кажется довольно глупым,— признался я.— Это было бы совсем идиотизмом, если бы не две маленькие детали: Нейл Лефо действительно мертв, а пуля, которая его убила, предназначалась Эдди. С другой стороны, плюхо или хорошо, но на Мегги было совершено покушение. Я это знаю, я видел дыру в стене от пули.

— Я вас уверяю,— повторил он,— что во всем этом нет ничего странного. И чтобы быть совершенно правдивым,

я признаюсь, что немного задет тем, что меня впутали в эту историю, что меня выставили, как малыша, сходящего с ума от ревности! Я безусловно вышел из возраста таких глупостей.

Несколько секунд он был погружен в свои мысли.

Я приканчивал второй стакан в ожидании, когда он нарушит молчание.

— Думаю,— сказал он наконец,— что мне следует дать вам доказательства моего расположения к вам. Факты убедительнее слов... Я думаю послать Гарри вместе с вами в Нью-Йорк. Гарри будет оберегать Мегги, и вам не придется больше беспокоиться. Могу вас заверить, что Гарри превосходный телохранитель. Он провел восемь месяцев на Тихом океане во время войны и отличился как замечательный стрелок. У него оптические глаза.

Я разразился смехом.

— Это облегчит ему дело, не так ли? — воскликнул я.— Я прихвачу с собой одного из ваших убийц и приведу его прямо к Мегги. Вы действительно считаете меня настолько наивным, Фаро?

— Раз вы меня об этом спрашиваете, да, вы невероятно наивны. Вы меня обманываете, мистер Дунн!

Я встал.

— Хорошо,— сказал я.— По крайней мере, мы теперь знаем позиции друг друга.

— Это не мое мнение,— сказал он.— Однако до свидания, мистер Дунн. Надеюсь, ваш полет будет приятным.

Обе гориллы ожидали по ту сторону двери. Они проводили меня до ворот, и тремя минутами позже я уже был в машине.

— Ну, как? — спросил меня Брет.— Задал же ты мне задачку! И ты так и вошел туда внутрь, даже без выстрелов?!

— Это меня мало продвинуло!

Он включил мотор, и мы тронулись с места.

— Куда проводить вас, ваше величество? — спросил он.— Поедем резвиться куда-нибудь?

— Нет,— ответил я,— мы направляемся в аэропорт, и я играю роль господина, возвращающегося в Нью-Йорк.

— Ну, ты меня обманул,— заявил Брет.

— Ты лишен оригинальности,— ответил я с огорчением.— Как, впрочем, и Чарли Фаро.

5. ТЫ ХОЧЕШЬ НА МНЕ ЖЕНИТЬСЯ?

Путешествие заключается в прибытии. Я не знаю, кому принадлежит этот афоризм, но я полностью его принимаю. Я уснул в самолете и проспал всю дорогу до самого приземления.

В аэропорту Ла-Гардиа я взял такси, которое привезло меня к отелю «Спленидид». Поднявшись на лифте, я прошел по коридору, открыл дверь своей комнаты и... О! Сюрприз! Он был там, склонившись над моим письменным столом, с ногами в кресле, посыпая пеплом сигары мою пишущую машинку. В общем, он был у меня как у себя дома.

— Могли бы быть поделикатнее, — проворчал я.

— Кажется, я сказал вам, чтобы вы не покидали Нью-Йорка, — отозвался он.

— И не подумал об этом, — ответил я, сам удивляясь своему грубому тону.

Очевидно, это была реакция на сладкий тон Чарли Фаро. Во всяком случае Солтц не казался особенно удивленным и продолжал посыпать пеплом мою машинку.

— Как себя чувствует Чарли Фаро? — небрежно спросил он.

— Фаро? — переспросил я, внимательно ожидая продолжения.

— Хорошо, — сказал он. — Вы полетели рейсом на Лос-Анджелес. По прибытии прямо из аэропорта немедленно позвонили журналисту по имени Брет Каин. Двадцать минут спустя он приехал за вами на своей машине и доставил к дому Чарли Фаро. Вы вошли туда, и он ждал вас в течение получаса. Потом он вас снова отвез в аэропорт.

Все было совершенно точно, и я не ошибся в отношении нью-йоркской полиции.

— О чем вы говорили с Чарли Фаро? — спросил он.

— Борис рассказал вам, что в Мегги Маки стреляли прошлой ночью?

— Да. Я даже поставил людей в стратегических местах.

— Ну так вот, я пошел к Чарли Фаро, чтобы сказать ему, что, если что-нибудь случится с Мегги, я уничтожу его собственными руками.

— Держу пари, вы здорово пощекотали ему нервы, — сыронизировал Солтц. — Если это так, как вы говорите, то у него, вероятно, спазмы в желудке.

— Он мне сказал, что с моей стороны наивно думать, что он может быть хоть отдаленно замешан в этой истории.

— А вы ожидали, что он вам расскажет... Что? — с ударением проговорил Солтц.— Историю о Красной Шапочке?

Я закурил сигарету и достал бутылку виски.

— Должен признаться, это была не особенно умная идея,— сказал я.

— А теперь правду! — пролаял Солтц.— Вы ездили с отчетом к вашему патрону?

Я разразился хохотом и откупорил бутылку.

— Не над чем смеяться, Дунн. С самого начала я вас считал самым подозреваемым из всех. Вы тип, который написал пьесу и которому удобнее всего было привести в исполнение задуманное.

— Какие у вас намерения? — спросил я.— Вы меня арестуете?

— Это мы еще посмотрим,— с нажимом сказал он.

— Как же вы сможете объяснить тот факт, что после того, как я выстрелил в Мегги, я оказался у нее в комнате через пять секунд после того, как она начала кричать?

— У вас не было необходимости стрелять самому. Ваш друг, так называемый посланец Чарли, отлично мог заняться этим и к тому же дать вам превосходное алиби.

— Ну и ну! — воскликнул я, наливая себе виски.— Вы хотите?

— Да,— ответил он, не задумываясь.

Я отдал ему свой стакан, а себе достал другой и наполнил его.

Солтц угрюмо смотрел на стену.

— Вы уже писали для «Популярного детектива»? — спросил он.

— Да, несколько лет назад.

— Сомнительно,— заявил он.— Нужно быть достаточно тупым, чтобы пойти угрожать Чарли Фаро в его доме. Это все равно, что маленькая Красная Шапочка стала бы угрожать большому злому волку!

— Не продолжайте,— взмолился я.— Я весь обратный путь достаточно много думал об этом.

Он допил стакан.

— Во всяком случае благодарю за виски,— сказал он.— И в следующий раз, если у вас возникнет охота покинуть Нью-Йорк, предупредите меня. Договорились? Я даже достану вам билет на самолет.

Я налил себе еще, принял душ и побрился. Потом в дверь постучали, и она открылась... Появилась улыбающаяся Мегги.

— Салют, прекрасный брюнет-путешественник,— сказала она.

— Поглощение огромного пространства не дало плодов,— ответил я.— Но вы, мисс Маки, действительно прекрасны сегодня поутру, если мне позволено выразить это!

— Позволено! — она приблизилась ко мне.— Можете даже поцеловать меня!

Я обнял ее и поцеловал. Это было очень приятно, и я не хотел больше ни о чем думать.

Наконец мы разъединились.

— Один маленький вопрос, Джо,— сказала Мегги очень осторожно.— Где ты был вчера?

— В Лос-Анджелесе. Мне нужно было повидать одного типа.

— Ты его видел?

— Да, я его видел, но это не дало мне ничего нового.

Мегги закурила две сигареты и одну протянула мне.

— Теперь ночью у моей двери дежурят полицейские,— заявила она.— И мне кажется, что другие сторожат снаружи у лестницы на случай, если кому-нибудь захочется прогуляться по ней.

— Я очень рад.

— Серьезно? — спросила она с невинным видом.— Тот, что сторожит мою дверь, очень исполнительен. Он не покидает своего поста всю ночь!

— Придется подсыпать ему снотворного,— сказал я, наполняя стакан виски.— Хочешь выпить, Мегги?

— Нет, спасибо... Джо?

— Что?

Я поднес стакан к губам.

— Ты согласен на мне жениться?

Я поперхнулся — виски попало на ковер. Мегги пыталась мне помочь, хлопая по спине. Наконец я снова обрел дыхание.

— Что?

— Не говори так! — она надула губы.— Это не слишком лестно для женщины, которая за неделю получает не менее дюжины предложений руки и сердца. Я задала тебе очень простой вопрос: ты хочешь на мне жениться?

— Что? Сейчас?

— Безразлично когда,— ответила она.— Просто мне надо знать.

— А, хорошо! — ответил я.

Ее лицо омрачилось.

— Не заставляй меня говорить то, чего я не хочу

говорить, попрыгунчик! — закричала она. — Я совсем не увлекаю тебя! Я просто хочу знать, считаешь ли ты меня особой, на которой следует жениться?

— Я? А, да! — Я облегченно вздохнул. — Ну... конечно, я так думаю! У тебя как раз такой тип — ты создана для супружеской жизни, Мегги!

— Я не спрашиваю тебя, создана ли я для супружеской жизни, — живо возразила она. — Я спрашиваю, та ли я женщина, на которой ты хочешь жениться?

— Я, конечно, буду в восторге, — ответил я убежденно, — но если бы я знал, что требуется для супружеской жизни. Тебе же известно, что это такое из-за всех этих налогов...

— Достаточно! — она решительно направилась к двери. По дороге она обернулась.

— Ты, — добавила она ледяным тоном, — ты тот тип, который обманывает доверие женщины, независимо от того, юная это девушка или твоя бабушка!

Дверь задрожала от удара.

О! Женщины!.. Но, кажется, я уже это говорил!

Через полчаса я спустился в бар.

Знакомая фигура, сидящая на высоком табурете, склонилась над стойкой бара. Я устроился возле.

— Салют! — сказал я и дал о себе знать бармену.

— Приятель, — сказал Борис, — как прошло твоё путешествие на восток?

— Белое пятно.

— Ты видел Фаро?

— Я видел Фаро. Фаро видел меня. Я ему не поверил. Он не поверил мне. Вот и все.

Я поднес стакан ко рту и стал понемногу пить.

— Ты приготовил это заявление для похорон, приятель? — Борис критически оглядел меня.

— Черт возьми! — взорвался я. — Я забыл про похороны. Но я отвечу тебе «нет». Мне нужно сделать другое.

— Эдди будет недоволен, — сказал Борис. — Он собирается сейчас сразу после завтрака пригласить плакальщиц. Он хочет, чтобы похороны прошли по всем правилам и очень торжественно.

— Ты ответишь за меня, когда меня позовут, потому что меня там не будет.

Я допил виски, и бармен снова наполнил оба наших стакана.

— Я выпью это, съем этот кусочек и отправлюсь по делу, о котором уже говорил тебе, — заявил я.

— Дружище, если ты затеваешь новое дело, спроси у своего нового хозяина, не нужен ли ему постановщик.

— Борис?!

— Дружище! Ты решил порвать деловые отношения с Эдди?

— Зачем мне порывать с ним?

— Возможно, чтобы немного позабавиться.

Странная улыбка пробежала по губам Бориса.

— Ах, да! Действительно. Но я бы выбрал тогда не пистолет... скорее яд, медленно действующий... Яд, который первым делом лишил бы речи, не воздействуя на остальные функции, чтобы я мог в течение часа или двух говорить ему без помех... обо всем том, что накопилось у меня за годы нашей совместной работы. И он не смог бы прервать меня и вообще помешать мне в этом.

Борис поставил на стойку бара пустой стакан и тяжело сполз с табурета.

— До скорого свидания позади похоронных дрог,— сказал он, выходя из бара.

6. НЕУДАВШИЙСЯ СЕКС

Я отправился за своей машиной, и, как всегда, у меня защемило сердце, когда я увидел ее, выкатывающейся из бокса с механиком за рулем...

В конечном счете мои пятнадцать сотен долларов в неделю нашли свое применение — машина была марки «астон-мартин» двухлетней давности, она обошлась мне в стоимость шести серийных машин... Но что бы я делал с шестью серийными машинами?

Я выехал из города, не задерживаясь, и дал себе обещание обязательно предпринять путешествие во Флориду. Каждый раз, садясь за руль своего «астон-мартина», я давал себе такое обещание.

Я выяснил у Хелла интересующий меня адрес и прибыл туда в три часа пять минут.

Именно в это время начались похороны.

Я нетерпеливо проклаксонил перед закрытыми воротами, и наконец показался какой-то верзила в униформе.

— Откройте! Я спешу! — крикнул я.

— Кто вы такой и откуда?

— Я Джо Дунн, сценарист-постановщик Эдди Секвилла,— проговорил я.— Эдди послал меня с поручением к своей жене. Сам он сейчас занят на похоронах. Хоронят

Лефо, его сотрудника. Это срочное дело, и я должен передать все лично, так что поторопитесь.

— Да, мистер Дунн,— вежливо ответил верзила, открывая ворота.

Я миновал ворота и, проследовав по аллее, остановился перед домом, который был построен по замыслу Эдди. Выйдя из машины, я поднялся на площадку.

Дом Эдди был не такого класса, как дом Чарли Фаро, но тем не менее у него был класс. Я нажал на пуговку звонка и стал ждать.

Дверь открыл атлетического сложения мажордом, которому я рассказал ту же легенду, что и стражу у ворот.

Мажордом попросил подождать и закрыл дверь, не пригласив меня войти. Две или три минуты спустя дверь отворилась.

— Миссис Секвилл примет вас, мистер,— объявил человек.— Не откажите в любезности следовать за мной.

По великолепному паркету я последовал за ним в глубину дома. Он остановился перед одной из дверей и постучал.

— Мистер Дунн,— объявил он.

На диване, стоявшем посреди комнаты, лежала брюнетка. На ней было легкое одеяние из бледно-розового нейлона, едва доходившее до колен, откинутые полы позволяли видеть ее ноги. Умопомрачительные ноги, должен признать, ноги танцовщицы, возможно, но менее мускулистые.

Она посмотрела на меня, не выказывая особенного любопытства.

— Что хочет Эдди?

— Я ничего об этом не знаю,— ответил я,— успеха, состояния... Вас, если вас это устраивает. Я не отгадчик мыслей.

Она приподнялась, не давая себе труда поправить одежду.

— Поскольку все же следует поставить все точки над «и»,— сухо сказала она,— скажите, с каким поручением вас прислал Эдди?

— Он не давал мне никакого поручения,— ответил я.

Я успел тем временем закурить сигарету, чтобы показать ей, что такая ситуация для меня вполне обычна.

— Но тогда, зачем же он вас послал ко мне?

— Он меня не посылал.

На этот раз она живо села, спустив ноги на пол. Потом небрежно запахнула свое одеяние, словно ей стало зябко.

— В таком случае мне остается распорядиться, чтобы вас выкинули вон!

— Я думал, что мы можем немного поговорить,— сказал я.— Вчера вечером я видел Фаро!

Она побледнела.

— Вы пришли по поручению Фаро?

Я покачал головой.

— Меня зовут Джо Дунн, и я сценарист-постановщик вашего мужа, это действительно правда! Вчера в первый раз в своей жизни я видел Чарли Фаро. Инициатива исходила от меня.

— Зачем вы ездили к нему?

— Я ездил к нему сказать, чтобы он оставил в покое одну девушку, которой я интересуюсь. Только и всего.

Она усмехнулась.

— Вы сказали Чарли, чтобы он оставил эту особу в покое?.. Меня удивляет, что вы вернулись целым и невредимым из этой экспедиции, мистер Дунн.

— Я сам не перестаю удивляться тому с момента, как вернулся обратно,— сказал я.— Вы хотите знать, что заставило меня повидаться с ним?

И я рассказал ей всю историю. Она кое-что знала о ней — угрозы Эдди и смерть Лефо. Я прибавил еще покушение на Мегги и заявление Фаро.

Когда я кончил, она долго молчала. Я снова закурил, ожидая, что она мне скажет.

— Почему вы мне все это рассказали? — спросила она.

— Я думал, что, может быть, вы сможете навести меня на правильный след,— ответил я.— В свое время вы знали Чарли Фаро. Ну так вот, вчера, когда я покинул его обитель, у меня появилось ощущение, должен признаться довольно неприятное, что он, возможно, сказал правду, что он ничего не знает об этом так называемом «посланце».

— Чарли далек от того, чтобы быть глупцом,— осторожно начала она.— Он никогда ничего не предпримет без разумного обоснования или, вернее, без трех основных резонов. Я боюсь, что не смогу помочь вам, мистер Дунн.

Я сильно затынулся.

— Положим карты на стол, миссис Секвилл. Вы были когда-то подругой Чарли. Вы должны знать, говорит он правду или нет.

— Вы преувеличиваете мои возможности,— сказала она.— Мне было бы очень трудно убедить вас в этом.

Вся моя маленькая интрига грозила разбиться вдребезги.

— Это все, что вы хотели, мистер Дунн? — прибавила она сладким голосом.

— Да,— ответил я.— Абсолютно все.

— Может быть, вы не откажетесь выпить стакан вина перед отъездом? Бутылки находятся там, в том шкафчике внизу... Для меня достаньте сухой бурбон. Я вас обслужу.

Она с улыбкой взяла свой стакан и свободной рукой похлопала по дивану рядом с собой.

— Садитесь сюда, мистер Дунн,— сказала она.— У меня нечасто бывают гости и еще меньше гости такой сексапильности.

Я сел. Вблизи она мне показалась ещё красивее, чем издали: чудесная атласная кожа, большие темные глаза, красиво очерченные губы. Я начинал понимать Эдди Секвилла, который скрывал ее здесь, в доме, похожем на коробку конфет.

Я поднял стакан.

— За нашу встречу, миссис Секвилл... Пусть она послужит началом долгой серии встреч!

— За нашу встречу,— поддержала она.— Пусть она поможет нам лучше узнать друг друга.

Мы молча покурили.

— Вам нравится работать с Эдди? — спросила она.

— Достаточно. А вам нравится быть замужем за ним?

Я ждал, что она поставит меня на место, однако этого не последовало.

— Да-да, конечно,— сказала она, но в ее голосе не было энтузиазма.

— Горе мое с Эдди в том, что с его работой, которая поглощает все его время, и заботами, которые он придумывает для себя в связи с Чарли Фаро... Он превратил этот дом в клетку. Я лишена возможности видеть своих друзей, выходить.— Она улыбнулась.— Жизнь иногда бывает очень скучной, мистер Дунн!

— Джо...— сказал я.

— Джо,— повторила она, не переставая улыбаться.— А вы, если хотите, называйте меня Сандрой. Мне кажется, что у вас есть все основания понравиться мне, Джо. Очень понравиться.

Я сказал себе, что почти достиг линии противника, не взяв ни одного из рубежей.

— А что, Чарли Фаро раньше угрожал вам? — спросил я.

— Нет, это в первый раз. Бедный Эдди! Он был нездо-

ров, но не хотел мне ничего говорить.— Она протянула мне пустой стакан.— То же самое, Джо, пожалуйста!

Я отнес стаканы, наполнил их, принес обратно. Когда я снова сел на место, мне показалось, что Сандра пересела поближе ко мне. Наши плечи соприкасались при каждом вздохе. Сандра явно не имела ничего против такой близости.

Она стала пить свой бурбон.

— Благодаря вам я отмечу сегодняшний день белым камнем,— сказала она.— Вы мне верите, не правда ли?

Я недоверчиво покачал головой, но она энергично запротестовала.

— Неожиданный гость! У меня не было гостей — я не помню даже, с какого времени! Я должна максимально это использовать!

В дверь постучали, и Сандра отскочила от меня, как будто я укусил ее. Дверь отворилась, и появился человек в форме шофера. Лицо его оставалось в тени. Я различил лишь блеск его пуговиц, блестящих позолоченных пуговиц на форменной тужурке.

— Я сегодня не выеду после полудня, Сандерс,— сказала Сандра дрогнувшим голосом.

Шофер поклонился и, выйдя, закрыл за собой дверь.

Сандра дрожащей рукой закурила сигарету.

— От этого человека мороз пробегает по коже,— заявила она.— Он всегда появляется в такие моменты, когда меньше всего его ожидаешь увидеть.

— Почему же вы его не выгоните?

— Здесь Эдди нанимает людей и увольняет их,— произнесла она со вздохом.— Здесь Эдди делает все или почти все, что хочет. Я лишь элемент украшения.

— В таком случае в украшениях он разбирается,— сказал я.

Она казалась довольной.

— Я не могу понять,— продолжал я,— как это Эдди может проводить так много времени вдали от дома, когда у него такая восхитительная жена...

— Эдди слишком много работает. Я думаю, что, вероятно, очень трудно быть первым комиком и держаться на уровне. Ему приходится очень много работать для этого.

— Когда обладаешь такой женщиной, какой интерес может представлять занимаемое первое место, если это место не рядом с вами!

— Вы умеете говорить красивые слова!

Она повернулась ко мне — и между нами больше не

оказалось расстояния. Обвив мою шею руками, она откинула назад голову с полуоткрытыми губами.

Я поцеловал ее, и она ответила мне, ответила как хорошо работающий мотор после нажатия на кнопку.

На мгновение она оторвала свои губы от моих, чтобы прошептать:

— Нужно быть осторожными, дорогой! Дом полон шпионов!

У меня было впечатление, что она не в первый раз разыгрывала подобную сцену. Но кто же занимался слежкой? Сторож?.. Может быть, шофер?

— Мы можем хорошо позабавиться вдвоем, Джо,— снова прошептала она.

Я вспомнил о похоронах. Окончились ли они?.. Положили ли уже его в могилу?.. Как восприняли это люди? И Мегги, как она перенесла все это? Я не чувствовал себя гордым, действительно, гордиться было нечем.

Я снял руки Сандры со своих плеч и тихонько оттолкнул. Ее глаза широко раскрылись.

— Но, Джо... Что случилось?

— Теперь я начинаю верить в искренность Чарли Фаро,— сказал я.

Я встал, одернул пиджак и направился к двери.

— Пожелайте Эдди от меня доброго дня,— прибавил я.

Я обернулся лишь один раз, когда закрывал дверь. Сандра также неподвижно сидела на диване с полуоткрытым ртом. Слеза стекала по ее щеке.

— Вы...— проговорила она сдавленным голосом.— Вы смеете так говорить со мной!

Я без стука закрыл дверь и пересек холл. Мажордом ожидал меня у входной двери.

— У вас не было шляпы, мистер? — спросил он.

— Ни шляпы, ни пальто.

— Могу я сделать вам маленькое замечание, мистер?

— Делайте.

— Красная губная помада очень подходит к вашему галстуку, но не соответствует общему ансамблю.

Я вытащил из кармана платок и вытер рот, убедившись, что этот барбос говорит правду.

— Благодарю вас за замечание!

— Меня зовут Джон, сэр.

Он открыл мне дверь и вышел на площадку. Снаружи день все еще был прекрасный и теплый. Я забрался в свой «астон-мартин» и поехал по аллее.

Слева возле гаража в три бокса я увидел шофера,

который занимался чисткой синего лимузина. Он стоял ко мне спиной. Я подумал о том, что, только ли входя в комнату, где мы сидели, он почувствовал приступ ревности.

Я выехал на большую дорогу и мчался по ней в продолжение двух часов. Это избавило меня от всяких нехороших мыслей, и я снова ощутил себя чистым.

Немногим позже шести часов я подъехал к «Сплендиду» и сразу же поставил машину в свое излюбленное место. Бориса я отыскал сидящим на высоком табурете все в том же баре.

Не спрашивая, бармен поставил передо мной стакан.

— Возвращение блудного сына,— сказал Борис, адресуясь к зеркалу, находившемуся в глубине бара,— но меня не удивило бы, если бы Эдди зарезал жирного тельца.

— Чтоб ему было пусто, этому Эдди,— сказал я,— и его жене тоже!

— О, нет! — возразил Борис,— не его жене. Это оттуда ты появился. Ну и что?

— Да, оттуда я и приехал. Ну и что?

— Меня интересует, кто будет теперь сценаристом на следующем представлении Эдди Секвилла? — пробормотал Борис.

Я прикончил виски и закурил сигарету.

— Чем дальше я узнаю этих людей,— сказал я,— тем больше у меня симпатий к людям, подобным Чарли Фаро!

— Где была моя голова? — воскликнул Борис.— Это твой старый друг, без сомнения!

— Не будь ослом!

Борис все еще смотрел в зеркало в глубине бара.

— Мой волшебный кристалл немного помутнел,— проговорил он глухим голосом,— но я вижу тучи, которые собираются над головой... И даже сквозь пелену тумана, я предвижу приближение урагана!.. Да, в тот момент, когда я говорю с тобой, я все больше замечаю признаки приближающейся бури. Она приближается с каждым мигом.

Я услышал шаги и одновременно громкий голос:

— Какого дьявола вас где-то носило? — пролаял Эдди в мое ухо.

Позади красной рожи Эдди старательно жестикулировал Хелл Уилд, стараясь мне что-то подсказать, но я сделал вид, что ничего не замечаю. Круглые стальные очки Эдди отбрасывали блики.

— Я ведь распорядился, чтобы все, кто участвует в

моих представлениях, присутствовали на похоронах! — пролаял он. — Может быть, вы этого не слышали?

— Нет, я слышал.

Эдди сделал большой глоток воздуха.

— Существует одна вещь, на которую, как мне кажется, я имею право, — сказал он, — это на уважение моих служащих. Эта мысль никогда не приходила вам в голову?

— Эдди, — ответил я жалобным тоном, — вы имеете право за ваши пятнадцать сотен в неделю на еженедельный сценарий. Вы, может быть, воображаете, что с вашим жалованием вы купили и мою душу?

Я сделал знак бармену, который понял меня и тут же наполнил мой стакан.

— У вас, без сомнения, были совершенно неотложные дела сегодня после полудня, раз вы не пришли на похороны.

— Совершенно верно.

— И что же это за дела?

— Я нанес визит вашей жене, Эдди, — холодно ответил я. — Ваш домишко, должен вам сказать, производит впечатление немного... да и ваша жена тоже.

На несколько секунд Эдди окаменел. Потом большим усилием воли он обрел обычную живость. Схватив стоящий ближе к нему стакан, он стукнул им о стойку бара так, что осколки стекла полетели в мою физиономию.

Чья-то рука схватила кулак Эдди, когда он был уже у моего лица. Эта рука так крепко держала его, что он выпустил остатки стакана, которые упали на пол.

— Вы не смеете делать этого, — сказал Борис, весомо выговаривая слова, — каким бы сценаристом он ни был!

Потом он отпустил Эдди.

Эдди бросил на меня убийственный взгляд.

— В нашем контракте предусмотрен один пункт, в котором указано, что в случае увольнения служащий предупреждается об этом за шесть месяцев. Так вот, считайте, что оно начинается с этой минуты, Дунн!

Он повернулся на каблуках и медленно удалился. Хелл, бросив на меня сочувственный взгляд, отправился следом за ним.

Несколько минут мы пили молча. Потом увидели возвращающегося Хелла Уилда. Вид у него был совершенно ошарашенный.

— Двойной коньяк, — сказал он бармену глухим голосом.

— Что это с вами случилось? — спросил я.

Хелл схватил свой стакан, едва бармен успел поставить его на стойку, и залпом осушил его.

— Джо,— сказал он,— что заставляет тебя разговаривать с Эдди таким образом? Ты знаешь, что он невероятно шепетилен ко всему, что касается его жены.

— Мне нечего сказать,— ответил я.

— Наконец,— продолжал Хелл,— я постарался успокоить Эдди. Эта история, мне кажется, его совершенно деморализовала. Но он хочет, чтобы ты забыл этот случай, то, что он сказал в отношении контракта.

— Тебе здорово помогли, дружище,— сказал Борис.— Все устроится.

— Это Эдди должен все устраивать,— ответил я.— Я заплатил за разбитый им бокал. Пусть будет счастлив, что не придется платить за пощечину!

Хелл стал успокаиваться.

— Послушай, Джо,— сказал он.— Не надо больше возмущаться! Ведь Эдди извинился, что тебе еще?

— Нет,— возразил я.— Это ты за него извинился, а не он, а это не одно и то же.

Хелл бросил на Бориса умоляющий взгляд.

— У меня не хватит духу вернуться к Эдди и сказать, что Джо уперся и ничего не хочет слушать!.. Что вы делаете из меня футбольный мяч!

— Хорошо,— сказал я,— ты можешь сказать Эдди, что я принимаю его извинения и даже советую забыть, что некий Х пытался напасть на некоего У с оружием.

Значительно успокоенный, Хелл откинулся назад и оперся о стойку бара.

— Мне, может быть, следовало жениться на Хильде,— сказал он,— и не разбивать себе больше голову.

— Каким образом Хильда сможет помещать тебе разбить голову? — с любопытством спросил я.

Странный свет промелькнул в его глазах.

Я встал.

— Еще раз спасибо, друг,— сказал я Борису.

Я поднялся к себе в комнату. Флик, стоящий возле двери Мегги, бросил на меня подозрительный взгляд.

Время обеда уже прошло, и я вспомнил, что еще ничего не ел. Я подумал, что, может быть, Мегги составит мне компанию, вышел в коридор и направился к ее комнате.

— Простите,— сказал я флику.

— Проходите,— ответил он.

— Я хочу повидать мисс Маки,— пояснил я,— если вы не видите в этом чего-нибудь предосудительного?

Я постучал в дверь, и приглушенный голос отозвался:

— Кто там?

— Джо!

— Входи же!

Я открыл дверь, вошел и закрыл ее за собой.

Шум льющейся из душа воды наполнял комнату.

— Ты голодна? — закричал я.

— Я подыхаю с голода!.. Это приглашение на обед?

— Безусловно.

Неожиданно из двери ванны появилась белая рука Мегги, и она проговорила.

— Джо, там где-то в комнате чистая простыня... Ты не мог бы найти ее?

— Сейчас постараюсь!

Я нашел требуемую простыню и подал в протянутую руку.

— Спасибо, — сказала она.

Рука исчезла и дверь закрылась.

Пять минут спустя Мегги появилась из ванной, закутанная с головы до ног в банную простыню.

— Возьми стакан, — сказала она, — и будь умником — пойди посмотри на стены, пока я буду одеваться.

Я нашел бутылку и стакан, налил себе и стал рассматривать стену. Я рассматривал эту стену с рисунками и думал, что было бы неплохо хоть краешком глаза глянуть на... и тут сама Мегги пошла мне навстречу.

— Ты не хочешь мне помочь? — спросила она.

Я повернулся и обнаружил, что она уже совсем одета, оставалось затянуть молнию на спине.

Это была самая длинная из застежек, которые мне приходилось до этого видеть. Она проделывала путь длиннее, чем поезд Фар-Запад в героические времена.

Потом мы отправились в венгерский ресторанчик, где я потребовал угловой столик, не потому, что в этот вечер все шло не так, как следует. Мы пообедали. Потом пили кофе и ликеры. Бенедектин резко меняет вкус виски.

— Как прошли похороны? — спросил я.

Мегги сделала гримасу.

— По выбору сюжета для разговора ты — чемпион.

— Ладно, расскажи. Как это было?

— Деморализующе. Как все похороны. Без сомнения, Эдди находился во главе процессии и старался вовсю, чтобы его красивый профиль запечатлели камеры... так мне показалось с моими дурными мыслями. В процессии участ-

вовали лишь артисты и служащие, занятые в представлении Эдди, не было только сценариста.

— Я уже объяснялся по этому поводу с Эдди, — сказал я. — А из семьи покойного никого не было?

— Хелл сделал все, даже невозможное, но никого из родных не нашел. В сущности, это был довольно таинственный тип, этот Нейл Лефо, без женщин, без родственников, даже отдаленных.

— Для портфеля Эдди это просто находка.

— Это не ошибка Эдди, что у Нейла не было родственников.

Я заказал новую порцию бенедиктина.

Около одиннадцати часов Мегги заявила, что она устала, и мы вернулись в отель. Когда мы вышли из лифта, флик у дверей Мегги отсутствовал. Это мне совершенно не понравилось, и я поделился своими опасениями с Мегги.

— Я хотел бы бросить взгляд на твою комнату, — сказал я ей.

— Об этом не может быть и речи! Я тебе уже сказала, что я устала, Джо Дунн! И что я продолжаю быть усталой!

— Вы меня плохо поняли, мисс! — запротестовал я. — Мои намерения самые чистые!

— Следовательно, ты здорово их скрываешь! — парировала она. — Ну, так вот! Пять минут, чтобы осмотреть все и потом немедленно вон!

Она открыла дверь.

Войдя первым, я включил свет и внимательно осмотрел комнату, но все, казалось, было на своих местах и в порядке. Я посмотрел в окно и увидел свет от электрического фонаря в проходе, разглядел даже каску флика, держащего фонарь. В итоге ничего необычного. Мегги открыла дверь, чтобы я мог выйти.

— Может быть, флик из коридора пошел выпить кофе, — сказал я, приблизившись к Мегги. — Или Эдди использовал его в качестве сценариста. Во всех случаях я не знаю, что же теперь делать?!

— Спасибо, Джо, и доброй ночи! — сказала Мегги.

И она захлопнула дверь перед моим носом.

Я открыл дверь в свою комнату, повернул ключ и зажег верхний свет. У меня был визитер. Даже два визитера. Флик, дежуривший у комнаты Мегги, развалился на моей кровати, распространяя едкий запах эфира.

Около стола прямо перед дверью сидел худой человек с лицом трупа и ледяными глазами. Его черная шляпа была

надвинута на лоб, пистолет направлен на меня. Персонаж открыл рот.

— Минуту! — закричал я.

Он закрыл рот, снова открыл, но на этот раз я опередил его.

— Это Чарли меня послал, — хором произнесли мы оба.

— Вы считаете себя очень хитрым? — проворчал тип.

— У меня бешеный темперамент, — объяснил я.

— У вас длинный нос, — сказал он. — Его надо укоротить.

— Это Чарли так думает?

— Чарли так сказал. У него были недоразумения с Секвиллом, но он ничего не теряет от ожидания. А еще Чарли не терпит любителей, которые лезут не в свое дело. И то, чего Чарли еще больше не терпит, это любителей, которые рыщут по углам, где им нечего делать, и расспрашивают людей, которых следовало бы оставить в покое.

Он встал.

— Мы сделаем небольшую прогулку, малыш. Мы выйдем отсюда, спустимся на лифте и сядем в машину, которая ожидает у двери. Ты поведешь машину, если станешь валять дурака в пути, получишь сполна! Пистолет бесшумный! Теперь тебе все ясно?

— Вполне! Мегги Маки не слышала звука выстрела вчера вечером, когда вы стреляли в нее.

Он криво улыбнулся, обнажив довольно мерзкие зубы.

— Да, ей повезло. — Он подошел ко мне. — Ну, в дорогу.

Я жестом указал на флика.

— А он?

— Он придет в себя и будет в форме через полчаса, не считая легкой головной боли.

Мы спустились на лифте, пересекли пустынный холл, прошли мимо равнодушного конторщика.

Когда я очутился на тротуаре, мне стало холодно. Мы молча влезли в машину, которая с потушенными огнями стояла у входа в отель.

— Ты поведешь, — сказал человек с лицом трупа.

Несколько секунд спустя мы отъехали от тротуара. Мой провожатый не шутил, он все время держал пистолет прижатым к моему боку, и отдавал мне приказы, куда ехать. Мы кружили по многим улицам и наконец попали в Гарлем. Минут через десять мы остановились перед старым каменным домом в уединенном переулке.

— Выходи,— сказал бандит.

Мы пересекли тротуар, и он протянул мне ключ, чтобы я открыл дверь и вошел первым. Он вошел следом, зажег свет, потом проводил меня в старую запущенную гостиную, в ней царил дух необитаемого жилища.

— Садись! — приказал он.

Я сел на диван с рваной обивкой, и пружины его жалобно заскрипели под тяжестью моего тела.

Я посмотрел на бандита.

— Ну, что дальше?

Он снова показал свои отвратительные зубы.

— Чарли рассердился из-за этого лейтенанта... как его? Солтц? Чарли подумал, что Солтц уж слишком хитрый, чтобы думать, что только люди из представления Секвилла могли желать неприятности Секвиллу, и он хочет не разубеждать их в этом.

— Почему вы не говорите ясней? — спросил я. — По крайней мере, чтобы я мог вас понять.

— Хорошо,— ответил тип. — Чарли решил, что пришло время покончить с этим делом. Он решил найти убийцу и доставить лейтенанту Солтцу. Таким образом все будут довольны.

— Подождите... я догадываюсь... Убийца это я?

— Вы не идиот,— сказал он,— хотя и выглядите таким.

Я закурил сигарету, выпустил дым, потом спросил:

— И как же он собирался реализовать свой план?

Он в свою очередь закурил сигарету, пользуясь одной рукой, чтобы не выпускать пистолет.

— Вы поспорили с Эдди сегодня в баре. Бармен сказал мне об этом. И свидетелей хватает.

— И из-за этого спора я хотел убить его три дня назад?

Он покачал головой.

— Вы повздорили сегодня вечером с Эдди из-за жены, а днем вы ездили к нему домой, чтобы повидаться с ней. В общем, вы увлечены его женой, мой мальчик, и это произошло не сегодня, и это объясняет, почему вы заменили холостые патроны настоящими. Таким образом, Эдди был бы ликвидирован и его жена могла бы принадлежать вам одному!

— Вы просто сумасшедший, честное слово!

Он усмехнулся.

— На нуле, малыш, на нуле! Чарли решил, что жена Эдди не откажется рассказать эту же историю, если Чарли

обещает ей больше не трогать Эдди. Она будет так довольна избежать всех неприятностей, что поспешит рассказать все, чему ее научит Чарли.

— А как же Эдди?

— Тоже и Эдди. Он готов все сделать для своей жены. Когда он узнает, что Чарли решил оставить его жену в покое, он скажет все, что только захочет Чарли.

— Значит, я безумно влюблен в жену Эдди и сделал все, чтобы избавиться от неугодного мужа! Не считая того, что был убит Лефо,— подытожил я нетерпеливо.— Очень хорошо... а теперь?

Он уронил окурок и методично раздавил его.

— Когда вы с ним только что виделись, мой малыш,— объяснил он,— он вам сказал, что между вами все конечно, и это на вас сильно подействовало. Выходя оттуда, вы отдали себе отчет в том, что Лефо погиб ни за что, а так как вы интеллеktуал, тип очень чувствительный...— Он засмеялся,— вы почувствовали угрызения совести... и настолько сильные, что кончили тем, что пустили себе пулю в лоб.

— Вы собираетесь заставить меня?..— спросил я.

Он слегка покачал головой.

— Это бесполезно, малыш.— Он медленно подошел ко мне.— Когда я буду на должной дистанции, я спущу курок. Потом сотру на пистолете отпечатки своих пальцев и оставлю отпечатки ваших. Это просто.

— Вы не пойдете...

Я не закончил фразы. Совершенно очевидно, что он собирался выполнить свой план.

Он уже наполовину пересек комнату.

Я встал и напряг мышцы.

— Ну-ка, малыш,— сказал он.— Покажи-ка мне свои крылышки! Нужно, чтобы я был совсем рядом, чтобы спустить курок и оставить следы пороха. Эти цыплята не верят в самоубийство, если не находят следов пороха.

И так как я выжидал, он разразился хохотом.

— Что же с тобой такое, мой мальчик? Ты недоволен?

Он находился не далее двух-трех метров от меня.

Я подумал, что умирают один раз, не доставлять же ему этим удовольствие. Я присел немного, чтобы сделать разбег, и увидел, как округлились его глаза.

— Подойди поближе, малыш,— сказал он.— Посмотри на игрушку!

Но в этот момент позади него широко распахнулась дверь и на пороге появился высокий человек.

Раздались два выстрела, один за другим, и запах пороха наполнил комнату.

Посланец Чарли отшатнулся с искаженным болью лицом. Его пальцы выронили пистолет, который со стуком упал на пол.

Он открыл рот, как бы для того, чтобы возразить, но не издал ни звука. Его колени подогнулись, и он упал на пол.

Человек переступил порог и вошел в комнату.

— Это Чарли послал меня,— заявил вновь прибывший.

У него был очень удивленный вид, когда он увидел, что я давлюсь от хохота, но он терпеливо ждал окончания приступа.

— Гарри Поперкорн! — воскликнул я. — Никогда не встречал я никого с такой радостью!

— Кто это? — спросил Гарри, указывая пальцем на труп.

— Это так называемый посланец Чарли,— объяснил я. — Но я не знаю, кто он на самом деле.

Гарри встал на колени около тела и старательно обыскал его.

У человека в кармане были сигареты, спички, носовой платок и около сотни долларов в банкнотах. И это все. Ничего, что могло бы установить его личность.

Гарри поднялся и старательно почистил брюки на коленях.

— Это дает нам очень мало,— сказал он, убирая пистолет в плечевую кобуру.

— Он привез меня сюда... Может быть...

Гарри покачал головой.

— Я проверил все, прежде чем войти.

— Но, кстати, как это вы очутились здесь?.. Посланец Провидения, в самый критический момент... это невероятно! Вы спасли мне жизнь!

Он слегка улыбнулся.

— Если бы я этого не сделал, Чарли был бы недоволен. Когда вы уехали от него вечером, он сразу же послал меня в Нью-Йорк, чтобы присмотреть за вами одним глазом,— сказал Гарри. — Он решил, что с вашим ненасытным любопытством вы рано или поздно попадете в грязную историю. Я каждый раз, как вы выходили, следил за вами. Недавно, когда вы проводили вашу куколку в отель, я сперва хотел зайти в свой отель, но потом решил подождать полчаса, чтобы убедиться, не собираетесь ли вы снова выходить... То, что вы были в отеле под присмотром всех этих фликов,

для меня не имело никакого значения, конечно... Но когда я увидел, как вы вышли с этой птицей, это меня ударило по уху. Я поехал следом. Прошел через входную дверь и, стоя в вестибюле, слышал, что он вам говорил.— Гарри пожал плечами.— Это нелепо. Мне пришлось стрелять, но у меня не было выбора. Иначе он бы вас убил.— Гарри закурил сигарету.— Но, тем не менее, это нелепо!

Я тоже закурил, и только тут почувствовал на лице холодный пот.

— Что вы собираетесь делать с ним? — спросил я.

— Ничего,— безразлично ответил Гарри.— Если будет нужно, то дюжина парней подтвердит, что я в это время играл в покер в Лос-Анджелесе. Но я не думаю, что эти петушки навесят на меня это убийство.— Он кинул взгляд на тело, лежащее у его ног.— Я вам вот что скажу. Этот парень был просто исполнителем чужой воли. Он ничего не знал. Ему пришлось рассказать вам со всеми подробностями то, что он собирался сделать, чтобы подбодрить себя и набраться храбрости сделать это.

— Если мне когда-нибудь придется ради куска хлеба придумывать что-нибудь подобное, я вспомню ваши слова,— сказал я.

— Не смейтесь,— сказал он.— Это психология.

Я заморгал.

— У меня диплом филолога,— прибавил он с легкой улыбкой.— И мне иногда удается проверить на практике свои теории. Это дает мне некоторое удовлетворение, нельзя жить, не мысля.

— Чарли Фаро в курсе этого? — спросил я.

— Конечно. Но он предпочитает, чтобы я изображал телохранителя. Это больше действует на людей, которых Чарли хочет убедить в чем-либо.— Он посмотрел на часы.— Настало время повидаться с ним,— прибавил он.— Нужно ему рассказать все это.

— Вы же не рассчитываете достать самолет на Калифорнию в такой час? — спросил я.

Он посмотрел на меня, потом улыбнулся.

— Я забыл вам сказать... Чарли в Нью-Йорке.

Мы вышли из дома. В полусотне метров от дома нас ожидал «форд 38». Мы влезли в него.

— У нее усиленный мотор,— объяснил он.— Она может ездить очень быстро, и, что самое главное, на нее никто не обращает внимания, даже в таком квартале, как этот. Например, вспоминают про «кадиллак», но «форд 38» никогда, правда?

— Психология.

— Я сделаю лучше, если заткну свою большую пасть,— проворчал он, увеличивая скорость.

Через двадцать минут мы остановились перед шикарным домом посреди Манхаттана.

Я прошел за Гарри в прихожую, потом лифт поднял нас на второй этаж.

Мы вышли на террасу между апартаментами. По другую сторону перегородки смеялась женщина. Смех сразу же прекратился, как только Гари нажал на пуговку звонка.

Через несколько секунд дверь отворилась и появилась блондинка. Ее волосы были собраны на затылке, но я обратил на это внимание значительно позже. На ее смуглом загорелом теле было только маленькое бикини. Не стану преувеличивать, но это была новая модель уменьшенного бикини. Я открыл было рот и сделал круглые глаза, но Гарри не казался удивленным.

— Вот как?.. Салют, Глория,— сказал он.— Вы меня извините, если я вас затрудняю, но это срочно!

— Всегда дела! — простонала она.

Потом она посмотрела на меня.

— Вот тип, который не считается с ведомством Севера! — заявила она.— Вы в деле?

— В жизни,— ответил я.— Один действует на другого, а Гарри предохраняет от всего.

— Меня утомляют все эти загадки! — заявила она.— Лучше идите за мной!

Следом за Гарри и Глорией я пересек прихожую и прошел в зал отдыха.

Через стеклянную стену видны были огни Манхаттана — перспектива заставила бы замереть от восторга любого художника.

Внутри же была Флорида.

С дюжину ультрафиолетовых ламп были расположены по кругу, и в их теплых лучах нежился Чарли Фаро — он лежал на ковре в плавках и черных очках.

Мы стояли, жмурясь и глядя на него, а Глория с грацией кошки растянулась на ковре рядом с ним.

— Они хотят тебя видеть, Чарли,— сказала она.

Чарли Фаро приподнялся и медленно сел.

— Если вы, парни, снимете с себя кое-что, то можете присоединиться к нам,— сказал он.

— Я пойду поищу что-нибудь выпить,— сказал Гарри.

И он вышел через дверь, которая, без сомнения, вела на кухню.

Чарли проследил за ним взглядом, потом задумчиво покачал головой.

— Вы его слышали, Джо?.. Создаешь парня по своему образцу, и все идет хорошо, потом неожиданно обнаруживаешь, что он стал думать о чем-то самостоятельно, и тут ничего больше не получается!

— Я не в счет,— сказал я.— Я знаю о нем все, даже то, что у него есть диплом филолога.

Чарли Фаро благожелательно улыбнулся.

— Гарри проклятый болтун. Я готов держать пари, что он вам не рассказал, что он занимался живописью и что его мечта проводить каждый день в музеях?

— Нет,— сказал я,— он мне этого не рассказывал.

Глория повернулась на спину и скрестила ноги.

Мне было трудно следить за мыслями Чарли, и я вздохнул с облегчением, когда появился Гарри с напитками.

Чарли продолжал греться под искусственным солнцем, стараясь, чтобы лучи равномерно падали на тело.

Он взял стакан.

— Я не знаю, как это получается, но в Калифорнии у меня никогда не хватает времени пойти на пляж. Хорошенько прогреться на солнце можно только в путешествии, но как на зло путешествия всегда совпадают с плохим сезоном.

— Мне лично больше нравится это,— заявила Глория, видимо, совершенно довольная своим положением.— Нет мух, нет толпы и никто не подходит к вам с идиотскими предложениями, например, пойти и окунуть кого-нибудь головой в воду.

Виски было хорошим, и я подумал: «Черт возьми! Не каждый день тебя приглашают принять солнечные ванны с одним из самых больших кайдов самого значительного рэкета Калифорнии!»

Я снял пиджак, рубашку, ботинки, носки и расположился возле Глории.

— Вот так-то лучше,— заметил Чарли.— Доброе солнце и хорошие витамины... или хорошие... я не знаю, что еще!

Я растянулся на ковре, закурил сигарету и подумал, что если бы Фаро взбрело в голову отплыть куда-нибудь в неизвестном направлении, я охотно бы разделил его блажь.

— Чем объяснить, что вы оказались вместе? — лениво спросил Чарли.

— Один тип уволок Дунна в Гарлем, — объяснил Гарри, — и я заметил это. Тип собирался спустить Дунна, и я решил, что вы не будете этим довольны, и тогда я сам спустил типа.

— Он умер? — слабым голосом спросил Чарли.

— У меня не было выбора, — ответил Гарри пристыженно. — Надо было действовать быстро. Он мог два раза спустить курок.

— Без сомнения, — согласился Чарли. — А вы, Джо, что вы такое натворили, что этот тип смог заманить вас в ловушку?

Я рассказал ему все, что произошло после моего визита в Лос-Анджелес. Когда я кончил, Чарли некоторое время молчал.

— Таким образом, — сказал он наконец, — так называемый посланец Чарли наглотался сегодня пыли, и мы все-таки не знаем, кто он такой? И я сомневаюсь, что петушки сумеют опознать его, когда найдут... Гарри?

— Да, патрон?

— Пойди в уличную кабину и вызови петушков. Ты им скажешь, где находится тело. Раз нужно его опознать, так пусть займутся этим поскорее... Подожди одну секунду!.. Ты вызовешь лейтенанта... Как там его имя, Джо?

— Солтц, — ответил я.

— Солтца, — повторил он. — Когда он тебя спросит, кто это говорит с ним, ты ответишь: «Это Чарли послал меня!» — И Чарли приснул от смеха.

Я тоже улыбнулся.

— Bravo! Очень забавно! — сказал я.

— Еще как! — проворчал Гарри. — Особенно, когда узнают, что Чарли Фаро находится в Нью-Йорке.

— Мы еще посмотрим, — нетерпеливо проговорил Чарли. — Иди же, звони по телефону, Гарри.

Гарри вышел. Я поджарился с одной стороны и повернулся на другой бок. Никогда в жизни мне не приходилось загорать с таким комфортом.

— У вас есть идеи, Джо? — спросил Чарли.

— Одна-единственная и она, вероятно глупая. Я лучше воздержусь от высказывания.

— Что же это такое?

— Я подумал, что если Эдди сегодня не дома, я мог бы проникнуть туда.

— Зачем?

— Потому что тип, о котором Гарри должен сообщить полиции, был совершенно в курсе моего визита к Эдди и, казалось, был отлично информирован о его жене. Так что я не уверен, что он не состоял в числе его домашних. Во всяком случае, Сандра должна его знать, так мне кажется. И я подумал, что неплохо было отправиться туда и проверить самому, конечно, в том случае, если Эдди не будет дома.

— На столе есть телефон,— сказал Чарли.— Попробуйте это узнать.

Я с сожалением встал со своего места и подошел к телефону. Набрав номер «Сплэндида», я получил соединение. Подошедшему я дал указания найти Эдди и попросить его к телефону.

— Мистер Секвилл поднялся к себе два часа назад,— ответил служащий,— и он дал нам определенные указания. Он не хочет, чтобы его беспокоили ни при каких обстоятельствах. Огорчен, мистер. Не хотите ли оставить для него записку?

— Скажите ему только, что звонил его поклонник. Скажите ему, что я нахожу его представление потрясающим! И что его сценарист просто гений!

Потом я снова вернулся под солнце.

— Его нет дома,— сказал я Чарли.

— Итак, вы отправляетесь?

— Весьма возможно,— ответил я без всякого энтузиазма.

Только психиатр смог бы сказать, почему мне так не хотелось отрываться от этого солнца, от лицемерия Глории и ее бикини. Я надеялся, что Чарли найдет мою идею несурзадной.

— Превосходная идея,— сказал Чарли.— Я скажу Гарри, чтобы он вас сопровождал на случай, если возникнут неприятности.

— Спасибо,— без энтузиазма сказал я.

Мы услышали, как отворилась наружная дверь, и через несколько секунд Гарри вошел в зал.

— Поименованный Солтц,— весело сказал он,— я думал, что его хватит удар. Он не переставал спрашивать меня: «Но кто же вы, проклятый незнакомец?», а я отвечал ему, куда ему надо обратиться в случае излишнего прилива крови к голове. И когда я сказал ему: «Это Чарли послал меня!» — он стал издавать новые вопли.

Я поднялся, надел рубашку, завязал галстук и закурил сигарету.

— Джо должен еще раз выйти,— объяснил Чарли.— Я бы очень хотел, чтобы ты, Гарри, сопровождал его на всякий непредвиденный случай.

— Ну, конечно,— ответил Гарри.— Куда мы пойдем?

— Мы нанесем визит миссис Секвилл,— ответил я.— Эдди сегодня нет дома, но если я правильно понял, то он вокруг дома установил хорошую охрану.

— Я могу предложить вам хорошее оружие,— сказал Гарри.

— Только этого мне не хватало! — воскликнул я.— Я ведь рискую убить кого-нибудь.

7. РАССКАЗ САНДРЫ

Гарри выключил мотор и дал лимузину прокатиться еще метров пятьдесят, потом остановил его очень тихо недалеко от решетки ворот.

— Бесплезно объявлять о нашем прибытии,— заметил он.

— Совершенно верно.

Выйдя из машины, я посмотрел на часы. Было три часа утра, и только психиатр мог бы сказать, почему я нахожусь здесь вместо того, чтобы мирно спать в своей постели или загорать под солнцем в обществе Глории.

Мы вышли на дорогу, и Гарри внимательно стал рассматривать стену.

— Здесь проходят какие-то провода,— сказал он.— Они, вероятно, относятся к сигналам тревоги, расположенным в доме. У ворот, без сомнения, имеется сторож.

— Днем он был один.

— Ну что ж, пойдите и поговорите с ним.

— Что же я скажу ему?

— А я разве знаю? — нетерпеливо сказал он.— Поговорите с ним немного, вот и все.

Гарри нырнул в темноту, окружающую стену, а я продолжил свой путь. Подойдя к решетке, я услышал ругательства и возглас удивления. И почти тут же меня осветил луч электрического фонаря.

— Не двигайся или буду стрелять! — послышался голос.

Я не шевелился, но выдал улыбку.

— Добрый вечер,— сказал я любезно.— Вас интересует покупка респиратора? Никаких беспокойств и тридцать лет кредита... Модель выполнена по последней моде, с ручкой из слоновой кости и вышитым золотом мешком.

Он содержит пятнадцать отдельных разборных деталей, которые в разобранном виде помещаются в портсигаре из каучука.

— Вы больны что ли? — прошипел человек с фонарем.

— Но я должен вас предупредить,— продолжал я,— так, на всякий случай, если вы заинтересуетесь нашими респираторами, у них есть маленький недостаток...

— Что вы тут треплетесь, черт вас возьми!

Тон его голоса повышался.

— ...в них нельзя дышать,— закончил я.

Послышался шум, какое-то ворчание, потом фонарь осветил дорогу к воротам.

— Я возьму их шесть штук,— послышался голос Гарри.— Я всегда ненавижу дышать, а с респиратором будет хорошо, мне не придется работать.

Я облегченно вздохнул.

— Как это вы вошли?

— У меня диплом по физической культуре, такой же, как и по филологии. Меня обрисовали как «личность, подающую блистательные надежды». Следовательно, у меня еще не один трюк в запасе.

— Но все же, как вы вошли? — повторил я свой вопрос, пока он открывал калитку.

— Я прыгнул. Высота стены всего два метра и на три сантиметра выше проходит проволока. Это, конечно, не особое достижение... но и не слишком простое дело!

— Если вы так легко могли перемахнуть стену, зачем же вы заставили меня болтать тут всякую чухню?

— Чтобы отвлечь его внимание, глупец! — сказал Гарри.

Он поднял фонарь и осветил оглушенного человека.

— Ему этого хватит на четверть часа, но для нас этого недостаточно.— Он думал недолго.— Я войду вместе с вами в дом, и когда вы будете в безопасности внутри дома, вернусь сюда, отнесу его в машину и отвезу за несколько километров от дома. На это мне потребуется не больше двадцати минут. Вернувшись, я буду ждать вас перед домом. Если что-нибудь пойдет не так, вы издайте соответствующий вопль!

— Аминь,— торжественно сказал я.

Мы направились к дому.

— Еще одна маленькая деталь,— сказал я.— Как же я смогу попасть внутрь дома?

— Я сломаю замок,— ответил Гарри.— Вы знаете, что я...

— Я знаю,— перебил я его,— что у вас есть диплом взломщика.

Мы бесшумно подошли к входной двери, и Гарри фонарем стал освещать дверь сверху донизу.

— Может быть, здесь также есть провода от сигнала тревоги,— сказал он,— нам придется рискнуть, но скорее всего дорога свободна.

Он вынул из кармана набор каких-то предметов, напоминающих отвертки, и протянул мне фонарь.

— Посветите мне, главным образом освещайте замок,— сказал он, принимаясь за работу.

Две минуты спустя дверь бесшумно отворилась, и я задержал дыхание, ожидая услышать сигнал тревоги. Но было тихо, и я понемногу стал дышать ровнее.

— Теперь вам надо действовать, Джо,— сказал Гарри.— Если вы покончите с вашим делом раньше двадцати минут, то выходите из дома и ждите меня на аллее возле ворот.

— Понятно,— ответил я, проглотив слюну.

Я оставался стоять минуты две-три, потом осторожно закрыл входную дверь. Фонарь, который остался у меня, немного обнадёживал. Я очень осторожно стал подниматься по лестнице, пробуя сперва каждую ступеньку кончиком ботинка, чтобы убедиться, что она не скрипит под моими ногами. Поднявшись на площадку, я задумался над тем, которая дверь ведет в комнату Сандры.

Я помнил о длинном коридоре, и у меня был выбор из шести дверей. Не оставалось ничего другого, как открывать их одну за другой. Первая вела в ванную. Осталось пять. Вторая дверь вела в комнату, которая мне показалась похожей на кабинет Эдди. Осталось четыре. Третья открывалась в комнату, но пустую. Оставалось три комнаты.

Я поиграл сам с собой — «середина или сбоку» и получил указание на среднюю дверь. Я открыл дверь, бросил взгляд в комнату. Эврика!.. Это был будуар, безусловно, Сандры, так как повсюду были разбросаны всевозможные предметы интимного женского туалета.

Я вошел, осторожно закрыл за собой дверь и обнаружил еще одну дверь, слева от себя. Нетрудно было догадаться, что рядом с комнатой, в которой я находился, помещалась спальня Сандры.

Когда я только что под искусственным солнцем, создающим обстановку Флориды, говорил об этом предприятии с Чарли Фаро, все казалось очень простым. Но теперь это была не та песня! Совсем не та! Я вспомнил, что у фликов

существует определенное мнение, подтвержденное законом, относительно тех, кто проникает ночью в спальню женщины, сломав при этом замок входной двери!

Стараясь внушить себе, что я ничего не боюсь, я шаг за шагом приближался к той двери. Наконец мои пальцы коснулись ручки.

Дверь медленно отворилась. Я водил лучом фонаря по ковру и вскоре обнаружил ножку кровати.

Медленно я поднял луч света выше.

Лежа на боку, Сандра спала в большой глубокой кровати.

Беспорядочно сбитые простыни говорили о том, что сначала ее сон был неспокоен.

Я приблизился к ней и нагнулся над кроватью.

Даже странно, как невинно выглядят люди, когда спят. Мне было даже стыдно будить ее. Но нельзя было отступать. Я протянул руку, чтобы разбудить ее, но рука моя застыла в воздухе.

Ее левая рука была закинута за голову и почти скрывалась под подушкой. И в этой руке была зажата какая-то бумага, мне был виден только ее краешек. Я ухватил за этот край и тихонько потащил на себя. Когда мне удалось захватить довольно большой его кусок, я резким движением выдернул его из ее сжатых пальцев.

Потом я вернулся в будуар и направил луч фонаря на этот картон... Несколько секунд я не мог прийти в себя.

В моей руке находилась фотография. Фотография молодого человека, отлично выполненная. Это была фотография Нейла Лео. Внизу имелась надпись, почерк был мне хорошо знаком.

Моей обожаемой Сандре! Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!

Я все еще не мог придти в себя и продолжал рассматривать фотографию, как вдруг зажегся верхний свет и шипящий голос Сандры произнес:

— Я возвращаю себе свою собственность... Благодарю...

Я повернулся к ней и достаточно измученный уже переживаниями этого дня даже не шелохнулся, глядя на наведенный на меня пистолет.

— Верните мне это! — закричала Сандра.

— А если я откажусь?

У нее был вид бешеной тигрицы.

— Вы взломали дверь моего дома, — медленно произнесла она. — А также проникли в мою комнату. Если я вас убью, полиция, без сомнения, будет мне лишь благодарна.

Они считают преступлением врываться в частное владение, особенно, если было совершено насилие.

Я не стал с ней спорить и вернул фотографию. Она взяла ее, не переставая держать меня под прицелом. Я лишь надеялся, что она не из тех истеричек, которые готовы завестись из-за одного «да» или «нет».

— Прежде всего, зачем вы явились сюда? — сухо спросила она.

— Я хотел поговорить с вами.

— Поговорить? — У нее вырвался смешок. — Пока вы еще ничего не сказали.

— Я увидел фотографию и охваченный любопытством, естественно, захотел узнать, чье изображение вы храните под подушкой. Я подумал, что это фотография Эдди.

— Эдди?! — неприязненно повторила она.

— Или фотография мажордома, сторожа, шофера, или...

— Замолчите! — приказала она ледяным голосом. — Разве вы такой плохой сценарист?

— Что?

— Если бы вы добросовестно выполняли свою работу, вам не нужно было бы шпионить для Эдди.

— Вы просто сумасшедшая, если думаете, что я занимаюсь шпионажем для Эдди! — вскричал я. — Мы с Эдди такие же друзья, как кошка с собакой!

— Хорошо, я сумасшедшая.

Я вспомнил о настоящей причине моего визита.

— Вы знаете одного типа, — начал я, — высокий, худой, лет сорока, с лицом трупа и ледяными глазами!

Она удивленно смотрела на меня.

— Значит, это он! — прошептала она.

— Кто?

Она зажмурила глаза.

— Вы, может быть, его не знаете?

— Нет!

— Значит, вы просто лжете!

Я закрыл глаза и начал считать до десяти.

— Послушайте, — наконец проговорил я, — я хочу узнать, кто пытался угробить Эдди, так как этот же человек ради личной безопасности пытался спустить Мегги Маки. А у меня огромная симпатия к Мегги. Этот человек, которого я вам только что описал и которого вы, кажется, знаете, играет определенную роль во всей этой истории. Или, вернее, играл.

— Почему же он больше не участвует в ней?

— Потому что он мертв.

Сандра оставалась безмолвной продолжительное время. Мне казалось, что под угрозой пистолета я с каждой минутой становился все старше.

— Почему вы приходили вчера? — спросила она наконец.

— Я вам уже сказал, что я видел Чарли Фаро и пришел к убеждению, что Чарли Фаро и не пытался убивать Эдди. Я знал из других источников, что до того, как вы вышли замуж за Эдди, вы были связаны с Чарли Фаро. Тогда я решил узнать у вас все, что вы знаете о Чарли.

— Разве это не Эдди послал вас, чтобы вы следили за мной, чтобы убедиться, до какой степени его подозрения обоснованы?

— Нет, — ответил я. — Эдди и я, мы не слишком ладим друг с другом, и так было всегда. С первого момента нашей совместной работы. Я не протяну руку помощи Эдди, даже если моя старая мать будет просить меня об этом.

Пистолет в ее руке задрожал.

— Я, кажется, попытаюсь поверить вам, — сказала она. — Небо мне свидетель, как я нуждаюсь и как была бы счастлива, если бы могла поверить кому-нибудь!

— Вы можете мне верить. Я за пределами этой истории. Все, чего я хочу, это чтобы Мегги Маки осталась жива. У меня имеются относительно нее некоторые планы... Досадно, но кажется, наши желания не совсем совпадают!

Сандра уронила руки.

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь, — сказала она, — иначе я сойду с ума. С того момента, как он умер, я мучаюсь и терзаюсь...

— Ну, конечно, — сказал я, — поговорите со мной. Но не будет ли лучше, если вы сядете или ляжете?

Она посмотрела на часы.

— Скоро настанет утро, — сказала она. — Спустимся на кухню и приготовим кофе.

Она достала из шкафа халат и надела его поверх пижамы.

Следом за ней я спустился на кухню. Она включила свет, закрыла дверь и заперла ее.

— Как мало у меня свободы в своем собственном доме! — пробормотала она. — Если я не запрусь, один из его головорезов, находящийся у ворот, увидит свет и придет посмотреть, что здесь происходит!

— Он не придет! — сказал я.

— Почему?

— Потому что это так.

Сандра поставила воду для кофе на огонь и включила приемник. Я предложил ей сигарету и закурил сам. Мы устроились напротив друг друга по обе стороны стола.

— Какая странная штука жизнь,— сказала она с жалкой улыбкой.— Вот я приготовилась рассказать вам про свою жизнь, а десять минут назад едва не отправила вас на тот свет.

— Не напоминайте мне об этом,— попросил я.— А то у меня будет нервный припадок!

— Моя драма,— сказала она,— это Эдди.

Я затаился и ободряюще покивал головой. Вода в кофейнике начинала понемногу закипать.

— Он совершенно ненормально ревнив,— продолжала Сандра.— Когда я выходила за него замуж, я не знала об этом, а может быть просто не думала об этом, но это не самое важное в настоящий момент.

Она смотрела на меня, совершенно меня не видя.

— И случилось же так, что девушка получила возможность испытать такую любовь! — сказала она.

— Он должен был очень любить вас, чтобы решиться увести вас из-под бороды Чарли!

— Чарли принял его с большим достоинством.— Она вздрогнула.— Или во всяком случае у меня было такое впечатление. С Чарли никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Это человек необыкновенный. Он способен остановиться в начале маленькой улицы, чтобы дать слепому музыканту десять долларов, а пройдя в другой конец этой же улицы, выстрелить в спину флику. И всегда с одинаковой улыбкой.

— Охотно вам верю,— сказал я.

Вода основательно забурлила. Сандра встала, выключила газ и принесла две чашки кофе. Она села на свое место и с отсутствующим взглядом стала размешивать сахар.

— Когда мы встретились с Эдди, он был уже известен,— продолжала она.— Не так известен как сейчас, но уже достаточно популярен. Как только мы переехали в Нью-Йорк, он купил этот дом. Он боялся Чарли Фаро, он очень его боялся, хотя не хотел в этом признаться. Не успели мы здесь устроиться, как он окружил дом стеной и провел систему сигнализации. Потом он нашел сторожей. Я говорила ему, что это идиотство, что если Чарли Фаро захотел бы отомстить, то он сделал бы это сразу же после нашей свадьбы. Но Эдди утверждал, что с гангстерами типа Фаро нужно учитывать все и следует принять все возмож-

ные меры предосторожности, так как он может выждать несколько лет, прежде чем приступит к действиям.

Я пил кофе. Он был горячий и крепкий. Мне он был крайне необходим.

— Это стало навязчивой идеей Эдди,— сказала Сандра.— В течение долгого времени все вечера Эдди не позволял мне ложиться спать, прежде чем он не осмотрит комнату, как будто Чарли Фаро мог спрятаться под моей кроватью. Я не могла больше на него воздействовать. Мы никуда не выезжали. Но Эдди нанял помещение в «Спленидиде»: потому что он работал каждый день до такого позднего времени, что у него уже не хватало сил добираться домой. Он оставлял меня одну как узницу. Я могла выходить только днем. Шофер провожал меня в город. Раз в неделю я ездила на Пятую авеню делать покупки. Даже Эдди не мог представить себе Чарли, стреляющим в меня посреди магазина!

Она допила кофе и поставила чашку на стол.

— У меня впечатление, что мой рассказ пока ничего интересного не представляет, Джо. Но вы понимаете, что мне было необходимо обрисовать вам обстановку, в которой я находилась, прежде чем перейти к моей встрече с Нейлом Лефо...

— Нейл Лефо...

— Да. Первый раз я увидела его в Голливуде на приеме. На приеме, данном Чарли Фаро. Нейл в то время играл маленькие роли в фильмах и начинал приобретать имя... Это не был ошеломляющий успех, но тем не менее он возрастал... В один прекрасный день Эдди сообщил мне, что он пригласил Нейла участвовать в его выступлениях. Эта новость возбудила во мне некоторый интерес, но и только. Через месяц или два Нейл позвонил мне по телефону, я, как обычно, была дома одна, не считая прислуги и сторожей. Я ответила ему, и мы с ним болтали около часа. Мне было отрадно слышать голос из мира живых людей. Эдди никого не принимал, и мы никуда не выезжали. Нейл спросил меня, почему он никогда меня не видел за все время, что он работает у Эдди, и я ответила, что я выхожу только за покупками и что это бывает обычно после полудня в среду или четверг... На следующей неделе, когда я отправилась в город и вошла к Крану, я застала там Нейла, который ожидал меня... Я сказала ему, что мы не можем выйти из магазина вместе, потому что нас увидит шофер, который также принадлежал к числу сторожей, на что Нейл возразил мне, что он знает выход из магазина на

боковую улицу. И мы вышли из этой двери и отправились в бар, где выпили по стакану вина. Я была страшно довольна!

Сандра грустно улыбнулась.

— Вот так все и началось. Совершенно естественно, что мы вскоре стали любовниками. Я была готова на любую авантюру, после восемнадцати месяцев заключения я вышла из своего каземата! А через некоторое время я, больше не колеблясь, пошла на риск: когда я знала, что Эдди не вернется домой, я звала Нейла. Я ждала его у служебной лестницы в середине ночи в то время, когда прислуга спала. Я объяснила ему нашу систему охраны и даже сама перерезала несколько проводов там, где он смог бы перелезть через ограду.

Какими безобидными кажутся люди, подумал я, когда их хорошо не знаешь.

Я встал, чтобы налить себе еще кофе. Сандра уже так завелась, что было бы лучше ее не прерывать.

Я сел обратно на свое место.

— А потом? — спросил я.

— Некоторое время я была по-настоящему счастлива, — продолжала Сандра. — У меня был Нейл, и я была влюблена в него, вся моя прежняя любовь к Эдди перешла в него. Потом существовала прелесть запрещенной и скрытной любви... тайные встречи в магазинах... ночные посещения... опасность, которая нам угрожала, если один из сторожей заметит это... опасность, которая угрожала нам обоим, если нас разоблачат... до того дня, как это свершилось!

— Эдди? — спросил я.

Она покачала головой.

— У нас появилось нечто вроде традиции выпивать пиво — в баре, находящемся метрах в трехстах от магазина Крана. Ну так вот, пятнадцать дней назад мы были там у стойки, когда внезапно я подняла глаза и увидела шофера, который стоял на пороге, глядя на нас. Я тоже посмотрела на него, после чего он повернулся и вышел наружу. Когда я вернулась к машине, он не сказал мне ни слова, и я, конечно, тоже ничего ему не сказала... Эдди проводил уик-энд дома, и я все время ожидала, что он заговорит об этом, станет ругать меня, оскорблять, но все прошло нормально. Через некоторое время я стала думать, что шофер решил молчать, но не была в этом твердо уверена. Тогда я из осторожности и благоразумия сказала Нейлу, чтобы он не пытался меня увидеть.

В ее глазах засверкали слезы.

— Он не видел меня целую неделю... Я видела его последний раз лишь на представлении. Я увидела, как он упал передо мной на экране, и не понимала того, что произошло!

Она прикрыла лицо руками и горько заплакала.

Я не мешал ей плакать, надеясь, что это облегчит ее страдания,— ведь она много пережила после смерти Лефо и вообще странно, что она не лишилась рассудка.

— И этот человек с лицом трупа,— медленно произнес я.— Вы его припоминаете? Вы сможете сказать мне, кто он?

Она подняла глаза.

— Но я же вам уже сказала!

— В таком случае, я вас не понял!

— Но я вам сказала все по этому поводу, как он меня ждал у дверей магазина и как он обнаружил нас в баре!

Я смотрел на нее, раскрыв рот.

— Так это был шофер?

— Да, Сандерс,— повторила она.— Я думала, что вы поняли. А кого бы вы хотели видеть на его месте?

8. БОСС ВКЛЮЧАЕТСЯ В ИГРУ

Слабый свет зари осветил холодное небо, дул пронзительный ветер. Я бесшумно закрыл дверь дома и спустился вниз. Передо мной возник силуэт.

— Я уже решил, что вы остались там на уик-энд,— проворчал Гарри.

— Простите меня,— сказал я.— Это неотразимый шаг Дунна, который действовал сильнее, чем когда-либо. Она не хотела меня отпускать!

— Фатальный шаг, вот что это,— сказал Гарри.— Продолжайте в том же духе, тогда посмотрим.

Мы прошли аллею. «Форд» ожидал нас у самых ворот. Когда мы сели в машину, Гарри включил мотор и дал ему поработать несколько минут. Потом круто развернулся, и мы тронулись в обратный путь.

В пятистах метрах от резиденции Секвилла мы увидели идущего нам навстречу печального типа. Увидев нас, он погрозил нам кулаком и пустил вслед ругательства.

— Кто это? — спросил я.

— Сторож,— ответил Гарри со смешком.— У меня впечатление, что он не был на празднике.

— Вы далеко его увезли?

— За четыре-пять километров,— ответил Гарри и стал притормаживать.

Он остановился перед каким-то трактиром.

— Мне необходимо выпить чашечку кофе,— сказал он.

— Меня Сандра напоила,— сказал я, но поторопился прибавить: — Я с удовольствием выпью еще.

Выпив кофе, мы возвратились в машину.

— Вы вернетесь на пляж Чарли? — спросил Гарри.

— Не знаю,— ответил я.— А вас не затруднит довезти меня до отеля?

— Решено. В сущности, вы ничего не обнаружили, что заинтересовало бы Чарли.

— Напротив, несколько деталей,— ответил я.— Вы можете сказать Чарли, что так называемый посланец Чарли зовется Сандерсом и работал шофером у Эдди Секвилла.

Гарри ничего не сказал. Я закурил сигарету и не торопясь прибавил:

— Вы также можете сказать ему, что Нейл Лефо и Сандра были очень близки... и когда я говорю, что они хорошо ладили друг с другом, я имею в виду их встречи по ночам и все прочее. Я не знаю, имеет ли это значение, но Чарли сам решит, что делать.

Пятью минутами позже машина остановилась перед «Сплендидом» и я вышел.

— Спасибо, друг,— сказал я.— Спасибо за те две пули, которые были так своевременно посланы и выручили меня из скверного положения!

— Не думайте больше об этом,— ответил он,— когда у человека столько дипломов, сколько у меня, нетрудно делать то, что сделал я, и в нужную минуту становиться второй натурой.

Я вошел в свою комнату, разделся и отправился под теплый душ и стоял под ним по крайней мере минут десять. Потом я надел пижаму и забрался в постель как раз тогда, когда мне принесли на маленьком подносе первый завтрак. Я отдал должное этому завтраку и выкурил последнюю сигарету. Я тушил окуроч, когда зазвонил телефон. Какое-то время я смотрел на него, потом, скрепя сердце, поднял трубку.

Никогда ничего не знаешь заранее. Может быть, это звонил Джек Глазен, первый комический актер Америки, который ищет себе сценариста.

— Кто? — спросил я.

— У аппарата Хелл... Как хорошо, что я застал тебя

уже проснувшимся, Джо... Совещание участников представления через полчаса.

— Что?

— Ты ведь отлично слышал!

— Но Эдди на этой неделе не собирался давать представлений,— запротестовал я.

— Таково было его первоначальное намерение, но его юридические советники пересмотрели его контракты с клиентами... Вывод: Эдди выступает на этой неделе!

— Но я...

— Через полчаса, Джо.

И он повесил трубку.

Я еще раз вылез из постели. У меня была прекрасная ночь, только короткая.

И вот я опять на ногах, опять под душем, на этот раз под холодным.

Я опять одеваюсь и, тяжело вздыхая, гляжу в зеркало. Следовало бы вставить спички, по одной под каждое веко, чтобы глаза не закрывались.

Я появился вовремя. И натолкнулся на Хелла и Хильду, которая в тот момент, когда я входил, закричала:

— Нет!

— Так, так,— сказал я, старательно раскрывая глаза и поворачиваясь к Хильде.— Что вы оба сейчас здесь делаете? Вы угощали друг друга витаминными пилюлями?

— Я не выношу людей, которые подставляют свои уши всюду, куда не следует,— прошипела Хильда.

— Как?.. Я подслушал что-нибудь? — удивился я.— Уж я-то человек порядочный!

Дверь снова отворилась, чтобы пропустить Бориса, который еле волочил ноги. Он медленно подошел к ближайшему креслу и бессильно рухнул в него.

— Когда объявят о революции,— сказал он,— вы позовете меня к тележке, которая повезет Эдди Секвилла на эшафот. Я разок плюну в окошко и буду очень доволен.

Появление Мегги ознаменовалось вихрем из белого свитера и черной юбки.

Я бросил на нее один лишь взгляд, и мой сон как рукой сняло.

— Где тебя носило? — спросила она.

— В чем дело? Разве я чем-нибудь манкировал?

— Ты пропустил исчезновение флика! Ты помнишь того агента, который исчез? Того, который должен был охранять мою комнату?

— Конечно,— ответил я.

На самом деле я совершенно забыл об этом человеке.

— Так вот, когда его коллега пришел ему на смену, он не нашел его, и они стали искать его повсюду, по всем комнатам... и наконец нашли в твоей комнате!

Глаза Мегги горели от возбуждения!

— Кто-то заставил его вдохнуть эфир, и он лежал поперек кровати без сознания.

— Это невозможно! — закричал я, симулируя удивление.

— Куда ты ходил? — продолжала Мегги.

В этот момент вошел Эдди. Кожа отвисла на его щеках, его глаза за очками были налиты кровью. Все взгляды были устремлены на него, пока он подходил к своему месту за столом. Он сел и закурил сигарету.

— Я очень огорчен, — сказал он, — но выступление на этой неделе состоится. В контракте был один пункт, который я упустил. Если мы пропустим одно представление, потеряем огромную сумму. — Он бледно улыбнулся. — Следовательно, представление должно состояться.

— Удачи не будет! — пробормотал Хелл.

Эдди скорчил гримасу.

— Начальные тексты представлений меня мало беспокоят. Но «Глаз Сфинкса» угроблен. Надо найти что-нибудь другое. «Поставщик зеркал» тоже не может больше идти.

— У нас остается богатый выбор! — вздохнул я.

— Здесь ваша область, Джо, — сказал Эдди. — Быстро придумайте нам что-нибудь! Сделайте, что угодно, мне совершенно безразлично, что это будет, но только чтобы это было что-то новое. Мы не станем начинать новую серию, а просто сделаем отдельное представление.

— Понятно! — ответил я.

Дверь резко распахнулась, чтобы на этот раз пропустить Солтца, которого сопровождал какой-то брюзга, жуящий резинку.

Эдди окинул их негодующим взглядом.

— У нас совещание, — сказал он.

— И вы это говорите мне?! — удивился Солтц. — Очень огорчен, что беспокою вас, но у меня на руках маленькое уголовное дело и мне не хватает некоторых деталей.

Он насмешливо посмотрел на меня.

— А вам я должен сказать пару слов. Где вы провели последнюю ночь?

— В гостях! — осторожно ответил я.

— Где это?

— У человека по имени Чарли Фаро,— ответил я весело.

Я боялся, что Солтца хватит удар.

Не прошло и полминуты, как я уже находился в компании Солтца и типа брюзгливого вида, который забыл про свою жевательную резинку, в соседнем изолированном помещении.

— Хорошо,— сказал Солтц,— подумайте, Дунн, и поживее! И расскажите мне историю поправдоподобнее!.. В вашей комнате находят человека в состоянии амнезии. В Гарлеме — типа, который позволил себя спустить, и мы узнали об этом от человека, который нам сказал: «Это Чарли послал меня!» А теперь вы утверждаете, будто находились в гостях у Чарли Фаро!

— Это совершенно точно!

— Итак, начинайте, у нас есть время. И начинайте сначала, с того момента, когда вы вышли из комнаты этой малютки Маки. И ничего не забывайте: в противном случае я отвезу вас в нашу бригаду, а там уж сумеют освежить вашу память.

Я подышал от желания уснуть. Мне нужно было быстро соображать, но я был совсем неспособен к этому.

— Понятно,— ответил я.

Я не спеша закурил сигарету. В сущности, я мог совершенно правдиво рассказать им всю историю, если бы не тот факт, что Гарри Поперкорн убил Сандерса.

— Ну! Я вас слушаю,— подгонял меня Солтц.

Я прочистил горло.

— Я составил хитрый план,— начал я.— Я подумал, что если я неожиданно появлюсь у Сандры Секвилл и поговорю с ней, я, может быть, узнаю что-нибудь интересное относительно Чарли Фаро. Когда я видел Чарли Фаро в Лос-Анджелесе...

— Да, когда вы покинули Нью-Йорк без моего разрешения! — недовольно ввернул Солтц.

— Я уверовал в то, что он совершенно не знает того типа, который выдает себя за так называемого «посланца Чарли». С другой стороны, Эдди как-то сказал при мне, что Сандра была когда-то подружкой Чарли... Таким образом, я думал, что она сможет дать мне некоторые сведения.

Солтц нетерпеливым жестом раздавил окурок.

— Вам необходимо было поиграть в маленького детектива. Вы не можете оставить это людям, которые избрали это своей профессией. Нам за это платят деньги.

— Я только очень беспокоился по поводу Мэти,—

объяснил я.— В особенности после того, как она стала жертвой убийцы! Я не хотел, чтобы это повторилось! Ничто не говорило за то, что она так же удачно сможет избежать и следующего покушения!

— Хорошо,— сказал Солтц.— Будем считать, что вы это делали, беспокоясь об этой малышке.

Я снова прочистил горло.

— Расставшись с ней,— продолжал я,— и не заходя к себе, я спустился в холл. Меня позвали к телефону, и я подошел к одной из кабин там внизу. На другом конце провода находился ложный посланец Чарли. Он сказал мне, что у него есть для меня сообщение, которое он хотел передать. Если я хочу купить его сведения и если жизнь известной мне особы дорога мне, то я должен отправиться по определенному адресу, который он мне укажет, в Гарлем... Ну, я и отправился в Гарлем. Дверь в дом была открыта. Тип, плохо это или хорошо, но ждал меня, хотя был уже мертв. Я не знал, что мне делать. Мне кажется, я совсем потерял голову... Я как можно скорее выскочил оттуда и пошел пешком, пока не поймал такси. И тут я решил, что теперь мне совсем не помешает повидать Сандру Секвилл, и отправился к ней.

Солтц поднял брови.

— А этот визит к Чарли Фаро?

— Блажь и трепотня,— ответил я.— Но мне удалось повидать Сандру Секвилл, и от нее я узнал немало интересного.

— На какую тему?

Я задумался.

— Если я вам скажу это, вы обещаете мне пощадить ее?.. Вы обещаете не говорить об этом Эдди?

— Хорошо,— проворчал он.— Что касается того, чтобы пощадить ее, это мы посмотрим. Но ничто не вынуждает меня вводить в курс дела Эдди.

— Ну, так вот, Сандра Секвилл была в связи с Нейлом Лефо,— заявил я,— и однажды шофер Эдди поймал их вместе. Этого шофера звали Сандерс.

У Солтца брови поднялись выше прежнего.

— Его звали?

— Ну, да! Это и был посланец Чарли!

У Солтца был совсем ошарашенный вид.

— Иначе говоря, тип в морге — это шофер Секвилла?

— Как я вам уже сказал! — Я изобразил улыбку, но она не получилась.— Это очень легко проверить: проводите Эдди в морг и вы увидите, узнает ли он его?

— Я проделаю это немедленно,— сказал Солтц.— А когда это будет сделано, ваши показания подвергнем проверке, потому что они нравятся мне лишь наполовину.

— Отлично,— проговорил я самым небрежным тоном, на который был способен.

Они ворвались в зал заседаний и несколькими минутами позже уже топали по коридору, уводя с собой Эдди, который громко протестовал, угрожая всяческими репрессиями.

Я подождал еще минут пять, чтобы дать им время выйти на улицу, а потом в свою очередь прошел в автомобильный парк и сел в «астон-мартин». Через двадцать минут я уже остановился перед зданием на Манхаттане. Две минуты спустя я уже звонил на террасу.

Глория открыла мне. На ней была белая рубашка с V-образным вырезом и ультракороткие шорты.

— Не говорите мне, что уже утро! — воскликнула она.

— Чарли здесь? — нетерпеливо спросил я.

— Он лег спать. Он всегда спит по утрам. Он любит утро.

— Вы не можете разбудить его? У меня неприятности.

Я прошел вслед за ней в апартаменты. Лампы с ультрафиолетовыми лучами все еще были включены. Она их выключила.

— Пожалуй, у него не будет больше настроения принимать солнечные ванны, если имеются новые неприятности,— сказала она.— Пойду поищу его... но он не будет очень доволен.

— Ну что ж! Тогда недовольных будет двое!

Через десять минут она вернулась, на этот раз в черном свитере и брюках.

— Он сейчас появится,— сказала она.— Вам черный кофе или с молоком?

— Черный,— ответил я,— и с аспирином.

Она исчезла.

Я закурил и стал размышлять о том, как проста была бы жизнь, если бы надо было только писать сценарии, и тут вспомнил, что должен так или иначе написать сценарий!

Я сидел, размышляя обо всем этом, когда вошел Чарли Фаро. На нем был халат поверх рубашки от смокинга с расстегнутым воротом и брюки.

— Не знаю, как по утрам ведут себя люди, я не люблю заниматься делами по утрам,— сказал он.— Я всегда остаюсь в постели до полудня.— Он уронил себя в кресло.— Поговорим немного о неприятностях!

— Полицейские неприятности,— сказал я.

Я только пустился в объяснения, как вошел Гарри.

— Послушайте-ка его,— сказал Чарли.— Наш друг вернулся к нам с новыми заботами и неприятностями.

— Невроз,— констатировал Гарри расслабленным голосом.

Я бросил на него сердитый взгляд.

— Солтц зацапал меня во время нашего совещания,— сказал я и подробно рассказал им то, что произошло, и закончил: — Я не видел никакого выхода для себя из создавшегося положения. Но мне необходимо было сказать что-то, в противном случае я попал бы в кутузку. Во всяком случае они знают, что я рассказал им басни, и им ничего не стоит проверить их. Они докажут, что мне никто не звонил, что я появился у Сандры лишь в четыре часа утра, что никакой шофер такси не вспомнит, что он отвозил меня в Гарлем или из Гарлема к дому Секвилла.

У Чарли было непроницаемое лицо.

— Почему вы не сказали им то, что произошло на самом деле?

— Сказать им, что Гарри застрелил Сандерса? Рассказать им, что я был у вас?

— Я очень тронут вашей заботой обо мне, мой друг,— сказал Гарри,— но в этом не было необходимости.

— Простите. Я думал, что обвинение в убийстве все же чревато неприятными последствиями.

Глория принесла кофе и стала расставлять чашки. Чарли размышлял, опустив глаза.

— Позвоните Солтцу,— сказал он, обращаясь к Гарри.

— Он в настоящее время, вероятно, в морге,— сказал я.— Заставляет Эдди опознать тело Сандерса.

— Скажите ему, что Чарли хочет с ним поговорить. Или пусть ему передадут это,— продолжал Чарли, не обращая внимания на мое заявление.— Они побеспокоятся, чтобы его найти.

Гарри поднял трубку и набрал номер. Потом он попросил Солтца, сказав от чьего имени говорит. Он ждал с невозмутимым выражением лица, когда неожиданно в трубке раздались звуки сирены. Он с гримасой отставил трубку подальше от уха.

— Это, вероятно, он,— проговорил Гарри,— или это зоопарк.

Чарли нагнулся, чтобы взять трубку.

— Лейтенант Солтц? — сказал он. Ему ответило какое-то ворчание.— С вами говорит Чарли Фаро,— продолжал

он спокойным тоном.— Мне кажется, настало время для маленькой беседы между нами.

Мне казалось, что на другом конце провода Солтц испытывает такое же волнение.

— Где я нахожусь? — спросил Чарли с небольшим смешком.— Вы же не думаете, что я буду звонить петушку из Лос-Анджелеса! Ну, да! Я здесь! В Манхаттане!

Он сообщил Солтцу свой адрес и добавил:

— Кстати, если случайно вы о ком-нибудь беспокоитесь, то я вас предупреждаю, что один из ваших друзей находится у меня. Джо Дунн!

Чарли отставил от уха трубку, и Глория понимающе посмотрела на него.

— Спроси у лейтенанта, какой кофе он предпочитает, черный или с молоком? — спросила она.

Чарли прижал трубку к уху.

— Вы пьете кофе с молоком или черный? — спросил он.

Он подождал несколько мгновений, потом повесил трубку.

— Он мне сказал...— Чарли почти покраснел.— Но я предпочитаю не повторять эти слова.

Я закурил сигарету.

Я был на пределе и все время курил, чтобы не сорваться.

Чарли снова взял трубку, набрал номер и подождал несколько секунд.

— Это мистер Шрейбер?.. Ник?.. Чарли Фаро... Я здесь в Манхаттане... Быстро приезжайте, я жду лягавых... возможно... возможно... Ты должен быть здесь раньше них!

Он повесил трубку.

Я стал метаться по комнате.

— Возьмите себя в руки,— сказал Гарри.— Это действует на нервы.

— Я нервничаю,— сказал я.— Солтц мне вырвет глаза! Зазвонил звонок, звук которого заставил меня подпрыгнуть.

— Пойди,— сказал Чарли Глории.

Глория вернулась с маленьким плепивым человечком с благодушным лицом.

— О! Салот, Ник! — сказал Чарли.— Я должен тебе представить Джо Дунна... Джо, это мой юридический советник, Ник Шрейбер!

Расширенными глазами я смотрел на Шрейбера и на Чарли.

— Невозможно, чтобы он так быстро появился!

— Его кабинет в трехстах метрах отсюда, — улыбнулся Чарли. — Я всегда так устраиваюсь, чтобы быть поблизости от своего юриста.

— Что такое могло случиться, что идет не как следует? — спросил Шрейбер таким тоном, как будто вел приятную беседу.

Чарли скупно изложил ему факты. Время от времени Шрейбер согласно кивал.

— Что я должен сделать, Чарли? — спросил он наконец.

Чарли пожал плечами.

— Наблюдай за действиями, Ник. Наблюдай за каждым словом. У меня есть свои идеи, как поладить с Солтцем, но если он станет сердиться, ты успокой его. Ты приведешь ему несколько аргументов, дашь мне возможность закончить это дело так, как будет лучше.

— Идет! — Шрейбер резким движением руки сунул в рот сигару и зажег ее. — Проклятый Чарли! Всегда с ним всякие компромиссы!

Снова послышался звонок.

Солтц не спускал палец с пуговицы звонка до тех пор, пока ему не открыли.

— Если я пойду, — сказал Гарри, — и услышу вопль: «Откройте, полиция!», даю слово, я дам ему в морду!

Наконец дверь открыли, Солтц испустил рычание дикого вепря и ворвался в салон огромными прыжками, сопровождаемый своим спутником, жующим резинку.

Солтц окинул свирепым взглядом присутствующих.

— Вы! — закричал он. — Вы подстроили это! — Он повернулся к Шрейберу. — Кто это такой?

— Ник Шрейбер, — ответил Чарли любезно, — Мой адвокат.

— Что он тут шарит? — прорычал Солтц.

— Он пьет кофе, — ответил Чарли. — Огорчен, что не мог приготовить его по вашему вкусу, лейтенант.

Солтц немного успокоился. Он сдвинул шляпу на затылок.

— Хорошо, — сказал он. — Поговорим по-дружески. На какую тему?

— О Гарри, вот этого, — ответил Чарли, показывая на своего телохранителя. — Вам нужно объяснить, почему ему пришлось спустить этого шофера вчера вечером.

Наступило гробовое молчание, которое длилось по крайней мере минуту.

— Он был вынужден...— Голос Солтца ослабел, потом он снова заговорил громко.— Должен ли я понять, что вы признаетесь в том, что убили Сандерса прошлой ночью.

Гарри отрицательно покачал головой.

— Я ни в чем не признаюсь. Это Чарли так говорит. Я не раскрывал рта.

— Садитесь, лейтенант,— сказал Чарли,— и попробуем быть разумными, и мы пойдем друг друга.

Солтц сел.

— Ну что ж... это понятно,— пробормотал он.

Чарли предложил Солтцу сигарету. Лейтенант злобным взглядом посмотрел на платиновый портсигар, потом, пожав плечами, взял сигарету.

Чарли протянул ему зажигалку и стал говорить.

— Я хочу выложить карты на стол, лейтенант. Свои карты, карты Гарри и Джо Дунна. Я вам изложу факты в таком виде, в каком они были, без малейшей утайки, а потом вы сделаете то, что посчитаете нужным и полезным. Что вы об этом думаете?

— Это мне не нравится,— сказал Солтц.— Это слишком хорошо!

Чарли рассказал ему про события минувшей ночи, ничего не скрывая, начав с того момента, когда я обнаружил в своей кровати потерявшего сознание флика в комнате с Сандерсом, и кончая возвращением к Чарли на следующее утро.

Солтц молча выслушал повествование Чарли и долго молчал после того, как тот кончил. Потом он быстро вскочил и, повернувшись к Гарри, сказал:

— Хорошо! Пошли!

— Куда это? — спросил Гарри.

— В бригаду,— ответил Солтц.— Вы обвиняетесь в убийстве! Возможно, вы сумеете потом выкрутиться, но сейчас нужно, чтобы я вас арестовал!

— Но я ведь ни в чем не сознался! — вежливо проговорил Гарри.

— В общем, вы сказали, что убили Сандерса, чтобы спасти жизнь Джо Дунна! — Солтц снова обрел дар речи.

— Вовсе нет, лейтенант,— сказал Шрейбер сладким голосом.— Это Чарли сказал, что Гарри убил Сандерса. Но Гарри ничего не говорил!

— Ну и что же? Что это меняет?! — завопил Солтц.

— Это меняет все,— сказал Шрейбер, попыхивая своей сигарой.— У вас нет признания.

— У меня есть свидетель.— На шее Солтца вздулись

вены. Он указал пальцем на меня.— Он... Джо Дунн... Он был там, он все видел.

Шрейбер внимательно посмотрел на меня.

— Нет, лейтенант,— вмешался я.— Я все время был с закрытыми глазами.

— Я заставлю вас запеть другую песню,— пролаял Солтц.— Подождите немного, когда я наложу на вас лапу и вы...

— Лейтенант! — сказал Чарли строго. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.— Я достаточно известный человек,— сказал он.— Мое дело очень крупное, мои действия почти приобретают силу закона. В настоящее время. Вы это прекрасно знаете. Вы знаете, что если бы мы захотели, у Гарри было бы алиби. Мы подтвердили бы, что он не покидал этих апартаментов или что его вообще не было здесь, что он был в Лос-Анджелесе. И это алиби вы не смогли бы проверить. Задержите его, и Ник отправится с вами в бригаду. Должен сказать, что ваши коллеги не выносят, когда Ник появляется в ваших местах. Даже комиссар делает гримасу, когда видит Ника в ваших владениях. Итак, когда флик совершает арест, привлекающий внимание Ника, его коллеги очень это не одобряют.

Солтц казался огорченным.

— Очень хорошо,— сказал он,— выставляете меня невеждой и неучем.

— Ни за что на свете,— запротестовал Чарли.— Я вам только сказал чистую правду, вот и все. Я думал, что вы коварный и хитрый. Я слышал, что у вас, Солтц, отличная репутация.

Солтц, казалось, несколько растерялся.

— Хорошо,— сказал он менее свирепо.— И что же потом?

— Как я вижу положение вещей,— сказал Чарли, голос его звучал ровно и спокойно,— нас больше интересует и волнует, нас всех, и меня и вас, то, чтобы убийца Лефо был найден. Сандерс получил то, что заслужил. Он был готов и хладнокровно убил бы Джо Дунна, он уже пытался спустить маленькую Маки. Как совершилось над ним правосудие, это неважно.

— За исключением того, что я напишу в своем рапорте. Чарли слегка улыбнулся.

— Когда настанет момент его закончить, возможно, я смогу быть вам полезен,— сказал он.

У Солтца был не слишком удивленный вид.

— Следовательно, мы все считаем, что тип или женщи-

на, убившие Лео, должны быть срочно задержаны, — сказал он. — но в этом направлении мы не слишком-то продвинулись. Сандерс, тип, который мог бы пролить свет на это дело, — мертв.

— Но Джо Дунн все еще жив, — возразил Чарли, — и если он и остался жив, то только потому, что Сандерса вовремя убили. У меня есть одна мысль, лейтенант, которую я хочу вам высказать частным образом. Она может вам понравиться, но она может вам и не понравиться... это мы увидим. — Чарли встал. — Надеюсь, эти джентльмены извинят меня, но я хочу сказать несколько слов лейтенанту наедине.

Он взял Солтца под руку, и они вместе покинули комнату.

Гарри подошел и устроился возле меня.

— Чарли однажды уже сделал подобный шаг, — доверительно проговорил он, понизив голос. — Он рассказал петушкам некоторые вещи, о которых они и не догадывались. Он предложил им объявить официально эти сведения, если они согласятся с ним по другим пунктам, менее важным, но нужным ему. Они обещали ему сделать это наилучшим образом. Они сказали, что сделают это так, как ему будет лучше. — Гарри насмешливо улыбнулся. — Через два дня Ник пригласил их в свое бюро и там прочитал им записанное соглашение, которое они заключили. И Ник очень вежливо объяснил им, что если бы они стали противоречить Чарли, он предъявил бы это соглашение суду.

— Вы считаете, что подобный трюк он и собрался сейчас выкинуть?

Гарри покачал головой.

— Здесь сейчас не включены магнитофоны, — сказал он. — Я точно не знаю, что кроется в мыслях Чарли.

Прошло не менее пятнадцати минут, когда наконец Чарли и Солтц вновь появились в салоне.

— Это пойдет, — проворчал Солтц, обращаясь к своему подчиненному.

Он направился к двери.

— Вставайте! До свидания, Чарли... До свидания, мистер Шрейбер... — прибавил он, игнорируя меня и Гарри.

Когда я услышал, как дверь за ним захлопнулась, я не мог поверить в свое счастье.

— Как это вам удалось и что вы для этого сделали? — спросил Гарри.

— Я ничего не делал, — ответил Чарли. — Я ему только кое-что сообщил, а он, со своей стороны, кое-что сообщил

мне. Так произошел обмен некоторой информацией, чтобы мы лучше могли понять друг друга.

— Чтобы мне немедленно умереть! — воскликнул Гарри.— Чарли Фаро дружит с полицией!

— Живи и дай жить другим! — назидательно сказал Чарли.— Это отличный девиз, но, конечно, до известных границ. Границ не следует переступать. Не правда ли, Гарри?

— Безусловно! — сквозь зубы сказал Гарри.

— Я не знаю, что вы такое сделали и почему вы это сделали, — сказал я, — и многого я не понимаю, но, Чарли, во всяком случае я благодарен вам от всего сердца!

— Это я должен поблагодарить вас, — ответил Чарли с довольным видом.— Вы дали мне кучу идей, Джо, целую кучу!

— Мне, вероятно, нужно вернуться на совещание, — со вздохом сказал я.— Если я этого не сделаю, мне придется сказать «прощай» моему заработку сценариста.

Чарли, казалось, был поглощен разглядыванием сигарет в своем портсигаре.

— Вы никогда не работали в качестве сценариста для кино, Джо? — спросил он.

— Нет.

— Подумайте об этом, — сказал он.— Я знаю компанию, которая, возможно, предложит вам что-нибудь интересное.

— Только не мне! Вы меня путаете с Фолкнером!

— Нет, вам! У меня свои интересы в этой компании. У меня имеются акции, что-то вроде шестидесяти пяти из ста. И вы будете удивлены, когда услышите, как эти люди меня слушают!

— Чарли Фаро, — сказал я, широко улыбаясь, — если вы мне скажете, что вам принадлежит Бруклинский мост, или дворец ООН, или статуя Свободы, я не удивлюсь и не усомнюсь ни на секунду. Еще раз спасибо!

Я попрощался с присутствующими и вернулся в отель.

Мне необходимо было подкрепиться, чтобы выдержать то, что меня ожидало на совещании, и я направил свои стопы... вы догадываетесь, куда? И догадываетесь, кто меня опередил?

— Ты самый удивительный из удивительных, — бросил мне Борис с высоты своего табурета.— Ты так часто возвращаешься к родному очагу, что это становится даже уютным!

— Двойной, — сказал я бармену, потом обратился к

Борису: — Как же прошло это производственное совещание?

— Ты видел его конец. Лейтенант заграбастал Эдди и повез его в морг, чтобы тот опознал там своего шофера, если я правильно понял бессвязные объяснения Хелла. Когда же Эдди вернулся, он был так подавлен, что ни о какой конференции не могло быть и речи! Вот!

Я сделал большой глоток.

— Другими словами, я могу пойти и лечь спать?! — радостно воскликнул я. — Я могу проспать целых два часа без того, чтобы меня разбудили по телефону?

— О чем разговор, Джо Дунн? — проговорил чей-то голос за моей спиной.

Я осторожно повернулся.

— Но ведь это Мегги! — воскликнул я. — Откуда ты?

— Он не знаком с теорией, согласно которой детей находят в капусте, — объяснила Мегги Борису. На меня она метнула сердитый взгляд. — И важно не то, откуда я появилась, а откуда появился ты! У меня впечатление, что ты хочешь меня обмануть!

Я покачал головой.

— Я был занят, мое сокровище, клянусь тебе! Садись сюда и выпей стаканчик!

Как бы против желания, она позволила усадить себя напротив меня и заказала стакан вина.

— Ты знаешь новость? — спросила она очень возбужденно. — Тот, который выдавал себя за посланца Чарли, убит сегодня ночью! И ты знаешь, кем он оказался?

— Шофером Эдди, — автоматически ответил я.

Ее лицо омрачилось.

— А я хотела тебя удивить! И представь себе, мне внезапно все вспомнилось. Я сразу вспомнила, где я его видела в первый раз! Это было три или четыре месяца назад, он сидел за рулем машины и ждал, когда выйдет Эдди, чтобы отвезти его домой.

— И это совсем вылетело у тебя из головы?

— Я сразу это вспомнила, как только узнала новость, — продолжала она. — Ты не находишь, что это прекрасно! Нет больше вооруженных людей на пожарной лестнице! Нет больше никаких фликов около моей комнаты!

— Это удивительно! — сказал я, закрыв глаза.

— Может быть, я тебе докучаю? — холодно спросила Мегги.

Я быстро открыл глаза.

— Никогда в жизни!

— Ты, я вижу, очень устал, Джо?

Ее голос звучал очень сладко.

— Ночь для тебя была очень напряженной, там, где ты был... я не хочу знать, где именно! — Она быстро взмахнула рукой, и я получил в лицо содержимое ее стакана.

— Пожалуйста, не церемонься со мной, иди ложись спать! — ядовито закончила она и немедленно вышла из бара.

Я вынул носовой платок и вытер лицо.

Бармен с любопытством смотрел на меня.

— Я не понимаю, что происходит, мистер Дунн, — осторожно начал он, — но можно сказать, что существует много людей, которые не носят вас в своем сердце!

— Такова уж его натура, — произнес Борис. — Он антипатичен, но ничего не может с этим поделать.

— Физический недостаток, — пробормотал я с горькой усмешкой. — Мне нравится, что люди меня ненавидят. Я тоже... ненавижу их!

9. ПОГОНЯ ЗА УБИЙЦЕЙ

Я проснулся, подскочив на постели от телефонного звонка. Я поднял трубку.

— Хелю!

— Вы располагаете временем?

— Разве оно не принадлежит мне?.. Кстати, кто вы?

— Лейтенант Солтц.

— О-о! — протянул я слабеющим голосом. — Хорошее начало или конец дня, лейтенант? Я не знаю, что сейчас?

— Сейчас вечер, — сказал он. — Сейчас точно восемнадцать часов. В восемнадцать часов сорок пять минут вы должны быть в студии. Если вы не явитесь туда, я пошлю за вами машину с фликами, которые мало знакомы с хорошим тоном. Вы меня поняли?

— В студии, — повторил я, — в восемнадцать сорок пять. Понятно. Что еще произошло?

— Вы это увидите и узнаете, когда приедете, — проворчал он и прервал связь.

Я подумал, что в моем несчастье мне еще повезло. Я проспал пять часов.

Я выполз из постели, принял душ, побрился, оделся и спустился в холл. Я подъехал к студии в 18.40.

Я понял, что это совсем не шутка, эта история с фликами и грубым обращением.

Прежде всего у меня создалось впечатление, что их

очень много вокруг студии. Один из них загородил мне дорогу.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Джо Дунн. Лейтенант Солтц сказал мне...

— Понятно, — проворчал он. — Можете пройти.

Я вошел в студию.

Без обычной толпы и без декораций студия выглядела как пустой ангар.

Посреди сцены находилась маленькая кучка людей, которая терялась в большом пространстве.

Я подошел к ним.

Инспектор, который сопровождал Солтца к Чарли, был там тоже, как и агент в форме, а также Борис, Хильда, Мегги и Хелл.

На полу виднелись пятна крови, там же стояло несколько предметов: стол, два стула и бутылка на столе. Я с надеждой посмотрел на нее, но она была пуста.

— Мои приветствия присутствующим, — сказал я.

— Джо, — тихим голосом проговорил Хелл, — ты что-нибудь знаешь о том, что происходит?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил я совершенно откровенно.

— Я тоже ничего не знаю, — сказала Мегги. — Лейтенант по телефону говорил почти грубо. Он мне сказал, что если я не буду здесь в шесть сорок пять, он...

— ...отправит за вами машину, наполненную грубыми полицейскими, — закончил я.

— Совершенно верно, — сказала Мегги. — Он тебе сказал то же самое?

— И мне тоже, — сказала Хильда.

— И мне, — шепнул Борис, который прятал нос в воротник своего пиджака.

Хелл был возмущен.

— Он нас всех старается запугать, — заявил он, — как будто мы обыкновенные преступники или не знаю что! Но мы ведь свободные граждане и имеем определенные права! Мы позволим так с собой обращаться, даже не пытаюсь протестовать? — Хелл явно заводился. — Я надеюсь...

— Я тоже надеюсь, — сказал голос позади нас. — Я надеюсь, что вы прекратите базар!

Хелл нервно рассмеялся.

— Вот как? Салют, лейтенант! Я не слышал, как вы пришли.

Послышался шум поспешных шагов, и Эдди подошел к нам. Лицо его было мрачным.

— Что это такое, что за дурацкий цирк, лейтенант? Зачем это сборище? Я хочу знать, по какому поводу вы принудили нас явиться сюда? Я надеюсь...

— Понятно, мистер Секвилл,— любезно сказал Солтц.— Если вы на минуту прекратите говорить, я вам все объясню.

Эдди пробормотал что-то, но, казалось, немного успокоился.

Солтц оглядел нас всех по очереди.

— Я вам сейчас объясню, почему я вас собрал всех сюда... Эта история слишком долго тянется, и в настоящее время я не могу сказать, чтобы она здорово продвинулась вперед. Единственный значительный след приводит нас к Сандерсу, но он умер, прежде, чем мы смогли узнать от него что-либо. Тогда мне пришла в голову мысль, которая, надеюсь, поможет нам продвинуться вперед. И для этого-то я и собрал вас здесь всех вместе.

— Вы хотите услышать наши показания, лейтенант? — спросил Борис.— Если таковы ваши намерения, то я, будучи допрошен дважды, могу быть отпущен?

Солтц посмотрел на него уничтожающим взглядом.

— Вы разрешите, мистер Карков,— сказал он.— Я не кончил.

— По всей вероятности, это не моего разрешения вы ждете, чтобы продолжать,— сказал Борис, пожимая плечами.— Что ж, продолжайте!

Солтц бросил на него недобрый взгляд.

— Хорошо! То, о чем я собираюсь просить вас, займет много времени. Я хочу, чтобы вы провели ту сцену, в которой был убит Лефо.

Подошел инспектор, неся в руках манекен в человеческий рост.

— Фелпс,— продолжал Солтц,— будет играть роль Лефо. Я даже познакомил его со сценарием. Таким образом, он сможет подавать вам реплики, когда будет нужно, конечно, в пределах написанного.

Он сделал паузу и прислушался, но никто не смеялся.

Он откашлялся, чтобы продолжать.

— А я что буду делать? — спросил Борис.— Я был там наверху в кабинете.

— Оставайтесь с краю,— ответил Солтц.— И вы тоже,— прибавил он, обращаясь ко мне.

— Понятно,— сказал я.

— Но чтобы никто не становился позади мистера Секвилла,— предупредил Солтц.

— Почему? — спросил Эдди.

Солтц добродушно рассмеялся.

— Потому что нам больше не нужно мертвых.

Все заняли свои места. Мегги напротив Эдди, отделенная от него столом. Фелпс в роли Лефо ожидал выстрела, чтобы устремиться на сцену. Манекен находился рядом с ним.

— Готовы? — спросил Солтц.

— Я... я думаю, да, — проговорила Мегги дрожащим голосом.

— Ну, давайте поскорее кончать с этим! — нетерпеливо сказал Эдди.

Солтц согласно кивнул.

— Конечно! — Он задумался. — Какой же это я глупец! Я забыл самое необходимое.

Он вынул из плечевой кобуры специальный полицейский пистолет и положил оружие на стол.

— Ведь вам нужен пистолет, не правда ли, если вы хотите спустить мистера Секвилла? — спросил он у Мегги.

Мегги побледнела.

— Я, действительно, должна? — нервно спросила она.

— Ну да, как в тот раз, — ответил Солтц.

— Одну секунду! — воскликнул Эдди.

Лейтенант Солтц повернулся к нему.

— Что-нибудь не так, мистер Секвилл?

— В этом пистолете настоящие патроны? — спросил Эдди.

— Конечно, все так же, как было в день убийства.

— Вы сумасшедший?.. — дрожащим голосом сказал Эдди. — Если я вас правильно понял, вы сказали этой девице, чтобы она взяла пистолет, заряженный настоящими патронами и выстрелила в меня.

— А почему нет? — Солтц, казалось, потешался над Эдди. — Ведь именно так происходило в вечер несчастья. Разве нет?

— Но пуля пролетела на расстоянии одного или двух сантиметров от меня! — завопил Эдди. — На этот раз наверняка она угодит мне прямо в сердце!

Солтц расхохотался.

— Не волнуйтесь так, мистер Секвилл! Эта дама промахнулась в тот раз, мы даже нашли пулю в стене, вы помните? Она и на этот раз отлично минует вас. — Он повернулся к Мегги. — Не так ли, мисс Маки?

Все тело Мегги дрожало, как будто она плясала андалузский танец.

— Я не знаю,— промямлила она.— Я предпочла бы не пробовать этого, если вы не возражаете!

— Ну, не расстраивайтесь так,— отеческим тоном сказал Солтц.— Для Фелпса это будет не все равно, пуля должна его настигнуть. Для этого и сделан манекен. Тогда, мистер Секвилл, когда настанет ваша очередь стрелять, цельтесь прямо в манекен, чтобы было видно, куда вошла пуля.

Эдди тоже дрожал, как в лихорадке.

— Не рассчитывайте на меня, чтобы я проделал это идиотство,— закричал он.— Я не останусь на месте, чтобы ждать, когда меня настигнет пуля и убьет! Я хочу немедленно увидеть своего адвоката! Есть вещи, которые я не намерен переносить!

— Смелей,— спокойно сказал Солтц.

Эдди немного успокоился.

— Вот так лучше,— сказал Солтц.— Теперь можно начинать. Мы вас слушаем, мисс Маки.

Мегги облизнула губы и начала тираду. Эдди отвечал ей монотонным голосом, и все свои реплики он подавал механически, благодаря памяти, но не игрового настроения. Они подошли к тому моменту, когда Мегги должна была схватить пистолет. При последних словах ее голос задрожал, и рука, протянутая к пистолету, казалась жестом слепого. Эдди отступил. Глаза его буквально полезли на лоб.

— Нет! — завопил он.— Не этим. Не стреляйте из этого. В нем настоящие патроны.

— Дайте мне этот пистолет! — проворчал Солтц.

Но пистолет уже выстрелил. Эдди забился на полу.

— Вы его убили! — воскликнула Хильда.

Солтц покачал головой.

— Секвилл! — позвал он.

Эдди встал, помогая себе руками и коленями, и огляделся диким взглядом. Наконец он выпрямился.

— Вы... вы в меня не попали! — сказал он.

— Нет,— ответил Солтц,— я хорошо нацелился, и мой прицел всегда верен! Смотрите... вот появился Лефо!.. И теперь я — это вы!

Он повернулся на каблуках и пистолет снова пролаял.

Манекен на своей подставке откинулся назад, потом вперед, потом медленно выпрямился. Посреди его груди была основательная дыра.

Солтц повернулся к Эдди.

— Как я мог промахнуться, стреляя с такой дистанции?.. Пойдемте и поищем пулю, если она есть... Понятно?

Он схватил Эдди за руку и увлек к перегородке. Мы все последовали за ними, не понимая, в чем дело. Подойдя к перегородке, лейтенант остановился и осмотрел стену.

— А! — воскликнул он. — Вот она! — Его палец указал на дырку в стене. — Вам повезло, не так ли, мистер Секвилл?

Челюсть Эдди отвисла.

— Я не... я не понимаю, — пробормотал он.

— Между тем вы должны это понимать, мистер Секвилл! — злобно сказал Солтц. — Я сделал все так же, как сделали вы! Перед сеансом я поместился там, где должна была находиться мисс Маки и выстрелил в стенку. Потом сразу же заменил недостающую пулю холостой, единственной, мистер Секвилл, таким образом, когда я стрелял в вас, это она и была. Но когда я стрелял в Лефо несколькими минутами позже, вернее по манекену, в моем пистолете были настоящие патроны.

Эдди бессмысленно смотрел на него, открывая и закрывая рот, но не произнося ни слова.

Позади него на стене появилась тень. Показалась рука, которая опустилась на его плечо.

— Вы действительно Секвилл? — произнес голос. Эдди повернулся. — Это Чарли послал меня.

Эдди испустил крик ужаса, отступил, пряча лицо в руках, в то время как Чарли Фаро наступал на него. На Фаро была надета черная шляпа, надвинутая на лоб, а в руке у него был пистолет.

— Нет! — умолял Эдди. — Нет! Не стреляйте! Я убил его... я согласен... это я! Вы хорошо знаете, как это произошло! Вы, вероятно, это давно знаете. — Его голос звучал истерически, — раз сами продемонстрировали, как это произошло!

Чарли Фаро перестал изображать зловещую фигуру, принял свой обычный вид и спрятал пистолет в карман.

— Хорошая работа, лейтенант, — сказал он, — действительно, вам пришла в голову отличная мысль!

Солтц повернулся к нему. Он весь расцвел от похвалы.

— Благодарю, Чарли! — сказал он. — Мне кажется, что все это недурно разыграно!

Раздался громкий крик, и мы все обернулись к Мегги, которая странно побледнела — Эдди крепко держал ее перед собой, прикрываясь ею как щитом. Он пятился к двери, в руке у него был пистолет.

— Если кто-нибудь шевельнется, жертвой будет Мегги,— сказал Эдди.

— Не валяйте дурака, Секвилл,— сказал Солтц.— Ведь это ни к чему не приведет!

— Вы так думаете? — насмешливо протянул Эдди.— Что вы сейчас со мной сделаете, если я убью эту малютку?! На моем счету уже имеется одно убийство, и если я совершу еще одно, это ведь ничего не изменит для меня?

— Вы не выйдете отсюда живым, и не рассчитывайте на это! — проворчал Солтц.

— А я рассчитываю,— засмеялся Эдди,— потому что если я останусь, то девчонка получит пулю! Теперь Солтц, дайте мне пройти! Идите впереди и скажите своим людям снаружи, чтобы они не делали глупостей!

Солтц беспомощно огляделся.

— Вы не посмеете...

— Я считаю до трех,— сказал Эдди,— после чего стреляю девушке в плечо! Она будет еще в состоянии идти. Раз...

— Хорошо,— проворчал Солтц, направляясь к двери.

Теперь Эдди толкал Мегги впереди себя, пятясь задом, чтобы не подставлять нам спину. Мы слышали, как Солтц по ту сторону двери что-то говорил тихим голосом. Один за другим флики вошли в студию. Солтц вошел последним. Его глаза извергали пламя. Один из фликов достал пистолет и старательно прицелился.

Солтц ударил его по руке.

— Не делайте этого, болван! Вы хотите убить малышку! Даже если вы и убьете Секвилла, его пальцы могут рефлексивно нажать на курок. Его действия продуманы, нужно отдать ему должное. Убьет он ее или нет, для него ничего не изменится.

Дверь студии хлопнула, и вскоре с улицы послышался издевательский хохот Эдди.

Я схватил Чарли за руку.

— Пошли черным ходом!

Перескакивая через несколько ступенек, мы поднялись в кабину управления и побежали по коридору к черному ходу. Улочка, на которую выходил он, была недалеко от главного входа, но нам она показалась бесконечной. Мы были лишь на половине пути, когда я услышал звук выстрела. Я покрылся холодным потом. Может быть, Мегги...

Наконец, завернув за угол, мы остановились. Какой-то

флик лежал на тротуаре, окруженный ошеломленными зрителями.

Чарли наклонился к полицейскому.

— Куда он делся?

— Он влез в большую машину, — ответил раненый прерывающимся голосом. — Английской марки... отличная машина. С ним была девушка и пистолет... Он меня предупредил, что если я не дам ему пройти он спустит девушку... Я не мог рисковать и дал ему уйти. Он послал в меня пулю в тот момент, когда отъезжал.

Я дернул Чарли за рукав.

— Моя машина в двухстах метрах отсюда, — сказал я ему. — Все выйдут из студии через несколько секунд и займутся фликом. А машина, о которой говорит полицейский, «бентли» Эдди... Она может мчаться очень быстро, но моя развивает большую скорость.

Мы забрались в «астон-мартин», я включил мотор на первую скорость и тут обнаружил, что окружен стоящими вокруг машинами. Я закрыл глаза и постарался не думать. Потом ударил в бампер машины, стоящей впереди, включил задний ход и ударил по переднему бамперу машины, стоящей сзади.

Как только я получил возможность выбраться из этого окружения, я влился в уличный поток, быстренько переключил на вторую скорость, потом на третью. Когда я перешел к четвертой, машина уже делала сто километров в час.

— Вы знаете, куда ехать? — спросил Чарли громко.

— Ну, конечно! — прокричал я. — Мы отправимся к Эдди!

— Идет, — сказал Чарли, откидываясь назад.

Покрышки жалобно застонали, когда мне пришлось внезапно остановиться, чтобы пропустить встречный транспорт. Чарли подскочил на месте и снова упал обратно. Я не обращал внимания на правила вождения, так как весь горел от нетерпения.

— Об этом вы сговорились с Солтцем тогда? — спросил я.

Чарли утвердительно кивнул.

— Я только теперь понял, насколько был наивен и глуп.

Мимо нас сплошным потоком мчались машины.

— Не думаю, что «бентли» может идти быстрее, — сказал Чарли. Он закурил две сигареты и сунул одну мне

в рот. — И не забывайте, что нам надо раньше попасть туда, до его приезда на место.

Наконец поток машин прекратился и мы смогли тронуться с места. Я был зажат со всех сторон машинами и, проклиная всех окружающих шоферов, мог делать не более сорока километров в час.

Чарли пустил через окно тонкую струю дыма.

— Когда вы мне рассказали про любовь Сандры и Лефо, — сказал он, — я начал кое-что понимать. У меня появились идеи. Я подумал, что предполагаемый противник Эдди — это главное звено. Необходимо было обнаружить его. Кто помимо людей, занятых в его представлениях, мог желать его смерти... Но я не нашел никого, все вы работали для Эдди Секвилла. Если не будет Эдди, не будет представлений, а следовательно, и чеков в конце месяца. Все это важно. Теперь, чтобы подозревать Эдди, нужно было понять, что он сфабриковал псевдопосланца Чарли и придумал эту грязную историю мести, в которой я мщу ему за его жену. — Чарли засмеялся. — Мне, конечно, известно было, что ни о чем подобном и думать нечего, но вы и лейтенант не могли этого знать. Было логично считать, что один из телохранителей Эдди — мой человек.

— Да, — согласился я.

Я обнаружил узкую щель, достаточную, чтобы проскользнуть, и устремил в нее «астон-мартин», не обращая внимания на проклятия шофера такси, которого я прижал к тротуару.

— Мне было непонятно только, почему кому-то понадобилось убить Лефо, — продолжал Чарли, — по какой причине? И тут вы мне сообщили, что Сандра и Лефо были любовниками и что шофер застал их вместе. И еще о том, что он появился как мой посланник, когда на самом деле был шофером Эдди. Видимо, когда Сандра нарушила распоряжение Эдди, тот тип, вероятно, сообщил об этом своему хозяину. Все это дало лишь основание для Эдди расправиться с Лефо.

Движение стало меньше, и я прибавил скорость сначала до семидесяти, потом до восьмидесяти километров в час.

— Эдди нашел очень остроумный способ, — продолжал Чарли, — поместив единственный холостой патрон в пистолет, заряженный обыкновенными патронами. Он устроил себе отличное алиби. Должны были подумать, что это намеренное покушение и что Мегги просто случайно промахнулась. Второй выстрел был сделан самим Эдди, и он-то не промахнулся и убил Лефо.

— Эдди всегда терял самообладание, когда речь заходила о его жене,— сказал я.

— Все это хорошо до известных пределов,— спокойно заметил Чарли.

Мы помолчали и некоторое время я всецело отдался «астон-мартину».

— Вы знаете,— наконец сказал я,— теперь, когда я много думал обо всем этом, я понял, что «Глаз Сфинкса» был очень удобным для него сценарием. Я придумал сценарий, но он многое переделал по-своему. Я не возражал, он всегда делает по-своему... Потом вспомните цирк, который он устроил вокруг смерти Лефо! Все должны были присутствовать на погребении, он отказался от выступления, считая эту неделю неделей траура!

— Да,— согласился Чарли.

— Простите мое многословие,— сконфуженно сказал я.— Вам уже сегодня утром была совершенно ясной вся комбинация. Мне не следует забывать этого!

Я обогнал последнюю машину и увидел, что путь свободен. Я с силой нажал на газ, и «астон-мартин» понесся вперед. Сто... Сто двадцать... Сто тридцать... Неожданный крутой поворот. Я повернул руль, отпустил газ и машина на двух колесах на скорости сто пятнадцать километров сделала поворот и снова выпрямилась, затем понеслась по прямой.

— Когда же мы будем на месте? — проворчал Чарли.

Я не мог ему ответить, так как приближался следующий вираж. Я снял ногу с газа, снизил скорость, и мы благополучно миновали его. Неожиданно перед нами появилась огромная металлическая масса. Это оказалась цистерна, стоящая посреди дороги. В мгновение мимо промелькнула белая ограда, и мы пролетели между нею и цистерной.

Вскоре я увидел ворота поместья Эдди и снизил скорость.

— Джо! — сказал Чарли растроганно.— Не повторяйте этой игры!

Ворота оказались распахнутыми, я до отказа нажал на тормоза и мы въехали в аллею. У входа в дом стоял «бентли».

Под визг тормозов мы остановились позади него. Я выключил зажигание и вышел. Мы вместе бросились к главному входу, но Чарли опередил меня.

В этот момент я услышал из «бентли» стон. Я остановился, Чарли тоже.

— Посмотрите, что там,— сказал Чарли,— я в дом.

Он вытащил пистолет, опустил предохранитель и направился к дому.

Я устремился к «бентли».

10. КРОВАВАЯ РАЗВЯЗКА

Она сидела на переднем сиденьи, наклонившись вперед и упершись головой в ветровое стекло. Открыв дверцу, я тихонько тронул ее за плечо. Голова Метти откинулась на спинку сиденья. На лбу у нее была ужасная шишка, но кроме нее ничего не было видно. Во всяком случае, она дышала. Она была жива. Мир был прекрасен!

Она подняла веки и посмотрела на меня.

— Джо! — прошептала она.

— Все идет хорошо, любовь моя! — сказал я.

— У меня было кошмарное путешествие, — с дрожью в голосе сказала она. — Я каждую минуту думала, что мы налетим на что-нибудь. Когда мы подъехали к воротам, он даже не затормозил! Он поехал прямо на ворота, и от удара бампера они открылись!

— Я напишу фирме «Бентли» и поздравлю их!

Она судорожно засмеялась.

— Узнаю моего Джо... Ты всегда говоришь смешные вещи.

— А эта шишка у тебя на лбу?

— Он ударил меня пистолетом! Я должна считать себя счастливой. Ты знаешь, он ведь выстрелил в полицейского, когда мы выходили из студии?

— Да, знаю.

— Я была уверена, что он меня убьет, когда мы приедем сюда, Джо!

Она схватила и крепко сжала мою руку.

— Он сумасшедший! Всю дорогу он не переставал повторять: «Сандра... Лефо...» Все время эти два имени и ничего больше. Я боялась, что тоже сойду с ума, слыша это!

— Теперь успокойся, моя дорогая, — сказал я, — все будет хорошо. — Я посмотрел на дом. — Чарли там, внутри... Он его найдет... и мне нужно помочь ему... Ты подождешь меня, тебя это не пугает?

— Ну, конечно, нет, Джо.

— С минуты на минуту сюда приедут флики. Скажи им, что мы в доме.

— Хорошо... Джо?

— Что? — спросил я, оборачиваясь.

— Будь осторожен, Джо! Ты единственный парень, который мне дорог!

Я улыбнулся ей и вбежал на крыльцо. Но моя улыбка исчезла, как только я переступил порог. В вестибюле были зажжены все лампы, но оставалось достаточно мест, в тени которых мог прятаться человек. Я остановился у лестницы, напрягая слух и раздумывая, в каком направлении двинуться. Потом я поднялся на один марш и остановился в тени.

— Чарли! — позвал я. — Чарли!

Но вокруг царило мертвое молчание.

Я поднялся еще немного, потом еще.

— Чарли! — снова закричал я.

Я стал стремительно подниматься. Мне оставалось несколько ступенек, когда послышались стремительные шаги, выстрел, потом еще два... И тишина...

На площадке показалась фигура. Я прижался к стене, стараясь разглядеть, кто это. Человек, не прячась, двигался вперед и остановился у края лестницы.

— Чарли! — воскликнул я, быстро одолевая последние ступени. — Вы его видели, Чарли?

Он медленно повернулся с автоматизмом сомнамбулы. Пистолет висел в его руке. Напряженный взгляд смотрел мимо меня. Он приближался неверным шагом, потом зашатался.

У меня не было времени ни отодвинуться, ни нагнуться. Он упал мне на грудь и увлек меня за собой. Мы оба очутились у подножия лестницы.

Несколько минут я оставался неподвижным, едва дыша, не в силах пошевелиться. Наконец я немного пришел в себя. Похоже, кости у меня были целы. Сперва я встал на четвереньки, потом уже выпрямился... Чарли продолжал лежать там, куда упал. Он не двигался. Я встал перед ним на колени.

— Чарли, — сказал я. Его веки вздрогнули, и он открыл глаза. — Все в порядке? — спросил я.

Он улыбнулся, покачав головой.

— Эдди меня застрелил, — сказал он со смешком. — Это тебя огорчает, паренек? — Ироническая усмешка подняла углы его губ. — Я отправляюсь в преисподнюю... и я совсем не уверен, что там наверху сделал свое дело... Мне не повезло, Джо.

— Перестань говорить ерунду, Чарли! — сказал я, и сердце мое сжалось. — Ты просто упал с лестницы... Не может быть и речи, что ты умрешь!

— Ты так думаешь? — Он невольно застонал, пытаясь пошевелиться. — Вот, посмотри!

Я посмотрел на его белую рубашку и с ужасом убедился, что в ней две дырки, и она вся в крови, кровь темнела на глазах.

Я хотел оторвать низ его рубашки, чтобы наложить повязку.

— Не утруждай себя, Джо, — сказал он. — Займись Эдди — он заперся вместе с Сандрой там, наверху.

— Плевал я на Эдди! Я сперва перевяжу тебя.

Я оторвал низ его окровавленной рубашки и сделал перевязку, чтобы остановить кровь.

И тут я понял, что зря теряю время. Грудь Чарли больше не поднималась. Глаза его закатились, рот открылся. Он перешел в другой мир.

Я встал, огляделся и заметил лежащий на ковре у самой лестницы пистолет. Я поднял его и стал медленно подниматься по ступеням. Никаких звуков не доносилось. Я поднялся наверх, пересек площадку и вошел в коридор.

Продвигаясь вдоль стены, я приблизился к комнате, в которой, я знал, была спальня Сандры...

Если Эдди прислушивается, он услышит, как бьется мое сердце, подумал я. Подумать, Эдди убил Чарли, профессионала!

Теперь я находился совсем близко от двери. Она была полуоткрыта. На расстоянии одного метра от нее я остановился и прислушался. Мне показалось, что я слышу монотонную мелодию, исполняемую тихим голосом. Мелодия, в которой единственная фраза повторялась без конца. Это довело мои нервы до предела. Нужно было остановить ее или со мной будет нервный припадок!

Я сделал шаг вперед и толкнул ее ногой, она распахнулась. Я остановился на пороге, наблюдая за спектаклем.

Сидя со скрещенными ногами на кровати и держа что-то в руках, Эдди напевал свою колыбельную. Я перевел взгляд на изголовье кровати и почувствовал тошноту. Две ноги, обутые в бальные туфельки, опирались на спинку.

Когда я с ужасом отвел от них глаза, то заметил на ковре совсем близко от себя окровавленный нож.

— Эдди! — сказал я. — Эдди, я...

Он медленно, как бы против воли поднял голову.

— Разве так уж необходимо всегда шпионить за мной? — спросил он. — Что вы суете свой нос между мужем и женой?

— Эдди... она мертва!

Он отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, она не мертва! Она спит! Она только притворяется мертвой, чтобы остаться со мной навсегда... навсегда...

— Замолчите! — закричал я.

Эдди, казалось, вышел из своего оцепенения и осознанно посмотрел на меня.

— Эдди, — сказал я, — флики не задержатся... Если вы пошевелитесь, я спущу вас немедленно. И я не бросаю слов на ветер!

Он отвернулся.

— Эдди! — прошептал он. — Эдди Секвилл. — И неожиданно его голос прозвучал, как голос конферансье. — Мы вам предлагаем новое представление Эдди Секвилла! Эдди Секвилла!.. Эдди Секвилла, первого комического актера Соединенных Штатов Америки! Человек, который заставляет смеяться пять миллионов телезрителей каждый вечер по четвергам!

Его голос перешел на бормотание.

— Но такой одинокий... такой одинокий!.. Я ждал всю свою жизнь... Я ждал и надеялся встретить единственного человека, который сумел бы понять меня и — осчастливить!.. Ну и что ж, я встретил такого человека, я женился на ней, но я ошибся, и все пошло прахом... Между тем мне все время приходилось заставлять публику смеяться, ведь я Эдди Секвилл!

Он неожиданно остановился, устремив на меня глаза. И снова на его лице появилась странная усмешка.

— Я знаю, кто вы! — заявил он с триумфом. — Вы Джо Дунн, сценарист! Тип, который воображает, что он значительнее этого бедного старины Эдди! — Он покачал головой. — Но быть хитрее бедного старины Эдди невозможно!

Он снова пришел в возбуждение, его пронзительный голос проникал даже сквозь стены.

— Со сценарием, который ты сделал, я заставил их хорошенько повеселиться, да!.. Я заставил их переживать, да! Даже трупы у меня настоящие. — Он наклонился ко мне с таинственным видом. — Что вы об этом думаете, Дунн, а? Настоящие трупы!

Под звук сирен машины въезжали в ворота и останавливались, визжа тормозами. Это была полиция.

Я услышал тяжелые шаги у входа, потом по лестнице. Послышались ругательства, слова перебранки. Потом шаги раздались в коридоре.

— Вот они появляются, Эдди, — сказал я.

Я повернулся в сторону коридора, чтобы предупредить полицейских.

Вероятно, я совершил ошибку! Я даже ничего не слышал. Но вдруг что-то ударило меня по спине и я упал на живот. Рука приподняла мой подбородок, а нога Эдди прижала меня к полу. Он стал душить меня и боком прижал мою голову к полу, так что краем глаза я увидел блеск ножа, занесенного надо мной.

И тогда раздались одновременно три выстрела. Я почувствовал, как вздрогнул Эдди, когда пули вошли в него. Пальцы выпустили нож, его тело покатилося на пол, и моя шея освободилась от его тисков.

Я встал на дрожащие ноги и увидел Гарри Поперкорна, стоявшего на пороге. Он все еще держал наготове свой пистолет, из дула которого спиралью поднимался дымок.

Он бросил взгляд на комнату, потом повернул голову.

— Нужно было убить его одной пулей,— проворчал он.— Нет справедливости!

В коридоре появился Солтц, сопровождаемый фликами.

— Вы,— пролаял он, обращаясь к Гарри.— Вы заставили меня нестись по лестнице!

— Такой уж случай, лейтенант,— спокойно ответил Гарри.— Дело в том, что мы оба очень спешили!

— Спешили.— Голос Солтца осекся, когда он увидел то, что было внутри комнаты.— Я...

Он побледнел и повернулся на каблуках.

— Вы опять спасли мне жизнь, Гарри,— сказал я.

— Печальная необходимость,— ответил он с улыбкой, но глаза его были грустными.— Это ужасно, что случилось с Чарли,— сказал он.

Я согласился, наклонив голову.

— Опять печальная случайность,— сказал он.— Чарли был шикарным парнем в своем роде и в своем мире. Он должен был постоянно доказывать себе, что он очень жесток, а вместе с тем он был безгранично великодушен по отношению к другим... Сандра больше не существовала для Чарли. Она была для него ничто, даже до своего замужества с Эдди... но ему понадобилось сунуться сюда совсем одному, разыгрывать героя... и дать себя убить! Что ж! Так и случилось!

Его голос прервался, он резко повернулся и стал рассматривать стену.

— А вы знаете, что самое странное в Чарли Фаро,— продолжал он.— Чарли каида, Чарли устрашителя?

— Нет.

— Так вот, Чарли занимался делами совершенно законными и порядочными,— сказал Гарри прерывающимся голосом, обращаясь к стене.— Совершенно понятно, почему он хотел, чтобы я был около него, это было для того, чтобы бродяги, которые очень хорошо его знали, не слишком злоупотребляли его добротой и, кроме того, могли думать, что он занимается другими делами...

— Гарри! — сказал я.

— Что?

— Гарри, я тоже любил Чарли!

По-настоящему, я должен был бы поставить здесь точку. Я отлично отдаю себе отчет, что история окончена, но у нее есть и эпилог.

И потом, я скрупулезный писатель, хотя теперь работаю на кинематограф.

И вот представьте себе солнечный день в прекрасной Калифорнии. Почувствуйте запах роз, прибавьте церковь с красивыми колоколами, нежными и мелодичными... На какие мысли вас это наводит?.. Свадьба!

Я хорошо понимаю... Что это вас не удивляет. Дело идет к моей свадьбе с Мегги.

Она была умопомрачительна в мэрии, потому что на ней было надето не бикини, а настоящее платье невесты, как и положено для такого случая.

Гарри был у нас шафером.

Сразу же после венчания мы устроили прием в помещении, которое наняли в Голливуде. Конечно, оно не было таким роскошным, как апартаменты Чарли, но все-таки достаточно хорошим...

Один из магнатов решил, что сценарист, представленный в прошлом Секвиллом, сможет, вероятно, сделать неплохой бизнес в кино и создать себе положение в течение двух-трех лет.

Мне предложили пятьсот долларов в неделю для начала, и на следующий день я уже устроился за письменным столом с пером в руках, готовый тронуться в путь.

Но вернемся к приему. Конечно, Гарри был там. Я даже хочу вам сообщить, что лейтенант Солтц тоже почтил нас своим присутствием... Но это неправда. Солтц остался в Нью-Йорке распутывать какое-то новое дело.

Однако Хильда и Хелл были с нами. И Хелл тоже нашел себе дело. Он уполномоченный по делам Гарри и утверждает, что очень доволен своей работой.

Чарли всегда говорил, что Гарри очень способный малый, и он совсем не ошибался. И действительно, Гарри сразу взял в свои руки все дела Чарли, не дав возможности кому-либо заняться этим.

Я должен признаться, что плохо представляю себе Хелла за письменным столом в офисе Гарри, занятого бумагами. Но, быть может, это не так уж невероятно, если Гарри совсем забросил свой пистолет.

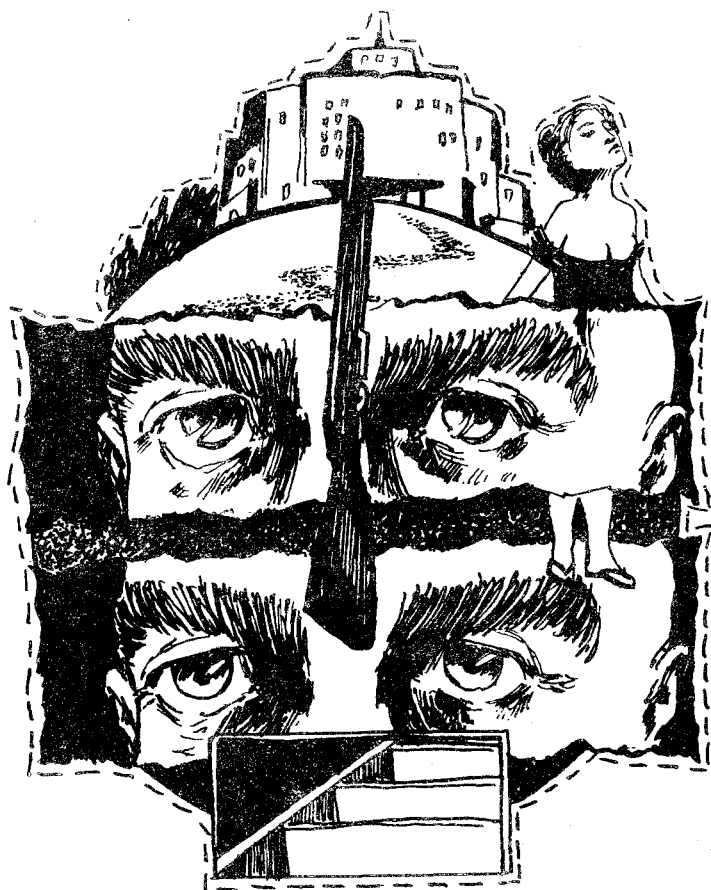
Борис тоже был на нашей свадьбе.

Наконец они разошлись, и мы остались одни, чтобы начать свой медовый месяц.

Я схватил Мегги в объятия, как и следовало сделать, я поцеловал ее, как и следовало сделать, и повел через порог нашей спальни.

И вот здесь, у дверей нашей комнаты, я вас покидаю...

Для того чтобы провести медовый месяц нужны двое, не правда ли? Но не больше!

НЕТ БОЛЬШЕ
БЛОНДИНОК
НА ОСТРОВЕ

Улыбка на лице Бориса Сливки была своеобразным событием. На нас, хорошо знавших его, она произвела примерно такое же впечатление, как если бы статуя Свободы, сбросив юбку, начала танцевать канкан.

— Ну, что ты думаешь об этом дружище? — спросил он, наклонившись ко мне. — Звучит отлично!

— Это мне понравится еще больше, когда контракт будет подписан, — ответил я.

— Что с вами, Ларри? — Сельма Брутен, наш агент, удивленно посмотрела на меня. — Писательская и режиссерская команда Бейкер — Сливка почти вышла на орбиту, а у вас такой унылый вид.

В Сельме было что-то такое, к чему я никак не мог привыкнуть. Она мне нравилась, однако ее шутки иногда выводили меня из себя.

Я давно, но пока безуспешно, обхаживал ее секретаршу, Ванду Преббл, с рыжими волосами и томным взглядом. Именно такой я представлял себе королеву красоты. На мой взгляд, у нее были идеальные размеры: 37—23—38. Сейчас она сидела рядом с Сельмой, беззаботно скрестив красивые ноги так, что я мог видеть дюйм ее обнаженного бедра поверх нейлоновых чулок.

— Как зовут поручителя? — спросил Борис.

— Весткот, — ответила Ванда. — Евгений Весткот.

Все это она произнесла мечтательным голосом, видимо, грезила о восхитительном уик-энде на Капри с каким-нибудь английским герцогом.

— Если Весткоту понравится, — сказала Сельма, — то остальное не имеет значения. Его слово — закон.

— Он что, такой важный человек? — спросил Борис.

— Важный? Ха!

— Ну, все-таки, — настаивал он с чисто русским упорством.

— Вы что, с луны свалились? — хмыкнула Сельма. — Алюминий Весткота! Кухонное оборудование Весткота! Магазины Весткота! Я думаю, ему принадлежит половина Америки.

— Мне казалось, что девяносто девять процентов страны принадлежит правительству, — заметил Борис. — Если этот человек не президент, он, должно быть, суперкапиталист.

— Оставьте свои грязные антидемократические заявления, Борис!

— Вы меня не поняли, дорогая Сельма, — сказал он извиняющимся тоном. — Я люблю суперкапиталистов! Они мои любимчики! Ведь у них столько денжищ в огромных подвалах!

— О'кей! — подозрительно проговорила Сельма. — Но кончайте эту комедию! Весткот закупает так много времени у телевидения, что никто не осмелится спорить с ним, если ему захочется увидеть новую телевизионную серию. Так что нам надо удовлетворить единственного человека — Евгения Весткота, и нас ждет успех!

Борис снова повернулся ко мне.

— Я кое-что пронюхал, — прошептал он.

— Вы правы, — кивнул я. — Запах двусмысленности нашей беседы! Что за чертовщину вы несете, Сельма? Почему мы должны удовлетворить только Весткота?

— Просто Весткот — большой оригинал. Прежде чем подписать контракт, он лично проверяет привлеченных к делу людей. Ну, не всех, а по-настоящему важных для успеха — писателя, постановщика, ведущих актеров. Это вам понятно, Ларри?

— Нет, — ответил я.

— Ну... Она повернула свое луноподобное лицо к Борису. — Вы-то понимаете?

Борис только отмахнулся.

— Вы — самые трудные клиенты, с какими мне пришлось иметь дело. — Сельма глубоко вздохнула. — Видите ли, все, что он хочет... Объясни им, Ванда!

Моя рыжая королева зевнула, показав острые белые зубы и розовый язычок.

— Мистер Весткот хочет встретиться с вами обоими и двумя звездами, которые будут заняты в новой серии, — скучающе сказала она. — Встреча назначена на завтра, а через неделю контракт будет подписан.

— Сумасшествие! — заявил я. — Если он считает, что мы устроим марафон, то он сошел с ума, верно, Борис?

— Верно, друг!

Ванда пожала плечами. В ее глазах вновь появилось мечтательное выражение, видимо, мысленно она вновь вернулась на Капри.

— Если вы не проведете с ним неделю, то спектакля не будет,— холодно заявила Сельма.

— Значит, не будет,— хмыкнул я.

— Мой отец — великий князь — не для того меня нес на руках через всю Сибирь,— сказал Борис,— чтобы отдать теперь на растерзание диктатору.

Сельма взяла со стола какую-то бумагу, пробежала ее глазами и стала читать вслух.

— Контракт гласит, что товарищество из писателя и режиссера, Бейкера и Сливки, будет получать в неделю восемь тысяч долларов. В дальнейшем они получают шесть процентов общего дохода от серии. Вы заметили — дохода, а не прибыли. Этот процент будет выплачиваться до тех пор, пока не будет выплачено двести сорок процентов первоначального дохода.— Она улыбнулась нам счастливой улыбкой.— Очень плохо, мальчики, что вы не хотите пойти навстречу небольшим прихотям мистера Весткота, но...

— Иду упаковывать саквояж,— торопливо пробормотал Борис.— Интересно, что надевают, когда проводят неделю с суперкапиталистом?

— Предатель! — с горечью воскликнул я.— Несколько минут назад ты считал его диктатором!

— Неужели? Значит, я оговорился.— Он улыбнулся мне.— Я, конечно, имел в виду — «филантроп».

— Вы тоже изменили свои намерения, Ларри? — спросила Сельма.

— Нет уж! — возразил я.— Из-за того, что этот двуличный решил продать себя, не вижу причины менять свое решение. У меня еще есть гордость!

— Ну, что же,— Сельма пожала массивными плечами,— думаю, Борис, вы легко найдете себе другого писателя. Вы должны быть готовы в среду. Будьте в моей конторе к одиннадцати часам. Вас и остальных будет ждать у меня мистер Клерман, помощник Весткота.

— Остальных? — переспросил Борис.

— Мистер Весткот уже нашел для постановки двух звезд. Они поедут с вами и Вандой.

— Вандой? — выкрикнул я.

— Конечно,— агрессивно ответила Сельма.— Я не могу позволить, чтобы один из вас разрушил все дело. Она будет следить за соблюдением моих интересов.

— Я? — Глаза Ванды утратили равнодушие.— Спасибо, Сельма! Я всегда так хотела увидеть Тихий океан!

— Какое совпадение! — Я тепло улыбнулся ей.— У меня тоже была такая мечта. Теперь у нас есть шанс увидеть его вместе.

— Быстро же вы меняете свои решения, Ларри,— гладким голосом произнесла Сельма.

— Просто мне невыносима мысль, что Ванда увидит Тихий океан раньше меня,— ответил я.

— Ну, хорошо, условились! — нетерпеливо вмешался Борис.— Встречаемся в среду утром — я, Ларри, Ванда и звезды. Кстати, кто они?

— Лучшие! — Ее спина восхищенно изогнулась.— Кэррол Фриман и Антони Лукас!

На лице Бориса появилось трагическое выражение.

— Я не переживу! Фриман и Лукас! Что задумал этот дешевый дилетант? Создать новую версию «Роз-Мари» в тридцати девяти эпизодах без музыки? Объясни ей, Ларри!

— У нас потрясающая задумка для телевизионной серии,— сказал я,— комедия с бытовой ситуацией. Главные герои — муж и жена, оба работают. Он — постановщик на Бродвее, она — модный дизайнер.

— По купальникам,— добавил Борис.— Таким образом, в передаче будет некоторая доля секса — масса красивых девушек в бикини.

— Кроме того, много юмора. Вся комедия построена на сплошных недоразумениях.

— Вот именно! — простонал Борис.— И вдруг эти Кэррол Фриман и Антони Лукас!

— Они имели грандиозный успех в последней серии,— возразила Сельма.— Она выдержала четыре сезона.

— Да ведь они же играли собак,— разозлился я.

— Дело в том, что Весткот всегда строго следит за моральной стороной своих фильмов,— вступила Сельма,— поэтому он считает, что если актеры, играющие супружескую пару, женаты и в реальной жизни, то ничто не вызовет дурных мыслей у зрителей.

— Теперь понятно, почему пригласили эту парочку.— Борис пожал плечами.— Прощай, новая серия!

— И ваши восемь тысяч в неделю,— заявила Сельма,— и шесть процентов дохода. Прощай, уик-энд с Евгением Весткотом и...— она посмотрела на меня,— и с Вандой.

— Да,— еле слышно сказал я.— Давай пока не будем

спешить с этим, друг! Что мы потеряем, если проведем с ним неделю?

— Наш ум,— просто ответил Борис.

— А если нам удастся убедить его?

— Он упрямец.

— Но попытаться-то мы можем? Да и провести неделю на западном побережье не так уже и плохо, верно?

Ванда подняла голову.

— Вы ошибаетесь, Ларри. Не на западном побережье, а около него.

— Я могу проплыть пять ярдов,— пробормотал Борис,— с полчаса продержусь на спине, но целую неделю пробыть в воде?! Это абсурд!

— Мистер Весткот купил остров у западного побережья,— пояснила Ванда.— Там он проводит большую часть времени.

— Собственный остров? — Борис был поражен.— Стоит взглянуть на него.

— Звучит заманчиво,— согласился я.

Прикрыв глаза, я на секунду представил Ванду в узеньком бикини, загорающую на берегу океана. Надо бы срочно приобрести до отъезда какой-нибудь старый английский титул, если он будет недорого продаваться. Чтобы держать Ванду в объятиях, мне следует стать «лордом Бейкером Лонг-Айленда» или «герцогом тридцать третьей улицы».

— Значит, договорились? — спросила Сельма.

— Думаю, да,— кивнул Борис.— Остров, наверное, построен из алюминия, не иначе. Мне уже не терпится увидеть его.

2

Я выглянул из окна амфибии и увидел остров, похожий на зеленый оазис посреди океана. Впрочем, лицо Бориса тоже было зеленым. Прошло немногим более получаса, как мы вылетели из Лос-Анджелеса, а выглядел он так, словно провел накануне несколько бессонных ночей.

По мере приближения к острову я прикинул, что он имеет около двух миль в диаметре. Посреди острова возвышался холм, на одной стороне которого Весткот построил дом, напоминавший замок. Борис тоже было высунул голову, но, взглянув на волнующийся прямо перед ним океан, понял, что совершил фатальную ошибку. Закрыв глаза, он с глухим стоном потянулся за бумажным пакетом. Такие пакеты с надписью «Полет — удовольствие» обычно дают

в самолетах. Его тело содрогалось, и я отодвинулся подальше от него.

Еще пара солидных встрясок, потом амфибия коснулась поверхности воды и направилась к причалу, удаленному на четверть мили от берега.

— Я уже мертв? — прошептал Борис, закрывая лицо руками.

— Мы приземлились, вернее, приводнились, — пояснил я, — и теперь тебе не о чем беспокоиться. Океан спокойнее, чем озеро в Центральном парке.

Я выбрался наружу и, не дожидаясь остальных, направился к встречавшей нас женщине. Это была высокая блондинка со светлыми волосами удивительного оттенка. Ее полные губы были очень женственны, но чувствовалось, что она отлично контролирует себя. На ней была белая шелковая кофточка с длинными рукавами, заправленная в черные шорты.

— Привет! — сказала она. — Меня зовут Марта.

— Ларри Бейкер! — представился я, глядя на нее с откровенным обожанием. — Не думал, что здесь умеют делать из алюминия такие красивые вещи.

— Замечательно! — Она мягко засмеялась. — Надо запомнить, чтобы рассказать мужу.

— Мужу?

— Евгению, — объяснила она. — Я Марта Весткот.

— О! — Я слабо улыбнулся.

Тут к нам присоединились остальные, и Клерман, привлекательный блондин, разодетый, как итальянский граф, начал представлять нас. Я внимательно следил за реакцией Марты Весткот, пока ее знакомили с каждым членом нашей группы.

Она задержала на Ванде изучающий взгляд, получив в ответ такой же, но тут же обе успокоились, решив, очевидно, что не уступают друг другу ни в красоте, ни в обаянии.

Борису она коротко кивнула, увидев, что он еле держится на ногах от слабости, и обратила взор на Кэрол Фриман, невысокую брюнетку. Та выглядела, на первый взгляд, весьма уравновешенной женщиной, не способной возбуждаться, но это было обманчивое впечатление. Ее спокойные темные глаза маскировали стальную волю, а выглядевшее банальным цветастое платье скрывало тело, которое могло свести с ума любого мужчину. Она всегда напоминала мне книгу, где под неприметным оформлением скрывается бестселлер.

Антони Лукас был высоким парнем с приятной внешностью. В его карих глазах обычно присутствовало выражение безграничной скуки. Когда он посмотрел на Марту, его взгляд напомнил мне крокодила, проболтавшегося долгое время в воде в ожидании добычи.

— Эмиль позже заберет багаж,— сказала Марта после завершения церемонии знакомства.— Сейчас мы пойдем прямо к нам, Евгений уже ждет нас.

— Конечно, миссис Весткот,— сказал Клерман и приглашающе кивнул головой всей нашей команде.

Марта повернулась ко мне.

— Вы можете пойти со мной, мистер Бейкер. Алекс проводит остальных.

Я подождал, пока все отойдут подальше, и мы с Мартой пошли вслед за ними.

— Мой муж,— вступила она в разговор,— понес очень много расходов при постройке этого дома. Рабочих, материалы, мебель, буквально все доставляли сюда катерами.— У нее был сильный и ясный голос.— Ему так хотелось полностью изолировать себя от внешнего мира.

— Наверно, ему здесь хорошо работается,— сказал я не без зависти.

— Нас обслуживают всего три человека: Эмиль — мажордом, европейский повар и моя личная служанка. Когда приезжают гости, мы нанимаем людей на материке.

— Словом, ведете примитивный образ жизни.

— Вы насмехаетесь надо мной, мистер Бейкер?

— Ничего подобного! — с горячностью возразил я.

— Тогда, может быть, над моим мужем?

— Могу заверить вас, что в отношении вашего мужа я бы этого никогда себе не позволил.

— О? — Она слегка улыбнулась.— Какое же представление у вас о нем?

— Евгений Весткот — человек, верящий в нерушимый моральный кодекс, главным хранителем которого является он сам.

— Вам еще придется все это выслушать,— с иронией сказала она.— Что еще?

— У вас есть дети, миссис Весткот?

— Нет. Почему вы спросили об этом?

— Впрочем, это понятно,— сказал я, но, заметив холодный блеск в ее глазах, быстро продолжил: — Ваш муж не верит в секс, не признает алкоголя и табака, бродвейских пьес, голливудских фильмов, телевизионных программ, кроме тех, которые он финансирует...

— Думаю, этого достаточно, мистер Бейкер,— проце-
дила она сквозь зубы, но я уже не мог остановиться.

— Вы же сами вытащили пробку из бутылки,— сказал
я.— Евгений Весткот верит, что в здоровом теле здоровый
дух. Это можно обеспечить холодным душем, физическими
упражнениями, вегетарианской пищей, к тому же пригото-
вленной в алюминиевой посуде.— Последнюю фразу я почти
выкрикнул.— Он помешан на алюминии!

После этого несколько секунд мы шли молча, затем
Марта внезапно повернулась ко мне.

— Да, я совсем забыла,— сказала она,— вы же писа-
тель, мистер Бейкер?

— Писатель,— признался я.

— Вряд ли Евгений будет заинтересован в вашем та-
ланте,— хмыкнула она,— если он услышит подобное мне-
ние о себе!

— Все будет выглядеть иначе, когда я изложу это на
бумаге,— заверил я ее.

— Вы очень несправедливы к нему,— сердито сказала
она.— После того, что случилось с его старшим братом...

— Старшим братом? — переспросил я.

— Да, Карлом,— кивнула она.— Он всего на пару лет
старше Евгения. Карл вел беспутную жизнь: алкоголь,
женщины, наркотики, словом, все, что можно купить за
деньги. В конце концов он убил девушку только за то, что
она отказалась выпить с ним очередной бокал. Последние
двадцать лет его держат в санатории для опасных сумас-
шедших. Теперь вы понимаете, почему Евгений так сильно
заботится о моральном здоровье людей?

— Конечно, но ведь все это выливается в жестокость
по отношению к служащим.

— Вы мне не нравитесь, мистер Бейкер,— холодно
сказала Марта.

— У меня нет шансов понравиться вам,— пожал я
плечами.— Тем более, что вы замужем.

Она бросила на меня косой взгляд.

— Зондируете почву? — спросила она вызывающе.

— Играю по правилам,— ответил я.

— Ну, что же, посмотрим, мистер Бейкер,— пробормо-
вала она.

Тропинка стала круче, потом начались ступени. Марта
шла впереди, и я содрогался от жгучего желания, наблюдая
ритмичное покачивание ее округлых ягодиц под черными
шортами. Когда мы поднялись наверх, я задыхался по двум
основным причинам. В это время распахнулась парадная

дверь, и из дома вышел человек гигантского роста и с бритой головой. Проходя мимо нас, он небрежно поклонился Марте, совершенно игнорируя меня. На нем были черная шелковая туника и черные брюки, прикрывающие ярко начищенные ботинки.

— Кто это? — спросил я.

— Эмиль, наш мажордом. Он давно служит у Евгения. Наполовину турок, совершенно примитивен, но дом содержит, как часы.

— А я принял его за телохранителя, который даже в постели не расстаётся с кинжалом.

— Это тоже, — заметила она. — Эмиль сделает все, что прикажет Евгений.

Я с любопытством посмотрел на нее. Ее рот был плотно сжат, в серых глазах затаился страх.

— Вы шутите? — с напускным легкомыслием спросил я.

— Конечно, шучу. — Она улыбнулась. — Пойдемте скорее, мистер Бейкер, не следует заставлять хозяина ждать.

Мы пересекли террасу и, открыв обитую металлом дверь, вошли в холл. Наверх вела широкая винтовая лестница. Двустворчатая дверь в богато обставленную гостиную была открыта, и я увидел, что мои спутники уже сидят там. Они внимательно слушали мужчину, стоявшего в центре комнаты. Нетрудно было догадаться, что это и был наш хозяин, Евгений Весткот.

— И я хочу, чтобы вы... — Он прервался, увидев нас. — Тебе нужно больше тренироваться, моя дорогая, — обратился он к Марте. — Смотри, как много времени ты потратила, чтобы подняться к дому.

Марта виновато улыбнулась.

— Прости, дорогой! Знакомься, это мистер Бейкер. — Она взглянула на меня. — Мистер Бейкер, это мой муж.

Весткот был крупным мужчиной, как и Клерман. Я не страдаю комплексами, но тут я почувствовал, особенно вспомнив встречу с Эмилем, что мои пять футов и десять дюймов воспринимаются здесь, как карликовый рост. Он пожал мне руку и холодно посмотрел из-под густых, но седых бровей.

— Добро пожаловать, мистер Бейкер.

— Спасибо, мистер Весткот, — пробормотал я.

— Нет, нет, называйте меня просто Евгений, — решительно запротестовал он. — Мы не сторонники церемоний, Ларри.

Ему было около пятидесяти. Седые, как и брови, воло-

сы, над верхней губой усики, какие бывают обычно у военных.

— Садитесь, Ларри,— скомандовал он.— Мы обсуждаем распорядок недели и наши задачи на завтра.— Он по очереди улыбнулся нам с Борисом какой-то зловещей улыбкой.— Хочу, чтобы вы оба знали прежде всего следующее: нет таких проблем в постановке телесерии, которые бы мы не могли решить, если будем работать совместно как единый коллектив.

Весткот внезапно посмотрел на меня замораживающим взглядом, и моя рука, потянувшаяся к пачке сигарет, замерла.

— Пожалуйста, не курите в моем присутствии, Ларри,— попросил он.— Это вредная привычка. Мой организм просто не переносит запаха табака.

Я сунул пачку обратно в карман. Борис наклонился ко мне.

— Вот так, друг,— трагически прошептал он.— Добро пожаловать в обитель дьявола.

3

Борис осторожно открыл дверь и издал мелодраматический вздох облегчения, увидев, что это я. Он буквально втащил меня в комнату и захлопнул дверь.

— Какой дьявол в тебя вселился? — проворчал я.— Только потому, что здесь оказались две блондинки?

— Хуже! — Он на цыпочках подошел к кровати и поднял покрывало. Под ним оказались две красивые бутылки: одна с водкой, другая с вермутом.— Я думал, это стучится Весткот, хочет проверить, как устроились его гости.

Борис исчез в ванной и вернулся с двумя стаканами в одной руке и грелкой — в другой. Затем он протянул грелку мне.

— Делай себе по вкусу.

— В чем дело? — Я уставился на него.— Ты в своем уме? Думаешь, что я промочил ноги?

— Она со льдом. Я сказал шефу, что у меня разболелась голова. Разве ты пьешь теплую водку?

Через пару минут я поднял свой стакан в молчаливом тосте и сразу почувствовал, насколько приятно действует холодный алкоголь после вегетарианского обеда, которым нас угостил Весткот.

Борис залпом выпил свою порцию и моментально наполнил снова стакан.

— Еще глоток амброзии, а потом мы составим свой план на будущее. Скажи, ты когда-нибудь делал лодку?

— Лодку? — Я осторожно покосился на него. — Не приходилось. А в чем дело?

— Амфибия покинула остров после полудня, оставив нас на этом дьявольском острове, где кругом один алюминий. Через неделю мы просто свихнемся здесь!

— Славная мысль, — заметил я, — но думаю, нам нужно потерпеть.

— Как знаешь, — огорчился он. — Ну, тогда давай допьем остатки.

— Давай, — согласился я. — Кстати, ты много прихватил с собой жидкости?

— Недостаточно, — вздохнул он. — Вернее, достаточно, Ларри, но только для меня.

— В таком случае сделаем так. Первым делом срубим большое дерево, очистим его от сучьев, потом выдолбим и...

— О чем ты говоришь?

— О лодке! — прорычал я. — Ты думаешь, я проведу здесь неделю в холодной меланхолии?

Вдруг раздался душераздирающий женский крик. От неожиданности я вздрогнул и расплескал свой напиток.

— Что там случилось, черт возьми? — Я с недоумением посмотрел на Бориса. Тот слегка пожал плечами.

— Думаю, ничего страшного. Наверное кто-то мучается из-за салата.

Я поставил стакан и вышел в коридор, но тут же оказался сбитым с ног под тяжестью рыжей красавицы, бросившейся мне на грудь.

— Ларри! — крикнула она. — Спасите меня!

— Как, черт возьми, я могу спасти вас, если вы лежите на мне, — прокряхтел я. — Если уж вы решили изобразить ураган, то не мешало бы сначала, дать штормовое предупреждение!

Когда мы поднялись, Ванда, казалось, немного успокоилась, однако продолжала мелко дрожать всем телом. Ее полная грудь нервно вздымалась под нейлоновой пижамой бледно-голубого цвета.

— Это было ужасно! — всхлипнула она. — Я уже собралась спать и решила открыть на ночь пошире окно, как вдруг прямо перед собой увидела лицо какого-то мужчины. У него был такой страшный взгляд, что... О, Ларри! — Она обхватила мою шею руками. — Вы должны спасти меня!

Я обнял ее, лихорадочно обдумывая, как убедить Весткота, что нам для работы над фильмом не хватит отведенной им недели, нужен, как минимум, месяц.

Но этот защитник моральных устоев общества уже был тут как тут.

— Могу я узнать,— хриплым голосом спросил Весткот,— что здесь происходит?

— Я не могу больше оставаться в этом доме, пока за окнами бродят маньяки! — бросила Ванда через плечо.

— Вы что, пьяны?

— Он стоял под окном и смотрел на меня, и глаза у него светились в темноте. Ужасное дьявольское лицо! Когда я закричала, он... он... засмеялся!

— Я думаю, что вы все-таки выпили,— проворчал Весткот.— Отпустите ее, Бейкер! Или вы совсем потеряли всякий стыд, что обнимаетесь у всех на виду.

Я убрал руки Ванды со своей шеи и, легонько оттолкнув ее в сторону, повернулся к нему. Судя по одежде, он еще не ложился в постель.

— Я вышел посмотреть, кто кричит,— холодно сказал я,— и в это время Ванда налетела на меня. Я попытался ее успокоить, только и всего.

— Вы сами-то верите, что это действительно было так?

— Да, действительно! — закричал я.— Не лучше ли вам пойти и проверить, что ее напугало до смерти, вместо того, чтобы стоять здесь и отпускать глупые замечания?

— Что? — Он некоторое время смотрел на меня с таким видом, как будто не мог поверить, что правильно меня понял.

— Вашу гостью кто-то напугал, а вы стоите здесь и шумите,— теперь уже спокойнее объяснил я ему.

— Какое идиотство! — взорвался Весткот.— На острове нет никого, кроме нас. Кроме того, все спальни расположены на высоте двадцати футов.

— Почему вы так уверены? — возразила Ванда.— А что, если он приплыл на лодке?

— У вас слишком богатое воображение! — процедил он сквозь зубы.

— А ваши люди? — спросил я.— Например, этот персонаж арабских сказок — Эмиль?

— Эмиль не способен на такое,— убежденно сказал Весткот.— Я знаю его уже давно и полностью ему доверяю. Во всяком случае, когда это случилось, я был внизу, в библиотеке, вместе с ним.— Его усы сердито изогнулись.— Советую вам разойтись по своим комнатам и не-

много поспать. Завтра у нас напряженный рабочий день, к тому же придется рано вставать.— Он посмотрел на Ванду.— Примите снотворное, мисс Преббл, оно утихомирит ваше воображение.

Он хотел было уйти, но тут же повернулся ко мне.

— Вот что, Бейкер! Грубость я не потерплю ни от кого! Если вы еще раз осмелитесь повысить на меня голос, я поставлю на нашем проекте крест.

Я хотел ответить ему достойным образом, но, взглянув на мерцавшую сквозь пижаму грудь Ванды, сдался.

— Да, сэр, мистер Весткот, заверяю вас, что это больше не повторится. Просто не знаю, что на меня нашло.

— Смотрите! — буркнул он, удовлетворенный моим смиренным видом, и пошел прочь.

Я обнял Ванду за плечи и повел ее к ней в комнату. Мы вошли, и я осторожно прикрыл дверь.

— Я видела его! — В ее голубых глаза опять появился страх.— Честно, Ларри, видела это чудовище!

— Да я верю вам. Завтра утром посмотрю на отпечатки ног под вашим окном.

— Утром? — Она отпрянула от меня.— Но тогда будет уже поздно. Почему вы не хотите сделать это сейчас?

— Ну...— Я нервно хихикнул.— Я не в состоянии сейчас что-нибудь увидеть. Я имею в виду, что на улице еще темно.

— Вы такой же, как все мужчины,— с горечью сказала она.— Мне всегда почему-то казалось, что вы совсем другой.

— Какой другой? — смутился я.

— Не стараетесь как можно быстрее затащить меня в свою постель, а по-настоящему заботитесь обо мне, Ларри.

— Ванда, вы...— Теперь я был смущен не на шутку.— Ну, конечно, я сейчас пойду. Только прошу, закройте за мной дверь на замок и никого не пускайте, пока я не вернусь.

— Хорошо, Ларри! — Она смотрела на меня с надеждой.— Вы действительно настоящий мужчина!

— Конечно, милая! — Я ободряюще улыбнулся ей.— Если кто-нибудь еще бродит там, то он горько пожалеет о своей глупой выходке!

Говоря все это, я решил, что поступлю следующим образом: вернусь в свою комнату, где мы с Борисом разопьем еще пару стаканов, а затем явлюсь к Ванде и скажу ей, что ничего не обнаружил. Однако, обманывая

ее, я понял, что обманываю ребенка, и вздрогнул, представив, как она начнет благодарить меня за мой мужественный поступок.

— Я пошел,— решительно сказал я,— и вот что, Ванда, если вы услышите чей-нибудь крик, не беспокойтесь обо мне.

— О, Ларри! — Она внезапно наклонилась ко мне и поцеловала меня в щеку.— Вы изумительный! Но вы там будете не один.

— Что? — с тревогой спросил я.

— Я буду стоять у окна.— Ванда улыбнулась.— Когда вы подойдете к нему, дайте мне знать, что все в порядке.

— Я махну рукой.

— Идите, я буду следить за вами.— Она проводила меня до дверей, держа за локоть.

«Вот так,— думал я, шагая по коридору,— подорвался на собственной мине». У меня не было другого пути, кроме пути в кромешную темноту. Я лихорадочно искал выход, и мой мозг, мозг телевизионного писателя, нашел его. «Действительно,— обрадовался я,— почему бы мне не пригласить Бориса на поиски лодки, о которой он так только что мечтал? Если неподалеку бродит какой-нибудь безумец, то он в первую очередь ударит его».

Борис находился в глубокой меланхолии, когда я вошел к нему в комнату.

— У меня изумительная идея! — сказал я.— Чем терять время на постройку лодки, проще найти готовую.

— Что за вульгарная мысль! — Он пожал плечами. Вы предлагаете мне, Сливке, сыну великого князя, стать каким-то матросом? О нет, сперва я встречу опасность лицом к лицу!

Только тут я заметил, что глаза у него блестели, а в углу валялась пустая бутылка из-под водки.

— Вы что же, князь, изволили напиться? — спросил я с издевкой.

— Никогда! — Он вскочил на ноги.— Нас русских, алкоголь не берет, он только растравливает наши души! Хотите, я пройду по прямой и даже не покачнусь?

Он сделал один шаг в мою сторону, но потерял равновесие и тяжело рухнул на кровать.

— Спасибо! — с горечью сказал я.— Вот теперь у меня все шансы быть задушенным во имя любви.

«Черт с ним,— подумал я.— Может, сказать Ванде, что я вывихнул ногу. Нет, уже поздно. Рыжеволосая куколка с нетерпением ждет своего рыцаря».

Я на цыпочках спустился по лестнице и через темный холл направился к выходу. Прежде чем выйти на улицу, я засунул пачку сигарет в створку двери, чтобы она случайно не закрылась. К тому же, если на меня набросится кровожадный маньяк, вряд ли кто-нибудь на мой крик о помощи мгновенно прибежит, чтобы открыть ее. От этих мыслей я почувствовал дрожь в коленях.

Я свернул за угол дома и двинулся вдоль его фасада. На втором этаже светились два окна, одно из них прикрывали ветви дерева. Деревя ли? Теперь мне казалось, что мои колени стучат, как кастаньеты. Я решил мысленно сосредоточиться на Борисе, заливающимся пьяным храпом на кровати, и на Ванде, ждущей у окна, до которого осталось пройти футов двадцать. Двадцать футов неспешным шагом, — и я вернусь героем, чтобы получить награду!

Вдруг чья-то рука стальной хваткой сжала мне горло, так что вместо отчаянного крика я мог издать слабый хрип.

— Ни звука! — прошипели мне прямо в ухо.

На нижнем этаже внезапно зажегся свет, и я увидел почти рядом с собой гигантскую фигуру человека, державшего чье-то бесчувственное тело. Фигура тут же отступила в темноту, но я успел заметить бритую голову. Безжизненное тело осталось освещенным и, внимательно приглядевшись, я опознал в нем моего хозяина, алюминиевого короля, Евгения Весткота.

Та же рука еще сильнее сжала мое горло, и незнакомый голос прошептал:

— Держитесь в стороне от этого, Бейкер, если хотите жить!

Окно внизу снова погасло, и я, теряя сознание, погрузился в крошечную темноту.

4

Придя в себя, я с трудом встал и огляделся. Кругом было тихо, слышался только легкий свист бриза, дующего в сторону океана. Перед глазами снова предстала недавняя кошмарная картина: гигантский Эмиль, похожий на пришельца из космоса, с телом своего бывшего хозяина, стальные пальцы безвестного душителя на моем горле и его злое шепот. Я доплелся до парадного входа, вынул пачку сигарет из створки двери и закрыл ее. Только воспоминание о волнующих грудях вело меня вверх по лестнице. Я негромко постучал в дверь Ванды и принял героическую позу. Дверь распахнулась, и передо мной

появилось разгневанное рыжеволосое существо, которое я знал под именем Ванды.

— Вы еще осмеливаетесь приходить сюда, пьяная скотина! — прошипела она, и захлопнула дверь перед моим носом.

Похоже, сегодня меня окружают одни сумасшедшие, начиная с Эмиля, таскающего с собой труп, и кончая этой красоткой, неизвестно за что облаявшей меня! Я решил, что мне остается только одно: запереться в своей комнате и молиться всем святым, чтобы уцелеть до утра.

Я принял душ, проглотил две таблетки аспирина и приготовился уснуть. Но тут раздался тихий стук в дверь, заставивший меня похолодеть от ужаса. Правда, это могла стучаться Ванда, прибежавшая ко мне с извинениями. А что, если за дверью стоит космический пришелец, которому нужен второй труп, чтобы уравновесить себе руки? Я выжидал, надеясь, что тот, кто стучался ко мне, решит, что здесь никого нет и уйдет. Однако вторичный, уже более громкий стук, разрушил мою надежду. С колотящимся сердцем я открыл дверь.

Кто-то быстро прошмыгнул мимо меня. Я выглянул в коридор — он был пуст. Тогда я закрыл дверь и, повернувшись, увидел блондинку, стоявшую посреди комнаты с виноватым выражением на лице. Ночь была теплой, и Марта Весткот, а это была она, красовалась сейчас в белой нейлоновой рубашке до колен. На шее висело ожерелье.

— Привет! — произнесла она.

— Миссис Весткот! — выдохнул я. — Что привело вас сюда?

Впрочем, я сразу понял глупость своего вопроса. Ее губы расплылись в улыбке.

— Просто я совершенная хозяйка, — прошептала она. — Пришла проверить, не нуждается ли в чем мой гость.

— Спасибо! — У меня, наверно, был вид идиота. Я не прочь выпить. Полагаю, вы не... э-э...

Я замолчал, увидев, что она, не обращая внимания на мои слова, забралась на кровать и задрала рубашку до верха бедер.

— Сегодня такая жара. — Она округлила свои полные губы. — Значит, вы играете по правилам, Ларри? Не хотите ли познакомить меня с ними?

— Я... — Мой язык от волнения прилип к небу, и потребовалось некоторое усилие, чтобы освободить его. — Я же

говорил вам, что замужние женщины исключаются из игры.— Мой голос звучал хрипло.

— Вы уверены? — пробормотала она, приподняв рубашку еще на пару дюймов.

— Для вас, возможно, я сделал бы исключение,— проговорил я уныло,— но ни за что не позволю себе этого с новоявленной вдовой!

— Вдовой? Что, черт возьми, вы несете?

— Я знаю, это будет для вас ужасным ударом, Марта, так что постарайтесь взять себя в руки. Ваш муж мертв!

— Евгений?

— Сколько у вас мужей?

— Мертв? Это вы так шутите, Ларри?

— Мне сейчас не до шуток. Я сам видел, как чудовище тащило его тело.

— Чудовище? — Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.— Вы имеете в виду Эмиля?

— Сколько у вас чудовищ? Конечно, это был он.

— Вы что, были пьяны? — Марта с подозрением уставилась на меня.— Или придумали этот бред, чтобы ускользнуть от меня?

— Да не был я пьян,— простонал я.— Я вышел из дома и вот тогда увидел их, потом кто-то схватил меня за горло и чуть не задушил.

Марта внезапно захихикала.

— Звучит, как страшный детектив. У вас богатое воображение, наверное, поэтому вы стали писателем.

— Повторяю, я не шучу,— уже раздраженно сказал я.

— Послушайте! Да Евгений уже давно дрыхнет в своей кровати и видит во сне завтрашний день!

— Откуда вы знаете? Вы выскользнули из постели, оставив его спящим?

— Он ушел спать полчаса назад. Хотя у нас разные спальни, но по нему можно проверять часы: каждый вечер он ложится ровно в одиннадцать и уже через десять минут начинает храпеть. Вот одно из его положений: «Здоровое тело нуждается в восьмичасовом сне каждый...»

Оглушительный удар в дверь прервал ее на середине фразы.

— Кто это, черт возьми? — одновременно вскрикнули мы.

В дверь снова забарабанили. Марта соскочила с кровати и опустила ночную рубашку, хотя я давно убедился в том, что женщина в нейлоне кажется более обнаженной, чем без него.

— Ну, сделайте что-нибудь, — прошептала она. — Еще немного, и они вышибут дверь!

— Почему бы вам не открыть ее? — спросил я с надеждой. — Тогда я успел бы выскочить в окно.

Она презрительно фыркнула и, подойдя к двери, широко распахнула ее. Весткот влетел в комнату, как дикий зверь.

— Так я и знал! — прогремел он. — Решили поразвлечься, думая, что я сплю?

— Не дури, Евгений! — нервно сказала Марта. — Я только случайно...

— Не лги мне! — закричал он вне себя. — Я застал тебя почти голой в комнате мужчины посреди ночи! Даже самый доверчивый из мужей поймет, в чем тут дело! — Он перевел безумный взгляд на меня. — А вы что скажете, Бейкер?

— Боюсь сделать вам больно, мистер Весткот, — проговорил я дрожащим голосом, — но дело в том, что вы мертвы!

— Что? — У него отвисла челюсть.

— Зачем только Эмиль превратил вас в говорящее чудовище? Я не знаю, какие он применил реактивы, но они не смогут долго действовать.

Несколько секунд Весткот молча смотрел на меня, потом его глаза налились бешеной злобой.

— Он всегда так шутит, Марта? — обратился он к жене. — Или действительно свихнулся?

— Думаю, ты не ошибся. Он несет подобную чепуху с тех пор, как я у него. Утверждает, будто видел, как Эмиль тащил твоё тело возле дома.

— Подождите, Марта! — быстро сказал я. — Хорошенько присмотритесь к нему. Разве вы ничего не замечаете?

— Нет! — Она нетерпеливо пожала плечами. — Это Евгений Весткот, за которого я имела глупость выйти когда-то замуж.

— Да вы присмотритесь внимательнее! Внешне он выглядит вроде бы так же, но не так. И лицо, и усы немного не такие. Волосы стали длиннее на полдюйма. Вы видите? И ногти выросли!

— Почему? — с недоумением спросила она.

— Потому что они всегда растут после смерти. Нет, меня он не обманет! Это Эмиль оживил Весткота с помощью своих заклинаний и теперь разговаривает с нами. О'кей, Эмиль!

Думаю, я нанес Эмилю смертельный удар. На его лице появилось испуганное выражение, и он отступил на шаг.

— Теперь ты видишь, Евгений? — с удовлетворением спросила Марта. — Разве можно с таким безумцем иметь какое-то дело?

— Ты права, — согласился он. — Извини, дорогая! Следует, видимо, немедленно радировать Парсону, чтобы он как можно скорее прислал доктора. — Он посмотрел на меня с ехидной улыбкой. — Это говорит Эмиль. Вы выиграли, Бейкер! Этого вы добивались?

— Конечно, — холодно кивнул я. — Мы вместе пройдем к радиопередатчику, и я вызову полицейских, чтобы они арестовали вас за убийство бедного Весткота. Не пытайтесь сбежать, помните, что вы на острове.

— Достаточно, Бейкер, я вас отлично понял. — Он повернулся к Марте и рявкнул: — Вон!

Та в мгновение ока вылетела из комнаты. Следом за ней устремился муж. Хлопнула дверь, и я услышал, как в замке повернулся ключ. Моя комната превратилась в камеру, а сам я — в узника.

В страхе я набросился на дверь и стал колотить по ней кулаками, пока не поранил пальцы. Тогда я подошел к окну и посмотрел вниз. От мысли, что где-то там бродит Эмиль с трупом на руках, на меня из ночной темноты повеяло холодом. Я присел на кровать и отрешенно закурил.

Пять минут спустя в замке повернулся ключ, и в дверь просунулась сверкающая лысая голова. Слава богу, это был не пришелец из космоса, а славный пьянчуга Борис.

— Вы здесь, Монте-Кристо, — сказал он.

— Если бы я не знал твоей феноменальной устойчивости к алкоголю, я решил бы, что ты плод моего воображения. Что привело тебя сюда?

— Какой сон я сейчас только что видел! — вздохнул он. — Петербург, Зимний Дворец... И меня объявляют царем всего телевидения. Но... меня грубо растолкали и вернули в этот алюминиевый кошмар! «Ларри Бейкер — ваш друг?» — спросили меня, и я подтвердил этот факт. «Он сошел с ума!» — заявили они. Тогда я ответил, что с ним это частенько случается в близком присутствии привлекательных женщин. «Нет, он действительно безумен, — сказали они. — Мы заперли его в комнате. Пожалуйста, сходите к нему и спросите, зачем он это сделал». И вот я спрашиваю тебя: зачем?

— Что «зачем»? — недоуменно переспросил я.

— Зачем ты расколошматил радиопередатчик?

— Да я его и в глаза не видел! — завопил я. — Они что там, с ума посходили?

— Нет, напротив, это ты сошел с ума.

— Садись и выслушай меня, Борис! Я попал в какую-то кошмарную историю. Как бы ты отнесся к тому, если бы к тебе пришел труп и начал с тобой разговаривать?

— О'кей, друг! — Борис улыбнулся мне. — Я пойду и скажу им, что ты еще не в своем уме, затем выпью бутылку и лягу спать. Может быть, мне снова приснится этот сон.

— Ты можешь меня выслушать? — воскликнул я.

— Почему же не выслушать, другое дело — поверю ли я.

Я рассказал ему все, начиная с того момента, как Ванда попросила проверить, нет ли кого-нибудь возле ее окна. К тому времени, когда я закончил, Борис выглядел очень озабоченным.

— Ну, что ты обо всем этом думаешь? — возбужденно спросил я.

— То же самое. — Он поднялся. — Ты просто сошел с ума.

— Клянусь тебе, все произошло на самом деле, хотя в это трудно сразу поверить.

Борис снова сел.

— Олл райт! Твой рассказ — идиотский неправдоподобный бред! Подожди, не перебивай меня! Самый натуральный бред! Но ведь ты один из лучших телевизионных писателей. У тебя есть все данные, чтобы хорошо писать — неуравновешенный ум, лихорадочное воображение, верно?

— Возвращайся к своей водке! — взорвался я.

— Да ты не злился, просто я хочу нащупать логику в твоей больной фантазии. Ты говоришь, что видел Эмиля с трупом Весткота, при этом свет падал на него только из одного окна. — На лице Бориса появилась усмешка. — Сколько времени ты видел его при таком освещении?

— Не помню, — признался я.

— Секунду? Две? Но не больше? — Он покачал головой. — И за это время ты не только узнал Весткота, но и определил, что он мертв. — Борис глубоко вздохнул. — Хорошо, пусть это был Весткот, но ведь он мог быть просто без сознания, верно?

— Согласен. Тогда какого черта он не сказал об этом сразу?

— Не знаю, может быть, у него есть веская причина, чтобы не распространяться о случившемся. Советую тебе,

Ларри, как можно быстрее забыть о говорящем трупe, иначе попадешь в алюминиевую клетку.

— Считай, что я забыл о нем,— согласился я.— Но кто-то же душил меня, у меня до сих пор ломит шею.

Он пожал плечами.

— Давай попробуем определить. Если верить тебе, это не мог сделать Эмиль или Весткот. У женщины просто не хватило бы сил держать тебя в тисках. Себя я, естественно, исключаю. Остается предположить, что тебя душил либо Клерман, либо Лукас. Как ты смотришь?

— Ну, что ж, старина Шерлок, можешь выкурить еще одну сигарету с опиумом,— сказал я,— но если ты заиграешь на скрипке, я натравлю на тебя собаку Баскервильей!

— Моя интуиция не обманула меня. Как только я ступил на этот проклятый остров, мне сразу стало ясно, что с нами произойдет какой-нибудь кошмарный случай. Мало того, что амфибия придет только через шесть дней, так еще кто-то разбил радиопередатчик. Теперь мы полностью отрезаны от внешнего мира и...

Сдавленный крик где-то внутри дома прервал его причитания. Мы выскочили в коридор и переглянулись.

— Что опять случилось? — прошептал Борис.

— Откуда мне знать? — прошептал я в ответ.— Если ты думаешь, что я пойду это выяснять, тогда можешь считать, что я действительно сошел с ума.

Едва мы вернулись в комнату, как рыжеволосый ураган по имени Ванда ворвался к нам и бросился мне на грудь. Повторялась та же сцена, только теперь я оказался не на полу, а на кровати.

— Ларри! — простонала Ванда.— Спасите меня!

— Какие знакомые слова! — проворчал я.— В последний раз, пытаюсь спасти вас, я чуть не лишился головы. Да слезьте же с меня! Невозможно дышать, когда на тебя давит такая тяжесть!

Она поднялась и, дрожа всем телом, осталась стоять возле кровати. Ее красивые груди ходили ходуном, как будто на них действовал вибратор.

— Вы слышали этот ужасный крик? — всхлипнула Ванда.— Кого-то убили, я чувствую это!

— Прошу вас, мисс Преббл,— умоляюще сказал Борис,— постарайтесь контролировать себя! Если вы не прекратите дрожать, у меня начнется морская болезнь.

Ванда покосилась на свою грудь и прикрыла ее руками.

— И вы называете себя мужчинами! — завопила Ван-

да.— Где-то лежит, истекая кровью, несчастный человек, а вы собираетесь здесь отсиживаться?

— Да! — дружно ответили мы.

— От вас можно сойти с ума! — страстно заявила она.— Труссы! Где ваше мужество?

— В России,— ответил Борис,— а что ты скажешь, Ларри?

— Не могу сообразить, хотя помню, что оно было у меня несколько секунд назад.

— Вы... Вы...— От волнения Ванда не могла подобрать нужных слов.

В дверном проеме появился Аксель Клерман в черном халате поверх пижамы.

— Думаю, вам лучше пойти со мной,— тихо сказал он.— Случилось нечто ужасное!

— Кто это кричал? — испуганно спросила Ванда.

— Кэрл Фриман. Она обнаружила тело Антони Лукаса.

— Боже, тело! — простонала Ванда.

— Его задушили! Где-то на острове бродит кровожадный убийца.

5

Лукас лежал в кровати на спине, глядя на нас застывшими зрачками и высунув толстый язык. Мы вышли в коридор.

— Пойдемте к остальным,— предложил Клерман.

Кэрл Фриман, закрыв лицо руками, рыдала на кушетке. Ванда суежилась вокруг нее. Она успела накинуть на себя халат. Впрочем, Марта тоже была в халате. Мне пришлось в голову, что теперь наша работа накрылась. Вряд ли Весткот будет заниматься постановкой нового фильма после убийства Лукаса на его личном острове. Я представлял, какая буря поднимется вокруг этой истории благодаря вездесущим репортерам.

Алюминиевый магнат расхаживал по комнате с видом генерала, обнаружившего, что его армия атаковала не в том месте, где требовалось, и теперь надо начинать новую атаку. Завидев нас, он резко остановился.

— Ну? — Весткот посмотрел на Клермана.

— Все в сборе, мистер Клерман,— ответил тот.

— Вы здорово рискуете, Алекс, выпустив на свободу Бейкера,— нахмурился Весткот.

— Со мной все в порядке, — сказал я. — Теперь я вижу, что вы не труп. Просто вы так выглядели.

— Не валяйте дурака, Бейкер! — Он мрачно посмотрел на меня. — Хотели отвлечь мое внимание от того факта, что Марта была у вас ночью, сыграв роль помешанного? Ладно, мы вернемся к этому позже, а сейчас нужно решить, что нам делать дальше.

— Можно починить радиопередатчик? — спросил Борис.

— Что вы! — усмехнулся Клерман. — Кто-то основательно поработал над ним, сплошная груда обломков.

— Я сказал Парсону, чтобы он не спешил, — заметил Весткот, — так что амфибия раньше чем через шесть дней не вернется.

— А если кто-нибудь из вашей администрации попытается связаться с вами, их не беспокоит, что вы не отвечаете? — спросил я.

— Об этом даже нечего думать. Я запретил им беспокоить меня во время работы над этой телесерией.

— И мы должны будем провести эти шесть дней... и ночей на острове вместе с убийцей? — Ванда со страхом посмотрела на него.

— Я не вижу никакой альтернативы, — холодно сказал Весткот. — Успокойтесь, мисс Преббл, я уверен, что мы сумеем быстро обнаружить убийцу на таком маленьком острове.

— Кстати, где Эмиль? — не выдержал я.

— Вы снова собираетесь нести эту чушь, Бейкер? — Он сердито взглянул на меня. — Эмиль изучает следы возле дома, но вы же понимаете, что в темноте трудно найти какие-либо улики.

— А внутри дома он ничего не осматривал? — спросил Борис.

— Клерман уже сделал это. — Его губы сжались. — Не считайте меня идиотом, Сливка, я сразу же приказал осмотреть место преступления.

Борис деликатно кашлянул.

— Простите, мистер Весткот, но я имел в виду совсем другое. Почему вы решили, что убийца забирался в дом? Ведь он... или она... мог находиться все время в доме. Если это так, то он и сейчас здесь, может быть, даже среди нас.

Наступило гнетущее молчание. Наконец Весткот пробормотал:

— Но это... это... — Он обвел взглядом собравшихся.

— Невозможно? — продолжил Борис. — Интересно, почему?

— Ну, потому что... — Он взглянул на Клермана. — Скажите ему, Алекс.

Клерман прочистил горло.

— Конечно, это звучит фантастично, мистер Весткот, я согласен с вами, но полагаю, что все-таки возможно.

— Кому понадобилось убивать Лукаса? — выкрикнул Весткот. — Ведь должна же быть какая-то причина!

Тут неожиданно мне в голову пришла одна мысль, которую я решил немедленно привести в исполнение. Дело в том, что я с детства мечтал стать детективом, но различные житейские обстоятельства толкнули меня на писательскую стезю. И вот сегодня наступил мой звездный час! Я сам займусь расследованием этого убийства! В последний раз я оказался замешанным в подобную историю, когда мы с Борисом работали в постановке Эдди Секвилла, но профессионалы, ведущие дело, мешали проявить мне способности на поприще сыщика. Теперь же все складывалось очень удачно: ни одна живая душа в течение шести дней не сможет попасть на остров, так что некому будет критиковать мои методы следствия.

— Может быть, Кэрол знает или хотя бы догадывается, за что могли убить ее мужа, — предположил Борис.

— Вот что, друг, — покровительственно сказал я ему, — если хотите, поиграйте на своей скрипке. Я сам займусь поисками преступника! — Я повернулся к остальным. — Не будем терять времени и гадать о причине. Давайте начнем с самого простого. Скажите, Кэрол, когда вы обнаружили, что Антони мертв?

— Не знаю, — ответила она, подняв заплаканное лицо.

— Во всяком случае, вы закричали в этот момент? — Кэрол согласно кивнула. — Мы все слышали этот крик. Кто-нибудь заметил, сколько времени тогда было?

Все переглянулись, затем отрицательно покачали головами.

— Как, никто не заметил, когда это произошло? — Я от негодования прикрыл глаза. — Не ожидал, что вы окажетесь такими глупцами!

— Послушай, Ларри, мы же были вместе у тебя в комнате, но я не заметил, чтобы ты смотрел на часы. Возможно, ты сделал это тайком от меня? — вежливо произнес Борис с идиотским выражением на лице.

Я пропустил его замечание мимо ушей, достал сигарету и, прикуривая, мельком взглянул на часы. Было десять

минут второго. Я стал подсчитывать. Клерман зашел за нами спустя десять минут после того, как мы услышали крик. Скажем, пять минут ушло на осмотр трупа. Уже минут пятнадцать мы болтаем здесь...

— Думаю, Кэрол закричала приблизительно в половине первого,— сказал я,— следовательно, время смерти колеблется между...

— Железная логика! — насмешливо перебил меня Борис.— Кэрол увидела уже мертвого Лукаса, а сколько времени он пролежал мертвым? Десять минут? Или полтора часа?

— Это легко уточнить.— Я повернулся к вдове.— Кэрол, когда вы видели Антони последний раз живым?

Она с трудом стала припоминать.

— Я не могла заснуть,— прошептала она,— и решила почитать. А Тони всегда злится, что я читаю, когда он ложится спать. Поэтому я спустилась с книгой вниз. Не помню, сколько я просидела,— полчаса или, может быть, больше. Наконец, я решила, что смогу уснуть и поднялась в комнату. Вот тогда я увидела, что бедный Тони...— Она заплакала.— Это моя вина! Если бы я не оставила его одного, он был бы сейчас жив!

— Кэрол, как вы можете такое говорить? — ласково сказал я.— Кто же мог знать, что такое случится? Да убийца способен был расправиться и с вами, если так хладнокровно задушил вашего мужа! Лучше припомните, не говорил ли он что-нибудь такое, что помогло бы нам сейчас хотя бы догадаться о мотивах убийства. У него были враги? Или просто недоброжелатели?

— Нет,— пробормотала она.

— Тогда остается одно: искать убийцу вне дома,— констатировал я.

Все молчали, я думаю, они были потрясены логикой моего заключения. Тишину нарушил какой-то звук, донесшийся от дверей. Я обернулся и едва не подпрыгнул от неожиданности. У дверей стоял бритоголовый гигант.

— Это вы, Эмиль! — обрадованно сказал Весткот.— что-нибудь нашли?

— Ничего, хозяин,— ответил тот.

— Значит, придется ждать до утра,— безнадежно вздохнул Весткот.— Спасибо, Эмиль, вы пока свободны.

Поклонившись, гигант исчез.

— Я думаю,— сказал Весткот,— нам незачем здесь оставаться на ночь.

— Я не вернусь в постель,— заявила Ванда,— пока вы не найдете убийцу.

— И все-таки я считаю, что женщины должны лечь отдохнуть,— решительно сказал Весткот,— а мужчинам придется по очереди сторожить их. Алекс, проводите женщин в комнаты, потом найдите мое ружье и принесите его сюда. А мы пока бросим жребий, кому первому сторожить.

Борис громко прочистил горло и многозначительно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Кэрол.

— О да, вы правы! — проговорил Весткот.— Мисс Преббл, вы не будете возражать, если Кэрол проведет остаток ночи в вашей комнате?

— Вы еще спрашиваете,— возмутилась Ванда.— Пойдемте, милая!

Она помогла Кэрол подняться и вышла с ней из комнаты, Клерман и Марта последовали за ними. Мы остались втроем.

— Не хотел говорить этого при женщинах,— начал Весткот,— но нам придется утром заняться похоронами.

— Вы в своем уме, Весткот? Простите, сэр, это вышло случайно. Пока не прибудет полиция, нельзя трогать труп с места и передвигать что-нибудь в комнате!

— Если вы думаете, что я позволю находиться покойнику в доме все шесть дней, значит, вы еще глупее, чем казались до сих пор.

— Он правильно рассуждает,— кивнул мне Борис,— через шесть дней, если не раньше, ты первым убежишь отсюда.

— Действительно, вы правы,— вынужден был согласиться я,— хотя полиции вряд ли придется по нраву наше самовольство.

— Этого можно избежать, Ларри, если ты призовешь на помощь всю свою дедуктивную способность и схватишь убийцу в ближайшие часы,— подсказал Борис.

Весткот злорадно засмеялся. Вернулся Клерман с винчестером и протянул его хозяину.

— Осторожно, мистер Весткот, он заряжен! Женщины утомонились и лежат в постелях,— доложил он.

— Великолепно! — Весткот потряс винчестером.— Одним выстрелом из него можно разнести вдребезги самый прочный череп!

— До утра еще почти шесть часов,— сказал Клерман,— кто первым заступит на дежурство?

— Ларри сейчас находится в блестящей дедуктивной

форме. Наверное, ему будет обидно терять время на сон,— заметил Борис.

— Не слушайте его,— запротестовал я,— напротив, мне хорошо думается после нескольких часов здорового сна.

— А что, великолепная идея! — сказал Клерман. — Как вы считаете, мистер Весткот?

— Почему бы и нет? — Весткот сунул мне ружье в руки, и я почти автоматически принял его.

— Разбудишь меня в три,— сказал Борис довольным тоном,— а вас, Алекс, я разбужу в половине пятого.

— О'кей! — кивнул Клерман. — А с вами, мистер Весткот, увидимся в шесть.

— Итак, договорились,— сказал Весткот,— теперь всем немедленно отдыхать. Следите зорче, Бейкер, наша жизнь в ваших руках!

Они вышли, оставив меня наедине с дурацким ружьем. Спустя некоторое время я вышел в холл, проверил, надежно ли заперта парадная дверь, затем вернулся к лестнице и присел на нижнюю ступеньку, положив ружье на колени. «Подлец Сливка!» — подумал я с запоздалой горечью.

Я закурил, но не успел хорошенько затянуться, как сзади раздался скрип лестницы. Я резко обернулся. На лестнице никого не было, но она продолжала поскрипывать. Проклятая лестница! Я устроился поудобнее, не обращая внимания на скрип, и вперился взглядом в дверь. «Если засов начнет вдруг отодвигаться, выстрелю прямо в нее, помчусь наверх и забаррикадируюсь в ближайшей комнате», — решил я.

За пятнадцать минут сидения я выкурил три сигареты. Теперь уже скрипела не только лестница, скрипел весь дом. Скрипел я сам, скрипели мои нервы, сердце колотилось с утроенной частотой. Устав сидеть, я встал и направился к двери.

— Ларри! — Кто-то тихо окликнул меня сзади. — Подождите, Ларри, это я!

Оглянувшись, я увидел Марту. Она была в черном свитере и брюках.

— Что с вами, Ларри,— спросила она,— вы не больны?

— Уже прошло,— прохрипел я,— какого черта вы сразу не сказали, что это вы?

— Простите, я напугала вас. Мне кажется, что мне известен убийца. И даже догадываюсь, за что он убил Лукаса. Но нам вдвоем нужно кое-что проверить, поэтому я и пришла к вам.

— Хватит с меня на сегодня всяких шуток,— сердито сказал я.— У меня только одно желание,— остаться в живых, поэтому я не потерплю, чтобы возле меня болтались все, кому не лень.

Я приподнял винчестер и направил его на Марту.

— Перестаньте сходить с ума, герой,— холодно сказала она,— а то еще невзначай раните меня.— Она прошла мимо меня в гостиную.— Идите сюда, здесь мы можем спокойно поговорить.

— Мне нужно сторожить,— пробормотал я.— Что, если преступник за это время проникнет в дом?

— Он уже здесь, наверху,— прошептала она.— Идите же сюда скорее, идиот!

Я прошмыгнул в гостиную и захлопнул дверь. Что ж, если кровожадный маньяк все равно уже здесь, буду счастлив оставаться в гостиной все эти дни! Мы присели на ближайшую кушетку.

— Поговорим, но только тихо, чтобы он не услышал, иначе тогда конец нам обоим! — испуганно прошептала она.

Я заглянул под кушетку на тот случай, смогу ли я спрятаться под ней, если убийца, услышав голоса, захочет проверить, не разговариваю ли я сам с собой. Но тут во мне разыграло некоторое мужество, и я оставил эту мысль, тем более, что кушетка была слишком короткой для меня.

— Помните, вы говорили про Эмиля, что он тащил тело Евгения? Мне кажется, что вы сказали тогда правду.

— Конечно, правду,— убежденно заявил я.— С чего вдруг вы решили мне поверить сейчас?

— Просто я вспомнила кое-какие подробности вашего рассказа. Вы, действительно, очень наблюдательны, Ларри!

— Что вы имеете в виду?

— Внешность Евгения,— прошептала она.— Она была несколько непривычной, как я теперь припоминаю,— и лицо, и усы, и волосы, все как вы говорили. Это был ненастоящий Весткот!

— Хорошо, где же тогда настоящий?

— Его тело спрятали, и сделал это Эмиль.

— Господи! — простонал я.— Каким образом поддельный Весткот мог вести себя так, как будто с ним ничего не произошло? Тогда кто он сам, этот самозванец?

— Это был Карл, его брат! Мне пришлось это в голову, когда мы все сидели и гадали о том, кто и за что мог убить

Лукаса. Теперь вы понимаете? Настоящий Евгений, возможно, мертв, и Карл выдает себя за него!

— Его брат? — У меня пересохло горло. — Но вы же говорили, что он находится в лечебнице?

— Я и сама так думала, но он, оказывается, сбежал оттуда. Когда Клерман проводил меня и оставил одну в комнате, я решила покопаться в бумагах Весткота, которые лежали у него в столе. Там были письма от врача, который лечил Карла. Он сообщал, что его держат в закрытом санатории и выпускают только после полного выздоровления.

— Тогда почему вы решили, что... — прервал я ее.

— Не спешите, я еще не закончила. Дело в том, что я наткнулась на письмо, подписанное главным врачом. Он сообщал, что Карл сбежал прошлой ночью, но его состояние не внушает особых опасений. Чтобы избежать огласки, он не обратился в полицию, но посоветовал Евгению нанять частного детектива, чтобы тот нашел Карла. Из другого письма я узнала, что детектив напал на след Карла и обещал разыскать его в ближайшие дни.

Марта перевела дух.

— Теперь вы понимаете, что случилось, Ларри? Карлу удалось пробраться на остров и убить Евгения. Ведь он всегда ненавидел его, может быть, за то, что Евгений был полной противоположностью ему.

— Он ненавидел брата и убил его, это понятно. Но за что Карл убил Лукаса да еще таким зверским способом?

— Я тоже сначала не понимала, но потом догадалась. Тот человек, который силой вас удержал в тот момент, когда вы чуть не закричали при виде Эмиля с телом Евгения, это и был Лукас, теперь я в этом совершенно уверена.

— Допустим, — согласился я, — но все-таки еще не ясно, чем он не угодил Карлу?

— Как? Вам до сих пор не ясно? Когда вы пересказали свою историю моему... — Она запнулась, потом продолжила: — ...Карлу, он обвинил вас в том, что вы все придумали, лишь бы отвлечь его внимание от того, как он застал у вас собственную жену. На самом деле он, конечно, знал, что вы говорите правду. Каким-то образом ему удалось узнать, что с вами в тот вечер был Лукас, и убрал лишнего свидетеля.

Я вздрогнул, а Марта продолжала:

— Теперь мы с вами представляем для Карла огромную опасность. Вы — единственный свидетель того, что

случилось с Евгением. А я, будучи женой Евгения, в любой момент могу раскрыть подмену.

Я почувствовал, как волосы зашевелились на моей голове от ужаса после ее слов.

— Тогда чего же мы ждем? Нужно немедленно пойти и рассказать обо всем остальным!

— Боюсь, что нам никто не поверит.— Она вздрогнула всем телом.— Скажите откровенно, Ларри, вы бы поверили в это, если бы не видели все собственными глазами?

— Скорее всего, нет,— вынужден был признаться я.

— Также и остальные. Значит, нам нужно искать доказательства, чтобы нам поверили.

— О чем вы говорите?

— О трупe Евгения,— спокойно сказала она.— У Эмilia не было времени, чтобы надежно захоронить его где-нибудь на острове.

— Как, вы предлагаете выйти сейчас на улицу и начать искать труп? Ну, знаете ли, вы еще безумнее Карла!

— Вы ошибаетесь, думаю, что труп спрятан в доме, скорее всего в погребe. Евгений хотел, чтобы его дом походил на старинный замок не только снаружи, но и внутри, поэтому сделал внизу большой винный подвал. Из кухни туда ведет лестница.

— Будь я проклят, если двинусь с места! Даже за миллион долларов! Мне всегда слишком везет: мы найдем, конечно, труп вашего мужа, но в компании с бритоголовым чудовищем.

— Какая разница? — хихикнула она.— У вас же есть ружье.

— У меня вызывают отвращение внезапные громкие звуки, тем более выстрелы.

— В таком случае,— холодно сказала Марта,— я пойду одна. Дайте мне ружье!

— Ни за что! — заартачился было я, но, представив себя сидящим здесь в одиночестве в ожидании, когда кто-нибудь придет и задушит меня, перестал упорствовать. По крайней мере, в подвале у меня будет теплая компания: Марта, труп ее мужа, жаждущий мести живой брат-маньяк и слуга-гигант. В этой сцене из кошмарного фильма реальной будет только кровь.

— Ни за что! — повторил я.— Мы пойдем вместе, но запомните одно, Марта: если мы потеряемся в темноте и услышите крик, бегите на него!

На кухне не было света, и я с трудом различал маячившую впереди фигуру Марты. Она внезапно остановилась и вскрикнула от боли, когда я сзади налетел на нее.

— Сейчас не время для таких вещей! — прошипела она.

— Какого черта! — разозлился я. — Вы же видите, как здесь темно, и остановились, не предупредив меня.

— Да замолчите вы! — Марта показала на дверь. — Она ведет в подвал.

Дверь отворилась с ужасным скрипом.

— Идите за мной, — приказала Марта, — только осторожнее — здесь расшатана первая ступенька.

— Помолчите! — буркнул я. — Достаточно с меня и этого скрипа, который мертвого мог бы разбудить, не говоря о живых, если они находятся в подвале. После такого сигнала им осталось только оказать нам достойный прием.

— Я не держу вас, можете убираться!

— Не будем ругаться, Марта, — миролюбиво сказал я, — лучше найдите выключатель. Или ваш супруг обходился свечами.

Ответом мне было холодное молчание, затем загорелся слабый свет, выхвативший из темноты лестничные ступени. Марта посмотрела на меня, приказывая взглядом спускаться первым. Однако ноги перестали мне повиноваться, и я продолжал стоять, как истукан.

— Трусливый цыпленок! — презрительно сказала она и, отобрав у меня ружье, начала спускаться. Опомнившись, я последовал за ней и попытался вернуть ружье. Некоторое время мы слабо боролись, пока я не решил применить силу по-настоящему. Я дернул ружье на себя и, с грохотом пересчитывая ступеньки, полетел вниз. Пока я отлеживался, проклиная себя за спешку, спустилась Марта и склонилась надо мной.

— Я ведь предупреждала, что ступенька расшатана, — удовлетворенно хихикая, сказала она.

Я медленно поднялся на ноги. Все тело болело, но это были пустяки — ведь я мог вывихнуть или даже поломать себе что-нибудь в результате такого спуска. Марта протянула мне ружье.

— Возьмите, Ларри, я отдала бы его раньше, если бы знала, чем это кончится. А теперь приступим к поискам: вы идите по той стороне, а я с этой.

Мы двинулись в глубину подвала. Если братец Карл был официально признан сумасшедшим, подумал я, то вряд ли был нормальным и Евгений, злейший враг алкоголя, набивший винными бутылками этот огромный подвал. Я дошел почти до конца, как новая мысль пришла мне в голову.

— Послушайте, Марта, в этом же нет никакого смысла! — приглушенно крикнул я ей. Она удивленно посмотрела на меня. — Ведь Эмиль столько лет служил Весткоту, вашему мужу. Неужели, когда появился сбрендивший Карл, он мог так быстро изменить хозяину, что помог Карлу убить его? Это невероятно!

— Не знаю, — задумчиво ответила она, — но пока мы не запрем их в надежном помещении с надежным замком, не хочу даже думать об этом. Пусть причины выясняет полиция, а нам нужно найти труп, чтобы уличить обоих в преступлении.

Убежденный ее словами, я продолжал осматривать свою часть территории. Через пятнадцать минут мы сошлись в центре подвала. Марта была в растерянности.

— Похоже, его здесь нет, — мрачно сказала она.

— Определенно, — подтвердил я и взглянул на часы. — Через полчаса мне придется разбудить Сливку.

— Не дурите, Ларри! — Она заволновалась. — Допустим, я ошиблась насчет погребца. И все равно Эмиль в спешке не мог далеко унести труп и закопать. Может быть, он где-то в кустах?

— Самое разумное, что мы можем сделать сейчас, это вернуться наверх и дождаться рассвета.

— Но ведь тогда будет поздно, — настаивала она. — Последний раз спрашиваю: вы идете со мной?

— Нет! — рявкнул я, и в этот момент погас свет.

Несколько секунд мы молча стояли в абсолютной темноте, нервно прислушиваясь, но тишину нарушало только наше тяжелое дыхание. Я до боли в пальцах сжимал винчестер, хотя и понимал всю его бесполезность в таком мраке.

— Ларри, где вы? — Шепот Марты раздался совсем рядом.

Я протянул руку на звук ее голоса и наткнулся на что-то упругое, вызвав тем самым ярость Марты.

— Вы, сексуальный маньяк! — шипела она. — Нам грозит смерть, а вы только об одном и думаете...

Я открыл рот, чтобы оправдаться, и тут вспыхнул свет. Я вскинул ружье и осмотрелся, но никого поблизости не

было видно, кроме Марты, разумеется. Она тихо притронулась к моему плечу.

— Я боюсь Ларри! Кто-то выследил нас и понял, зачем мы пришли сюда. Теперь нас предупреждают, что, если мы не прекратим свои поиски, нам плохо придется. Я всегда считала себя не такой уж робкой женщиной, а теперь мне хочется одного — вернуться в свою комнату и крепко запереть дверь.

— Отлично! Почему бы нам этого не сделать? — подержал я, но вовремя поправился: — Я имею в виду, разойтись по своим комнатам.

— Но ведь вы должны сторожить.

— Осталось совсем немного, и я свободен.

— Тогда сначала проводите меня, а потом уже будите Бориса. Мне страшно одной возвращаться в комнату.

Мы выбрались из подвала и прошли через пустую кухню. Дом по-прежнему был погружен в сонную тишину, если не считать проклятых скрипов. Добравшись до комнаты Марты, мы остановились, и она тепло улыбнулась мне.

— Спасибо, Ларри.— Марта прижалась ко мне и поцеловала.— Мы встретимся утром и продолжим наше дело.

Борис, не сняв одежду, лежал на спине и счастливо похрапывал. Я взял из-под стола одну из пустых бутылок и стал покачивать ею перед его носом. Он открыл глаза, потом быстро сел и уставился на бутылку.

— Твоя очередь нести стражу, милый друг. Передаю тебе ружье и наилучшие пожелания.

Он еще раз поглядел на пустую бутылку и зевнул.

— Возьму с собой новую бутылку. Ну, как там, все покойно?

— За исключением дома,— ответил я.— Он все время скрипит и стонет.

Борис взял ружье и с сомнением посмотрел на него.

— Скажу тебе откровенно, эта вещь не для меня, я всегда старался держаться подальше от таких игрушек.

— Смотри не переборщи,— сказал я,— не то окажешься рядом с Лукасом.

— Хорошо ли угрожать старому другу, Ларри?

— Конечно, особенно когда старый друг насмешается надо мной и отправляет меня дежурить в разгар моей дедуктивной мысли. Надеюсь, с тобой ничего не случится. Пока!

Я направился к себе. По крайней мере, хоть сейчас я побуду в безопасности от всяких убийц и сумасшедших блондинок, желающих сделать из меня героя. Войдя в

комнату я запер дверь и включил свет. Но тут я застыл на месте, увидев в кровати улыбающуюся женщину.

— Ради бога, простите меня.— Я отступил к двери.— Видимо, я спутал комнаты. Только не надо кричать.

— Ларри, милый,— ласково сказала Ванда.— Вы не ошиблись, это ваша комната. Я пришла извиниться перед вами. Мне стыдно, что я накричала на вас тогда. Во всем виноват этот грязный старик.

— Что за грязный старик? — спросил я.

— Весткот! — Она буквально выплюнула это имя, прозвучавшее у нее, как ругательство.— Вас так долго не было, и я начала беспокоиться. Потом решила попросить кого-нибудь из мужчин пойти к вам и на пути встретила Весткота. Когда я рассказала ему в чем дело, он рассмеялся и велел мне вернуться и ни о чем не беспокоиться. «Бейкер даже не выходил на улицу,— грязно хихикая, сказал он.— Он распивает спиртные напитки вместе со своим дружкой». Расстроенная, я вернулась к себе, а потом услышала ваш стук...— Она вздохнула.— Подумать только, не поверить смелому мужчине и довериться лживому старикашке! Я, наверное, просто потеряла голову.

— Я очень рад, что теперь все выяснилось, милая Ванда.

— И я тоже. Я мучилась, пытаюсь заснуть, пока не поняла, что мне срочно нужно увидеть вас и извиниться.

— Да я вас ни в чем не виню. А что вы сказали Кэрл перед уходом?

— Ничего. Я знала, что вы вернетесь только в три, а к этому времени она уже спала. Так что спешить было некуда.

— А сейчас? — Мой голос внезапно охрип.— Надеюсь, сейчас вы тоже никуда не спешите?

— Нет! — Она выбралась из постели и медленно приблизилась ко мне. Ее глаза сияли.— У нас много времени. Герой должен получить свою награду!

Ванда обняла меня и приникла к моим губам. Я почувствовал, как ее тяжелые груди тесно прижались к моей груди. Моя рука соскользнула с ее плеча к изгибу бедер и остановилась на ягодицах. Она слегка застонала, ее язык проскользнул в мой рот... И в этот момент в дверь постучали.

Ванда с ужасом на лице отпрянула от меня.

— Ради Бога, Ларри, я не хочу, чтобы меня застали здесь! — испуганно прошептала она.— Сделайте так, чтобы они ушли!

Я жестом успокоил ее и приоткрыл дверь. При виде морды Бориса мне стало дурно от бешеной злобы.

— Немедленно убирайся на место и брось свои фокусы! — закричал я.

— Послушай, Ларри, я понимаю твою злость, но надо было предупредить меня. Что мне с ним делать?

— С ружьем?

— Причем здесь ружье? Что мне делать с трупом, который лежит у парадной двери?

— Нет, ты определенно сошел с ума! Тело Лукаса осталось в его комнате и Клерман при тебе запирает дверь.

— Не морочь мне голову! Я сам знаю, где его тело. Я говорю о другом трупе. Пойдем скорее со мной!

Я глянул через плечо и увидел, как Ванда отчаянно жестикулирует. Она права, подумал я, надо идти, если я хочу избавиться от этого кретина. Я вышел в коридор, старательно закрыл дверь и посмотрел на Бориса.

— Если это веселая шутка,— едва сдерживаясь, сказал я,— то ты до конца жизни ее не забудешь!

— Клянусь! — простонал он, весь дрожа.— Я и сам думал, что ты решил подшутить надо мной и накидал у дверей кучу старой одежды, чтобы напугать меня. Но, когда я подошел поближе...— Он закрыл глаза.

— Ты уже прикончил свою бутылку?

— Ни капли, я даже забыл про нее. Но теперь...

Скрип лестницы уже не беспокоил меня. Я торопился избавиться от Бориса и вернуться к себе, пока не исчезла Ванда. Тусклый свет в холле падал на какую-то грудку тряпья.

— Ну, что, теперь видишь? — прошептал Борис.

— Это чья-то глупая шутка,— начал я, но, подойдя ближе, понял, что, к сожалению, он был прав.

В черной шелковой тунике и брюках лежал на боку космический пришелец. В спине торчал нож, у самых дверей образовалась целая лужа крови. Заглянув в невидящие глаза убитого, я почувствовал ледяной ужас.

Мы с Мартой сделали большую ошибку, подумал я. Вместо того, чтобы искать труп Евгения, спрятанный Эмилем, нам стоило поискать труп самого Эмиля.

И вот мы снова собрались в гостиной. На этот раз Кэрол Фриман выглядела более спокойной. Борис не выпускал из рук бутылку водки и стакан, явно демонстрируя,

что алкоголь может вывести его из себя быстрее, чем события в доме.

Весткот — Евгений или Карл? — неподвижно стоял в центре комнаты, напоминая скульптуру примитивиста. Клерман, прислонившись к стене в дальнем конце комнаты, следил за хозяином с мрачным выражением на лице. Марта, закрыв глаза, тихо сидела в кресле в полной прострации. Ванда, напротив, чувствовала себя уверенно, видимо, в ожидании новых подвигов своего героя. Я же решил про себя, что теперь никакие награды с ее стороны не заставят меня совершать героические действия.

— Знаю, что вопрос звучит глупо, — сказал Клерман, нарушив общее молчание, — и тем не менее: что нам теперь делать?

Весткот так посмотрел на него, что тот поежился под холодным взглядом хозяина.

— Что бы мы ни делали, а Эмиля уже не вернуть, — спокойно проговорил он. — Пятнадцать лет он служил у меня и все эти годы был единственным настоящим другом мне.

— Мы глубоко сочувствуем вам, мистер Весткот, — отваялся Клерман, — и хорошо понимаем, какая это для вас тяжелая потеря. Но ведь совершены два убийства за одну ночь, и кто знает, скольких из нас еще ждет смерть, если мы не примем какие-то меры.

— Нет, вам никогда не понять моих чувств, Алекс. Даже если всех вас убьют поодиночке или оптом, я буду по-настоящему оплакивать только смерть Эмиля.

Борис улыбнулся мне и поднял стакан.

— Вот слова, достойные алюминиевого сердца, друг!

— Заткнитесь! — закричал Весткот. — Если бы вы с Бейкером дежурили, как положено, этого не случилось бы. По крайней мере, Эмиль умер не сразу и мог назвать имя убийцы, но ваша недобросовестность...

— Будь вы хотя бы на четверть добросовестны, как мы, — спокойно прервал его Борис, — вы не позволили бы убийце пробраться на ваш проклятый остров. А теперь перед угрозой смерти все равны, в том числе и алюминиевые магнаты, так что прекратите орать на меня.

Весткот был явно шокирован, и мы застыли в ожидании взрыва ярости с его стороны. Но, как ни странно, он не последовал.

— Спасибо, мистер Сливка, — неожиданно спокойно начал Весткот, — вы абсолютно правы. Мы вынуждены бороться за свои жизни, и в этих условиях все равны —

и мужчина, и женщина. Никто не должен иметь преимуществ перед другими.— Он немного помолчал.— Вы согласны, что теперь каждый имеет право на самозащиту, прежде всего защищать себя?

— Конечно,— кивнул Борис.

— Ну, в таком случае...— Весткот с горечью улыбнулся и, пройдя к стене, где стояло ружье, взял его.— Это мое ружье! И я воспользуюсь им, чтобы не только защитить себя, но и уничтожить убийцу Эмиля — его или ее.

— Мистер Весткот! — резко окликнул я его, когда он направился к выходу. Весткот повернулся ко мне.

— Не думаю, Бейкер, что сейчас время напоминать мне о своем присутствии. Хотя и знаю, что собой представляет моя жена, но это не оправдывает вас — дешевого соблазнителя женщин!

— Вы правы, сейчас не время заниматься семейными драмами. Мне хотелось узнать, нет ли у вас определенной идеи насчет убийцы.

— Пока нет. Вы что-то хотели сообщить мне?

— Ничего нового. Просто я знаю, что ваш брат сбежал из лечебницы для сумасшедших. Не логично ли предположить, что он сумел проникнуть на остров и совершить эти два убийства?

— Но откуда, черт возьми, вы...— Он взглянул на Марту.— Конечно, общность поведения приводит к взаимному доверию. Я не знал, дорогая, что ты распространяешь сплетни!

Марта покраснела и вжалась в спинку кресла. Весткот снова повернулся ко мне.

— Мой брат, Карл, находится сейчас в лечебнице в Вермонте. Его состояние настолько улучшилось, что через год он должен выйти оттуда.

— Как вы можете быть уверенным в этом? — спросил я.

— Допустим, все так, как вы думаете.— Он сжал винчестер.— И если во всем виноват Карл, могу заверить вас, что я убью его без всяких сожалений!

— Тогда вернемся еще раз к тому, что я наблюдал не так давно. Если я видел, что Эмиль тащил вашего брата, значит, вы действительно Евгений Весткот. Но если Эмиль тащил вас, то, следовательно, вы теперь не вы.

— Вы глупеете на глазах, Бейкер,— заявил Весткот.

— Подождите,— вмешался Клерман.— Объясните, когда и почему Эмиль тащил Весткота?

— Отличный вопрос, Алекс,— спокойно сказал Вест-

кот.— Начнем по порядку. Я застаю ночью в комнате Бейкера свою жену. Потом убивают Лукаса, а чуть позже Сливка, сменив Бейкера, находит в холле тело Эмиля, причем Бейкер, как он уверяет, никакого тела не видел. Сколько времени прошло, пока вы проснулись и спустились вниз, мистер Сливка? Самое большее, десять минут, верно?

— Я не могу сказать точно, но вся наша идея безумна,— озабоченно сказал Борис.— С какой стати Ларри...

— Вы сами подумайте. Именно тогда, когда внизу никого нет, в дом заходит Эмиль, и его убивают. Очень странное совпадение!

— Вы что, всерьез считаете Ларри убийцей? Да он увидел Лукаса в первый раз уже в самолете! Что касается Эмиля...

— Перестаньте перебивать меня! Я хочу объяснить всем, зачем он это делал. Его использовали как слепой инструмент для совершения этих преступлений. А направляла его моя жена, Марта!

Ванда внезапно отодвинулась от меня на другой конец кушетки.

— Дело в том,— продолжал Весткот,— что два месяца назад я переделал свое завещание. Моя жена лишается всего, исключая то небольшое, что принадлежит ей по законам штата. Теперь вы понимаете, Сливка, что Марта пойдет на все, чтобы опротестовать это завещание в суде, когда я умру. Каким образом она сможет это сделать?

— Наверное, попытается доказать, что вы были психически ненормальны, когда составляли новое завещание? — предположил Борис.

— Вот именно! — воскликнул Весткот.— Поэтому с помощью Бейкера она хочет превратить меня в убийцу-маньяка. Что она обещала ему за это? Свое тело? Это пустяковый приз, хотя убивают иногда и за пятьдесят долларов. А вот обещание женитьбы с наследованием империи Весткота — это самый подходящий и убедительный приз. Вы согласны, Сливка?

— Не верю, это безумие,— все еще сопротивлялся Борис, но как-то вяло.

— В этом нет никакой логики,— заговорил я наконец.— Допустим, что Весткот прав,— а он, клянусь, лжет! — зачем бы мне убивать сначала Лукаса?

— Зачем? Ну, хорошо же, скажите им, Кэрол!

Маленькая брюнетка выпрямилась и спокойно оглядела присутствующих.

— Около четырех лет назад мы впервые стали снимать-

ся в телесериях,— тихо заговорила она,— и тогда же поженились с Тони, хотя я старалась не ограничивать его свободы. Когда я познакомилась с Евгением, он мне очень понравился, и с тех пор мы часто встречались с ним. Мы полюбили друг друга.— Она взглянула на Марту.— И он, и я были несчастливы в браке, его жена была так же неразборчива в связях, как и Тони. Два месяца назад Евгений предложил Марте развод и обещал ей солидное материальное обеспечение. Но она рассмеялась и сказала, что он избавится от нее только после своей смерти, и тогда она унаследует все его богатство.

— Вот тогда я изменил свое завещание,— добавил Весткот.

— Я тоже попросила у Тони развод,— продолжала Кэрол,— но он не смеялся, а просто ударил меня и заявил, чтобы я передала Весткоту, что это будет стоить ему пару миллионов. Я ответила, что мне нетрудно будет развестись с ним, у меня есть доказательства его связи с одной актрисой — документы и фотографии, которые сделал частный детектив. Вот тогда он чуть не лопнул со смеху. «Отлично,— сказал он,— ты только начни дело, а я уж позабочусь, чтобы привлечь Весткота в качестве соответчика».— Ее нижняя губа искривилась.— Положение казалось безнадежным. Когда пошли разговоры о новой серии, которую будет ставить Евгений, Тони изменил свои намерения. Мы с ним договорились так: если Евгений поручит ему главную роль в этой серии с заключением долгосрочного контракта, он сразу дает мне развод. Поэтому Евгений пригласил его сюда, но об этой договоренности, кроме нас, никто не знал.

— Даже Марта,— сказал Весткот,— поэтому первой жертвой она избрала Лукаса, считая, что у меня есть веские причины для того, чтобы убрать его: и за то, что он мешал жениться мне на любимой женщине, и за то, что пытался шантажировать меня на два миллиона.

— Но зачем им нужно было убивать Эмиля? — возразил Клерман.— Ведь Марта, как и все мы, знала, как вы привязаны к нему!

— Я предполагаю, что Эмиль обнаружил нечто такое, что заставило его подозревать их в убийстве Лукаса. И тогда они совершают второе убийство, надеясь и его свалить на меня. Мол, Эмиль помог мне убить Лукаса, а я убрал Эмиля, своего сообщника и свидетеля преступления.— Весткот с победным видом посмотрел на меня, поглаживая правой рукой винчестер.

— Вы не забыли одну вещь, мистер Весткот? — спросил Борис. — Ведь я был с Ларри, когда закричала Кэрол.

— А вы-то сами не забыли, мистер Сливка, как совсем недавно совершенно логично указали Бейкеру, что невозможно точно определить время смерти Лукаса, и он мог умереть минимум за полчаса до того, как Кэрол это обнаружила? — Весткот улыбнулся. — Я понимаю, что Бейкер ваш друг, но, к сожалению, на него падает слишком много подозрений.

Он поднял ружье, направив ствол на меня.

— Я не допущу больше никаких случайностей, мистер Сливка, и запру обоих — Бейкера и мою жену — под замок, пока мы не свяжемся с полицией.

— Но это же явная чепуха! — запротестовал Борис. — Я уверен, что Ларри...

Теперь ствол ружья был направлен в грудь Борису.

— Не нужно так волноваться, мистер Сливка, — проговорил Весткот. — Вы сами установили правила игры, помните? Каждый заботится о себе, и только у меня имеется убедительный аргумент.

Борис быстро сник.

— В таком случае я предлагаю сделку. Вы говорите, что Ларри, подстрекаемый вашей женой, убил Лукаса и Эмиля. Ларри утверждает, что ваш брат находится на острове и что он не может с уверенностью сказать, кто из братьев сейчас перед нами — Карл или Евгений. Я не против того, чтобы изолировать Бейкера и вашу жену, но при условии, что мы после этого обобщем остров и убедимся, наконец, что здесь нет второго Весткота. Вы согласны?

— Олл райт! — кивнул Весткот. — Вы, Алекс?

— Конечно, как вы скажете, мистер Весткот, — откликнулся Клерман.

— Тогда сделаем так, — начал распоряжаться Весткот. — Вы, Кэрол, отправляйтесь снова в комнату мисс Преббл и побудьте с нею, пока мы будем обыскивать остров. Если вы боитесь, запиrite покрепче двери.

— Отлично, — сказала, поднимаясь, Кэрол, — только понадежнее упрячьте этих двоих.

— Не беспокойтесь, дорогая, — ответил он, — все будет о'кей.

Женщины вышли, при этом Ванда старалась как можно дальше держаться от меня, затем мы услышали скрип ступенек, и наступила тишина.

— Алекс, побудьте с мистером Сливкой, — приказал

Весткот, — а я пока позабочусь о Марте и Бейкере. Через пять минут я вернусь.

— Конечно, мистер Весткот.

— Марта, иди вперед, — приказал Весткот. Та молча встала и направилась к двери. — Теперь вы, Бейкер. Надеюсь, мне не нужно вам напоминать, что при каждом вашем неосторожном движении я буду стрелять?

Я кинул на Бориса быстрый взгляд, но он только виновато пожал плечами. Я отлично изучил Сливку за все годы нашей совместной работы и поэтому не испытывал особого оптимизма, но все-таки не терял надежду, что он постарается как-нибудь обезоружить Весткота, когда они приступят к поискам настоящего убийцы.

Если я и питал какие-то сомнения в отношении места нашего заключения, то они сразу же исчезли, когда мы оказались на кухне. Весткот велел Марте открыть дверь винного погреба, но стоять пока на месте.

— Что теперь? — спросила она с ненавистью своего мужа.

— А теперь... теперь раздевайтесь. Оба!

— К чему это издевательство? — спросил я, едва сдерживаясь.

— Так мне будет спокойнее, — хмыкнул он. — Впрочем, если вы не желаете раздеваться, я всажу вам пулю в ногу, так что выбирайте.

Несомненно, он так бы и поступил. Я начал медленно расстегивать рубашку в то время, как Марта стащила с себя свитер. Весткот дождался, пока на мне остались только плавки, а на Марте черные шелковые трусики, и загнал нас в погреб. Когда мы спустились вниз, я обернулся и посмотрел наверх. На лице Весткота застыла грязная усмешка.

— Я оставлю свет включенным, — разлепил он рот. — Сожалею, что здесь нет отопления, но уверен, что вы найдете способ согреться. Он закрыл за собой дверь, затем послышался звук задвигаемого снаружи засова. Я посмотрел на обнаженную Марту, на ее полные груди, заметный треугольник под прозрачным черным шелком и — увы! — ничего не почувствовал.

8

Внезапно я с ужасом вспомнил, что оставил сигареты в кармане пиджака. Я с надеждой взглянул на Марту, может быть, она сообразила оставить у себя хотя бы

несколько сигарет, но понял, что в своих трусиках она не смогла бы спрятать даже спичку. Заметив мой взгляд, Марта по-своему истолковала его и тут же взорвалась.

— Негодяй, вы даже сейчас не можете забыть о сексе!

— Ничего подобного,— возразил я,— в этих плавках я чувствую себя скорее диск-жокеем, чем постоянно готовым Ромео. Кроме того, здесь чертовски холодно.

— Ах, да замолчите! — Она задрожала, прижав руки к груди.— Я готова задушить вас. Это все ваша вина!

— Интересно, в чем же я провинился?

— Тем, что не держали свой большой рот на запоре,— проворчала она.— «Вы Карл, а не Евгений!» Кто вас тянул за язык?

— Но если Евгений... или его труп... еще на острове, то они найдут его, и тогда...

— Ничего они не найдут, если ими командует Карл!

— Зато Борис не дурак,— с надеждой сказал я,— он-то ведь знает, что я не убийца, поэтому он...

— ...погибнет от несчастного случая,— закончила она.— Останется только Клерман.

— Человек, который умеет говорить только «да»? Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Надо каким-то образом выбраться отсюда, пока они не вернулись.

— Что, если попробовать выломать дверь?

— Дверь из крепкого дуба толщиной в четыре дюйма? Да здесь вам не поможет и острый топор.

— У вас есть другие предложения?

— Вы втянули нас в эту историю, вы и вытаскивайте,— отрезала она.

Я и сам понимал, что сейчас все зависит от моей сообразительности. Я начал оглядывать погреб и, посмотрев вниз, заметил массу земляных червей. Этого было достаточно, чтобы лишить спокойствия любого смельчака.

— Боже мой! — Марта с испугом смотрела на меня.— Вы выглядите, как бродячая смерть!

— А вы выглядите, как женщина, изо рта которой извергается азотная кислота,— парировал я.

— О, замолчите! — Она съездила мне ладонью по губам.

— Вот теперь все идет отлично,— улыбнулся я.— Придется мне облегчить Карлу работу.

— Что вы собираетесь делать?

— Задушить вас!

Она отпрянула от меня: — Посмейте только приблизиться ко мне!

Я потянулся к ней, но она быстро отбежала в дальний конец погреба. Мы стали носиться по подвалу, напоминая беззаботно веселящихся игроков во время пикника. На третьем круге я, наконец, смог ухватить ее, вернее, резинку ее трусиков. Раздался треск, и в моих руках остались только обрывки ее скромной одежды. Марта внезапно остановилась и повернулась ко мне лицом.

— Вы, идиот... — От злости она не могла подобрать нужных слов.

— О'кей! — небрежно сказал я. — Я раздумал душить вас. К тому же мне уже не так холодно. Я вижу, что и вы тоже немного разогрелись.

Я протянул ей остатки трусиков, но она возмущенно швырнула их на пол, после чего выдала подробное описание меня и моих родителей, вплоть до четвертого колена.

— Ну, — сказал я, когда она, наконец, выдохлась, — ваша вдохновенная речь натолкнула меня на одну мысль.

— Поэтому вы и стали хватать меня? — с горечью спросила она. — Надеялись, что я разовью космическую скорость и вышибу дверь?

— Смотрите, Марта. — Я показал ей рукой на пустые ящики. — Что, если мы разломаем один ящик на маленькие дощечки и будем тереть их друг о друга, пока они не затлеют. Тогда на запах дыма прибежит Ванда или Кэрол и откроет дверь. Не захотят же они, чтобы мы сгорели заживо здесь.

— Мальчишка! — Она безнадежно махнула рукой.

Я не стал спорить, и на некоторое время мы замолчали. Я опять обвел взглядом погреб. На глаза попала огромная плетеная корзина. Прикинув ее размеры, я замер от неожиданной мысли.

— Господи, Марта! — закричал я. — Посмотрите на эту корзину!

Она равнодушно взглянула на корзину и пожала плечами.

— Ну и что? Просто большая корзина.

— Да не просто большая, а огромная! — Я задыхался. — Каким образом ее доставили сюда, ведь она не пролезла бы в дверь?

— Действительно! — Она удивленно смотрела на корзину. — Слишком широкая, чтобы... Но я никогда не слышала о втором входе в погреб.

— Если дом строили наподобие замка, значит, где-то

должна быть потайная дверь. Вы когда-нибудь слышали о графе Монте-Кристо?

— Никогда. Но все равно я теперь поняла, что нужно делать. Вы хотите простучать стены?

— Конечно! Откуда начнем? С дальнего конца?

Похоже, все стены были сложены из прочного камня, так что через пять минут наши руки были все в царапинах.

— Звучало заманчиво,— вздохнула Марта,— но, как видите, ничего похожего даже на самую маленькую дверь.

— Вы правы,— согласился я,— но все-таки непонятно, как сюда попала эта корзина.

— Может, она разборная?

Я внимательно осмотрел корзину, ничего не нашел и с силой оттолкнул ее. Корзина прокатилась пару футов и замерла.

— Решили погреться? — язвительно спросила Марта.

— Мне тепло от одного взгляда на вас,— искренне ответил я.— Не часто удается наблюдать натуральную блондинку в ее натуральном виде.

— Вы...— Марта сделала глубокий вдох, собираясь выдать очередную порцию ругательств, но я тут же прервал ее:

— Глядите!

Она посмотрела на то место, где находилась корзина, и увидела квадратный люк. Склонившись над люком, я ощупью нашел засов, отодвинул его и поднял крышку. Узенькая лесенка вела вниз, в небольшую комнату. Прямо под нами на раскладной кровати лежал мужчина. Услышав шум, он приподнял голову и посмотрел вверх. Это был Весткот!

— Евгений! — вскрикнула Марта.

— Я...— слабым голосом начал он.— Кто вы?

— Что с тобой, Евгений? Ты меня не узнаешь?

— Но я...— Он медленно покачал головой и снова спросил: — Кто вы?

— Я Ларри Бейкер,— решил вмешаться я.— Это ваша жена Марта. А теперь давайте выберемся отсюда.

Я начал спускаться по лестнице, но не успел дойти и до середины, как услышал сверху тревожный шепот Марты.

— Ларри, кто-то отодвигает засов!

— Вот черт! — Я остановился.— Мы не можем...

— Оставайтесь внизу! — быстро сказала она.— Как только они уйдут, я сразу же спущусь к вам.

— Оставьте! — закричал я.— Я не хочу...

Марта отступила назад и захлопнула крышку люка. В полнейшей темноте я спустился в комнату.

— Мистер Весткот! — прошептал я. — С вами все в порядке?

— Да. — У него был виноватый голос. — А как вы, мистер... Бейкер?

— У меня все отлично! — с горечью сказал я. — Доверь женщине сделать что-нибудь, и она сделает глупость.

— Да. — Он нерешительно спросил: — Мистер Бейкер, что за женщина была с вами?

— Ваша жена, Марта.

— Но... — У него задрожал голос. — У меня нет никакой жены.

— Видимо, вы еще не оправились от шока. Вы знаете, кто вы?

— Конечно, — более уверенным голосом сказал он. — Я — Весткот.

— Совершенно верно! Вы — Евгений Весткот, а эта женщина — ваша жена. Теперь вы вспомнили ее?

— У меня нет жены, — повторил он, — и мое имя Карл, а не Евгений.

— Карл?! — Я резко шагнул на звук его голоса, споткнулся о ножку кровати и с шумом упал на пол.

— Мистер Бейкер, у вас все в порядке? — В его голосе звучало беспокойство.

— Думаю, да, — пробормотал я и сел прямо на полу. — Разве что выбил пару зубов. Значит, вы Карл Весткот?

— Вот именно. Потому-то я и был так сконфужен. Вы и сами можете понять мое состояние: внезапно появляются полуобнаженный мужчина и голая женщина, с интересом разглядывают меня, да еще при этом называют именем брата. Я подумал, что это какой-то трюк! Или еще хуже, просто снова схожу с ума.

— Вы давно здесь? — спросил я после некоторого молчания, понадобившегося мне, чтобы хотя бы слегка переварить эту новость.

— Когда я вышел из лечебницы, брат поместил меня в охотничий домик в Вермонте, — начал он. — Потом неожиданно приехал Эмиль и сказал, что брат приглашает меня к себе на остров немного отдохнуть. Так я оказался здесь, на острове. В доме никого не было, Эмиль объяснил, что Евгений занят и будет после полудня, и предложил пока осмотреть дом. Мы прошли по всем комнатам, затем спустились в погреб. Эмиль поднял в полу крышку и подозвал меня. Я заглянул в люк, увидел эту комнату, и

в это время Эмиль столкнул меня вниз и захлопнул крышку. Не знаю, сколько прошло времени, пока люк открыли снова. Эмиль пригласил меня наверх в погреб. Он принес немного еды, которую я, несмотря на все события, быстро проглотил, потому что был очень голоден. Затем он позволил мне погулять вокруг дома с полчаса и снова привел сюда. Я не мог сбежать от него, ведь он очень сильный. С тех пор я никого не видел и совсем потерял счет времени.

— Охотно верю,— согласился я.— Я провел в темноте минут десять, а кажется, что прошла вечность.

— Мне изредка приносили пищу,— тихо продолжал он,— но никуда не выпускали. Я пытался понять, для чего Евгений делает это? Может быть, он даже не знает о моем присутствии? Я чувствовал, что постепенно превращаюсь в какое-то подопытное животное, ждущее света и пищи. Ночью Эмиль вывел меня на прогулку, предупредив, что если я издам хотя бы звук, он убьет меня на месте. Когда мы вышли на улицу, я увидел, что в окне на верхнем этаже горит свет. У меня появилась надежда на спасение. Улучив момент, я помчался к дереву, стоявшему возле дома. Даже не помню, как мне удалось забраться на него. Я заглянул в окно и увидел женщину, не ту, что была с вами, а другую, рыжеволосую и очень красивую. Тут женщина подошла к окну и, увидев меня, в страхе закричала. В это время Эмиль снизу схватил меня, я свалился с дерева и потерял сознание. Очнулся я в темноте уже снова здесь. А, может быть, мне все это привиделось, мистер Бейкер?

— Нет, Карл,— сказал я, припоминая события минувшей ночи,— это было на самом деле. Я видел, как Эмиль тащил вас, но мне помешали предпринять что-нибудь тогда.

— Я рад, что не сошел с ума. Вам известна моя история, мистер Бейкер?

— Немного, только то, что мне рассказала Марта.

— Это случилось давно, во всяком случае, мне так кажется. Ее звали Ивонна. Это была красивая девушка с длинными золотистыми волосами и яркой теплой улыбкой. Мы оба — и я, и Евгений — хотели жениться на ней, я уверен в этом. Однажды мы собрались втроем, не помню сейчас, по какому поводу. Было много шампанского. Евгений открывал бутылку за бутылкой, но сам не пил. Остальное помню, как в тумане, а когда он рассеялся, наступил кошмар.— Он немного помолчал.— Мне сказали, что я убил Ивонну. Сначала я ударил Евгения так, что он потерял сознание, а потом... Вы читали Браунинга, мистер Бейкер?

— Читал, но очень давно.

— Он был моим любимым поэтом.— Он мечтательно прикрыл глаза.— Так вот, уже в лечебнице я узнал, что задушил Ивонну, обмотав ей вокруг горла ее собственные длинные волосы. Точно такая же смерть описывается в одной из поэм Браунинга. Потом я пытался покончить с собой, перерезав горло осколком бутылки из-под шампанского, но неудачно. Не один год я провел в сумасшедшем доме, мистер Бейкер, и постоянно мне снились кошмары, но ни в одном, даже самом кошмарном сне мне не приходилось убивать кого-либо. Вам не кажется это странным?

— Не знаю, Карл.— Я покачал головой.— Но одно я знаю точно: нам нужно выбраться отсюда во что бы то ни стало как можно скорее.

9

Я начал подниматься по лестнице. Меня утешало то, что когда Марта закрыла крышку люка, она не успела или забыла задвинуть засов. Добравшись до люка, я уперся руками в крышку и осторожно надавил на нее снизу. Крышка беззвучно подалась. Когда глаза привыкли к свету, я огляделся. Подвал был пуст. Наклонившись над люком, я подал Весткоту руку и помог ему выбраться наверх. Теперь я мог разглядеть его получше. Да, он был очень похож на Евгения, своего брата, но все-таки не настолько, чтобы их можно было спутать: Карл был почти на тридцать футов легче и лет на пять старше.

— А это не опасно для вас, мистер Бейкер? — Он с сомнением посмотрел на меня.— Ведь если Эмиль вернется и застанет нас вместе...

— Думаю, это опасно для нас обоих,— сказал я.— Только Эмиль не вернется. Он мертв.

— Как мертв? — пораженно воскликнул Карл.

— Его убили несколько часов назад. А незадолго до этого убили еще одного человека. Впрочем, не будем пока отвлекаться.

Мы поднялись по ступеням, и я увидел, что дверь из погреба полуоткрыта. В пустой кухне горел свет. Моя одежда лежала там же, где я оставил ее. Одежды Марты не было. Я быстро оделся и, знаком приказав Карлу следовать за мной, направился к холлу. В доме было тихо. Мы поднялись наверх. Я завел Карла в свою комнату, прикрыл дверь и зажег свет.

— Подождите здесь, пока я вернусь,— сказал я.

— Конечно, мистер Бейкер,— кивнул он.— Но мне будет легче ждать, если вы объясните, что здесь происходит.

— Совершены два убийства, в которых решили обвинить вас. Кроме нас с вами, на острове еще шестеро. Одному из них, Борису Сливке, вы можете доверять. За других пока не могу поручиться.

Карл тяжело опустился на кровать.

— Даже такое начало имеет мало смысла. По крайней мере, я знаю, что кошмар, который начался, когда Эмиль посадил меня в темницу, имеет реальные причины.

— Тогда я пошел. Заприте за мной дверь и откройте ее только мне или человеку, который назовется Борисом Сливкой.

Я вышел из комнаты, подождал, пока в замке повернулся ключ, и снова спустился вниз, на кухню, где я решил отыскать хоть какое-нибудь оружие. В одном из ящиков лежали ножи всех размеров. Но тут я понял, что только теряю время. Даже если у меня будет нож, я не смогу воспользоваться им под прицелом ружья. Я задвинул ящик, но не успел повернуться, как что-то твердое уперлось мне в спину.

— Куда-то спешите, мистер Бейкер? — спросил холодный голос, принадлежавший Весткоту.

Я осторожно повернулся. Весткот слегка отступил, держа ружье направленным на меня. Из-за его плеча выглядывал Борис.

— Где Марта? — спросил Евгений.

— Не имею представления,— удивленно ответил я.

— Нет необходимости спрашивать, кто выпустил вас из погреба,— процедил он сквозь зубы.— Конечно, это Алекс. Он сбежал от нас минут сорок назад и выпустил Бейкера и мою жену. Вы согласны со мной, Борис?

— Больше некому,— кивнул Борис.

— Где они теперь? — Весткот со злостью ткнул мне в грудь стволом.

— Откуда мне знать? Я услышал, как отодвигается засов, потом Марта ударила меня по голове, и я потерял сознание. Когда очнулся, увидел, что дверь открыта. Я поднялся, оделся, и тут пришли вы.

Он внимательно посмотрел на меня, затем убрал ружье.

— Я почти поверил вам. Но прежде мы осмотрим погреб. Идите вперед, Бейкер, а вы, мистер Сливка, следуйте за ним.

Я надеялся, что Весткот удовлетворится беглым осмот-

ром погреба, чтобы убедиться, что в нем никого нет. Но он почти сразу заметил крышку люка.

— Здесь была пустая корзина,— сказал он.— Зачем вы ее убрали?

— Мы искали другой выход,— объяснил я.

— Но он же никуда не ведет,— возразил Весткот.— Это часть подвала. Откройте люк, Бейкер! — приказал он.

Я поднял крышку. Борис с любопытством заглянул вниз и вздрогнул.

— Темница! — пробормотал он.— Настоящий застеноч!

— Откуда здесь кровать, черт возьми? — прорычал Весткот.— Кто здесь был? Отвечайте, Бейкер, или я пристрелю вас!

— Ваш брат, Карл. Эмиль держал его здесь в заключении.— Я смотрел на Весткота с недоумением.

— Карл? Что вы мелете? Он находится в Вермонте!

— Поверьте, я говорю чистую правду.— Мне пришлось рассказать ему все, что случилось после того, как мы с Мартой оказались в погребе.

— А где сейчас Карл? — спросил Весткот.

— В моей комнате.

— Какая-то чудовищная история! — хрипло сказал Весткот.— Эмиль был так привязан ко мне. И этот ваш рассказ, как он тащил мое тело...

— Да, тут я ошибся, но ведь я еще ничего не знал тогда о Карле.

Весткот опустил ружье. Лицо его выглядело постаревшим на несколько лет. Правый глаз дергался в нервном тике.

— Скажите, Бейкер, только честно, зачем к вам приходила моя жена?

— Я и сам не пойму.

— О том, что Марта у вас, мне сказал Алекс. Теперь я понял, зачем они это сделали. Чтобы все подозрения пали на вас. Прощу меня извинить, Бейкер, за все неприятности, которые я вам принес! Марта, видимо, приказала Эмилю привезти сюда Карла и держать под замком. Даже не представляю, что она ему могла наобещать за это. Эмиль, Эмиль! — прошептал он.

— Не могу понять, зачем ей был нужен Карл? — спросил Борис.

— От кого вы слышали первый раз о Карле? От Марты? — обратился ко мне Весткот.

— Да,— ответил я.— Потом, когда я сторожил внизу,

она пришла ко мне и сказала, что вы — это Карл, а труп настоящего Евгения спрятан в подвале и нужно его найти.

— А пока вы торчали в погребу, Клерман убил Эмиля,— заключил Весткот.

Я внезапно вспомнил, как в подвале сначала погас, а потом зажегся свет. После этого Марта занервничала и решила бросить поиски. Все это я сейчас рассказал, и Весткот понимающе кивнул.

— Видимо, Клерман дал знак, что Эмиль уже мертв. Вы спрашиваете, зачем им понадобился Карл. Все очень просто. После того, как я изменил завещание, они решили все подстроить так, будто я тайно привез Карла на остров и заточил в темницу, значит, я виновен в убийствах, совершенных моим безумным братом. Сначала Лукас, потом Марта, которую я должен убить, чтобы жениться на Кэрол,— таким образом они хотят доказать, что я безумец, и, следовательно, мое новое завещание недействительно.

— Но ведь тогда, выходит, Клерман женится на Марте, и оба наследуют ваше богатство? — сказал Борис.

— Ну,— Евгений пожал плечами.— По крайней мере, мы вовремя выяснили это и сможем предотвратить другие убийства.— У него сильнее задергался глаз.— Где они сейчас?

— Уверен, что их нет в доме, потому что...— начал я, и тут сверху донесся голос Марты.

— Евгений, зайди, пожалуйста, в гостиную!

— Марта? — У него дрогнул голос.

— Кэрол что-то хочет сказать тебе,— холодно продолжала она,— говорит, что это очень важно.

Евгений посмотрел на нас. Борис яростно замотал головой.

— Это ловушка,— прошептал он.

— Даже если и так,— возразил Весткот.— Там Кэрол! Я должен помочь ей! В конце концов, я вооружен.

Он стал медленно подниматься по лестнице, держа наготове ружье. Мы с Борисом последовали за ним. Пройдя через кухню и холл, мы вошли в гостиную. На кушетке сидели Марта и испуганная Ванда. Страх был написан и на лице Кэрол Фриман, вжавшейся в кресло. Позади кресла, приставив револьвер к голове Кэрол, стоял Клерман.

— Вот и он! — торжествующе сказал Клерман.— Ну-ка, Кэрол, скажите ему!

Кэрол медленно облизала пересохшие губы, глядя на Евгения.

— Если вы не отдадите им ружье, он меня застрелит!

Боюсь, он так и сделает, Евгений,— произнесла она дрожащим голосом.

Весткот, не отводя взгляда от Кэрол, медленно разжал пальцы, и ружье со стуком упало на пол.

— Заберите его, Марта! — приказал Клерман. — Только осторожно, чтобы он не выкинул чего-нибудь.

Марта встала с кушетки и, подойдя к ружью, оттолкнула его ногой в сторону. Затем она подняла ружье и улыбнулась.

— Что, Евгений, не повезло?

Евгений никак не отреагировал на ее слова.

— Теперь ружье у вас, — сказал он Клерману, — хватит пугать Кэрол, уберите револьвер!

— О'кей! — Клерман отошел от кресла и, вопросительно посмотрел на меня.

— Где Карл?

— Отдыхает в моей комнате, — ответил я.

— Забудь о нем, Алекс, — вмешалась Марта. — Он сейчас в таком состоянии, что не представляет никакой опасности. Я видела его.

Клерман согласно кивнул, при этом на его лице появилось выражение профессионального убийцы.

— Ловко вы меня одурачили, Алекс, очень ловко! — с горечью сказал Весткот. — А ведь я так доверял вам!

— Вы доверяли мне? — рассмеялся Клерман. — Вам просто нравилось, как я поддакивал вам, когда вы разглагольствовали о своих моральных принципах. А в это время путались с... — он кивнул в сторону Кэрол, — с этой сукой! Никто не стоял на вашем пути к женщине, когда вы ее по-настоящему хотели: ни ее муж, ни верный слуга, ни родной брат. Но вы с ними разделались, господин моралист!

— Перестаньте болтать чушь, Алекс! — резко сказал Весткот. — Чем больше вы говорите, тем лучше видна вся слабость вашего характера. Бесхребетный мужчина, удовлетворяющий амбиции осатаневшей бабы! Скоро она закончит и с вами!

— Алекс, не обращайте внимания на его слова! — холодно произнесла Марта. — Полиция позаботится о нем!

— Полиция? — усмехнулся Весткот. — Хотелось бы верить, что я останусь в живых до прибытия полиции, но не стоит на это рассчитывать, так, моя дорогая?

— Послушайте, Алекс, — вмешался Борис, — нам прекрасно известно, что это вы убили Лукаса, потому что он видел, как Эмиль тащил Карла обратно в темницу.

— Лукаса убил Евгений,— возразила Марта,— за то, что он был мужем Кэрол, и за шантаж.

— Когда я возле дома случайно опознал Эмиля с телом Весткота, Лукас чуть не задушил меня,— сказал я,— потом...

— Черта с два, Лукас! — хмыкнул Клерман.— Это был я!

— Вы? — Я остолбенел.

— Мы с Мартой сразу почуяли неладное, когда Весткот затеял эту встречу на острове,— сказал Алекс.— Никто из вас и слышать не хотел о том, что мисс Преббл видела чье-то лицо за окном, а я сразу поверил ей. Поэтому я вышел на улицу, чтобы проверить, кто там мог быть. Тут я заметил чью-то фигуру, пятившуюся спиной ко мне, и решил спрятаться в кустах, но наткнулся на вас, Бейкер. Мне ничего не оставалось делать, как силой заставить вас молчать, пока мимо проходил Эмиль со своей ношей. При свете я узнал Карла.

— Но какого черта вы меня так душили?

— Я не мог позволить вам узнать меня, иначе вы назвали бы мое имя в доказательство того, что ваш рассказ правдив. Или вам мало Лукаса? Чтобы Евгений не подозревал о нашей дружбе, Марта устроила в вашей комнате спектакль и отвлекла внимание от меня.

— О, конечно! — скептически сказал я.— Именно поэтому Марта заставляет меня, как дурака, искать труп мужа, пока вы убиваете Эмиля.

— Вы правы только в одном — я действительно убил Эмиля. Но совсем по другой причине. Я хотел найти место, где он прячет Карла. Но, когда я вышел из дома, Эмиль уже поджидал меня. Он бросился на меня с ножом, и... Поверьте, я защищался и случайно убил его.

Я насмешливо посмотрел на Клермана.

— Хороша случайность! Вы воткнули ему нож в спину, прямо между лопаток.

Клерман покраснел.

— Черт возьми, я не слабый человек, но Эмиль был гигантом! Все произошло очень быстро! Он появился неожиданно для меня, одной рукой схватил за горло, а вторую, с ножом, занес надо мной. Я ударил его в пах, он выпустил мое горло, и тогда я схватил его запястье и стал заворачивать руки за спину. Любой человек от боли бросил бы нож, но Эмиль все старался освободить руку, не выпуская ножа. Я развернул его руку к спине...

— Значит, Эмиль воткнул в себя свой нож? — спросил Весткот.

— Получается так! Он...

— Многое я дал бы, чтобы послушать, как вы будете рассказывать эту историю в суде, — засмеялся Евгений. — И что скажет окружной прокурор!

— Заткнитесь! — закричал Алекс. — Я и не ожидал, что вы поверите мне! — Он почти умоляюще посмотрел на меня. — Вот как это случилось, Бейкер, клянусь!

— Это совершенно невозможно, и я берусь доказать, — заметил Весткот.

— Вот как? — снова закричал Алекс. — Ну, что же, докажете!

— Если вы настаиваете! — Весткот с улыбкой повернулся ко мне. — Прошу вас, Бейкер, помогите мне. Итак, вы — Эмиль, а я — Алекс. В правой руке у вас — нож. Я не ошибаюсь, Алекс, он держал нож в правой руке? — Клерман кивнул. — Теперь, мистер Бейкер, возьмите меня за горло левой рукой, а правую поднимите так, будто замахиваетесь на меня ножом.

Я послушно исполнил его указания. Затем Весткот поднял левую ногу.

— Я ударяю вас в пах, и вы отпускаете мое горло.

Я опустил левую руку вниз. С неожиданной силой Весткот сжал мою правую руку и завел ее мне за спину так, что я чуть не вскрикнул от боли и вынужден был развернуться в противоположном направлении.

— А теперь, мистер Бейкер, попробуйте вырваться.

Я напрягся, и в этот момент Весткот толкнул меня с такой силой, что я пролетел через всю комнату, словно снаряд, и врезался в Клермана, свалившись вместе с ним на пол. Клерман пронзительно закричал, и я увидел, как его рука тянется к револьверу, который он выронил во время неожиданного падения. Прогрохотал выстрел, и тело Клермана обмякло. Я быстро вскочил на ноги и, посмотрев на Алекса, содрогнулся: его голова представляла собой сплошное кровавое месиво.

Марта застыла рядом с кушеткой. На ее лице багрово выделялся след от удара кулаком, который ей нанес Евгений, прежде чем вырвать ружье. Ошеломленные Борис и Кэрл медленно приходили в себя. И только Весткот с оружием в руках выглядел спокойным и уверенным в себе человеком.

— Извините, мистер Бейкер, что использовал вас

подобным образом, — мягко сказал он, — но у меня не было другого выбора.

— Вы правы, — согласился я, — но...

— Но что, мистер Бейкер? — В голосе Евгения появились металлические нотки.

— Ларри хочет сказать, была ли необходимость стрелять, — пояснил Борис.

— Конечно, — холодно произнес Весткот, — надо было предоставить эту возможность Клерману.

Внезапно Марта подбежала к убитому, опустила на колени и осторожно приподняла его голову. Затем она устремила свой взгляд, полный ненависти и отвращения, на мужа. Тяжелое молчание в комнате продолжалось до тех пор, пока все не услышали тяжелый размеренный скрип ступеней. Кто-то медленно поднимался по лестнице. Наконец, на пороге возник человек, в котором я узнал Карла Весткота. Он по очереди обвел взглядом присутствующих, пока не заметил меня. На лице у него появилась радостная улыбка.

— А, это вы, мистер Бейкер! Я замечательно отдохнул, большое спасибо за гостеприимство!

— Какие пустяки, Карл, — благожелательно ответил я.

— Теперь у меня нет никаких сомнений относительно себя. Вы действительно были правы в тот раз, когда вместе с голой леди посетили меня. Теперь я вспомнил, что меня зовут не Карл, а Евгений.

— Позвольте, как Евгений? — Я непонимающе уставился на него.

— Дело в том, что я очень ясно вспомнил тот вечер с шампанским. Помните, я рассказывал вам о своей златокудрой Ивонне? — Я быстро кивнул. — Так вот, я снова услышал ее голос, как будто это произошло только что. Я помню ее крик: «Прошу тебя, оставь бутылку!» И свои слова: «Если я не могу иметь тебя, то никто не будет иметь!» Потом ее хриплый шепот: «Я не могу дышать, я задыхаюсь! Ты убиваешь меня, Евгений!» — В его карих глазах мелькнуло сожаление. — Я убил ее, и Ивонна перед смертью называла меня Евгением, а она никогда не путала братьев. Я убил ее, значит, я — Евгений.

В глазах настоящего Евгения появился холодный блеск. Он вскинул ружье, но я одним прыжком подскочил к нему и ударом кулака по голове свалил его с ног. Затем, нанеся еще удар, вырвал у Весткота ружье.

— Ларри! — завопил Борис. — Ты что, обалдел?

— И не подумал, — тяжело дыша, огрызнулся я. — Ду-

маю, что он тоже хорошо соображает. Выдал нам просто замечательную историю. Вспомни, что сказал ему Клерман: «Вас ничто не могло остановить, когда вы хотели женщину!» Карл утверждает, что помнит, как он убил свою невесту, но в то же время не может зрительно представить, как он это сделал. Он слышит только голоса. Теперь понятно, что девушку убил Евгений, а затем представил своего брата безумцем и засадил его в сумасшедший дом?

Борис продолжал недоверчиво смотреть на меня, и тут я понял, почему,— ведь он не слышал первого рассказа Карла.

— Ну, хорошо, Борис, следи за моей мыслью! Мы знаем, что девушку задушили. Теперь давай вспомним, как был убит Лукас.

— Он был... А что, если это совпадение? Или дело рук Карла?

— Карл в это время сидел в темнице. Евгений с помощью Эмиля держал его там до того момента, когда он смог бы покончить сначала с Лукасом, что он и сделал, а затем с женой, и после этого выпустить на волю брата-маньяка, которому можно было легко приписать все эти убийства. Не сомневаюсь, что и Карла ждала бы та же участь, с которым Евгений расправился бы, изобразив убийство как случайную смерть при самозащите. Таким образом Евгений не только прятал концы в воду, но и становился героем.

— А как быть с Эмилем? — тихо спросил Борис.

— Думаю, Клерман сказал правду. Помнишь, ты спросил Евгения, нужно ли было убивать Клермана? Конечно, на это была причина. Он...

— Это было необходимо,— тихо произнес сухой безжизненный голос.

Невольно вздрогнув, все оглянулись. Голос принадлежал Марте, сидевшей возле Клермана. В правой руке она держала револьвер, о котором в суматохе все забыли.

— Не кажется ли вам, Ларри,— все так же тихо продолжала она,— что Евгений поступил весьма неосторожно, оставив револьвер возле трупа? Но я знаю, что он сделал это намеренно, выжидая с ружьем наизготовку момента, когда я протяну руку к револьверу. Но вы все ему испортили, Ларри!

— Нет, Марта, нет, ты не...— Весткот бросился к ней.

Как-то очень спокойно Марта прицелилась и в упор выпустила в мужа три пули. Весткот тяжело рухнул на пол,

в агонии перевернулся на спину и затих. Борис испуганно наклонился над ним.

— Умер? — бесстрастно спросила Марта.

Борис молча кивнул.

— Теперь я спокойна! — Марта погладила Клермана по голове, затем внезапно засунула ствол револьвера себе в рот и нажала спуск.

Ванда со стоном сползла с кушетки на пол. Кэрл сидела неподвижно. Ее лицо казалось безжизненной маской, и только в глазах застыл ужас. Кто-то кашлянул за моей спиной. Я обернулся и увидел Карла.

— Скажите, мистер Бейкер, кто все-таки я? — жалобно спросил он.

— Вы — Карл Весткот, невинная жертва своего честолюбивого братца, — несколько высокопарно ответил я.

— Что ж, я очень рад, что в смерти Ивонны нет моей вины. А кто теперь будет присматривать за мной?

— Нашли о чем беспокоиться, Карл! — удивился я. — Теперь вы богатый человек, и сами будете присматривать за своими владениями!

— А мы будем торчать на проклятом острове еще шесть дней, — уныло сказал Борис, — за компанию с трупами.

— Почему? — недоуменно спросил Карл. Я объяснил ему ситуацию. — Тогда нужно подать сигнал. Что, если зажечь костер?

— Бесполезно, — возразил я. — Через полчаса наступит рассвет, и никто не заметит костра при дневном свете. Тут нужен ад огня!

— Ад огня? — Карл задумался. — Вы сказали, мистер Бейкер, что я унаследую имущество Евгения. Дом тоже?

— Ну, конечно, — устало ответил я. — Это все ваше, Карл.

— Тогда давайте подожжем дом! — радостно сказал он. Заметив мой ошеломленный вид, Карл добавил: — Это будет море огня!

Через некоторое время дом Весткота запылал, а через час на острове появилась встревоженная береговая охрана.

Как немного нужно человеку для счастья! К этому выводу я пришел, находясь в своей уютной, такой безопасной квартирке на Манхэттене, выходившей окнами на Центральный парк.

Зазвонил телефон. Я крикнул в трубку «Нет!» и тут же бросил ее. Почти сразу раздался новый звонок.

— Слушайте, Ларри! — послышался звонкий голос в трубке. — Кто ваш агент? Я или не я?

— Нет! — снова крикнул я.

— Ларри, милый! Это Сельма Брутен, — умоляюще произнес голос.

— Сельма Брутен? Вы имеете в виду двуличную толстую гориллу?

Наступила зловещая пауза, наконец тот же голос прошипел:

— Я имею в виду Сельму Брутен — вашего агента.

— Никогда не слышал о такой! — Трубка с треском легла на место, но через несколько секунд телефон снова зазвонил.

— Перестаньте надоедать мне! — рявкнул я.

— Подождите, Ларри! Я очень сожалею по поводу этой истории с Весткотом, но поверьте, что я здесь ни при чем. Откуда я могла знать, что он окажется убийцей и...

— Хороший агент должен знать все заранее! — отрезал я.

— Но ведь ни вы, ни Борис не пострадали, слава Богу! Зато какая изумительная история! У меня два великолепных предложения для вас обоих насчет постановки телефильмов. Я всю ночь составляла контракт, осталось только подписать его. Клянусь, он выгодней того, что предлагал Весткот! Вы будете купаться в деньгах!

— Ищите себе других клиентов, а нас с Борисом оставьте в покое!

— Но вы даже не видели контракта! Я могу прислать его вам на квартиру прямо сейчас, чтобы вы ознакомились с ним. Это дело всего нескольких минут. Идет?

— Хорошо, давайте присылайте, но с одним условием: если он мне не понравится, больше никаких звонков. Согласны?

— Отлично, Ларри! — бодро воскликнула Сельма. — Контракт доставят минут через пятнадцать.

Я закурил и подошел к окну. Наступила ночь, словно специально созданная для любви, а моя единственная подруга в Манхэттене как раз недавно вышла замуж за своего босса.

Звонок в дверь оторвал меня от грустных размышлений, и я пошел встречать посланца Сельмы. Тот повел себя чрезвычайно странно. Сунув мне толстый конверт в руки, он прошмыгнул мимо меня в квартиру и исчез в спальне.

Я закрыл дверь и, дойдя до спальни, остановился. Сельма была способна на всякие трюки, но все-таки мысль

о том, что она могла подослать террориста, казалась невероятной. Внезапно дверь спальни распахнулась, и появилось нежное создание в бледно-голубой шелковой пижаме. Полная грудь под прозрачным нейлоном маняще подрагивала.

— Ванда? — задохнулся я от неожиданности. — Что вы здесь делаете?

— Ведь вы должны получить свою награду за храбрость?

— А что... с контрактом? — пробормотал я.

— Он в конверте. — Она нетерпеливо передернула плечами. — Можете посмотреть...

Ванда неожиданно прижалась ко мне, и я обнял ее. Обвив мою шею руками, она прильнула к моим губам, и я почувствовал всю сладкую тяжесть ее полных грудей. Но так же внезапно она отпрянула от меня.

— Нет, что-то не то... О, теперь я вспомнила!

Взяв мои руки, она положила их на свои круглые ягодицы и снова обняла меня. Я крепко прижал ее, и она слегка застонала. Я хотел поцеловать ее, но она уклонилась от поцелуя.

— Простите, Ларри, но я совсем забыла.

— Что? — с недоумением посмотрел я на нее.

— Сельма просила, чтобы вы сначала подписали контракт.

— Проклятая баба! — закричал я. — Это шантаж!

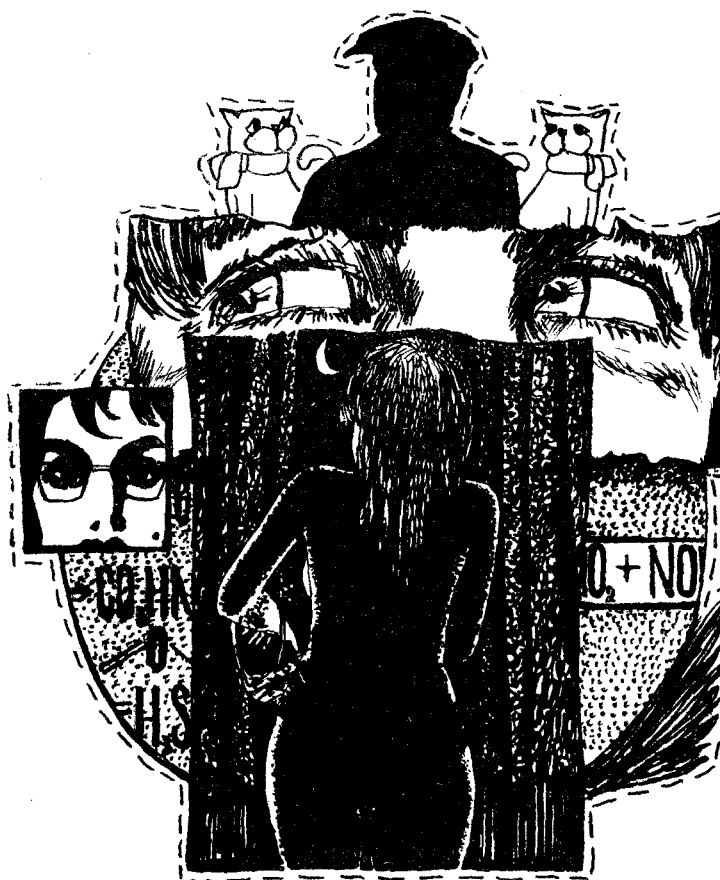
— Рыжеволосый шантаж, Ларри!

— Хорошо! Где у вас ручка? — торопливо спросил я.

— Подождите! — Ванда освободилась от моих объятий и подняла верхнюю часть пижамы, достаточно высоко, чтобы открылись узенькие трусики.

— Помогайте! — счастливо сказала она.

Я не заставил себя ждать, а на следующее утро за завтраком подписал контракт.

ДОМ КОЛДОВСТВА

— Вас ждут, мистер Бойд.

Горничная спелого возраста, неодобрительно хмыкнув, отступила назад.

Я стряхнул со своих волос снег и вошел в Дом Колдовства. Несколько месяцев назад я видел отличные фотоснимки в одном из иллюстрированных журналов, и поэтому его вид меня не слишком удивил. Легкий аромат, который, казалось, распространялся по всем помещениям, заставил мои ноздри затрепетать. Едва я вошел, то почувствовал странное ощущение в ногах, и лишь через мгновение понял, что они утонули в плотной шерсти ковра. Стены вестибюля были задрапированы черным бархатом, а переливчато-зеленый потолок освещен умело скрытыми лампами.

Горничная проводила меня к спрятанной в глубине помещения лестнице, возле которой, словно живая, сидела египетская кошка из синего венецианского стекла. Мне показалось, что при моем приближении в ее хищных глазах загорелся недобрый огонек.

— Мисс Лорд просила вас сойти вниз.

Горничная снова громко хмыкнула.

Я пошел по мозаичной лестнице, каждая ступенька которой была украшена каббалистическим рисунком, и вскоре очутился перед тяжелой деревянной дверью.

За ней находилось теплое и влажное помещение бассейна.

Бассейн был невелик: шесть на шесть метров. Легкая дымка пара поднималась с его поверхности. В воде, широко раскинув руки, лежала молодая светловолосая женщина.

Она смотрела в потолок, представляющий собой нечто вроде фальшивого неба, и была, по-видимому, глубоко погружена в свои размышления.

— Закройте дверь! — неожиданно проговорила она приказным тоном. — Ужасный сквозняк!

Я старательно закрыл дверь, потом подошел к бассейну и погрузил в него свой взгляд.

Длинные светлые волосы ореолом окружали женскую голову, а глаза ее по прежнему были устремлены в потолок. Нос между выступающими скулами был прямым и классически красивым. Крупный рот являл собой чувствительную поэму: верхняя короткая и нижняя припухлая губы были плотно сжаты.

Она имела вид женщины, привыкшей выполнять свои желания, и я подумал, что, несмотря на этот, почти чудесный фасад, она, вероятно, деликатна и нежна, словно бульдозер.

Лорд неглубоко вздохнула, перевернулась на живот, несколькими легкими движениями достигла края бассейна и вылезла из воды. Я подумал, что черный купальник, который, вероятно, достаточно тесно обхватывал ее до купания, еще немного подсел.

Когда женщина выпрямилась, я увидел, что она еще выше, чем казалось на первый взгляд. Всего сантиметров на шесть меньше моих ста восьмидесяти. Тело ее напоминало античную статую. Ее полная грудь, как впрочем и благородные округлости бедер, бросали вызов моей чувственности.

Длинные, точеные ноги и полные ляжки были двумя минаретами желания. На одно мгновение извращенное воображение подсказало мне, что неспроста она назначила мне встречу в бассейне, где могла появиться в полном своем великолепии, но потом я одумался и принялся тупо смотреть, как она вытирает полотенцем волосы.

— Вы Бойд? — раздался через десять минут вопрос.

— А вы — Лорд? — сухо ответил я.

— Пожалуйста, называйте меня мисс Лорд!

— Называйте меня мистер Бойд, если вам не трудно, — проговорил я с ледяной улыбкой. — Я думаю, вы замечательный человек и схожу с ума от радости, что могу иметь вас своей клиенткой, только не забывайте хороших манер при обращении со мной.

Казалось, она вот-вот взорвется, но ей удалось сдержаться. Тень улыбки на ее губах излучала такую холодность, что меня это немного обеспокоило.

— Вы, конечно, знаете, кто я такая?

— Безусловно, — ответил я. — Однажды я раскрыл журнал, в котором печатались голые женщины и сразу... — Я поднял руку, увидев, что она показывает зубы не только в улыбке. — Хорошо, хорошо, согласен, вы — Максин Лорд,

и вы владеете Домом Колдовства, парфюмерной фабрикой. И свое жилище, которое заманчиво разукрасили, вы называли также. По общему мнению, эта вещь первого сорта. По крайней мере, об этом я прочитал несколько дней назад.

— Я нуждаюсь в частном детективе,— заявила она, тщательно расчесывая волосы.— Вас мне рекомендовали как энергичного и неболтливоего человека. Это то, что мне нужно. Скорей всего и услуги ваши стоят недешево?

Ее лазурные глаза оценивали меня.

— Как ваши духи,— ответил я,— по сорок долларов за унцию.

Она принужденно улыбнулась.

— Я заплачу вам пять тысяч долларов, если вы добьетесь успеха. И ничего — в случае неудачи. Что вы на это скажете, мистер Бойд?

— Мне кажется, все зависит от того, что вы хотите, чтобы я сделал.

Мисс Лорд закуталась в простыню, как в саранг и направилась к лестнице.

Я последовал за нею в вестибюль, затем в лифт. На третьем этаже мы вышли, и она впереди меня пошла в спальню, достаточно обширную и вполне подходящую для ночных развлечений разного рода, весьма ценимых в Большой Катеринке. По обе стороны кровати несли сторожевую службу еще две египетские кошки из венецианского стекла. Когда они смотрели на меня, шедшего позади хозяйки, их хищные глаза были явно недоброжелательны.

Максин Лорд уронила простыню на пол, спустила лямки своего купальника с плеч и повернулась ко мне спиной.

— Расстегните меня,— приказала она.

Застежка-молния проходила вдоль всей ее спины до самого низа, и, расстегивая, я подумал, что кошки очень сердятся на меня. Их хозяйка, не поворачиваясь ко мне, позволила купальнику соскользнуть со своих бедер, и направилась к тому, что, как я догадался, было гардеробом.

— Я недолго,— бросила она через плечо.— Во время моего отсутствия подумайте о серьезных вещах, мистер Бойд.

В течение нескольких секунд мною овладели исключительно возбуждающие мысли, что было совсем не к стати. Желая как-нибудь отвлечься, я стал осматривать интерьер. Здесь потолок представлял собой тоже фальшивое небо, а стены были задрапированы черным бархатом. Я подумал

о том, что либо у Максина Лорд очень сильная индивидуальность, либо она немного свихнулась на каббалистике, «Либо и то и другое, и на сексе тоже», — со вздохом добавил я.

Она появилась с тюрбаном из полотенца на голове и в черном шелковом халате до колен. Безусловно, вниз она ничего не надела, кончики прекрасных грудей отчетливо выделялись под тонким шелком. При каждом шаге они восхитительно колыхались. Пока я восстанавливал дыхание, она села в кресло и принялась рассматривать меня, словно нежелательный подарок, приподнесенный по ошибке.

— В вас чувствуется некоторая мужественная животность самого низкого класса, — произнесла она своим очаровательным голосом. — В сущности, откуда я могу знать, что вы не кретин?

— А откуда мне может быть известно, что вы не просто надушенная сумасшедшая? — спросил я, защищаясь. — Вы, может быть, попросите меня достать вам флакон с духами, который вы уронили в бассейн на прошлой неделе? И все-таки, история о пяти тысячах долларов в случае удачи, это что — выдумка?

— Серая эмбра. Отвратительное вещество из кишечника кашалота. Она стоит целого состояния и является основой всех духов, — она небрежно махнула рукой. — Все остальное, в принципе, смесь пахучих компонентов. Но это то, что отличается хорошие духи от остальных, и потому каждый рецепт держится в секрете...

— Как яйца Венедикт? — предположил я с уверенностью. — Весь секрет заключается в голландском соусе и...

— Замолчите! — сухо перебила она. — Я сообщаю некоторые сведения, которые вам необходимо знать, несчастный идиот! Вся моя промышленность зависит от секрета моих духов. И в этом вся проблема.

— С серой эмброй у кого хочешь возникнут проблемы, — с дрожью в голосе произнес я. — И как же это получается, что духи в конце-концов пахнут так чудесно?

— Это то, что я пытаюсь вам объяснить, — прошептала она. — Все дело в смеси. Качество духов зависит от одного или несколько животных базисов и все они отвратительны. Вам уже известна эмбра. Мускус — это выделения мускусного мешочка оленя. Цивета — железистое выделение у абиссинского кота. А катериум — это выделения канадского бобра. Запах же духам придают синтетические цветочные масла, плюс эфирные масла натуральных цветов и все эти компоненты очень дорого стоят. Этим и объясняются высокие цены на духи, — на ее лице появилось раздраже-

ние.— Не понимаю, зачем только теряю время на объяснения? Важно другое: кто-то ворует у меня секреты!

— Вы хотите, чтобы я обнаружил, кто? — лукаво спросил я.

— Да! Кто и почему,— злобно проворчала она.— И вы, конечно, должны быть исключительно осторожны. Уже сейчас дело достаточно скверно, но если об этом узнают, то это будет конец духам Дома Колдовства!

— Не будет больше духов Венедикт? — со смехом проговорил я.

Синие глаза вспыхнули, испепелили меня и погрузили мои бедные останки в глубокую могилу.

— У меня совершенно отсутствует чувство юмора, когда речь заходит о моих духах,— прошипела она.— Случилось так, что это дело принадлежит семье Лорд в течение четырех поколений и у меня нет ни малейшего желания увидеть его банкротство по причине крючкотворства!

Теперь уже крючкотворство? Я зажмурился и начал искать сигарету.

— Хорошо, согласен,— внушительно проговорил я.— Теперь уже нечего смеяться. Полагаю, вас обкрадывают не для того, чтобы позабавиться? Их отдают или продают вашим конкурентам.

— Чарли Фремонт,— выплюнула она,— грязный спесивый подонок!

Я решился на смелый вопрос:

— Вы это знаете?

Ее губы презрительно скривились.

— Год назад я должна была выйти за него замуж, а потом внезапно поняла, что не меня он хотел, а мое дело. Теперь у меня с ним плохие отношения.

— А он тоже работает в парфюмерной промышленности?

— Восемь лет назад он начал с нуля, с небольшой самостоятельной торговли. Но и раньше он был нечист на руку. Он копировал наши запахи, наши упаковки, наше оформление — все! — Лазурные глаза становились все холоднее и напряженнее.— За последнее время у нас было только два вида духов: «Колдовство» и «Чары». В течение двух лет мы пытались выпустить третьи: «Заклинание». Наконец, месяц назад они были выпущены, а через неделю Флемонт выпустил идентичные под названием «Гри — гри». Их формула почти, вернее, та же, что и наша, и он не оставил мне другого выхода, как изъять из продажи

«Заклинание». Эта потеря, которую мы еще окончательно не подсчитали, выражается пятизначным числом.

— А это не могло быть совпадением? — поинтересовался я.

У нее вырвалось восклицание и звуки, которые могли бы означать смех.

— Он не располагает сотрудниками, занимающимися разработками состава, и, как я уже вам сказала, его духи идентичны нашим. Не похожи, а идентичны! Мои химики произвели нужные анализы и это были наши духи, абсолютно того же состава! Итак, или он подкупил одного из моих служащих, чтобы завладеть формулой состава, или у одного из них появилась идея продать ему эту формулу.

— Сколько человек знакомо с формулой?

— Очень немногие, — она скрестила ноги, и халат обнажил ее ляжки. — «Заклинание» было изобретено Лео Сталем, моим первым химиком. Остальные знают лишь часть. Существует только один экземпляр формулы, и он находится в сейфе, в конторе. Единственные люди, которые могли знать формулу или сделать с нее конию, за исключением Лео и меня, это мой брат Джонатан и моя личная секретарша Урсула Овен.

— Освободим вас от ответственности, — великодушно проговорил я. — Расскажите мне о других.

— Лео Сталь работает у нас двенадцать лет. Это блестящий работник, и он полностью поглощен работой и нашим производством, — она вздрогнула и пожала плечами. — Я не могу себе представить, чтобы он сделал такое! То же самое относительно Урсулы: она моя маленькая Пятница и работает у меня около пяти лет. Я доверяю ей без малейшего сомнения. Понятно?

— Остается братишка Джонатан.

— Мы не в очень хороших отношениях с ним, — голос ее стал жестким. — Он на четыре года младше меня и у него не так сильно развито чувство уважения к семейным традициям. Я ему плачу жалованье двенадцать тысяч долларов в год, тогда как по существу, он зарабатывает не больше трех с половиной. Это распущенный тип, но я всегда надеялась, что когда-нибудь он угомонится. В настоящий момент есть все основания думать, что этот день наступит не завтра. Он по шею погряз в долгах, так как содержит бывшую стриптизку с самыми разорительными вкусами. Несколько недель назад, когда я отказалась подписать чек, который освободил бы его от долгов, мы сильно повздорили. И так как я очень объективна в суждениях,

мистер Бойд, то Джонатан для меня — подозреваемый номер один.

Мисс Лорд встала, чтобы подойти к комоду, приятные округлости ее зада отчетливо колыхнулись под черным шелком. Она вернулась с конвертом и протянула его мне.

— Я записала здесь для вас их имена и адреса, — крепкие белые зубы на мгновение прикусили нижнюю губу. — Естественно, существует вероятность, что кто-то другой украл формулу, но пока я не вижу, каким образом это могло быть сделано. Никто не мог тронуть формулу в сейфе.

— Четыре подозреваемых для начала — это уже неплохо, — проворчал я.

— Еще вы должны понимать, мистер Бойд, что существуют определенные положения, — быстро проговорила она, — так что вам не следует посещать моей выставочной залы, кабинета, лаборатории или фабрики. Если малейшие подозрения забродят в мозгах моего персонала, это может привести к очень нежелательным психологическим эффектам. Официально «Заклинание» было снято с продажи, чтобы усовершенствовать формулу. Поэтому вы должны проявлять максимальную осторожность при разговоре с этими людьми, — сказала она, указывая глазами на конверт в моих руках. — Я не хочу, чтобы невинные испытывали какие-нибудь неприятности.

— Вы смеетесь? — возмутился я. — Вы хотите, чтобы я занялся этим делом по тарифу пять тысяч долларов или бесплатно и при этом еще надел перчатки? Хорошо, я не сделаю ни шага в ваши кабинеты, но что касается остального — буду действовать так, как сочту нужным. И если вам это не нравится... вам остается лишь взять обратную вашу проблему и пропустить ее через кондиционер.

В течение довольно долгого времени она пристально разглядывала меня, потом расхохоталась.

— Я люблю слушать, как говорят мужчины, мистер Бойд. В настоящее время их не так уж много, — голос ее снова стал голосом деловой женщины: — Я прошу докладывать мне о деле здесь. И, разумеется, возьму вам все расходы.

— Тысячу раз спасибо. У вас много прекрасных качеств: вы отлично скроены и к тому же, мисс Лорд, вы очень деловая женщина, а такие сочетания...

— С вашим профилем, я уверена, вы одерживаете многочисленные победы, мистер Бойд, — насмешливо проговорила она. — Но немедленный флирт не в моих привыч-

ках, так что советую вам убрать свой профиль и ваши нервы в другое место и начать работать.

— Вы хотите сказать, что предоставили мне возможность посмотреть на ваше замечательное тело, просто чтобы посмеяться? — спросил я с некоторым удивлением.

Глаза женщины опять стали холодными.

— Сейчас же уходите, — сказала она властным тоном. — Пока я не запустила в вашу голову каким-нибудь предметом.

— Вы меня обольщаете, Максин Лорд, — уверил я, огорченно качая головой. — Если бы мы были в стадии немедленного флирта, я готов был бы предложить вам скидку на десять процентов.

Я уже почти достиг двери, когда она снова заговорила:

— Мистер Бойд! — по голосу можно было предположить, что она забавляется. — Как вы справляетесь со своими делами, если разговариваете таким тоном со своими клиентами?

— Я разговариваю таким тоном только с клиентами-блондинками, красивыми и притягательными, — совершенно чистосердечно ответил я, — а они довольно редки.

Вниз я спустился в застекленном лифте и почти пересек весь вестибюль, когда позади себя услышал шуршание материи. Обернувшись, я увидел горничную, смотревшую на меня со слабой улыбкой.

— Вам что-нибудь нужно? — вежливо спросил я.

— Ничего, — она с довольным видом скрестила руки на животе. — Я просто удивилась, что вы так быстро вернулись.

— И это означает?

— Что вы, может быть, посильнее других. Или, может быть, позабыли принести длинную ложку!

— Чтобы ужинать с дьяволом?

Полный надежды я закрыл глаза, но когда их открыл, девушка все еще была здесь.

— Вы видели этих ужасных стеклянных кошек? — слова у нее вылетали со свистом, так как она продолжала сжимать губы. — Все эти дурные знаки на лестничной стене и в подвале?

— Это каббалистические знаки, — сказал я.

Она, видимо, не поняла, и я добавил:

— Это мистика.

— Скорее это знаки дьявола, — воскликнула она, вытаращив глаза. — Она никогда не пыталась сдерживать жела-

ний своего тела, и это еще цветочки. А теперь она дважды проклята, она связалась с сатаной, потому-то в доме и находятся эти ужасы.

— Если вам все это до такой степени не нравится, почему же вы не вернете ей свой передник? — задал вопрос я.

Горничная гневно покачала головой.

— Я была в услужении у ее отца и обещала ему на смертном ложе, что буду заботиться о его дочери. Я боюсь только за нее, не за себя.

— Ну что ж, — сказал я, направляясь к двери, — вероятно, жизнь не такая уж легкая штука, вот и все.

— Я в самом деле счастлива видеть, что у вас хватило сил противиться искушению, мистер Бойд, — проговорила она, следуя за мной по вестибюлю. — Я надеюсь, вы снова зайдете повидать ее. Для нее будет очень полезно знакомство с мужчиной, которого нелегко соблазнить телом, полным пороков и проданным сатане.

— Конечно, я приду. Мне было очень приятно поговорить с вами, мисс... э?

— Малон, — ответила она еще более мягким голосом. — Бойд — это ведь, ирландская фамилия?

— Мой папа был гном, — не задумываясь, ответил я. — Ему было более двухсот лет, когда он умер. Он жил бы еще и сейчас, если бы другой гном не рассердился на него и не раздавил его своим каблуком.

— Вы совершенно другой и намного лучше других, мистер Бойд, — уверяла она меня, энергично покачивая головой. — Этот Фремонт всегда вызывает у меня дрожь в спине. А другой, с иностранной фамилией Сталь? У него вид большого стакана воды, носящего шляпу.

— Сталь? И когда же он поддался чарам тела, полного пороков и связанного с сатаной?

— Несколько месяцев назад, — поджав губы, ответила она. — В течение какого-то времени создавалось впечатление, что это его дом, он все время ошивался здесь. Но вот уже два месяца его здесь больше не видно. И, когда вы появились тут, я подумала, что вы новый...

— Ну что ж, — сказал я, взявшись за ручку двери, — вероятно мы скоро увидимся, мисс Малон.

— С удовольствием. И не промочите ноги в такую отвратительную погоду. Вот так мой муж забыл надеть галоши, а на следующий день умер.

Дверь позади меня закрылась, и я оставил мисс Малон

наедине с воспоминаниями об усопшем супруге, а сам отправился по пустынной шестнадцатой улице в поисках такси.

2

Следующим утром, когда я встал, снег уже не шел, небо было голубое и всюду светило солнце.

Центральный парк превратился в обширный белый ковер, и, по крайней мере, на несколько часов Манхеттен приобрел чистый и праздничный вид.

Я проделал все обычные, предшествующие дню процедуры: душ и небольшой завтрак. После этого я попросил привратника поймать для меня такси.

Контора Чарли Фремонта находилась на третьем этаже почтенного здания в центре, сохранившего старинную обстановку, даже лифт обслуживал мальчик.

В выставочном зале царил хрусталь: сверкали две огромные люстры, повсюду стояли флаконы всех видов и размеров, наполненные духами. Конечно, запах стоял неопределимый. Почему-то все это мне напомнило роскошный бордель в Новом Орлеане.

Ко мне подошла блондинка с китайскими голубыми глазами. Она была в черном футляре, обтягивающем ее до самого подбородка, он явно затруднял движение ее тяжелых ляжек.

— Что вам угодно?

Деланная улыбка осветила на мгновение ее лицо, но тут же исчезла.

— Я хочу видеть мистера Фремонта, — ответил я, подавая ей свою карточку. — Скажите ему, что мисс Лорд хотела бы, чтобы я поговорил с ним о формуле.

Она два раза моргнула и казалось совершенно расстроилась, как будто я ей объявил, что в этом году в моде плоская грудь.

— Мистер Фремонт никогда никого без предварительной договоренности не принимает.

— Я держу с вами пари на уик-энд во Флориде, что меня он примет, — уверенно проговорил я. — Если я ошибусь, у вас будет шанс провести со мной уик-энд и это будет вам стоить всего лишь ваши расходы.

Ее рот медленно раскрылся, некоторое время оставался таким, потом медленно закрылся. Блондинка повернулась и сомнамбулически удалилась. Через минуту она вернулась уже без моей карточки.

— Мистер Фремонт вас сейчас же примет,— с некоторым трудом проговорила она.— Его кабинет в глубине, вторая дверь направо.

— Спасибо,— вежливо ответил я.— Я теперь не смогу спать при мысли об уик-энде, который мы не сможем провести во Флориде.

Ее рот снова медленно раскрылся, а я направился к кабинету Фремонта.

Дверь была открыта, так что я даже не стал стучаться. Комната напоминала кабинет старого президента агентства, был даже фальшивый камин, который занимал целую стену. Два огромных флакона духов стояли в нишах позади письменного стола, а ковер имел такой вид, словно он дышал всю жизнь пыльным городским воздухом, как это делаем мы с вами.

За письменным столом сидел человек среднего возраста, лет сорока пяти. Его густые черные волосы слегка завивались на висках, темные глаза беспокойно бегали, а, когда он улыбался, лицо сплющивалось, но резцы резко выступали вперед. Он был похож на что-то вроде минильва, странной смеси льва и кролика.

— Мистер Бойд? Садитесь, пожалуйста.

Его звучный баритон оказался для меня совершенной неожиданностью.

Я сел в кожаное кресло и почувствовал как сиденье вздохнуло под моей тяжестью.

С заинтересованным видом он громко прочитал мою карточку, потом уронил ее на бювар. Кроличьи зубы снова блеснули в улыбке.

— Я понял, что вы частный детектив, мистер Бойд?

— Об этом как раз и говорится в карточке, мистер Фремонт,— согласился я с ним.

— Вы наняты этой шизофреничкой Максин Лорд, чтобы попытаться напугать меня. Вы видите меня дрожащим, мистер Бойд? Замечаете ли вы признаки нервозности в моих руках, в моих глазах, видите ли вы смертельную бледность моего лица?

— Позвольте мне догадаться! Вы пытаетесь дать мне что-то понять?

— Я не сомневаюсь в том, что эта бедная Максин сказала вам, что я украл у нее формулу новых духов, причинив ей мучения и огромные потери, ведь она была вынуждена снять их с продажи. Ответ на все очень прост, мистер Бойд: правильно обратное. Формула изначально была моей и кто-то у меня ее украл. Я не думаю, что

Максин прямо повинна в этом, до этого мои подозрения не доходят, но формула безусловно была украдена кем-либо из ее окружения. В глубине души она хорошо знает это, в противном случае, почему она изъяла духи из продажи? Но вследствие некоторых личных мотивов, она пытается доставить мне неприятности. Итак, мистер Бойд, я могу вас уверить, что не позволю себя запугивать. Если она будет настаивать на своих грязных инсинуациях, я отвечу законным актом: я подам жалобу на клевету.

— Будьте добры,— умолял его я,— переведите немного дух. Я буду очень огорчен, если вы скончаетесь посреди фразы от недостатка воздуха.

Темные глаза быстро вращались в своих орбитах, как будто кролик, живущий в Фремонте, искал новых мест латука, чтобы погрызть его.

— Если вы думаете, что я шучу, мистер Бойд, то могу вас заверить, что вы ошибаетесь.

— А если мы уточним некоторые детали? — предложил я.— Максин Лорд говорит, что у нее украли ее формулу для вас, а вы утверждаете, что у вас украли вашу. Она говорит, что Сталь довел до конца эти духи. А что вы на это скажете?

— Формула была моей, и я работал над ней в течение двух лет,— заявил он, немного покраснев.— Я полагаю, она вам сказала... Что мы должны были пожениться?

— Она вскользь упомянула об этом.

— Я, как дурак питал к ней полное доверие и рассказал о моих новых духах. У меня даже было намерение после свадьбы слить оба наших предприятия и выпустить новые духи как символ... А потом я узнал правду о Максин. Я знаю, что должен был хоть немного пожалеть ее, но после того, что она попробовала мне сделать... Она больна, это несомненно, у нее поврежденный ум. Когда я обнаружил ее неудержимый аппетит по отношению к мужчинам, к другим мужчинам, а мы были уже почти женаты, я порвал с ней. И она ищет возможность отомстить. Кто-то из ее служащих наложил руку на мою формулу и...

— А как точно? — спросил я.

Он провел обеими руками по своим густым волосам и пристально посмотрел на меня.

— Откуда бы я мог знать, мистер Бойд? Если бы я это знал, я бы немедленно заявил в полицию. Я абсолютно не знаю, каким образом они это проделали.

— Согласен,— вздохнул я.— А когда это было?

— Когда? — сердито заговорил он. — Откуда я могу это знать?

— Вы хотите сказать, что ваши формулы валяются, где попало?

— Когда я работал в лаборатории, эта формула не покидала моего кармана. Здесь, в кабинете, формула всегда заперта в сейфе. Я признаю, что в своей квартире я был небрежен. Я живу один, мистер Бойд, без прислуги, без никого. Вполне возможно, что формула могла лежать на столе. Я просто не могу предположить, что в один из вечеров, во время моего посещения Максина, кто-то из ее служащих, знавший, где я нахожусь, воспользовался моим отсутствием для кражи.

— А как вы обнаружили доказательство его воровства?

Кроличьи зубы снова блеснули.

— Не обнаружил, но с другой стороны, если только хотели скопировать формулу, то могло и не быть следов взлома и прочего, не так ли?

— Может и нет.

— Так вот, — продолжил он, выразительно посмотрев на меня, — я человек очень занятый, мистер Бойд, и я уже уделил вам достаточно внимания. Я очень огорчен, что заставляю вас терять работу, но скажите Максину, чтобы она прекратила эту историю. В противном случае я дам своим адвокатам распоряжение придать делу официальный характер. До свидания.

Я встал, и, опершись обеими руками об его стол, наклонился к нему.

— Единственная вещь, которую я могу сказать мисс Лорд, это то, что я увидел в вас проклятого дуна, Фремон, — холодно заявил я. — Даже ребенок не поверит ни одному слову из вашего рассказа. Это ваша формула, говорите вы и валяете ее по всей квартире, так что кто-то однажды вечером забирается к вам и копирует ее. Потом этот кто-то отдал ее мисс Лорд, чтобы посмеяться над вами, и она одновременно с вами пускает в дело эти духи. Держу пари, что она хохотала до колик, изымая духи из продажи пятнадцатью днями позже, даже если ей обошлось это не в одну тысячу! Вероятно, вы совсем лишились разума, если вообразили, что я хоть на минуту поверю вашему рассказу!

На этот раз лицо его стало кирпичным.

— Я вижу, что допустил ошибку, позволив вам вступить в мой кабинет, — оскорбленным тоном произнес Фремон. — Уходите или я выкину вас вон.

Я протянул руку, схватил его за пиджак и приподнял с кресла. Его глаза закатились, и он издал вопль ужаса. Через несколько секунд я выпустил его и он упал в кресло.

— Не говорите о том, что выкинете меня наружу, — любезно проговорил я. — Вы для этого недостаточно крепки.

В течение нескольких секунд он занимался тем, что восстанавливал свое дыхание. Неожиданно скверный огонек зажегся в его глазах. Слова полетели из его рта с невероятной быстротой.

— Теперь еще и насилие! Ну что ж, если вы хотите, можно вдвоем поиграть в эту игру! Если Максин считает нормальным нанимать мускулистого бродягу, чтобы попытаться напугать меня, я приму меры предосторожности. И я это сделаю, знайте! У меня есть друзья, которые хорошо знакомы с подобными вещами. Можно даже назвать их экспертами. Они будут только счастливы оплатить кое-какие услуги, которые я некогда им оказал.

Фремонт замолчал, прижал ладонь ко рту и сильно укусил ее. Вскоре он снова заговорил, но уже спокойным тоном.

— Мистер Бойд... Все равно это будет неприятный сюрприз для Максин и вас. Поприветствуйте ее от моего имени, при встрече, — значительно проговорил он. — И не забудьте сказать, что я спрашивал вас, нет ли чего новенького о ее брате Джонатане, хорошо? Еще несколько месяцев, и он получит свое наследство.

— Свое наследство?

— Как? Она вам ничего не говорила? — удивился он и поднял брови, чтобы усилить выражение удивления. — Как она рассеянна, эта удивительная Максин. Видите ли, ее отец знал, что умирает, и он доверял дочери, но совсем не доверял сыну. Отсюда, по условиям его завещания, Максин наследовала дело и должна была руководить им до тех пор, пока Джонатану не исполнится двадцать пять лет. Тогда, при условии, что Джонатан проработает три предстоящие года на предприятии, он заменит Максин, которая должна будет все передать ему. Естественно, он должен устроить все так, чтобы сестра, после того, как ее заменит брат, ни в чем не нуждалась. И все это осложняет жизнь Джонатана, ведь согласно воле отца, он ничего не должен получать, пока ему не исполнится двадцать пять лет. А Максин никогда не была к нему особенно великодушной, и молодой человек здорово нуждается в деньгах для того... чтобы удовлетворить собственные нужды. Вы согласны с этим, мистер Бойд?

— Нужды? Например, стриптизка?

— А! Я вижу, что Максин все-таки кое-что сообщила вам,— он снова подчеркнуто рассмеялся.— Разумеется, ничего хорошего о брате? — его лицо стало серьезным.— Кроме шуток, если вы только можете на нее повлиять, я прошу вас, попытайтесь уговорить ее пойти к врачу. Я уверен, что она нуждается в лечении у психиатра.

«Это скорее хамелеон, чем мини-лев,— подумал я.— Он так быстро меняет свое настроение».

— Я передам ей привет от вашего имени и скажу, чтобы она ждала сюрприза от ваших друзей-подонков, и что она срочно нуждается в лечении у психиатра. И я не забуду сказать ей, что вы спрашивали новости о Джонатане.

— Благодарю, мистер Бойд,— резко проговорил он.— Вы, кажется, довольно умны, и я удивлен, что вы не нашли себе занятия более достойного, чем пускать в ход руки ради того, кто вас нанял.

С этими словами он поглубже уселся в кресло и с беспокойством посмотрел на меня. Через некоторое время, видимо, успокоившись, Фремонт выпрямился.

— Я скажу своим друзьям, что Максин более виновата, чем вы,— сказал он с самым серьезным видом.— Это может оказать вам услугу.

— Вы человек большого сердца, мистер Фремонт,— ответил я,— даже для ненормального.

Потом я вышел из кабинета, почувствовав, что еще немного, и у меня разболится голова.

Снаружи, на улице, холодный и немного резкий ветер прояснил мои мысли. И мне захотелось только одного: не думать, потому что, если я начну думать и вспоминать о Максине Лорд или о Чарли Фремонт, то через несколько часов окажусь в сумасшедшем доме.

Я выпил стакан вина, не торопясь поел, убеждая себя, что Сталь, Джонатан Лорд и Маленькая Пятница работают весь день, так что, связанный обещанием не встречаться ни с кем из них до вечера, мне осталась только одна в списке Синди Викерс, эксстриптизка, ввергнувшая Джонатана в нищету.

Она жила на Вест-Сайд на втором этаже переоборудованного отеля. Это был квартал, некогда видевший лучшие дни, но теперь пришедший в упадок.

Через пять минут после того, как я нажал кнопку звонка, дверь отворилась и появилась брюнетка. Я едва успел заметить большие округлости под зеленой блузкой,

а также большие совершенно безумевшие темные глаза. Она мгновенно издала радостный вопль и бросилась ко мне на шею.

— Руди! — закричала она, напрягая голос, как будто играла комедию перед компанией пьяниц в кабаке. — Руди, дорогой! Как я рада тебя видеть!

Потом, по-прежнему не отпуская мою шею, она потащила меня внутрь квартиры. Пока я пытался освободиться от этой хватки, мы достигли гостиной и там я обнаружил, что мы не одни.

Тот, для кого она играла, мог привидеться только в кошмарном сне. Он был приблизительно моего роста, килограммов на пятнадцать тяжелее и, судя по его тупому взгляду рептилии, только что выскользнул из лесной чащи.

— Кто это? — пробормотал он глухим голосом.

— Руди, — ответила брюнетка, повернув ко мне умоляющий взор. — Руди — мой старый друг из Чикаго. Я вспоминаю, — добавила она с нервным смехом, — патрон говорил, что до Руди у него была маленькая армия потрошителей.

Тип стал рассматривать меня. Ему было около тридцати лет, но лицо его казалось изможденным, вероятно, после нападения на одиноких старых дам в Центральном парке. Его взгляд больше всего беспокоил меня, трудно было предположить существование чего-либо человеческого позади таких глаз.

— Ой, мне сделалось плохо, — проговорил он. — Потрошитель, этот? Скорее можно сказать, опустившийся грум, да! — его тонкие губы раздвинулись. — Я в восторге от возможности познакомиться с тобой, слабак! Ладно, Синди и я хотим поговорить. Итак, выметайся, понял?

Я посмотрел на брюнетку, у которой от страха почти начались судороги, потом снова на типа.

— Хочешь, я выкину его в окно? — предложил я.

Он неторопливо направился ко мне с полуулыбкой гурмана. Я ждал, когда он дойдет до пределов моей досягаемости, чтобы выдать хороший удар правой и в последний момент отдернуть кулак и ударить ребром ладони по шее. По крайней мере, таковы были мои намерения, однако, мое нападение не имело успеха.

Парень с необычайной быстротой переменял место, проскользнул под мою левую руку, схватил меня за запястье. Через секунду я уже летел по воздуху и потом треснулся о стенку.

У меня было мгновенье, когда я лежал на полу, и мог

задать себе вопрос: что же здесь происходит? Но тут конец его ботинка вошел в соприкосновение с моим виском, и я перестал задавать себе вопросы.

Когда я пришел в себя, то увидел темные полные испуга глаза Синди в двадцати сантиметрах от моих. Ее полные губы дрожали, а мой череп разламывался от страшной боли.

— Ничего? — прошептала она.

— Сойдет, — простонал я сквозь сжатые зубы. — А тот тип, что с ним?

— Ушел пять секунд назад.

— Смылся, — вновь со стоном прошептал я.

— Это все моя вина, — тихо проговорила она, почти плача. — Я невероятно огорчена. Вы были так любезны, что не выдали меня. Он так меня пугал... я даже подумала, что он хочет меня убить.

Верхняя половина ее туловища колыхалась очень забавным образом. С большими предосторожностями я встал, дотасился до кушетки и сел. Моя голова по-прежнему раскалывалась, но, по крайней мере, боль стала терпимой.

— Я не могу предложить вам чего-нибудь? — нерешительно спросила брюнетка.

— Какой угодно марки виски, — с благодарностью ответил я.

Она направилась к ящику с красным крестом и занялась наполнением стакана жидкостью.

У нее была классическая фигура для стриптиза: высокая и тонкая, с пышной грудью, производившей впечатление, что тело может не выдержать ее тяжести. Девушка вернулась со стаканом, подала его мне и села рядом. Когда стакан опустел, я почувствовал себя чуть лучше.

— Я Синди Викерс, — сказала она, — но вы, вероятно, уже знаете это.

— Конечно. Меня зовут Данни Бойд. Что, этот тип ваш друг?

— В свое время я занималась стриптизом, а при такой работе встречаешь кучу грязных типов, — ответила она. — Он хотел, чтобы я снова начала работать с ним: Он хотел быть моим импрессарио, а когда я приказала ему убираться отсюда, все сразу стало плохим. Он из породы людей, которые не переносят ответа «нет». Это Оги.

— Оги?

— Оги Кран. Я не знаю, что смогу поделаться с этими ужасными... с Джонатаном и...

Она неожиданно замолчала и посмотрела на меня.

— Но прежде всего, почему вы пришли ко мне, Данни?

— Максин Лорд наняла меня, чтобы я нашел того, кто украл у нее формулу духов. Она считает, что этим человеком может быть один из четырех, из которых трое, не считая Джонатана, работают на фирму. Она также сказала мне, что ее брат по уши в долгах, так как содержит подружку с дорогими вкусами, бывшую стриптизку.

— Сестра Джонатана — грязная лгунья!

Девушка вскочила на ноги, и ее тяжелые груди радостно запрыгали под зеленой блузкой.

— Я шутя зарабатывала две сотни долларов в неделю, и бросила это единственно потому, что Джонатан просил меня.

— Он не закидал вас бриллиантами и норками?

Мечтательное выражение появилось в ее глазах.

— Он меня любит. Это самый замечательный человек, какого я когда-либо встречала, и он меня любит. Еще больше: он меня уважает! Может, все это кажется вам комичным, но это самая прекрасная история из всех, что со мной случались. И я по двум причинам не могу на вас сердиться, Данни Бойд. Вы были очень милы со мной, и вы пострадали от того, что хотели оказать мне услугу. Я забуду эту гнусную ложь, которую вы сказали насчет меня и Джонатана, потому что вы лишь исполняете свою работу, а ведь распоряжения отдает Максин Лорд.

— Мое сердце обливается кровью, слушая вас, Синди,— простонал я.— Я так и жду, что появятся две злые сестры Золушки и сунут вам метлу в руки. Я не знаю, что хотел от вас Оги, но безусловно не того, чтобы стать вашим импрессарио и заставить вас снова зарабатывать на антрекот стриптизом. Это было бы слишком ничтожно, разве только на пиво, а Оги не так глуп, как кажется.

— Если вы мне не верите, когда я говорю правду,— сухо сказала она,— то можете убраться отсюда.

— Я таким образом зарабатываю себе на антрекот,— значительно проговорил я.— Рыща повсюду. Вы мне ничего не говорите, отлично. Я продолжаю рыскать, пока не докопаюсь до правды. Вы можете мне помочь избежать лишних хлопот, и вы должны сделать это для меня.

— Я вам сказала правду. Если вы не хотите мне верить, я ничего не могу поделать,— черты ее лица стали жесткими.— Итак, спасибо, Данни, и прощайте.

— У меня еще сильно болит голова,— проворчал я.— Еще один стакан, хорошо?

— Обслуживайте себя сами,— ответила она, пожимая плечами.

Я покинул кушетку и пошел к ящику с ликерами. У меня болела голова, но это была уже глухая боль. Наливая себе, я повернулся и посмотрел на девушку.

— А о наследстве Джонатана вы в курсе?

— Разумеется. Он мне говорил. Пользуясь этой кражей, его сестра пытается подложить ему свинью и помешать ему получить фабрику после двадцатипятилетия.

— Это так думает Джонатан?

— Это то, что он знает.

— Вы знаете Чарли Фремонта?

— Я слышала о нем от Джонатана. По-моему, это ее конкурент? Это тот тип, который купил или мог купить секрет формулы у Джонатана?

— Тот самый.

Я тихонько вздохнул и закурил сигарету.

«Отличная шляпа,— сказал я себе.— Сперва тот ненормальный Фремонт утром, потом Оги, а теперь эта добрая женщина, полная благодарности, сообщает уже известные вещи. Вероятно, я должен быть умнее или просто сменить профессию».

— Послушайте,— произнесла она значительным тоном,— я в самом деле сожалею обо всем, Данни. Вы оказали мне большую услугу и за это так пострадали. Но теперь мне стало известно, что вы работаете на Максин Лорд, а, следовательно, против Джонатана, а я люблю Джонатана. И это может показаться вам сентиментальным, но я хочу выйти замуж за этого человека.

— До того, как он получит наследство,— вежливо поинтересовался я,— или после?

Она скрестила руки над грудью и с отвращением посмотрела на меня.

— Максин Лорд наняла меня, чтобы я обнаружил, кто украл формулу,— терпеливо повторил я,— а совсем не для того, чтобы доказать, что это сделал Джонатан. Итак, если он невиновен, помочь мне отыскать виновного — будет хорошим плевком в лицо Максин Лорд.

Она еще не была убеждена.

— У меня есть только ваше слово...

— А я, когда вошел сюда, по вашим словам, был лишь потрошителем по имени Руди. У меня также было только ваше слово! — напомнил я.

Синди закусила губу.

— Вы меня расстраиваете. Возможно, вы и порядочный

человек, но я, за исключением Джонатана, давно не встречала таких... Ах, все так сложно! — по ее виду можно было сказать, что она решилась. — Сперва мне надо поговорить с ним. Согласны?

— Согласен, — вздохнул я, потому что мне было нечего больше сказать.

Девушка улыбнулась мне.

— Я позвоню вам по телефону.

— Я не сомкну до тех пор глаз...

Опрокинув еще стакан, я протянул Синди одну из своих карточек и направился к двери.

Снаружи солнце уже исчезло, небо было покрыто тучами, до ночи снова мог пойти снег. Я поднял воротник пальто и подумал, почему человеческие существа недостаточно умны для того, чтобы впадать в зимнюю спячку в период больших холодов.

3

Когда, около семи часов, Лео Сталь открыл мне дверь, на нем не было шляпы. Но тем не менее, он действительно, как говорила мисс Малон, был похож на большой стакан воды. Он выглядел лет на тридцать пять; высокий, немного сутулый и страшно худой. Редкие каштановые волосы уже не скрывали плешь, а темные ледяные глаза дополняли его облик.

— Кто вы такой? — спросил он резким и недовольным голосом.

— Данни Бойд, — представился я. — Мисс Лорд...

— Да, она говорила мне о вас. Входите.

Я последовал за ним в строгую гостиную. Шторы были задернуты, но, возможно, в светлое время, из окон можно было увидеть несколько сантиментов Ист-Ривер.

Коротким жестом Лео Сталь указал мне двухместный диванчик, потом сел напротив меня на какой-то диковинный, очень неудобный стул, явно колониального стиля.

— Я сомневаюсь, что могу оказаться вам в чем-то полезным, мистер Бойд. Я могу лишь заверить вас в двух вещах: никто не видел формулы, пока она была в моем распоряжении, и что я не дал и не продал ее Фремонту.

— У вас нет никаких подозрений, кто бы мог это сделать?

— Никаких, — он с силой уцепился кончик своего мясистого носа. — Я интересуюсь лишь своей работой. Создание запаха — это редкое сочетание искусства и науки, и

я должен сознаться, что я этим уже занимаюсь двенадцать лет, и нахожу это трудным делом.

— Если это не вы,— сказал я,— то в списке остаются лишь три человека: мисс Лорд, ее брат и ее личная секретарша.

Сталь громко втянул в себя воздух.

— Это было бы весьма экстравагантным — подозревать мисс Лорд в краже собственной формулы, когда все было завершено и духи были пущены в продажу, что заставило ее потерять много денег.

— А может быть и нет,— сухо возразил я.— Она может быть считает, что эти потери ничтожны по сравнению с тем, что ей удастся убедить всех, что кражу совершил ее брат.

— Боюсь, что не в состоянии понять вашу мысль, мистер Бойд.

— Когда ее брату стукнет двадцать пять, по завещанию он должен заменить ее на посту руководителя предприятия. У меня не создалось впечатления, что она в восторге от подобной перспективы.

— Такое странное завещание! Старый Эндрю Лорд сделал это, когда был не в своем уме! — фыркнул Лео.— И, тем не менее, ваша мысль забавна!

— И, чтобы избежать огромных потерь, она может быть заключила секретный договор с Фрементом,— предположил я.— Вы забываете, что не так давно, они были почти женаты.

— Но когда поняла, что не она, а ее предприятие интересует его, то сразу же порвала с ним,— быстро возразил он.

— А у вас есть намерение жениться на ней? — небрежным тоном спросил я.— Или то была софистическая связь, с шалостями в теплом бассейне?

— Что? — его адамово яблоко задержалось.

— Из того, что мне довелось услышать, вы проводили у нее больше времени, чем ее горничная,— холодно проговорил я.— И что послужило причиной резкого прекращения Ваших отношений два месяца назад? Она обнаружила, что у Фремонта и у вас одинаковые намерения?

Выражение бледной злости совершенно изменило его.

— Это совершенно скандально! Я не потерплю таких подлых инсинуаций, Бойд, предупреждаю вас!

— Ладно, попробуем по-другому,— проворчал я.— Она больше всего опасается, что брат выкинет ее из директорского кабинета. Так? Сначала у нее была авантюра с

Фремонтом, потом с вами. Эта ваша формула была украдена, и это Фремонт получил ее.

Сталь покачал головой, и глаза его стали слезиться.

— Вы все больше и больше ошибаетесь. Я признаюсь, что нас связывали нежные чувства..., но, как вы сказали, все закончилось два месяца назад. Я предполагаю, что это из-за постоянной близости: двое людей, которые видятся каждый день...

— Избавьте меня от переживаний разбитого сердца, я вас умоляю! Кто-то решил, что все кончено два месяца назад. И это была Максин Лорд? Вы может быть, вбили себе в голову жениться на хозяйке, а когда не вышло, решили отомстить, а? Изю всех подозреваемых у вас было больше всех возможностей продать эту формулу Фремонту, потому что она была вашей.

— Бойд, вы просто сумасшедший!

Он ущипнул себя за нос, и его глаза заслезились еще сильнее.

— Моя связь с Максин была взаимным аккордом. Ни у кого нет ни малейшей злости. Я совсем на нее не в обиде.

— У Максин могла быть причина так же, как и у вас, как и у Джонатана,— сказал я.— Остается секретарша. Что вы о ней думаете?

— Я даже не знаю...— он задумался, затем вытер платком глаза.— Какое-то время я считал, что она не совсем равнодушна к Джонатану, но он, казалось, не замечал ее. А потом Максин рассказала мне о подруге своего брата, стриптизке, и я понял, почему он так вел себя. Но я не вижу совершенно никакого основания для маленькой Овен сделать подобную вещь лишь для того, чтобы доставить Джонатану неприятности за неразделенную любовь.

— Формула никогда не покидала вас, пока вы над ней работали,— вздохнул я.— Ладно, тогда что же произошло с ней, когда вы закончили работу?

— Я отдал ее Максин, а она заперла ее в сейф.

— Вы всегда отдавали работу только ей?

— Ну что же, два или три раза Максин отсутствовала, тогда я отдавал формулу мис Овен, та запирала ее на ключ.

— И никогда Джонатану?

— Никогда! У меня нет ни капли доверия к этому типу.

— Он знаком с комбинацией сейфа?

— Понятия не имею.

Я отдал ему свою визитку. Мне вдруг показалось, что

я похож на безработного актера, который суется во все театры в тщетных поисках работы.

— Если вам придет что-нибудь в голову, мистер Сталь,— проговорил я, вставая,— позвоните мне по телефону. Не раздумывая.

— Естественно. Я сильно надеюсь на то, что вы скоро раскроете эту тайну. Должен сказать, что я нахожу вашу работу тяжелой и отвратительной!

От него я направился к Джонатану Лорду, и, обнаружив, что он отсутствует, подумал об Урсуле Овен. Из списка, который мне дала Максин, я узнал, что Маленькая Пятница живет в Гринвич Вилладж.

Примерно минут через двадцать такси доставило меня к новым зданиям, которые пытались выглядеть роскошными. Привратник искося посмотрел на меня, но так как он никогда не видел безработных артистов, то решил, что я могу быть просто респектабельным сатиром.

Урсула Овен жила на пятом этаже, и я добрался туда лифтом.

Когда я позвонил три раза, дверь в квартиру приоткрылась на длину цепочки. Большие фиолетовые глаза на чистом девичьем лице приблизились ко мне. Махровое полотенце окружало ее голову в виде конического тюрбана и скрывало волосы.

— Кто вы? — ее голос был низким, слегка вибрирующим.

— Данни Бойд.

Я повернул голову так, чтобы она могла разглядеть мой знаменитый левый профиль: обычно, увидев его, красивые молодые девушки падали в обморок, рыдая от желания.

— Ах, да, частный детектив. Мисс Лорд мне говорила.

Урсула отворила мне дверь.

— Пожалуйста, входите, мистер Бойд. Извините, что я встречаю вас в таком виде. Я только что приняла ванну.

На ней был халат, который кончался на несколько сантиметров выше круглых гладких и, весьма, соблазнительных колен. Я снова повернул голову, демонстрируя свой профиль, но она неопределенно улыбалась и, как мне показалось, смотрела на что-то позади меня. Потом девушка повернулась и проводила меня в гостиную. Не успела она переступить порог, как ударилась о низкий столик и упала, подскользнувшись на хорошо натертом паркете, прямо на ковер. Халат задрался и обнажил очаровательные бледно-розовые ножки. Она попыталась встать, и в конечном счете, край халатика оказался не далее двух сантимет-

ров от ее твердых ягодич. Наконец, она поднялась, одернула халат и, смущенно улыбаясь, пробормотала:

— Простите меня. Пожалуйста, сядьте, мистер Бойд, я пойду оденусь. Это займет не более двух минут.

Девушка удалилась и, сделав несколько шагов, сильно ударились о ручку кресла. Я с открытым ртом наблюдал, как она прошла в свою комнату, еще несколько раз ударившись по дороге. Когда за ней закрылась дверь, я услышал страшный шум: то, без сомнения, были предметы, которые разбивались. Затем наступила тишина. Или Урсула умерла, или одевалась. Я от всего сердца надеялся, что она одевалась, потому что не хотел, чтобы она умерла в одних трусиках или чулках. Я поправил сдвинутую ею мебель, потом сел на кушетку и закурил сигарету.

Приблизительно через пять минут открылась дверь и появилась Урсула Овен. По крайней мере, это должна была быть она, хотя с первого взгляда вполне можно было ошибиться. Черные волосы, затянутые в строгий узел, вполне шли к белой блузке и прямой черной юбке. Чулки на ней были нейтрального цвета, туфли простые. Толстые стекла очков в черной оправе пояснили тот странный танец, который она исполняла, натыкаясь на мебель, а также то, почему на нее не подействовал мой профиль.

— Простите, что заставила вас ждать, мистер Бойд.

Голос ее был по-прежнему низким, но очаровательная вибрация была заменена сухим тоном деловой женщины. Она села напротив меня, скрестила ноги и одернула юбку на коленях, словно для того, чтобы у меня не могло возникнуть ни одной фривольной мысли.

— Ничего,— ответил я.— Полагаю, вам известно, зачем я здесь?

— Мисс Лорд сказала мне, что она наняла вас, чтобы вы нашли похитителя формулы. Надеюсь, что вам это удастся, мистер Бойд. С того времени, как это случилось, атмосфера в конторе стала просто невыносимой.

— Вы давно работаете секретарем мисс Лорд?

— Около пяти лет.

— Какого рода, в сущности, она женщина?

Фиолетовые глаза немного увеличились за стеклами очков.

— Это странный вопрос, мистер Бойд. Она превосходный начальник и совершенно деловая женщина. Мисс Лорд отлично руководит предприятием.

— Я тут разговаривал с другими людьми, замешанными в эту историю,— прямо проговорил я.— Мнения совер-

шенно разные, начиная с парфюмерии и кончая ненормальностью.

— Пожалуйста,— посоветовала девушка, поджав губы,— выбирайте выражения, мистер Бойд!

— Фремонт одно время жил с ней,— продолжил я.— Они собирались пожениться, но однажды Максин обнаружила, что его интересует предприятие, а не она. Потом ее любовником стал Сталь. Она не хочет, чтобы брат заменил ее во главе предприятия. Максин могла украсть формулу, чтобы отдать ее Фремонту, в надежде обвинить Джонатана, таким образом наследство прошло бы мимо его носа. Я предполагаю, что Маленькая Пятница, которая работает с ней пять лет могла помочь в этом или быть в курсе дела, не так ли?

Щеки Урсулы окрасились в розовый цвет.

— Я никогда не слышала ничего более постыдного! — сердито закричала она.— У вас, вероятно, мозги не в порядке, если вы могли хоть на минуту представить, что мисс Лорд способна на такое. По моему мнению, может быть только один подозреваемый — Джонатан Лорд. Он почти никогда не приходит в контору, он абсолютно ничего не делает, чтобы заслужить свое жалованье, и он вечно бегаёт за мисс Лорд с просьбами заплатить его долги.

— А вас разве нельзя рассматривать, как подозреваемую? Вам знакома комбинация сейфа, так что вы могли скопировать формулу, когда угодно.

— Без сомнения, ради денег, мистер Бойд? — спросила она, указывая на помещение.— Вы видите, как я люблю роскошь, не правда ли? Или, может быть, я хотела свести счеты с Джонатаном, чтобы отбить его у стриптизки? — она немного подумала.— А что вы скажете на это: мне нужны были деньги для приданного, чтобы уговорить Лео Сталя жениться на мне? Простите, но чувствую, что могу упасть в обморок при одной только мысли о той сумасшедшей страсти, которую я испытываю к этому индивидууму, похожему на печную трубу с хроническим синуситом.

Я против воли улыбнулся.

— Ладно, согласен. Тогда скажите мне, почему Максин Лорд изъяла духи из продажи?

— Потому что ему нечего терять, а ей наоборот: все,— не задумываясь ответила Урсула Овен.— Дом Колдовства пользуется баснословной репутацией у клиентуры, очень требовательной к качеству продукции. У Фремонта предприятие, по сути дела, организовано вновь и еще не имеет клиентуры. Если бы Максин продолжала продажу духов,

Фремонт мог бы распустить слух, что нашему дому конец, и мы вынуждены копировать его новые духи. У Максин не было другого выхода, как пойти на большие потери в надежде на то, что удастся доказать, что новый продукт у Фремонта появился благодаря украденной у нас формуле.

— Вы знаете Фремонта?

— Я, конечно, встречалась с ним. Он часто приходил в кабинет в то время, когда собирался жениться на Максин.

— И что вы о нем думаете?

Она с задумчивым видом сморщила нос.

— Не слишком-то хорошее. Со мной он был очарователен. Фремонт работал в течение ряда лет у отца Максин как первый химик, но когда Максин стала управляющей, она поставила Сталю на это место, а Фремонта сделала его ассистентом. Вот почему он ушел и создал собственное дело.

— Максин считает, что он просил ее выйти за него замуж, чтобы завладеть ее предприятием?

— Конечно, это вполне возможно, но я ничего об этом не знаю. Как мне показалось, чуть ли не с первого дня она почувствовала к нему предубеждение, но она вообще-то часто действует по велению своих эмоций.

— А Джонатан Лорд?

— Я считаю, что, по существу, он хороший человек, но невероятно слабый и страдает большим комплексом неполноценности в противоположность Максин, которая так преуспела за короткое время после смерти отца.

— Вы считаете, что он подозреваемый номер один, потому что он нуждается в деньгах для уплаты долгов, а также ищет возможность отомстить сестре?

— Что-то вроде этого, но у меня нет никаких доказательств. Может быть, я несправедлива к нему, — она раздумывала очень долго, потом вздохнула и бросила: — может, вы примете меня за сумасшедшую, но я считаю, что в этом деле есть нечто более важное, чем украденная формула.

— Что, например?

— Я не могу сказать, потому что ни за что не отвечаю. Я всегда принимала меры предосторожности, чтобы мои отношения с Максин Лорд не выходили за границы отношений секретаря и хозяйки. Так гораздо лучше. Да, конечно, мы давно друг с другом на «ты», я часто обедаю у нее, все это так. Она очень симпатичная женщина, но и очень сложный человек. Максин по-разному относится к окружающим ее людям. Мой кабинет находится рядом с ее дверью, и она большей частью остается открытой. Вы

можете подумать, что я подслушиваю, но я просто не могу не слышать.

— Только не останавливайтесь, ради Бога, продолжайте!

— Это меня всегда беспокоило,— пробормотала Урсула,— но до истории с этой формулой я всегда могла сказать, что это меня не касается. Когда она остается наедине с кем-нибудь, она всегда старается показать себя с такой стороны, которая наверняка бы смущала этого человека. Поверьте мне, Максин Лорд умеет быть оскорбительной. С Джонатаном — это прямое давление. Она все время дает брату понять, что она умнее, энергичнее его и что предприятие придет в упадок, когда он возьмет его в свои руки. С Лео Сталем — это секс. Бедный болван оставался неподвижным, когда она терлась о него и мурлыкала о духах. С Фремонтом — это почти всегда легкие удары по голове, как похлопывают собаку. «Теперь у вас есть шанс, что я выйду за вас замуж, и я смогу вам объяснить, как делаются дела в больших предприятиях». Трюки такого рода делали его больным.

— А какого рода оскорбления она придумала для вас? — небрежно спросил я.

Ее щеки порозовели.

— Мне кажется, что она не позволяет по отношению ко мне ничего злого. Как я уже сказала, я делаю все возможное, чтобы сохранить наши безличные отношения. Она, правда, время от времени угощает меня шпильками, например: «Как жаль, что некоторые девушки испорчены по натуре, а другие нет». Или: «Естественно, это трудно-трудно, когда нет секс-аппельса, но вы не огорчайтесь, душенька, вы — отличная секретарша». Вначале, возвращаясь домой, я очень переживала из-за ее выходок, но потом я закалилась. Когда Максин говорит это теперь, я говорю ей о причине, и она замолкает.

Я поднялся с кушетки, и девушка тоже встала. Наши лица оказались напротив друг друга. Потом я осторожно снял с нее очки и уронил их на кушетку.

— Но что же вы...?

Она чуть наклонилась вперед, пытаясь меня разглядеть, ее фиолетовые глаза снова стали нежно ясными и немного сощуренными.

— Вы мне кажетесь очень соблазнительной,— убедительно проговорил я.

Я неожиданно обнял ее, прижал к себе и поцеловал. В течение двух секунд она вырывалась, как разгневанная

фурия, пыталась оттолкнуть меня, но потом обмякла и ее нежные губы приоткрылись. Я не педант, но в тот момент не смог удержаться от воспоминания, что губы — только составляющая часть искусства поцелуя, и что основное — это осязательное удовольствие от контакта двух тел. Но не успев еще осуществить контакт, я почувствовал на своей груди нечто вроде непробиваемого железного барьера. Я проскользнул рукой по всей ее спине до бедер. Легким нажатием мои пальцы нащупали материю юбки и кончили тем, что начали безуспешно стучаться по железной броне. Может быть, она почувствовала то, что я переживал, или моя рука на ее бедре предельно нарушила моральный кодекс мисс Пятницы, но она вырвалась из моих рук, размахнулась и влепила мне классическую пощечину, как раз по той стороне лица, которую в полдень обработал Оги Кран. На некоторое время это совершенно ошеломило меня.

— Вы... вы... подлый! — задыхалась она. — Уходите!

Я судорожно сжал веки, а когда смог снова их открыть, она уже вооружилась своими очками и в них почувствовала себя гораздо сильнее. Лицо ее пылало.

— Я нахожу вас очень привлекательной, — повторил я. — Но девушки с нормальным сознанием созданы для того, чтобы содрогаться и сопротивляться, а потом они должны немного уступать и трепетать, когда их ласкают. Чего же вы ждете? Чтобы какой-нибудь тип появился с консервной открывашкой?

— Вы...

Она снова подняла руку, но на этот раз я ожидал удара и вовремя поймал ее запястье.

— Пустите меня! — завопила она вне себя от злости.

Я прижал ее руку к железной баррикаде и толкнул Урсулу в кресло. Потом я быстро снял с девушки очки.

— Я ухожу, — успокоил я ее. — Но так как я считаю вас способной разбить мне голову стулом, когда я повернусь к вам спиной, то возьму с собой очки. А оставлю их на низеньком столике у двери.

— Я хотела бы убить вас! — со злобой закричала она. — И в ближайшее время я это сделаю.

Закрывая за собой дверь, я слышал ужасный шум падающей мебели. Резкая головная боль вернулась с удвоенной силой.

— Продолжить ли работу, — подумал я, — или пойти домой и напиться?

Я одолел три этажа старого частного дома и позвонил. Мне показалось, что я грежу, когда дверь отворилась, и на пороге показался Оги Кран. Его маленькие глазки смотрели на меня, словно я был свежим яйцом.

— Опять ты? — проворчал он тягучим голосом. — Что с тобой делается? Ты недостаточно продегустировал то, что недавно получил от меня? И пришел за второй порцией? Я никогда не встречал потрошителя, который любит, чтобы потрошили его, но всегда должно быть начало всему.

Я ударил его. Это был лучший способ пресечь его болтовню.

Погрузив четыре жестких пальца в его солнечное сплетение, я вложил в удар весь свой вес. Оги начал сгибаться пополам, лицо его посерело. Я сжал кулак и ударил его между глаз. Он повалился вперед, и я деликатно отстранился, чтобы позволить ему лицом к лицу встретиться с полом. Затем я перешагнул через его ноги и вошел в квартиру.

Пара обезумевших черных глаз чуть не выскочила из орбит при виде меня. Синди Викерс сидела на диване с великолепным синяком под левым глазом, судя по окраске, недавно полученным. Ее лицо распухло и было мокро от слез. Зеленая блузка разодрана сверху до низу.

— Динни Бойд? — она смотрела на меня, не веря своим глазам. — Что же это такое... а он?

Я пренебрежительно подул на свои пальцы.

— Мне пришлось заняться им. В настоящий момент он получил сполна. Но я надеюсь, не потревожил вас?

— Вы просто-напросто спасли мне жизнь! — вскричала она, опустив глаза на свои лохмотья. — Он начинал становиться очень опасным.

— Так как Джонатана Лорда не было дома, я подумал, что он, может быть, пошел к вам? — проговорил я, полный надежды.

Она покачала головой.

— Я его сегодня не видела, а так бы хотела, чтобы он был здесь, когда пришел Оги. По крайней мере, многое бы прояснилось и мне стало бы легче.

— Вы нуждаетесь в подкреплении, — сказал я. — Но прежде всего я займусь Оги. Это не отнимет много времени.

Я вернулся к входной двери и нашел негодяя там, где его оставил. Перевернув его на спину, я вытащил его револьвер тридцать восьмого калибра, а из внутреннего

кармана бумажник. После некоторого размышления, вынул оттуда деньги и засунул их ему в карман, не сомневаясь, что рано или поздно они понадобятся ему, чтобы оплатить такси. Потом я схватил его за щиколотки и поволок по лестнице. Затылок Оги ударялся о каждую ступеньку. На входной площадке я положил его параллельно ступеньке и толкнул ногой, что заставило его покатиться вниз на тротуар. Он остановился метрах в тридцати от дороги. Было тепло, и Оги совершенно не рисковал умереть от холода, кроме того, его могли, как мертвецки пьяного, подобрать фараоны.

«При всех обстоятельствах,— подумал я,— это для него будет свежим ощущением!».

Вернувшись в квартиру, я старательно запер за собой дверь, прежде всего для того, чтобы обеспечить себе спокойствие в квартире.

Синди продолжала сидеть на кушетке. Она явно нервничала.

— Вы отделались от него? — быстро спросила она.

— Конечно.

Я подошел к ящику с ликерами, щедро наполнил два стакана и отнес их к кушетке. Девушка выпила половину своего стакана, потом вздохнула и упала на подушки.

— Мне это было крайне необходимо!

— Не хочешь ли ты мне рассказать? Я думаю мы можем обращаться друг к другу по имени — сказал я.— Или ты, может, мазохистка, умирающая от желания дать разбить свое лицо?

— Что такое ты говоришь? — воскликнула она с неожиданной неприязнью.

— Черт возьми! — выругался я.— Ты же была спасена благодаря совершенно случайному моему приходу в полдень и сейчас. На сколько еще неожиданных визитов Бойда ты рассчитываешь?

— Если это будет не Оги, тогда это будет кто-то другой, что, возможно, еще хуже. От Слессора никто не ускользнет!

— Такие вещи я называю таинственным ответом! А нельзя ли сказать мне все более ясно?

— Слессор — начальник Оги. Я некоторое время работала у него,— тщетно пытаюсь привести в порядок блузку, пробормотала она.— Многие типы воображают бог знает что о стриптизках. Они считают, что если девушка снимает свои шмотки и немножко вертит задницей, чтобы заработать себе на бифштекс, то она должна быть готова на все

в таком роде. Слессор владеет большей частью клуба, в котором я работала. Он попросил меня выступить на одном частном вечере. Он хорошо платил, хотел всего лишь, чтобы я исполнила свой номер не в клубе, а в другом месте и помогала ему развлечь приглашенных. Он совершенно ясно дал понять, что я буду лишь разговаривать с ними, и никаких других услуг. Все проходило хорошо. Если какой-нибудь пьяница становился слишком предприимчивым, то тут же появлялся Слессор или какой-нибудь тип вроде Оги и быстро заставлял его изменить намерения. С Джонатаном я познакомилась на одном из таких вечеров. Слессор сделал все, чтобы свести нас, и, когда он увидел, что мы поладили, у него был по настоящему приятный вид.

Она опорожнила свой стакан и поставила его на пол возле своих ног.

— Я не хочу надоедать вам рассказами о своей большой любви, но именно этим и стал для меня Джонатан. Он убедил меня бросить клуб. Он нашел мне квартиру и сказал, что через месяц после его дня рождения мы поженимся, и я ни на минуту не сомневалась. Понимаете, после миллиона предложений, сделанных мне разными прощелыгами, я не колебалась. Я сказала Слессору, что бросаю клуб, и что меня это не очень огорчает. Как идиотка, я рассказала ему о себе и Джонатане. У него был довольный вид, и, казалось, он был рад, а потом попросил меня оказать ему небольшую услугу: на следующий день развлечь одного из его крупных клиентов, что это будет в последний раз, что-то вроде прощального вечера.

— Да, история Золушки, только с другими вариациями,— произнес я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Когда я приехала по этому адресу, то нашла там только Слессора, Оги и еще одного из его людей, огромного типа по имени Пете.

Слессор сказал, что клиент запаздывает, но беспокоиться незачем, что тот вскоре появится. А пока предложил мне выпить стаканчик вина.— Углы рта Синди опустились в горькой усмешке.— Это была лишь самая обыкновенная история! Они положили в мой стакан наркотики в таком количестве, что я сразу вырубилась. На следующее утро я проснулась в своей собственной квартире с дубовой головой и абсолютной потерей памяти. Я ничего не помнила из вчерашнего вечера и ночи. Но вскоре Слессор напомнил. Около полудня он появился с пачкой фотографий. Фото ужасные, отвратительные.

— Как ты сказала, это была обыкновенная история. Таким образом они хотели заставить тебя покинуть Лорда и вернуться в клуб? — предположил я.

— Нет, все, что от меня требовалось, это то, что я собиралась сделать. Покинуть клуб, устроиться в квартире, которую для меня приготовил Джонатан и жить там все время. Позже, у него будет для меня два или три маленьких поручения, и это не составит для меня больших трудностей. Но если я откажусь, то фотографии... — Девушка нагнулась, взяла свой стакан и протянула его мне. — Мне необходимо еще немного выпить, Дэнни. И я не знаю, почему я все это вам рассказываю, тогда как вы работаете на сестру Джонатана. Она сойдет с ума от радости, когда узнает про все это.

Я принес ей стакан и уселся рядом. Она опустошила его несколькими большими глотками, потом принялась вертеть между пальцами.

— Джонатан говорил мне о себе, о завещании отца, о деле, которое перейдет к нему после дня его рождения. А в ожидании этого, денег у него немного, но мы как-нибудь выкрутимся. Он не мог покинуть своей квартиры, он был уверен, что сестра следит за ним, как стервятник, и что она воспользуется малейшей возможностью, чтобы помешать Джонатану заменить ее во главе предприятия. Я сказала, что меня это не расстраивает, так как у меня есть сбережения. Мы провели вместе совершенно восхитительных три месяца, и я почти забыла о фотографиях, но вдруг месяц назад сюда пришел Оги. Он сказал, что Слессор послал его узнать, как я живу, и прислал мне маленький подарок. Я развернула пакет и чуть не сошла с ума. Это была роскошная брошь с бриллиантами и надписью на обратной стороне: «Моей дорогой Синди. Ее Джонатан». Оги рассмеялся, когда увидел выражение моего лица, и сказал, что я должна хранить эту вещь у себя. Он будет приходить и проверять, здесь ли она. Если ее не будет, то Джонатан получит кое-что с ближайшей почтой. После ухода Оги я спрятала драгоценность в ящике под стопкой белья в глубине комода, чтобы Джонатан не мог увидеть ее. Через две недели Оги снова пришел и велел показать ему брошь. Потом он дал мне подвеску, такую же роскошную и с такой же надписью. Сегодня днем он пришел снова, проверил их наличие и сказал, что в ближайшие дни я получу еще подарок; мантию из платиновых норок, стоимостью около десяти тысяч долларов. Но я должна была немедленно написать письмо Джонатану, поблагодарить

его за роскошные подарки и не забыть описать каждый из них.

— Именно этого он требовал от тебя в тот момент, когда мы с ним встретились первый раз?

— Да. Когда он привел вас в такое состояние, он сказал, что придет снова сегодня вечером и что будет хорошо, если я буду одна. Тогда я, в конце дня, позвонила Джонатану в контору, чтобы сказать ему, что не смогу сегодня увидеться с ним, потому что у меня мигрень. За полчаса до тебя пришел Оги. Я знаю, что у Джонатана есть долги. До знакомства со мной он вел рассеянный образ жизни и бросал деньги на ветер. Но он совершенно успокоился с тех пор, как устроил меня здесь и, вообще делает все, чтобы стать солидным человеком. Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять, что Слессор работает на сестру Джонатана, и она хотела получить мое письмо с благодарностями за подарки, присланные мне якобы Джонатаном. Таким образом, она пытается доказать, что он тратит гораздо больше, чем зарабатывает. Тогда я решила, что у меня нет выбора. Я заявила Оги, что не напишу этого письма, и что Слессор может отправлять фотографии, так как, когда Джонатан их получит, меня здесь уже не будет. Я решила его бросить, а также порвать со Слессором и со всем этим отвратительным делом.

— И это не понравилось Оги, да?

Она неожиданно вздрогнула.

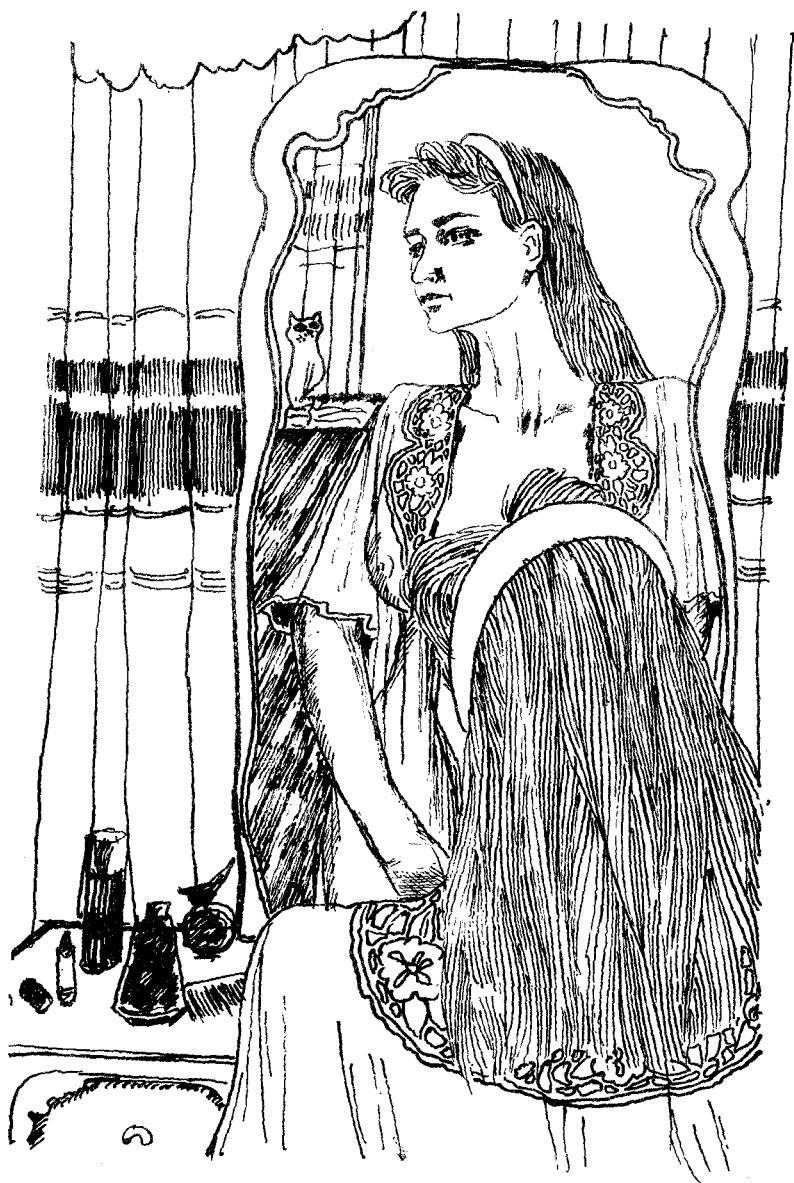
— Это совершенно ему не понравилось! Они потратили на меня слишком много денег, сказал он мне, и слишком рассчитывали на меня, так что он вынужден заставить меня переменить намерения. И он этим занялся, но тут позвонили вы. Я не знаю, сколько времени я могла бы выдержать! По-моему, Оги способен на все!

— Итак, что ты будешь делать? — спросил я. — Удирать? Пока еще есть возможность?

— Нет! — с яростью закричала она. — Это была на самом деле глупая мысль! Я позвоню Джонатану и попрошу его прийти. Я расскажу ему все, что рассказала тебе. А потом пусть он решает сам.

— Мне кажется, что ты поступишь умно. И также думаю, что Слессор не отступится от этого, даже если Оги получит большую взбучку. Хочешь устроиться у меня на несколько дней? Без всяких условий?

— Спасибо. Ты очень любезен, но... нет, — с жалкой улыбкой пробормотала она. — Это касается только меня и Джонатана. Если он услышит про эту историю, увидит

фотографии и между нами будет все кончено, то я первым же рейсом вылету в Калифорнию и вернусь к стриптизу. Если же он поймет меня, то я останусь здесь. Но я действительно буду очень рада, если в ближайшие дни ты будешь навещать меня!

— Это я обещаю. Мне кажется, что сегодня ночью тебе нечего опасаться. Оги придется потратить много времени, чтобы прийти в себя, а потом доложить своему патрону. И будет слишком поздно, чтобы Слессор мог предпринять что-нибудь еще.

— А за это время я уже переговорю с Джонатаном и моя судьба будет решена так или иначе. Я не знаю, как мне благодарить тебя, Данни!

— Брось об этом. Для меня было большим удовольствием похитить у Оги пять лет жизни.— Я опорожнил свой стакан и поставил его на ящик с ликерами.— Ты собираешься позвонить Лорду, чтобы просить его прийти, так что я ухожу. Позвони мне, если что. Можешь звонить в любое время дня и ночи. Договорились?

— Спасибо, Данни.

Уходя, я взял пистолет и бумажник Оги, но потом мне в голову пришла другая мысль. Я сунул бумажник в карман и вернулся в комнату. При виде пистолета Синди сделала круглые глаза.

— Это пистолет Оги. Я не хотел, чтобы Оги снова мог хорохориться, когда придет в себя и поэтому забрал его игрушку. Я оставляю пистолет тебе, ладно? С ним ты, может быть, будешь чувствовать себя уверенной.

— Да, без сомнения.

Я открыл бумажник и обследовал его. В нем не оказалось ничего значительного, и я кинул его на кушетку, посоветовав Синди выбросить его на помойку.

— Еще одна деталь,— сказал я,— как называется клуб Слессора и где он находится?

— Это «Блу Леди» на Джерси-стрит. Данни, прежде, чем ты уедешь, я хочу кое-что спросить.

— Валий.

Тоскливые темные глаза, синяк и разорванная блузка, действительно придавали девушке сходство с Золушкой.

— Представь себе на мгновение, что ты — Джонатан Лорд, и что ты сходишь с ума по мне. Какова, по-твоему, будет его реакция, когда он выслушает все и увидит фотографии?

— Тебе надо задавать вопросы полегче,— проворчал я.— Например, какова погода в Калифорнии. Если бы это

был я, то попросил бы разрешения уничтожить эти фотографии. Но я никогда не был так влюблен в девушку, чтобы сходить по ней с ума и даже хотеть жениться. Это не в моем стиле.

Синди медленно выдавила из себя улыбку.

— Ты, действительно, большая поддержка, Данни!

— Я весь тут,— скромно ответил я.— Не огорчайся, Синди. Я сделаю для тебя все, что угодно!

— О, да,— серьезно произнесла она.— Ты второй клевый человек, которого я встречаю в своей жизни, и будь, пожалуйста, осторожен, может быть, около дома тебя поджидает Оги.

— Буду осторожен и приду завтра в течение дня.

Когда я вышел из дома, от Оги не осталось и следа. Чтобы окончательно убедиться в этом, я сделал сотню шагов в сторону Центрального парка, потом взял такси. Около половины двенадцатого машина доставила меня к элегантному отелю. Я подумал, что такая женщина, как Максин Лорд не ляжет в постель раньше полуночи, во всяком случае, когда она одна.

Через довольно долгое время, дверь приоткрылась на четыре сантиметра.

— Кто это стучит среди ночи? Кто там? — проворчал недовольный голос.

— Данни Бойд,— быстро ответил я.— И если я вас беспокою, то потому, что это важно.

Дверь широко распахнулась, и я вошел в вестибюль. Мои ноги сразу же исчезли в ковре. Кошмарное видение: страшная фланелиевая рубашка и кружевной чепчик поверх бигуди, быстро закрыло дверь и повернулось ко мне лицом.

— Если вы хотите видеть «ее», то ступайте вниз,— сказало оно, указывая пальцем на лестницу.

— Благодарю вас, миссис Малон,— вежливо проговорил я.

— Вы вытащили меня из кровати, но не надейтесь, что проделаете это во второй раз. Вы уйдете сами.— Она опустила глаза и подозрительно посмотрела на мои ботинки,— а где находятся ваши калоши?

— Я их оставил снаружи,— соврал я.— Вы же не хотели, чтобы я оставил на вашем прекрасном ковре следы снега?

— А что, все еще идет снег?

— Нет,— громко сказал я,— но он мог пойти.

Миссис Малон громко фыркнула, потом потрусила

внутри дома. Я слегка погладил египетского кота по голове и мне показалось, что его глаза стали менее недоброжелательны.

Тяжелая дверь была открыта, и я без стука вошел во влажную атмосферу бассейна.

У самой воды стоял высокий, элегантно одетый человек. Услышав мои шаги, он быстро повернулся.

— Кого еще там черт принес? — лицо его выражало явное недовольство.

— Данни Бойд, — ответил я. — А вы, вероятно, Джонатан Лорд?

Его густые светлые волосы были точно такого же цвета, как и у сестры, и такие же лазурные глаза. Но на этом сходство заканчивалось. Остальные черты лица были менее деликатны, а безвольный рот придавал ему неприятный вид.

— Бойд? — он повернулся к своей сестре, спокойно лежащей спиной на воде. — Это тот тип, твой частный детектив?

Максин засмеялась горловым смехом, потом подплыла к краю бассейна, перевернулась со спины на живот и вылезла на бортик. Ее черное бикини было без сомнения того же размера, что и предыдущий купальник. И мне опять показалось, что он ей тесен. Верхняя часть бикини с трудом сдерживала ее полные груди, а единственная лямка каждый миг грозила оборваться. И если бы нижняя часть была на сантиметр ниже, то в ней не было бы никакой необходимости.

— Вы моя частная ищейка, мистер Бойд? — ироническим тоном спросила Максин Лорд.

Потом она откинула голову назад и медленно провела обеими руками по мокрым волосам.

— Я принадлежу к угнетенному классу, — ответил я. — Розыски — это все, что от нас требуют... и платят лишь потом.

— И с вас требуют, чтобы вы любыми возможностями сфабриковали доказательства, что это я украл формулу? — спросил Джонатан напряженным голосом.

— И лишит вас вашего наследства, — добавил я сухим тоном, глядя на его сестру. — Вы позабыли мне об этом сказать, Максин.

Лазурные глаза гневно посмотрели на меня.

— Максин? С каких пор я разрешила вам называть себя по имени?

— С тех пор, как я услышал разговоры о вас от других.

Тогда «мисс Лорд» показалось мне неподходящим обращением.

— Мне кажется, что мне следует задать вам вопрос, — прошипела она. — Что вы слышали на мой счет и какое представление обо мне составили?

— Полнейшую картину: наполовину нимфоманка, наполовину — ненормальная, — весело ответил я.

Джонатан расхохотался, а она бросила на него гневный взгляд, который мог заставить покраснеть и слона.

— Вы, вероятно, имели дело с людьми странным образом осведомленными, — сказал он мне, когда немного успокоился. — Но вы еще не слышали моей версии.

— Замолчи, этого достаточно! — проворчала Максин. — Что вы знаете еще, Бойд? Относительно моей формулы? Если, вы, конечно, не были слишком заняты тем, что собирали всякие грязные сведения от разных кретинов.

— Фремонт утверждает, что вы у него украли эту формулу и, что поэтому вы и изъяли духи из продажи. По какой-то причине, оставшейся для него неясной, он также предположил, что вы наняли меня для того, чтобы я набил ему морду, и он собирается использовать каких-то людей, чтобы отделать хорошенько нас обоих. Подождите, как же он сказал? «Передайте ей мой привет и попробуйте уговорить ее повидать врача, потому что она срочно нуждается в психиатрическом лечении, и не забудьте сказать ей, что я спрашивал новости о Джонатане». Что-то в этом роде.

— Он спрашивал новости о Джонатане? — сладким голосом пропела она. — Вот видите! Торопится использовать пропавшую формулу, без сомнения.

— К черту все это! — закричал Джонатан со злостью. — Меня утомила ваша болтовня!

— А вы видели большую любовь Джонатана, Бойд? Зизи... я не знаю, как дальше...

Одно мгновение мне казалось, что брат даст сестре пощечину. Потом его мозг осознал то, что она сказала, и его злоба обрушилась на меня.

— Если вы только попытаете надоедать Синди...

— Спокойнее, — посоветовал я ему, — здесь мы с вами самые что ни на есть друзья. Она всецело на вашей стороне, и мне кажется, что я пользуюсь ее симпатией. Одна деталь. Я покинул ее полчаса назад, и она собиралась позвонить вам. Это очень важно, то, что она собиралась сказать вам.

Джонатан неопределенно пожал плечами.

— Если Синди мне скажет, что вы надоедали ей, Бойд...

— Вы вырвете у меня почки и дадите их диким зверям, но я знаю, что она этого не скажет.

— Ты должен отнести ей маленький подарок. Небольшой фиговый листок из бриллиантов, тебе так не кажется? Она сможет надевать его и снимать только для тебя, братец, а не перед публикой,— промурлыкала Максин.

Джонатан посмотрел на часы.

— Пять недель, четыре дня, шестнадцать минут осталось до моего дня рождения! — заявил он, стиснув зубы. — Да, я совсем забыл! Как только я стану хозяином Дома Колдовства, мне придется подумать о том, куда бы мне пристроить такую распутную и такую ненормальную женщину, как ты!

Он громко застучал каблуками по плиткам пола и затем громко хлопнул тяжелой дверью. Наступила тишина.

Максин тихонько вздохнула.

— Когда ему было четырнадцать лет, я застала его в постели с няней, и он разразился слезами. С тех пор все его подружки напоминают эту няню; все они обладают большой грудью. Как вы думаете: что мне надо было сделать? Рассказать отцу?

5

Максин прекратила сушить волосы и обернула полотенце вокруг талии.

— Мы сможем поговорить наверху — там будет уютнее,— небрежно проговорила она. — И мне необходимо выпить чего-нибудь. Джонатан всегда так действует на меня! А в самом деле, какова она, эта стриптизка?

— Она брюнетка, хорошо сложена.

— С большими грудями? Такими, что тащат ее книзу? — она торжественно улыбнулась, когда я подтвердил ее предположение. — Я вам уже сказала, что они все похожи на няню Джонатана. Мне бы хотелось знать: что он собирается делать?

Мы прошли в вестибюль и поднялись на лифте на третий этаж. Я последовал за Максин в ее комнату. Оба египетских кота равнодушно смотрели, как она освобождалась от своей простыни.

— Бар находится там,— она кивком головы указала мне в глубину комнаты. — Пойдите и приготовьте нам выпить. Для меня скотч и очень крепкий.

Некоторое время я потратил на поиски льда и приготовление напитков. Мне нужно было выбрать самую лучшую

марку скотча. Налив два стакана и держа их в обеих руках, я повернулся. Максин стояла спиной к туалету, совершенно голая, и старательно расчесывала волосы. Сочная полнота ее груди с розоватыми кончиками просто очаровала меня, когда она повернулась.

— Вы слишком быстро справились с приготовлением выпивки, — проговорила она со смехом. — И теперь застали меня одетой только в мои духи. — Небрежным жестом она положила щетку и взяла с кресла черное домашнее платье, потом добавила:

— Что бы сказал мой братец, если бы сейчас увидел вас?

— Он сказал бы: «Вот сестренка, которая надевает это», — ответил я, указывая на халат.

Женщина сжала губы, поспешно накинула халат, старательно застегнула пояс и затем чуть не вырвала у меня из рук стакан.

— Если говорить об ассоциациях, — произнес я, — то мне кажется, что Фремонт похож на серую амбру, а Сталь, без сомнения, мускусный олень. Джонатан мог бы быть канадским бобром, а вы...

— Циветта? — перебила она.

— Или какая-нибудь цветочная эссенция. Нежная на запах, но совершенно синтетическая.

Максин отпила большой глоток виски, потом посмотрела поверх края стакана на меня.

— Вы не считаете меня привлекательной, Данни?

— Я никогда не занимаюсь любовью с клиентками, пока не получу от них чека, — ответил я. — Вы хотите узнать о продолжении моего расследования, которое пока по-прежнему на том же месте?

— Естественно.

Ее глаза приняли мечтательное выражение, но я, безусловно, не был объектом ее грез.

— Синди Викерс сказала мне, что Джонатан не покрывал ее ни золотом, ни деньгами. Он оплачивал ей квартиру и только.

— Ха! — воскликнула она, глядя в потолок. — Не сказала ли она вам, что была девственницей?

— И еще: Лео Сталь думает, что вас, в смысле: его и вас, соединило разнообразие. Два одинаковых человека, которые видятся каждый день, и потом — одна безумная ночь... Я был так растроган, что чуть не плакал.

— Вы разговаривали с мамашей Малон, — со значени-ем проговорила она. — Из-за этого убранства та считает

меня сообщницей сатаны. И, хотя, я не поглощаю младенцев, я все же колдую, чтобы соблазнять мужчин.

— Урсула Овен произвела на меня впечатление славной девочки, лишь с небольшими странностями,— неумолимо продолжал я.— И у меня не было возможности увидеть Слессора.

— Слессора? — спросила она, поднимая брови.— Кто это?

— Кто-то говорил мне о нем, как об одном из ваших любовников на мгновение,— беззастенчиво лгал я.

— У меня никогда не было любовника на мгновение, и я не знаю никакого Слессора,— уверила она меня с великолепным безразличием.— Узнали вы еще другие великолепные детали во время вашего общения с людьми? Я хочу сказать, какие-нибудь маленькие факты определенного значения, которые смогут помочь найти того, кто украл формулу?

— По некой гипотезе это были вы... Вещь, которую вы жаждете больше всего на свете — это помешать вашему брату занять директорское кресло. И вы делаете все возможное, чтобы навязать эту кражу ему на шею. Я подозреваю, что в завещании вашего отца существуют некоторые юридические нюансы, которые могут запретить Джонатану принять руководство в случае, если он будет этого недостойн. Например, если он будет осужден за какой-нибудь поступок, разве не так?

— На самом деле так,— пробормотала она.— И что вы думаете о такой версии, Данни?

— Я нахожу ее приемлемой. Вы вполне могли тайно сотрудничать с Фремонтом и со Сталем. Ведь, если бы вы были в сговоре с Фремонтом, вы бы не потеряли всех тех денег из-за новых духов, а?

— Если когда-нибудь вам надоест играть в детектива, Данни, я вас сделаю начальником бюро публикаций. Парфюмерная промышленность поднялась бы на высоту.

— В силу особенностей этого дела, у меня такое ощущение, что я погружаюсь в массу желатина,— сказал я.— Нет никакой твердости. Чем глубже погружаешься, тем становишься мягче. Вы сказали, найдите того, кто украл мою формулу. А я даже не знаю, действительно ли ее у вас украли или вы сами передали формулу Фремонту. Я не уверен, что этот проклятый кусок бумаги был украден. Вы, может быть, дали его Фремонту, следуя ранее намеченному плану, надеясь таким образом избавиться от Джонатана.

— А я-то еще думала, что ничего не понимаю! — пани-

ческим тоном воскликнула Максин.— Кажется, что жалкие крохи вашего ума никогда не дадут вам возможности претендовать на заработок в пять тысяч долларов, как вознаграждение.

Я не стал оспаривать этого предположения, считая, что она, возможно, права.

— А что существует между вами и Фремонтом? — спросил я.

— Дельный вопрос,— Максин поднесла стакан к губам и опорожнила его.— Производство духов интересовало меня с детства. Моя мать умерла, давая жизнь Джонатану. Бедная женщина! Ради такого ничтожества! Смерть матери сблизила меня с отцом. Когда я была совсем еще маленькой, он брал меня в контору, а позже я познакомилась с фабрикой и лабораторией. Я там работала во время каникул. Чарли Фремонт тогда руководил лабораторией, и он же был главным химиком. Тогда мне едва исполнилось восемнадцать, и Фремонт казался просто богом. Однажды летом во время каникул он мне сказал, что собирается работать допоздна над новым составом, и что я, если хочу, могу ему помочь. Я сходила с ума от радости. Большой человек предлагал мне быть его ассистенткой. Специальным составом, конечно, была я сама, но до той поры меня интересовали духи, а не любовь. И мне никогда не могло придти в голову, что его сердце способно биться ради чего-либо иного, кроме серой амбры.— Максин вздохнула и продолжила с циничной улыбкой: — Такая романтическая обстановка..., в общем, я была застигнута врасплох. Никого, кроме нас двоих... и даже пол лаборатории казался мне тогда мягким. Я не понимала, что происходит и что он делает со мной! Потом я, конечно, представила себе, что он до сумасшествия влюблен в меня. В моем тогдашнем представлении, ни один мужчина не мог сделать такого с девушкой, если он не собирался жениться на ней! И, когда на следующий день он отверг меня — это было ударом. Затем для меня настал период, долгий период адаптации. Через два года умер отец и оставил дело мне. В то время мне уже был двадцать один год. А день, когда я расположилась в конторе, для многих стал днем смеха: Лео Сталь до этого был ассистентом Чарли, и первая вещь, которую я сделала, это переменяла их роли. Потом с большой радостью я сократила жалование Чарли! После этого он покинул нас и организовал новое дело. Но однажды он сказал мне, что мы должны забыть прошлое, два раза приглашал меня в ресторан, и наши отношения резко

переменились. Я опять не устояла перед ним. На этот раз все шло так хорошо, что я уже собралась выйти за него замуж. Он предлагал слить оба наших предприятия и аргументировал это такими вескими доводами, что почти убедил меня. Я рассказала ему о новой формуле, которую Лео Сталь довел до состояния внедрения в производство. Но, когда я изучила разработанный Чарли план слияния, то поняла, что он хотел не меня, а предприятие. Но даже сегодня,— горько усмехнувшись, пробормотала она,— если бы он неожиданно вошел, я не уверена, что не почувствовала бы пустоты в желудке, как это было со мной, когда я увидела его в первый раз.

— Мисс Лорд, хотите я кое-что скажу вам? — осторожно произнес я.— Так вот: мне кажется, что вы страдаете тем же комплексом по отношению к Фремонту, которым страдает ваш брат по отношению к женщине определенного типа.

Лицо Максина покраснело, она дернулась, но я вовремя уклонился от стакана, который пролетел над моей головой и разбился о стену.

— Ах вы...!

Не в силах ответить, женщина кипела от злобы.

Серебряный телефон на письменном столе начал мелодично позванивать. Она с силой зажмурила глаза, сжала кулаки и сумела подавить злость до того, как сняла трубку.

— Максин Лорд,— проговорила она твердым и уверенным голосом. Затем, немного послушав, резко повернулась ко мне: — Это Джонатан хочет поговорить с вами.

Я взял трубку.

— Слушаю, Бойд.

— Я не могу говорить об этом по телефону,— взволнованным голосом проговорил он.— Я у Синди. Бойд, немедленно приезжайте!

Проговорив это, Джонатан повесил трубку.

— Что он хотел?

Максин стояла позади и сердито смотрела мне в спину.

— Рассказать про свою жизнь,— ответил я.— А может, и про вашу.

— Моя жизнь? Вы только что слышали о ней!

— Не из тех уст! — я злобно улыбнулся.— Возможно, что самое лучшее вы упустили!

Лазурные глаза стали ледяными.

— Вы больше не работаете на меня, Бойд,— отчеканила мисс Лорд резким тоном.— С настоящего момента. Завтра утром я отправлю вам чек, чтобы оплатить ваши

расходы на такси. А остальное вами потраченное время ничего не стоит.

— Итак, Максин, между нами все кончено? — пробормотал я дрожащим голосом. — Я не могу удержаться от вопроса о том, что, когда лет через десять, я снова увижу вас, буду ли я испытывать дрожь в желудке, которую я испытываю каждый раз, когда вижу вас.

— Негодяй! — теперь она воспользовалась щеткой для волос, которую бросила так энергично, что та просвистела возле моего уха. — Убирайтесь! Я заставлю вас за это заплатить! Я...

Следующий предмет, а им оказался флакон с духами, был брошен с еще большей точностью, и я вынужден был наклониться, чтобы он не попал в меня.

Я подумал, что вскоре она станет кидать в меня огромных египетских кошек, и, видимо, показал рекорд скорости, добегая до лестницы.

Джонатан Лорд открыл дверь комнаты Синди после первого звонка, и, схватив за отвороты пиджака, потащил меня внутрь квартиры.

— Что вы с ней сделали? — задуманным голосом спросил он. — Если вы не скажете мне, где Синди, я убью вас!

— Спокойнее, — проворчал я, освобождаясь от него.

— Все шло хорошо до тех пор, пока Максин не наняла вас! Где Синди? Что вы с ней сделали?

В его глазах светилась ненависть.

— Если бы я был повинен в ее исчезновении, разве сказал бы, что она собиралась звонить вам? — ответил я. — Разве я был бы здесь?

— Я... не знаю, — пробормотал он, разводя руками. — Я не знаю, что и думать. От Максин я направился прямо сюда, но Синди не оказалось дома! Если вы сказали правду о том, что она хотела повидаться со мной, то она могла пойти только в одно место — ко мне. С тех пор, как я пришел сюда, я звонил домой пять раз, но никто не отвечает, значит, ее там нет. И я сомневаюсь, что у Синди возникло желание прогуляться: ведь уже час ночи! И идет снег!

— Когда я уходил, у нее был беспокойный вид, — сказал я, стараясь не компрометировать себя, — она мне сказала, что относительно вас существует огромная проблема. Может, она звонила по телефону, но, не застав вас, решила не ждать? Может, она подумала, что ей нужно некоторое время на размышление, может, она отправилась на день-

два к неизвестным вам друзьям, пока не будет в состоянии поговорить с вами?

— Какая такая проблема может быть у нее? — проворчал Джонатан. — Мы любим друг друга и собираемся пожениться сразу же после моего дня рождения. Что для нее может быть более важным, и зачем убегать от меня, чтобы подумать?

— Этого я не знаю. А может быть, она оставила вам записку?

— Я уже проверил, — сухо ответил он. — Нигде ничего нет. Я искал всюду.

— А вы не знаете, к кому она могла поехать?

— У Синди в Манхеттене нет друзей. Она уроженка Детройта. А когда мы познакомились, она работала в Джерси-сити.

— Да, она упоминала об этом, — переходя на опасную тему, сказал я. — Кабаре принадлежало некоему Слессору?

— Да, дону Слессору. Но она не могла отправиться туда в такое время.

— У него, может быть, есть квартира в Манхеттене?

— Боже мой! Зачем ей ехать к нему? — простонал он.

— Чтобы иметь возможность подумать вдали от вас, — предположил я кротким голосом. — А Слессор, быть может, единственный человек, которого она знает в Манхеттене, способный приютить ее от неприятностей, не задавая лишних вопросов.

На несколько минут он погрузился в размышления.

— Где же я познакомился с ним?.. А, вспомнил! Это было в выставочном зале, где я тогда работал. Максин заставила меня шагать с самого низа служебной лестницы, якобы для изучения мастерства. Слессор сказал, что всегда покупает наши духи для девушек своего клуба. Господи! До чего рафинированный этот тип! До того времени я никогда не был знаком ни с одним хозяином клуба со стриптизом, и тогда, в тот вечер я угостил его обедом, а потом он, в свою очередь, пригласил меня в клуб. И вот там я познакомился с Синди... — Джонатан нервно щелкнул пальцами. — У него в тот вечер определенно было место, где ночевать. Но это была не квартира. Мы немало выпили, и я подвез его на такси до Гринвич-Вилладж. Потом я вернулся к себе домой. Это было кабаре! И Слессор был его владельцем! Он сказал, что кабаре не бог весть сколько приносит, но тем не менее обходится дешевле, чем наем апартаментов.

— Этот клуб, у него есть название? — спросил я, полный надежд.

— «Голубая Леди?» Нет, это название его клуба в Джерси. Но и тут было что-то голубое... «Блу Долл» Точно!

— Ладно, я отправлюсь туда и посмотрю, там ли она, — заявил я.

— Мы отправимся, — сердито поправил он.

— Если Синди там, то наверняка сказала Слессору, что пока не хочет вас видеть, так что вы ровно ничего не узнаете, — заметил я. — Меня же он совершенно не знает, поэтому у меня перед вами есть преимущество. Возможно, мне придется сказать ему, что я старый друг Синди по Детройту или что-то в этом роде. Что бы там ни было, но я найду ее, если она там.

— Мне не очень нравится такой план, но, возможно, вы правы. — Он снова метнул на меня злобный взгляд. — Вы позвоните мне по телефону, как только что-нибудь станет известно, да?

— Обещаю. Сюда?

— А куда вы хотите, чтобы я пошел? — взбесился Джонатан. — Мы, может быть, оба ошибаемся, и, если это так, то Синди с минуты на минуту может вернуться.

— Согласен. Я вам позвоню сразу же, как только узнаю что-то путное. А вы, пока ждете, не слишком кипятитесь, ладно?

— Скажите пожалуйста! Вам ведь наплевать! Конечно, это же не ваша подружка!

Я взял такси, чтобы заехать к себе домой, и попросил таксиста подождать меня. За это время мой револьвер переселился ко мне под мышку и комфортабельно там устроился, так что на пиджаке не было видно никакой выпуклости. Потом я попросил шофера отвезти меня в кабаре под названием «Блу Долл».

Он повернулся и недоуменно посмотрел на меня.

— Так, так. Спросите меня также, не знаю ли я одну куколку, по имени Смит, которая живет около Риверсайда, — проворчал он. — Нет, вы только представьте себе! Сколько в городе кабаре? И половина из них закрывается через два дня после открытия!

— Ну и что ж! Поищем.

— Но ведь это невозможно! Это займет всю ночь!

— Продолжайте спорить вот так, и мы простсим всю ночь здесь,— проворчал я.

Он с безнадежным видом пожал плечами и тронул с места. Я подумал, что такой славный парень имеет право на хорошие чаевые. При первом же красном свете он мрачно посмотрел на меня.

— Я знаю парочку мышек, которые живут в Бронксе,— поделился он со мной хриплым шепотом.— Я мог бы вас отвезти прямо туда.

— Вот теперь вы уже надоедаете мне вашими двумя мышками из Бронкса,— вздохнул я.— Мы ищем кабаре!

Он недовольно зажмурился.

— Вы, должно быть, старше, чем кажется!

Минут через двадцать таксист довез меня до угла улицы и остановился перед дверью, освещенной лампами голубого цвета. На ней была вывеска «Блу Долл». Такими же лампами освещалась обнаженная фигура девушки. Я расплатился с парнем, добавив щедрые чаевые, и вошел в здание. Восемь ступенек, ведущих в подвал, были покрыты весьма потертым ковром. Барышня из гардероба с недовольным видом взяла у меня пальто, и затем я оказался предоставлен самому себе.

На первый взгляд, зала казалась очень просторной, однако, реальные ее размеры при тусклом голубом свете определить было трудно. После двух-трех неуверенных шагов в полумраке я остановился. Наконец, передо мной появилась служанка. В ее светлых пышных волосах красовался голубой бант, одежда ее состояла из голубого корсажа и голубой обтягивающей юбки, а обувь было невозможно рассмотреть в темноте.

— Столик на одного? — прогнусавила она. Вероятно, девушка нуждалась в удалении миндалин.

— Спасибо,— пробормотал я.

Я последовал за ней вдоль целой серии альковов. В одном из них я увидел бородатого человека, разговаривающего с усатой женщиной. Но это могло быть и следствием плохого освещения. В другом целая банда провинциалов делала огромные усилия, чтобы повеселиться. Служанка привела меня в свободный альков и спросила, что я буду пить. Я выбрал скотч, и она исчезла в голубом сумраке. Однако, довольно быстро вернулась со стаканом и довольно непринужденно потерлась бедром о мое плечо, ставя выпивку на стол.

— Меня зовут Нина,— пошедала она мне.

Я не стал спрашивать, что подобное создание может делать в этом здании мечты.

— У вас много работы? — скромно спросил я.

— Сегодня скорее спокойно. Вы один?

Она выпрямилась, но ее бедро оставалось прижатым к моему плечу.

— Я хотел бы знать: сможете ли вы оказать мне небольшую услугу?

— Какого рода? — прошептала она, и давление бедра усилилось.

Достав бумажник, я вынул пять долларов и сунул их в вырез ее корсажа.

— Один мой приятель сказал, что хозяин кабаре некий Слессор, и, что я обязательно должен с ним познакомиться, — я осторожно пожал плечами. — Вы сами, наверное, понимаете. Я не хотел бы называться, и потом, он может быть занят.

— Это все, что вы хотите? — девушка казалась удивленной.

— В общем, в настоящий момент, да, — ответил я и потер плечо об ее бедро. — Он сегодня здесь?

— Мне кажется, что да. Пойду узнаю.

Она снова растаяла в голубом сумраке. Мне было интересно узнать: остальные, работающие здесь девушки, так же услужливы? Через две минуты нечто похожее на плешивую гору выросло передо мной. Это было на самом деле нечто необыкновенное, огромное, как я определил на глаз, весом минимум в полтора центнера, втиснутое в бесформенный костюм с голубым галстуком-бабочкой.

— Ты хочешь видеть мистера Слессора? — человек говорил хриплым шепетом, будто с его горловыми органами случилось несчастье.

— Двое моих друзей хотели, чтобы я с ним познакомился.

— И у них есть имена?

— Джонатан Лорд и Синди Викерс очень настаивали на этом.

— Не может быть! — он медленно выпустил воздух, и я большим усилием воли заставил себя не броситься наружу и не забить тревогу. — У тебя есть имя, папа?

— Бойд. Данни Бойд. Мое имя, собственно, ничего не скажет мистеру Слессору, но если вы смогли бы передать Синди...

— Ты уже это сказал, пойду посмотрю.

Время ползло с катастрофической медлительностью, потом, минуты через две, снова появилась Нина, и ее бедро ласково прижалось к моему плечу.

— Пете передал, что мистер Слессор будет рад познакомиться с вами, мистер Бойд. Он приглашает вас выпить с ним стаканчик вина в его кабинете.

— Отлично,— я опорожнил свой стакан и встал.— А где это?

— Я провожу вас туда. Это самое меньшее, что я могу для вас сделать,— тянула она,— после таких больших чашек!

В голубом сумраке я проследовал за ней по направлению к скрытой за тяжелыми портьерами двери, потом по ярко освещенному коридору. Нина, по-прежнему шедшая впереди, поднялась на один этаж и остановилась на широкой лестничной площадке. Здесь находилась только одна дверь. Она указала на нее и проговорила:

— Это здесь.

— Спасибо.

— Когда вы поговорите с мистером Слессором, вы, может быть, захотите выпить стаканчик. Я заканчиваю работу в два часа, но, если вы находитесь в одиночестве, мы могли бы где-нибудь выпить.

— Хорошая мысль,— бесстыдно уверил я ее.— Держите для меня этот стаканчик, ладно?

— Обещаю, дорогой.

Нина спустилась с лестницы и уже внизу повернувшись, послала мне воздушный поцелуй.

Я постучал в дверь. Чей-то голос изнутри крикнул мне, чтобы я входил, и я вошел. Комната больше походила на салон, чем на кабинет: кресла, две кушетки, замечательный бар, который мог бы вполне вписаться в интерьер какого-нибудь фешенебельного старинного замка. Однако, в комнате был и большой письменный стол. Сидящий за ним темноволосый человек даже не удосужился посмотреть на меня. Вдруг массивная мускулистая рука, возникшая откуда-то, обвила вокруг моего торса, как тиски, сдавила меня с неимоверной силой, способной сломать кости и прижала мои руки вдоль тела. Я энергично пытался освободиться, в то время, как другая рука проскользнула под мой пиджак и вытащила пистолет из кобуры. Потом меня освободили, но тотчас же тяжелый молот упал на мой затылок. Я повалился на колени.

— Человек, который бренчит в своем кармане автоматическим револьвером во время своего визита! — хриплым голосом заметила плешивая гора. — Ведет себя дурно. Я не признаю таких манер!

6

— Это тот парень, Оги? — спросил человек, расположившийся за столом и смотрящий на дым своей сигареты, словно меня не существует.

— Это он, без всякого сомнения! — ответил необыкновенно знакомый мне голос.

Я потряс головой, с огромным трудом встал на ноги и повернулся. Плешивая гора прислонилась к двери: вероятно, он все время стоял позади меня. Оги Кран находился у входа, слева от бара. Он сел таким образом, чтобы я входя не смог его увидеть. Оги не отрываясь смотрел на меня, и его маленькие глазки блестели от радости. Большой синяк на его лбу был для меня слабым утешением.

Тип, сидящий за столом, наконец, удосужился на меня взглянуть. У него было квадратное лицо с тяжелыми чертами, чувствовалось, что под такой маской может скрываться любая эмоция. Его глаза имели темно-коричневый оттенок и были окружены длинными ресницами.

— Я — дон Слессор, — заявил он безразличным тоном. — А вы — мистер Бойд — герой, который мчится на помощь молодым беззащитным особам, которым угрожает некий Оги Кран. Почему?

— Все люди, которым угрожает Оги Кран, нуждаются в защите, — проворчал я.

— Мистер Бойд, здесь я создаю сценарий, — проговорил Слессор со злорадной усмешкой, — вам остается лишь подавать реплики!

— Я не забуду этого, — уверил я его.

— Не глупо. Вы поранили Оги, и он до сих пор сердится на вас, — заявил Слессор, затягиваясь сигаретой. — Но давайте вернемся к последней сцене. Кажется, я остановился на «Почему»?

— Сегодня днем Оги оглушил меня сзади, ну, и, когда я его увидел вечером, я...

— Пете, — спокойно сказал Слессор, глядя поверх моего плеча.

Плешивая гора, волоча ноги, сделал по направлению ко мне четыре шага. Его голова была похожа на голову

доисторического животного, вылезшего из болота. Огромная рука Пете схватила меня за горло и сжала так, что я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Через некоторое время он ослабил нажим и опустил руку.

— Ты должен отвечать мистеру Слессору, пока у тебя есть такая возможность,— нервно посоветовал Пете.

— На этот раз я повторяю свой вопрос более конкретным образом,— продолжил Слессор.— Почему вы интересовались Синди Викерс?

— Потому что у меня есть клиентка, интересующаяся ею.

— Имя которой?

— Максин Лорд.

— Эта девочка Викерс, вероятно, все ему рассказала,— вмешался Оги.— Он оставил ей свою карточку... и мой пистолет.— Оги почти задышался.— Без этого как бы он мог узнать, где вы находитесь?

— Что же вам, в точности, сказала Синди, мистер Бойд? — спросил Слессор.

В этот момент я сообразил, что чем больше народу будет замешано в дело Синди Викерс, тем будет лучше для нее.

— Должно быть, она рассказала мне почти все,— уверенно заявил я.— Про драгоценности, про будущую норку, про письмо, которое Оги пытался заставить ее написать.

— А про фотографии? — его оленьи глаза неожиданно покинули мое лицо.— Про фотографии тоже?

На некоторое время он все свое внимание сосредоточил на спирали дыма, поднимающегося от его сигареты, потом медленно проговорил:

— Вы поставили меня в трудное положение, мистер Бойд. Вы стали для меня камнем преткновения.

— Он слишком много знает,— прошипел Плешивая гора.— Может, лучше немедленно его убрать, пока он не успел наделать гадостей?

— Таково твое мнение, Пете?

Однако, к моей радости, это предложение, казалось, не интересовало Слессора.

— Мне доставило бы адское удовольствие персонально поработать с ним,— бросил Оги,— но, как вы сказали, шеф, этот Бойд действительно — проблема. Если мы сейчас же освободимся от него, это вызовет новые проблемы. Максин Лорд — его клиентка, и мы не знаем, что он уже успел ей рассказать.

— Не забывайте также и о ее брате,— быстро вмешался я.— В настоящий момент он сидит у телефона и ждет моего сообщения, что с Синди все в порядке.

Мне было бы лучше не разевать свою большую пасть! Не успел я закончить фразы, как заметил удовлетворение, промелькнувшее в глазах Слессора.

— Это вы можете сделать прямо сейчас,— сказал он, радостно улыбаясь.— Вы позвоните ему и скажете, что все идет прекрасно.

— Он захочет узнать больше,— прохрипел я.— Он захочет узнать, где она и почему ушла из дома.

— Ну что ж, вы ему скажете, что одна из девушек, с которой Синди раньше работала, позвала ее на помощь. Девушка переехала на новую квартиру, внезапно заболела, и некому за ней ухаживать. К счастью, ничего серьезного, скажем, мигрень, и Синди проведет с ней ночь. Оги, ты знаешь какое-нибудь подходящее имя?

— Джеки Симмерс,— с готовностью ответил Оги.— Они были подругами в клубе на Джерси. Мне кажется, что Лорд видел раза два малышку Симмерс.

— Отлично,— сказал Слессор, перенося внимание на меня.— Маленькая Симмерс позвонила мне и сказала, что плохо себя чувствует, я ничего не мог для нее сделать, но вспомнил, что Синди живет в Манхэттене, и позвонил ей. Убедите Лорда, что она просила передать ему, что нечего беспокоиться о ней и завтра вечером она вернется.

Он снял телефонную трубку и протянул ее мне, добавив:

— Но будьте благоразумны, понятно? — Он подождал, пока я возьму трубку, потом пробормотал: — Пете, стань позади Бойда, пока он будет говорить. Если он скажет что-нибудь неполагающееся, ты возьмешь его левую руку и сломаешь.

Я набрал номер телефона Синди, и Джонатан сразу же ответил. Мне не пришлось убеждать его, что он помнит девушку по имени Джеки Симмерс.

— У нее была совершенно фантастическая грудь,— поделился он своим воспоминанием, а под конец разговора голос его стал почти радостным. Он полностью поверил, что Синди завтра будет с ним. Я должен был сжать зубы, выслушивая благодарности, которые он высказал прежде, чем повесить трубку. Потом я вернул трубку Слессору.

— Вы очень хорошо вышли из положения,— признал он.— Теперь мы спокойны насчет Джона Лорда. А Макс-син Лорд станет интересоваться, почему вы не являет-

тес с рапортом лишь через некоторое время. Вы по-прежнему мешаете нам, Бойд, но теперь мешаете гораздо меньше. Разве так не лучше?

— Потрясающе,— проворчал я.— А что вы хотите, чтобы я сделал теперь? Мне что состариться здесь, стоя на ногах?

— Я думаю, что мы поместим его на некоторое время в «ледник»,— произнес Слессор.— Нам нужно кое-что решить и, как я сказал, вы теперь не срочное и не важное для нас дело.

— Куда это в «ледник»? — поинтересовался Оги.

— В компанию к малышке Викерс. Она уже не скажет ему больше того, что он знает, и будет гораздо удобнее держать их вместе. Ты можешь проводить его туда, Пете?

— Конечно,— прохрипел Пленивая гора.

— Проклятая лиса! — с улыбкой сказал мне Слессор.— Вы будете купаться в роскоши, разделяя мои апартаменты с Синди.— Его палец устался на большое зеркало позади стола.— За этим зеркалом находится бронированная дверь. Там нет окон, но создан искусственный климат. И нет никакой возможности убежать оттуда.

Тяжелая рука Пете замкнулась вокруг моей руки.

— Пошли.

Оги ждал нас возле бара. Он снял с полки около зеркала несколько бутылок, которые скрывали рукоятку, и потянул ее. Зеркало повернулось. Оги вынул из кармана связку ключей и открыл дверь. Пете слегка подтолкнул меня. Я, шатаясь, переступил порог. Затем дверь позади меня захлопнулась, и я мысленно сказал «прощай» нормальной жизни.

Помещение представляло собой маленькую гостиную, комфортабельно обставленную и оформленную так, чтобы скрыть отсутствие окон. Одну стену сплошь покрывала фреска, изображающая морской пейзаж с парусниками и чайками. Удачно подобранное освещение придавало ему совершенно естественный вид, будто действительно смотришь из окна на море. Дверь, ведущая из гостиной, была приоткрыта. Я осторожно толкнул ее и вошел в комнату.

На кровати сидела Синди Викерс. Увидев меня, она приподнялась на локте и широко раскрыла глаза.

— Данни, ты отыскал меня! Каким образом?

— Не расстраивайся,— горько вздохнул я.— Я тебя не отыскал. Это Слессор приказал Пете запереть меня здесь.

— А! — ее лицо выразило неприязнь, потом смягчилось. — И все это по моей вине? Мне нужно было удрать в первый же день, когда Оги пришел с брошкой. Тогда бы ничего не случилось.

— Кто знает. Возможно бы случилось что-нибудь более худшее! А как ты попала сюда?

Присев на край кровати, я закурил.

— Когда ты ушел, я позвонила Джонатану, но его не было дома. Я позвонила еще несколько раз, но безуспешно. Я собиралась уже ложиться спать, когда зазвонил телефон. Естественно, я подумала, что это Джонатан. Но это был Слессор. Он сказал, что персона, на которую он работает, переменила намерение, так что мне не о чем беспокоиться. И он был готов поменять эти ужасные фотографии на драгоценности, которые мне принес Оги, и если я согласна, то он пришлет Пете с фотографиями, а я отдам ему побрякушки. Я сказала, что не желаю ничего лучшего. Но как только он положил трубку, позвонила сначала тебе, потом Джонатану. Но ни тебя, ни Джонатана не было. Я не знала, что мне делать. Мне хотелось верить Слессору, потому что это означало конец моим кошмарам.

На лице Синди появилась жалкая улыбка.

— Четверть часа спустя, эта глупая Синди открыла дверь. Вошел Пете, а следом Оги. И я клянусь, они не стали терять времени! Пете схватил меня за горло, тогда как Оги принялся бросать мои вещи в чемодан. Потом они запихали меня в мой плащ и затащили в машину.

— А что сказал Слессор, когда тебя привели к нему в кабинет?

— Его даже не было там. Меня привели через черный ход, затем через пустой кабинет и бросили сюда.

— А драгоценности? Они унесли их с собой, когда уходили?

— Нет, — коротко ответила она. — Но теперь расскажи, как ты попал сюда?

Я поведал Синди свою нехитрую историю. Мой рассказ был недолог, ведь все происшествя пронеслись с быстротой молнии. Суть его была в том, что частный детектив Бойд верхом на белой лошади устремился на врага и в рекордно короткий срок оказался под замком.

— Значит, Джонатан теперь думает, что я провожу ночь у изголовья больной подруги! — простонала Синди. — Это отлично! Он даже не будет беспокоиться до завтрашнего вечера! У них в распоряжении чуть ли не сутки для того, чтобы сделать со мной и с тобой все, что угодно!

— Я знаю,— проскрежетал я,— и мы абсолютно ничего не можем сделать. Мы не можем выйти, пока они не откроют эту дверь снаружи.

— Что же теперь, Данни? — прошептала она.

— Я полагаю, что надо лечь спать,— проворчал я.— Ты можешь предложить что-нибудь другое?

Зажмурив глаза, она выпрямилась и сжала губы.

— И где ты собираешься спать, Данни Бойд?

— Там есть диван и кушетка.

Лицо Синди немного прояснилось.

— Прости меня, на мгновение мне показалось, что у тебя нехорошие мысли, ведь мы заперты вдвоем.

— Да, у тебя, Синди, необыкновенно изощренное воображение,— восхищенно воскликнул я.— Ты в состоянии думать о разных сексуальных штучках, когда я порчу себе кровь и ломаю голову над тем, как выбраться из этой проклятой тюрьмы! И желательным живым.

Темные глаза Синди на минуту блеснули.

— Тогда почему бы тебе не портить кровь в стороне от меня? — сухо проговорила она.— Может мне удалось бы заснуть!

На ней были зеленые брюки, те, которые я уже видел во время нашей второй встречи, а разорванная блузка была заменена на орлоновый свитер.

— На твоём месте,— посоветовал я ей,— я бы не стал раздеваться. Бог знает, когда в этом доме подадут первый завтрак.

— Я воспользуюсь твоим советом.

Синди растянулась на кровати, громко зевнула, потом повернулась на бок, предоставив мне созерцать ее спину.

— Спокойной ночи, мистер Бойд.

— Конечно,— проворчал я и пошел в гостиную.

На моих часах было два ночи. Некоторое время я смотрел на фреску, разглядывал чаек и думал: поймал бы я хоть одну из них, если бы бросился в это синее освещенное солнцем море. После того, как я позвонил Джонатану, Слессор сказал, что это дает им возможность держать меня в «леднике» некоторое время, достаточное, чтобы принять некое решение. Но это — грязная ложь, потому что им нужна Синди Викерс, а я — ненужная деталь, которую следует при первой же возможности уничтожить. И в таком случае темнота их больше бы устроила, чем ясный день. Таким образом, первое, к чему я не должен прибегать — это сон.

Я почему-то вспомнил поговорку о горе и Магомете. Если я был Магометом, Пете был горой, было бы неплохо заставить его придти ко мне. Обстановка комнаты была довольно ограничена: диван, низкий столик с лампой и два кресла. Я начал понимать, что здесь есть некий парадокс: находясь в этой комнате, постепенно теряешь интерес к фреске, а бронированная дверь все больше и больше привлекает внимание. Даже, если бы я внезапно открыл в себе неожиданную силу, диван лишь раскололся бы об эту дверь, не говоря уже о креслах. Тогда, какое же оружие применить против этой двери? В поисках решения я стал бродить по комнате. Во время четвертого круга мне уже мерещились невероятные видения. В течение нескольких секунд я представлял обезумевшего при виде вилеколепно-го Супермена Бойда в пылающем костюме Пете. Я так был поглощен этим зрелищем, что запнулся об электрический провод и, растянувшись во всю длину, упал на живот. К счастью, торшер имел солидный цоколь и лишь пошатнулся.

Я подобрал шнур, вылетевший из розетки в стене, и встал, чтобы приладить его на место. Оказалось, что провод был достаточно длинным и торшер можно было поставить в любой точке комнаты. И тут меня осенило: может, Бойд в пылающем костюме — не просто игра моего воображения? Может, мне не нужен Эдисон, я и сам не хуже. И я стал думать, как получить наиболее ужасный эффект от имеющихся у меня средств. Потом я принялся за работу.

Выкрутив лампочку и осторожно положив ее на диван, я отвинтил патрон и выдернул шнур из цоколя. Таким образом, у меня появился шнур длиной добрых пять метров. Концы электрического провода я оголил. После этого я вывернул вторую лампочку и положил ее на диван рядом с первой. Теперь я был освещен лишь иллюминацией фрески, а остальная часть комнаты была погружена в темноту.

Когда я вошел в спальню, Синди повернула голову.

— Мы уже пожелали друг другу спокойной ночи, — сухо пробормотала она. — Только не вздумай мне рассказывать, что ты почувствовал себя ужасно одиноко!

— Совсем нет, но обстановка этого помещения не в моем духе. Мне она надоела, и я собираюсь уходить. Может хочешь пойти со мной?

Она села и посмотрела на меня круглыми глазами.

— Ты что, с ума сошел?

— Это вопрос, на который я сейчас предпочел бы не отвечать,— признался я.— Но, по-моему, есть маленький шанс, что задуманное получится. Что мы теряем?

— А, ладно. Объясни мне, как это может произойти, и я иду с тобой,— заявила она, вставая.— Что ты собираешься делать, мужественный человек? Воспользоваться мной, как тараном, чтобы расколоть дверь?

— Тебе представляется роль, которую можно назвать совершенно пассивной,— сказал я.— Когда я дам знак, тебе надлежит вопить, как оглашенной и это — все.

— Согласна,— вздохнула Синди, пожимая плечами.— Я полагаю, что ты знаешь, что делаешь.

— Если бы я это знал, я бы бросился на диван и попытался заснуть. А пока иди в салон, хорошо?

Когда она вышла в салон, я вывернул лампочку из ночной лампы стоящей на столике и присоединил ее к моей маленькой коллекции на диване. Она была горячей, и я решил подождать, пока остынет, а затем приступить к моему фильму ужасов. Я старательно зачистил концы провода, опасаясь того, чтобы они не коснулись один другого.

— Только не говори мне, что ты держишь динамитную пашку в своих ботинках и, что мы взорвем дверь! — раздался насмешливый голос Синди.— А потом: почему здесь больше нет света?

— Мне нужны лампочки,— проворчал я.— Но нужно подождать, пока они остынут. Не хочешь ли пока сигарету?

— А кроме этого, что ты можешь предложить? Стакан рома и повязку на глаза?

— Если мой план провалится, ты просто останешься здесь пленницей. Как ты сама сказала, тебе совершенно нечего терять.

— И, тем не менее, я хотела бы знать, над чем ты там колдуешь? — при тусклом освещении ее глаза казались огромными.— У меня возникло ощущение, что я стала пленницей сумасшедшего доктора Бойда с его адской машинкой.

Когда лампочки, наконец, остыли и их можно было держать в руке, я решил, что смогу обойтись и без сигареты. Я сунул все три лампочки в карман пиджака и посмотрел на Синди.

— Ты должна спрятаться за кушетку. Начинай вопить, когда я подам знак, и прекращай вопли, когда услышишь шум. Как только бронированная дверь отворится, ты снова

начнешь орать и будешь продолжать до тех пор, пока я не прикажу замолчать.

— Согласна,— Синди с подозрением посмотрела на меня.

Я подождал, пока она спряталась за диваном, потом взял электрический шнур. Осторожно сжимая в руке его конец, я расположился в полуторах метрах от двери, затем достал из кармана одну лампочку и взял ее в правую руку.

— Начинай,— прошепел я.— Ори!

Полнейшее молчание. Я повернул голову и посмотрел на Синди, выглядывающую из-за дивана со смущенным видом.

— Я знаю, что это смешно,— проговорила она,— но я не могу орать просто так, без причины.

— Чего ты больше всего боишься на свете?

— Змей,— немедленно ответила она.

— Я не хотел тебе говорить,— со зловещей улыбкой проговорил я,— но здесь находится кобра, и сейчас она ползет по твоей правой брючине.

Глаза Синди вылезли из орбит, и рот раскрылся. Потом она стала так вопить, что ее голос наверное был слышен в Бруклине. И, когда она почти захлебнулась в крике, я бросил лампочку в дверь с такой силой, что, возможно, получил бы за бросок медаль на Олимпийских играх. Она разбилась в центре двери и крик Синди был прерван громким хлопком. Я прижался к стене совсем рядом с дверью и вытащил из кармана вторую лампочку.

Несмотря на то, что шум был заглушен дверью и зеркалом, его все же должны были слышать в кабинете. Вопли Синди, сухой, как выстрел, треск, а потом молчание. Если они не придут посмотреть, что происходит, значит, они совсем не любопытны!

Вскоре бронированная дверь начала понемногу поворачиваться. И перед тем, как она должна была полностью открыться, я сунул туда, где ручка, оголенные провода. Раздался вопль, от которого кровь могла застыть в жилах, одновременно с ним блеснула голубая вспышка, затем появилась тяжелая масса Пете.

Медленными и неуверенными шагами он вошел в комнату и с судорогами повалился на пол. Я бросил вторую лампочку во фреску, потом третью. Тут появился озлобленный Оги с пистолетом в руках. Серьезную трудность для него представляло то, что помещение было погружено в кромешную тьму, и он не знал, где и кого искать. Но в тот момент, когда он влетел в комнату, Синди снова начала

орать. Это навело Оги на след. Выставив вперед револьвер, он осторожно, на цыпочках стал красться в направлении крика, и мне не составляло труда бесшумно двигаться за ним. Подобравшись совсем близко, я любезно шлепнул его ребром ладони по затылку. Оги повалился на диван как пьяный. Я выхватил из его инертной руки пистолет, большим прыжком преодолел массу Пете и устремился в кабинет.

Слессор по-прежнему сидел за своим столом. Увидев меня, он открыл рот. Его правая рука стала скользить к ящику, но, разглядев в моей руке пистолет, он замер...

Я прошел позади бара с видом завсегдатая кабака, который больше не хочет пить, и крикнул Синди, чтобы она галопом бежала ко мне. По-прежнему, держа Слессора на мушке, я шагнул назад и запер бронированную дверь на ключ. Потом сунул ключ себе в карман, и сразу же почувствовал облегчение.

— Боже мой! Что происходит? — прошептал Слессор сдавленным голосом.

— За весь вечер, это самый лучший вопрос! — засмеялась Синди.

Я радостно улыбнулся Слессору:

— Не могу вас лишить удовольствия самому взглянуть на это.

Он еще раз посмотрел на дуло моего пистолета, потом тяжело поднялся и как лунатик направился к бару. Я дал ключ Синди, чтобы она открыла дверь, сам же с удовольствием втолкнул Слессора в его собственные секретные апартаменты. После того, как бронированная дверь была заперта на ключ, я понял, что теперь можно немного расслабиться. Сунув пистолет Оги в карман, я наполнил два бокала отличным виски.

Синди с обеспокоенным видом наблюдала за моими действиями.

— Может, нам лучше не останавливаться, а поскорее убежать? — пробормотала она.

— К чему же бежать? Если кто-нибудь попытается меня здесь задержать, я суну ему под нос эту пушку.

— Мой храбрый герой! — сказала она, но вид у нее был не очень уверенный. — Что же ты все-таки проделал?

— Это лишь полная инсценировка исчезновения, доведенная до конца Бойдом, — скромно ответил я. — Откажись от привычки задавать вопросы и пей свой скотч.

Синди воздержалась от дальнейших вопросов и дернула хорошую порцию виски. Я же отнес свой стакан на письменный стол и принялся изучать содержимое ящиков. Первым делом я нашел свое оружие и положил его в кобуру. Я начинал чувствовать себя все лучше и лучше. Но в столе не было больше ничего интересного, и к тому же, когда я закончил с осмотром, бокал Синди опустел.

— Ты помнишь дорогу, по которой нужно выходить отсюда? — спросил я.

— Это начертано в моем мозгу. Что... мы сейчас уходим?

— Без сомнения. Я отвезу тебя к Джонатану. Ты расскажешь ему о том, что произошло сегодня ночью, и останешься с ним. Я же увижусь с тобой завтра после полудня или вечером. Согласна?

— Согласна, — вполголоса ответила она. — Но я тебя, кажется, даже не поблагодарила?

— К чему все это? — зевнул я. — Это и так подразумевается.

7

— О, нет! — светловолосая девушка имела крайне угнетенный вид, и в ее голосе чувствовалась дрожь. — О, нет! Небо! Опять вы?

— Послушайте, я приношу свет солнца в вашу надупленную атмосферу, — весело возразил я. — Можно подумать, что вы уже потеряли три фунта в весе, а вы знаете меня лишь сутки!

— Вы думаете? — короткий луч надежды блеснул в ее глазах и тут же потух. — Вы доставили мне массу неприятностей! Мистер Фремонт был просто в бешенстве, когда вы ушли. Он сказал, что я ни за что не должна была пускать вас...

— Он в своем кабинете?

— Да, но... — в ее голосе я почти слышал звонок тревоги. — Вам категорически нельзя его видеть! У меня приказ...

— Вы следуете последней моде: узенькая бретелька, — небрежным тоном проговорил я. — Или это, может быть, бретелька от вашего лифчика?

Она издала нечто вроде мяуканья, и этот момент показался мне благоприятным, чтобы пройти мимо и устремить-

ся в глубь залы. Так как дверь в кабинет Фремонта была широко раскрыта, я, не снижая скорости, вошел в него, не забыв прихлопнуть за собой дверь. Этот звук заставил Фремонта поднять на меня взгляд, полный беспокойства и недовольствия.

— Бойд? Ведь я отдал приказ...

Я адресовал ему волчью улыбку.

— Знаю,— проскрежетал я.— Она все сделала, чтобы помешать мне войти, и мне пришлось ее оглушить. Она лежит в луже крови на полу вашей выставки.

На какую-то долю секунды он мне поверил, и его адамово яблоко сделало конвульсивное движение. Потом логика взяла верх над испугом.

— Я не нахожу это смешным — сказал Фремонт своим великолепным баритоном.— И, если вы немедленно не уберетесь отсюда, я вызову полицию!

Усевшись в кожаное кресло, я подождал, когда он перестанет говорить.

— Вчера вечером я познакомился с вашими друзьями. С этим, огромным, с мускулистыми руками, которому вы оказали услугу.

Какое-то время он ерзал на стуле, затем выдал мне судорожную улыбку.

— Я должен вам принести свои извинения, мистер Бойд, но я говорил под влиянием гнева. Это было ребячество с моей стороны, я признаю это. Однако, и вы применили силу ко мне, помните?

— Я совсем не шучу,— проворчал я.— Оги, а так же Пете и их патрон дон Слессор. Они составляют забавное трио, когда приступают к партии.

Темные глаза Фремонта принялись вращаться в орбитах, как будто идет война, и пушки палат во всю.

— Я прошу вас,— наконец, проговорил он,— я совершенно не переношу шуток, которых не понимаю. Я не знаю ни Слессора, ни Пете...— он вздрогнул,— и никогда никого не знал под именем Оги.

Я подарил ему ледяной взгляд и стал закуривать сигарету.

— Я бы не стал клясться в этом, Чарли. Так вы отречетесь и от господ Бога, если вам это будет нужно. Но соблазнять дочь своего хозяина в таком нежном возрасте и на полу лаборатории! Ну и ну!

— Что? — закричал он в полной панике.— Максин сказала вам?

— Она рассказала мне все! — торжествующе проговорил я. — Она взяла меня в поверенные. Да, я произвожу подобное впечатление на женщин. Обаяние личности...

— Значит, не существует ничего святого между мужчиной и женщиной? — Он провел рукой по своим выющимся волосам. — Какие же еще ужасы она могла рассказать вам обо мне?

— Вы обольстили ее, когда ей было восемнадцать лет?

— Действительно, в то время произошло нечто подобное, — сказал он хрипло. — Но я, во всяком случае, не соблазнял ее, скорее все было наоборот.

— С вами это всегда наоборот, — вздохнул я. — Как с формулой: это не ее формула была украдена, а ваша.

— Это святая правда, но вы систематически не хотите верить, потому что работаете на Максин, мистер Бойд! Она ищет любую возможность помешать своему брату воспользоваться завещанием и заменить ее во главе Дома Колдовства. Я предполагаю, что для вас деньги имеют большее значение, чем мораль. Безусловно, и в этом вы пытаетесь ей помочь?

— Вы начали с того, что соблазнили ее, потом сразу же бросили, — сказал я, стараясь не выказывать своего нетерпения. — Но после смерти отца она отомстила вам, переведя вас ассистентом к Лео Сталю. Этого вы не смогли вынести и тогда покинули ее, чтобы организовать собственное дело. Это так?

— И я был прав, — воскликнул он, покачав головой. — Я сегодня отдаю себе отчет, то что я принял за детскую обиду, затаенную неприязнь, с годами превратилось в ненависть и желание мстить. Как я уже вам говорил, мистер Бойд, она нуждается в лечении у психиатра.

— Итак, она — нимфоманка?

Его глаза приняли удивленное выражение.

— Максин? Нимфоманка? Нет, я никогда так не думал. Женщина темпераментная, но не до такой степени, чтобы... Кто подсказал вам эту мысль, мистер Бойд?

— Через два месяца после расставания с вами она завела себе любовника. Он некоторое время жил у нее.

— Кто-нибудь, кого я знаю? — быстро спросил он.

— Лео Сталь, — ответил я.

Фремонт на несколько минут разразился хохотом, потом быстро успокоился.

— Я полагаю, это одна из ваших безвкусных шуток?

— Ни в коем случае. Разговор действительно идет о Лео Стале.

— Послушайте, мистер Бойд,— проговорил он внушительным тоном.— Вы можете себе серьезно представить, даже в самых безумных видениях, что такой мужчина, как Сталь, может вызывать какой-либо интерес у женщин?

— Нет,— признался я,— но тем не менее, это правда.

— А! — вырвалось у него, и он щелкнул пальцами.— Я остаюсь при своем мнении. Никогда она не стала бы рассматривать Сталя, как любовника, если только не хотела от него что-нибудь получить. Для нее это была лучшая возможность увериться в его преданности. Чего она хотела добиться? Толкнуть его на кражу моей формулы? Вот объяснение!

Фремонт удобнее устроился в кресле, скрестив руки на груди, и с удовлетворенной улыбкой посмотрел на меня.

— Я во всяком случае знал, что, придя сюда, был в полном рассудке,— пробормотал я.— Но сейчас вы совсем свернули мои мозги. Я теперь и в самом деле не знаю, кто из нас сумасшедший.

— Я, во всяком случае, в своих умозаключениях совершенно логичен,— холодно возразил он.

— Подумаем немного: на чем мы остановились? Максин Лорд уговорила Лео Сталя украсть вашу формулу и тут же выпустила духи, идентичные вашим. Несколько месяцев спустя, ценой колоссальных денежных затрат и потерь она задерживает их продажу. И все это для того, чтобы все поверили, что формула украдена, что ее украл ее родной брат и продал вам, и все это ради того, чтобы он не смог воспользоваться своим наследством, так?

— Совершенно точно, мистер Бойд.

— И вы еще говорите, что она умна? — удивился я.— Чтобы придумать такой нелепый план, нужно быть совершенно ненормальной!

— Я не устаю вам повторять, мистер Бойд, что она нуждается в лечении. Сталь первым бы сказал вам об этом, если бы сам не был замешан в эту историю. Спросите любого из его окружения, и все в один голос повторят мои слова. Почему вы не спросите об этом ее секретаршу? Урсула в курсе всех невероятных событий, происходивших в кабинете. У Максин чисто садистские манеры находить слабые стороны у своих интимных знакомых и пользоваться этим для издевательств.

— И она хорошо умеет пользоваться этим, да?

— Еще как, мистер Бойд! — закричал он. — Я говорю вам совершенно откровенно, я опасаюсь самого худшего, если только ее не призовут к порядку. Во время вашего первого визита ко мне, помните... я, то есть, вам могло показаться, что я боюсь вас. — Видите ли, я совершенно был уверен, что она наняла бродягу, чтобы тот попробовал напугать меня. Вот почему я и наговорил вам всяких глупостей, типа что отплачу вам тем же. Я подумал, что она окончательно сошла с ума! Кто-то должен ее утихомирить, пока не произошло самое худшее. Я этого сделать не могу, но вы-то, может быть, сможете?

— Сегодня, действительно, происходили неприятные для меня вещи, — пробормотал я, — но, к счастью, мне удалось уйти без особых повреждений. Вы помните, я говорил вам о трех типах? Я оставил их запертыми за бронированной дверью. Ключ у меня. Весьма возможно, что никто больше и не знает об этом. Это заставило меня теперь задуматься, а? Они могут умереть с голода все трое, и никто не узнает...

Он неестественно засмеялся.

— Вы скверно шутите, мистер Бойд! Что за Оги? Где вам удалось найти такое странное имя? Вы можете шутить, если вам угодно. Я же, когда говорю о Максине, всегда очень серьезен, и если вы не сделаете маленького усилия, чтобы ее образумить, то у вас могут быть большие неприятности, даже убийство, с нее станется!

— Конечно, — ответил я. — А новые духи продаются хорошо?

— Очень хорошо, — ответил Фремонт, потирая руки. — Мы получили уже большие заказы. У меня есть все основания радоваться и особенно еще потому, что все это лишний раз подтверждает, что Максина составила демонический план против своего брата.

Кресло признательно вздохнуло, когда я встал с него.

— Мне нужно бежать, — сказал я улыбаясь. — Вы уверены, что не хотите пугать меня серьезными неприятностями прежде, чем я уйду?

— Послушайте, — проговорил он с нелепым смешком. — Это ведь теперь трудненько, правда, мистер Бойд? Я хочу сказать, что теперь, когда вы заперли трех злодеев! — Он засмеялся еще сильнее. — Как же их зовут? Слесор, Пете и... нет, это слишком замечательно, Оги!

Я предоставил ему возможность радоваться в одиночестве: он хлопал по столу, и тело его сотрясало от смеха.

Лакированная блондинка в зале смотрела, как я приближаюсь. Ее лицо выражало покорность.

— Только ничего мне не говорите.— Она подняла руку, как бы отталкивая меня.— Меня уволили, да?

— Когда я покидал его, он хохотал. Так, что у вас есть шанс получить прощение,— ответил я.

— Как это так? Мистер Фремонт... смеялся? В последний раз я слышала, как он смеялся три года назад. Да, это было три года назад, когда кто-то упал в клетку лифта и сломал себе кости!

— Вот как? А я подумал, что ваш хозяин из веселых людей.

— Вы, вероятно, путаете его с кем-то другим,— с горечью проговорила секретарша.— Он скорее из тех людей, которые утром переводят стрелки на пять минут вперед и заставляют вас отрабатывать после службы полчаса, чтобы наверстать опоздание! Если, когда он умрет, я еще буду работать здесь, то возьму себе отпуск на вторую половину дня, чтобы отправиться потанцевать на его могиле!

— А я-то думал, что в этом предприятии ароматов все пахнет розами,— с невинным видом воскликнул я.

— Но только не у Чарли Фремонта, только не у него! Скажите, вы не могли бы оказать мне одну услугу? Вы же доставили мне много неприятностей, так что прошу вас о немногом: уходите отсюда, пока он не увидел вас снова и не вообразил, что у меня с вами флирт.

— Как, уже не может быть разговора об уик-энде во Флориде? — с грустью вздохнул я.— И это как раз в тот момент, когда вы уже настолько мне понравились, что я хотел с удовольствием оплатить все расходы!

Я быстро выскочил из выставочной залы, краем глаза заметив, что лицо девушки омрачилось, как небо в ненастье. Было уже около четырех часов дня, и я решил пойти к себе в контору, так как недурно было бы узнать, куда ее могли перевести за дни моего отсутствия.

События вчерашней ночи имели довольно тихий финал. Синди Викерс показала мне, как выйти через заднюю дверь у Слессора, и мы никого не встретили по дороге. Я отвез ее домой к Джонатану, а сам вернулся к себе. Спать я лег в четыре утра, а проснулся в полдень, и визит к Фремонту был моим первым деловым действием.

Когда я вошел в свою контору, Фран Джордан, моя рыжая секретарша с зелеными глазами, удивленно посмот-

рела на меня. Очаровательная, как впрочем и всегда, она была одета во все фиолетовое. На ней этот ансамбль был не просто прелестен, а фантастичен.

— Я звонила тебе домой два раза, но ты не отвечал,— небрежно проговорила она.— Тогда я решила, что у тебя что-то случилось или ты умер. Вероятно, ты с интересом провел время?

Я положил обе руки на ее стол, наклонился к ней и с силой втянул в себя воздух.

— Ну вот, теперь ты изображаешь из себя собаку или пылесос? — громко спросила она.— Чего ты в сущности хочешь? Чтобы тебя приласкали или дали погрызть косточку?

— Ты умеешь выбирать духи,— сказал я с удовольствием.— Это «Колдовство», так?

Ее брови полезли наверх.

— С каких пор ты стал интересоваться парфюмерией?

— С тех самых, как взялся за новое дело, которое заставляет меня работать дни и ночи напролет,— ответил я с печальной улыбкой.— Конечно, я могу не поспать, когда это приносит кое-что, но бывают моменты, когда все мужчины чувствуют необходимость немного расслабиться.. Я думал, Фран, что сегодня вечером...

— Я занята,— быстро возразила она.— Один очень хороший парень, которому я полностью доверяю и который считает, что водить самолет — наилучший спорт, будет со мной. Чтобы провести с тобой ночь расслабления, Данни, девушка должна надеть доспехи.

— То, что ты говоришь, забавно,— пробормотал я с грустью.— Вчера я познакомился с девушкой, которая, похоже, думает также. Фран, ты думаешь, это у нее комплекс?

— Просто она знает о твоей репутации до того, как ты появился,— возразила она.— Некий мистер Сталь звонил тебе целый день и все повторял, что это очень важно. Он хочет встретиться с тобой сегодня после семи в любое время, когда ты сможешь.

— Я пойду. Это все?

— Еще поручение от одной женщины. Максин Лорд.— Ее глаза неожиданно с подозрением остановились на мне.— Готова спорить, что она не носит доспехов! Она поручила передать тебе, что дело, по-прежнему, остается в силе, так что она не посылает тебе чека на покрытие расходов на такси. Ты что-нибудь понимаешь?

— Еще как!

— Больше ничего важного нет. Это все, что ты хотел узнать у меня перед тем, как я пойду готовиться к предстоящему свиданию?

— А к чему готовиться, если он сейчас не летает? — проворчал я. — Что изменится от того, будешь ты красива или нет?

Фран с состраданием посмотрела на меня.

— Ты, без сомнения, воображаешь, что мое счастье заключается в том, чтобы оставаться запертой в этой конторе и подшивать твои бумаги?

— Этот тип, с которым ты собираешься сегодня встретиться, вероятно, занимается перевозкой пассажиров. Пришли мне почтовую открытку из Буэнос-Айреса, когда ты там будешь, ладно?

Я увидел на ее лице неопределенную улыбку, не позволяющую догадаться, о чем, в данный момент, она думает. Фран встала, взяла свою сумочку и направилась к двери.

— Такие красивые девушки, как ты, никогда не стареют, — вздохнул я.

— Я знаю одну, которая не постареет. Во всяком случае, здесь, — тихо пробормотала она. — До скорого, Данни.

— Может быть, — я пожал плечами и постарался принять равнодушный вид. — Этот удар для меня слишком тяжел.

— Разве это проблема? — она обернулась на пороге, полная участия. — Если ты умрешь, то кому же я пошлю открытку?

Из наших словесных перепалок с Фран я никогда не выходил победителем. И пока я набирал номер Джонатан Лорда, она ушла так далеко, что не было слышно даже стука ее звонких каблучков.

— Алло? — Синди сразу сняла трубку.

— Салют! Это Данни Бойд. Как твои дела?

— Очень хороши. Даже просто замечательны! Когда я вчера пришла сюда и рассказала Джонатану все, он хотел сразу же позвонить тебе, чтобы поблагодарить за все, что ты сделала для меня, но я отговорила его, сказав, что нужно дождаться вечера, так как тебе необходимо выспаться.

— И очень признателен тебе за это! — сказал я от всего сердца.

— Сейчас, когда все поладило, он находится в конторе...

Данни, вчера вечером я все ему рассказала... Ты понимаешь, что я хочу этим сказать? И я очень счастлива, что эти ужасные фотографии прибыли сегодня утром. Он был замечателен! Ты знаешь, что он с ними сделал? Он сжег их, не глядя, даже не вскрывая конверта!

— Это ведь замечательно, да?

— Да. И теперь может происходить что угодно, потому что я счастлива и ничего не боюсь,— продолжала она радостно.— Теперь уже ничто не сможет разлучить нас с Джонатаном. Это просто великолепно! И без твоей помощи, Данни, я бы никогда не добилась этого!

— Конечно, конечно. Оставайся некоторое время у него, понятно? И не открывай дверь никому. Кроме тех, конечно, кого ты ждешь.

— Я обещаю это. Благодаря тебе моя жизнь стала прекрасной, и я больше не хочу рисковать ею.

— Итак, до скорого, да? Все отлично!

— Джонатан обязательно позвонит тебе сегодня вечером, так и знай, Данни. Постарайся быть терпеливым, дай ему выразить свою благодарность за то, что ты вчера сделал.

— Вполне возможно, что я вернусь домой очень поздно,— сказал я, надеясь, что говорю правду.— Попроси его отложить это на завтра.

— Я скажу ему об этом,— со смехом ответила она,— но ты не препятствуй ему. До свидания, Данни, и спасибо, что позвонил.

В отсутствие Фран контора мне показалась довольно унылой, и я отправился в ближайший бар. Выпив три стакана зелья и убив, таким образом, немного времени, я решил, что настала пора отправиться к Лео Сталю. Нужно было узнать, чего он хочет.

С большими предосторожностями, как будто я был легко бьющимся предметом, Сталь провел меня в большую строгую гостиную. После того, как ему удалось усадить меня на диван, он облегченно вздохнул и упал на стул, стоящий напротив.

— Я очень рад, что вам передали мою просьбу, мистер Бойд,— проговорил он своим тоненьким голоском.— Очень счастлив. Мне нужно кое-что сказать вам. Вчера вечером я солгал вам, мистер Бойд. Я вам солгал, не сказал всей правды.

— Относительно чего?

— Ммм... это... Относительно моей временной связи

с мисс Лорд. Нас объединяла отнюдь не общность интересов, как я сказал вам в прошлый раз. Она меня соблазнила в довольно подходящий момент, и, когда это произошло, Максин сказала мне, что наши будущие отношения зависят от того, соглашусь ли я содействовать ее планам.— При этих словах глаза Сталя увлажнились.— Я — отшельник, мистер Бойд. В молодости я был тихим и молчаливым, особенно, в присутствии особ другого пола. С самого начала моей карьеры я со страстью отдался своему делу. В лаборатории я забываю о своих физических недостатках, как, впрочем, и других, но в глубине души страдаю, что являюсь объектом насмешек и издевательств со стороны окружающих. В те редкие минуты, когда я позволял себе смотреть на Максин Лорд, как на женщину, а не как на владелицу предприятия, я думал, что она самая красивая и самая желанная из женщин!

— Давайте оставим мазохизм в стороне и перейдем к делу,— холодно предложил я.

— Хорошо, хорошо,— торопливо ответил Сталь, уцепив себя за кончик носа.— К моему глубокому удивлению она неожиданно как-то вечером пригласила меня на обед. Я был еще больше ошеломлен, когда обнаружил, что я единственный приглашенный. Мы обедали при свечах, и ее поведение дало мне ясно понять, что я выступаю в качестве Дон Жуана! Я не привык к алкоголю, но во время обеда мой стакан все время наполнялся вином, и я выпил его достаточное количество. Максин сказала, что всегда любовалась моей работой, стала говорить комплименты по поводу моей новой формулы и поведала, что хотела бы иметь меня своим другом. Ей просто необходим друг — мужчина, на которого она могла бы опереться. Я, разумеется, ей поверил.

— А немного позже вы были перенесены на седьмое небо и в кровать,— дополнил я.— Жизнь стала симфонией. А через несколько дней ваше совместное утро началось с того, что она поставила условия: или вы сделаете то, что ей надо, или вернетесь к прежнему положению. Вы мне уже говорили об этом. Итак, что она хотела?

«— Мой брат — неудачник, он слабый и скверный человек,— сказала она мне,— будет катастрофой для всех, если он займет директорское кресло. Нужно во что бы то ни стало помешать ему». Когда я спросил ее, каким образом она собирается сделать это, она ответила, что первое, что я должен сделать, это предложить ее брату поработать со мной в лаборатории. Я должен был добиться

его доверия и сделать так, чтобы он считал меня своим другом. Так как она не просила вредить Джонатану, то я согласился. Он пришел работать в лабораторию, и я постарался сделать все, чтобы войти к нему в доверие. Должен признаться, что у меня это плохо получилось, но я старался. Через несколько недель Максин небрежно предложила мне, чтобы я ввел Джонатана в курс дел относительно новой формулы, взяв его в ассистенты. Тогда он был все время возле меня... когда соизволял выходить на работу, то есть, не более двух дней в неделю!

— А потом?

— Потом она заявила мне, что, когда формула будет готова, я должен буду испортить ее. В определенный момент я должен был притвориться больным. Я должен был дать указание Джонатану, чтобы он передал формулу на фабрику и сам стал бы следить за приготовлением продукции. И, когда обнаружилась бы ошибка, я должен был свидетельствовать, что Джонатан переменял формулу. Она была уверена, что с моей поддержкой ей удастся уговорить душеприказчиков завещания согласиться считать Джонатана неспособным руководить предприятием отца. Она должна оставаться главой фабрики, а я, в таком случае, сохранил бы должность главного химика и ее любовника.

— Вы отказались?

— Разумеется! — жалобно воскликнул он. — О, я должен признаться, что мне трудно было решиться на это. Я считал, что ее брат действительно слабый и безвольный и что он это искусно скрывает. Но в моих глазах безволие — недостаточный повод, чтобы лишить его наследства.

— Держу пари, что Максин была в восторге от вашего решения, когда вы его объявили! — со смехом проговорил я.

Сталь даже задрожал при этом воспоминании.

— Она моментально изменилась. Я даже не мог вообразить, что такая прекрасная женщина может иметь такой ужасный характер. А ее язык! Любой извозчик покраснел бы, услышав ее!

— И она прогнала вас из дома?

— Из частной жизни, мистер Бойд, да, совершенно верно. Мне было не легко вернуться к прежнему существованию. Особенно трудно мне было на службе, но тем не менее, я счастлив, что нашел в себе силы отказаться от ее предложений.

— А что заставило вас изменить свое мнение и рассказать это мне? — с любопытством спросил я.

— Моя совесть не давала мне покоя. Я отлично понимал, что вы работаете на Максина и вы фатальным образом можете повлиять на достижение ею цели. И это будет концом моей долголетиной службы в Доме Колдовства. А у меня нет ни малейшей возможности получить где-нибудь должность главного химика. Но я, безусловно, найду место ассистента и мое жалованье будет достаточным.

— Раз она удержала вас, когда вы отказались выполнить ее желание, она, вероятно, ничего не станет предпринимать против вас, если останется. Разве не так?

Он печально покачал головой.

— Она может подумать, что я пойду и расскажу все Джонатану. Но теперь это уже не важно. Я совершенно уверен, что она сама отдала формулу Фремонту и ждет удобного момента, чтобы обвинить своего брата. И я также совершенно уверен, что у нее приготовлены фальшивые доказательства, которые она где-то прячет и которые вы должны найти. Таким образом, ее намерение будет осуществлено.

— Я очень благодарен вам за то, что вы рассказали мне все это, мистер Сталь,— проговорил я, медленно поднимаясь.— Это поможет мне осветить некоторые моменты, которые пока были не ясны.

— Это должно быть сделано, мистер Бойд,— проговорил он с фанатической простотой мученика.

— Тут вы совершенно правы. Если Максина удастся лишить своего брата наследства, ничего ей не помешает вышвырнуть и вас. Но если вам удастся предотвратить этот удар и таким образом помочь Джонатану, то вы станете, безусловно, самым доверенным человеком для него, когда он возьмется за руководство предприятия.

— Мистер Бойд! — простонал он.— Уверю вас, что я сказал чистую правду!

— Горе в том,— пробормотал я, как бы размышляя вслух,— что я не знаю, должен ли я верить словам человека, страдающего сексуальным недугом.

Я оставил его, вытирающим свои глаза. По какой-то странной ассоциации он напомнил мне невесту, покинутую на ступенях церкви.

Когда я навещал Урсулу Овен в последний раз, было немного меньше половины девятого, так что прежде, чем войти, я проболтался около ее дома минут десять.

Я почему-то подумал, что привычка была второй натурой Урсулы, ведь это часто бывает у молодых девушек.

Ровно в половину девятого я нажал кнопку ее звонка, а потом быстро отошел на три шага назад. Мне показалось, что прошло довольно много времени, прежде чем дверь, удерживаемая цепочкой, немного приоткрылась, и большие фиолетовые глаза, близоруко прищурившись, стали всматриваться в отверстие.

— Кто это?

Как и в первый раз, голос ее был низким и вибрирующим.

— Чарли,— ответил я простуженным баритоном.

— Дорогой! — лицо ее прояснилось.— Ты хотя бы позвонил, прежде чем придти. Я только что из душа.

Действительно, привычка была второй ее натурой, и на ней был тот же халатик, что и в первый раз. Она распахнула дверь, но я подождал, пока девушка повернулась ко мне спиной, чтобы войти в квартиру и предусмотрительно держался в трех шагах позади. Она бедром ударилась о низкий столик, и у нее вырвался крик боли. Через секунду Урсула сложилась пополам и стала шаркать по подносу на столике в поисках очков. Халатик сильно обтянул ее ягодицы, которые находились от меня на расстоянии вытянутой руки. Искушение было слишком велико; я слегка шлепнул по ним, и она издала радостный вопль:

— Ну, что ты, Чарли! Ведь ты еще даже не поцеловал меня!

Урсула повернулась ко мне с очками в руке и прелестной улыбкой на лице. Я даже не предполагал, что у нее может быть такая улыбка. Потом Урсула надела очки и лицо ее совершенно изменилось.

— Мистер Бойд?

— Если это вас не устраивает, почему бы вам не снять очки еще раз, чтобы устремиться со мной в постель,— предложил я ей.— Если вам нравится, вы даже можете называть меня Чарли.

Она инстинктивно отпрянула и снова налетела на низенький столик. В течение нескольких секунд ее руки бешено колотили воздух, потом она свалила столик и оказалась на ковре. Ноги ее поднялись вверх, судорожно

брыкаясь. В результате этих манипуляций купальный халатик совершенно распахнулся и в течение нескольких, увы, слишком коротких секунд, я мог с интересом наблюдать забавный эротический спектакль. Наконец, ей удалось перевернуться на живот и встать. Потом с гневным рыданием она бросилась на кушетку, упала на нее и спрятала лицо в подушках. Ее плечи конвульсивно вздрагивали, и я, решив, что это надолго, сел в кресло и закурил. Однако, за то время, пока я выкурил сигарету, плечи ее ни разу не шевельнулись и лишь тяжелое дыхание подсказывало мне, что она еще жива.

— Вы немного меня интригуете, Урсула — проговорил я кротким голосом. — Эти красивые фиолетовые глаза, эта женственность, исходящая от вас, которую я видел накануне вечером. Ваш голос был немного хриплым, немного вибрирующим, полным тысячи обещаний, конечно, не высказанных, и все это до того момента, пока я не представился. И вы так быстро изменили свой облик, что это заставило меня подумать, что вы ждали, ждали, но совсем другого человека. В прошлую нашу встречу, когда вы переоделись, я даже удивился, та ли это девушка, что была здесь несколько минут назад. Я вспомнил, как вы ударялись о предметы, когда бежали через салон. Значит, вы ждали, что это будет кто-то достаточно важный и нужный, кому вы, рискуя сломать шею, хотели показать ваши замечательные фиолетовые глаза без очков.

Девушка медленно выпрямилась, села, сняла очки и стала вытирать глаза носовым платком, который вынула из кармана халатика. Потом снова надела очки и посмотрела на меня с глубоко унылым видом.

— Неприятно то, что два человека придумывают одну историю и рассказывают ее одними и теми же словами, — продолжал я. — Я сегодня видел Фремонта, и, если бы закрыл глаза, то мог бы подумать, что слышу вас, за исключением, конечно, голоса. Слова были почти те же. Он даже посоветовал мне поговорить с вами, потому что вы можете мне рассказать про ухарские сцены, которые проходили в кабинете Максин Лорд, про ее гнусную привычку находить у людей их слабые стороны и про все остальное. Беда Фремонта заключается в том, что он слишком много приписывает себе.

— Я не могу понять, о чем вы говорите, — прошептала Урсула.

— Когда Максин порвала с Фремонтом, он, вероятно, возненавидел ее до глубины души и изо всех сил начал

мстить ей. И тут ему пришла в голову мысль украсть формулу. Удар бы намного потерял в силе, если бы кражу обнаружили до того, как духи были запущены в производство. Фремонту было необходимо, чтобы факт кражи своевременно не был обнаружен. У него были три варианта: Сталь, который довел формулу до конца, Джонатан и вы. И вот тогда он без сомнения выбрал вас.

— Я вас прошу! Я вас умоляю, не говорите об этом!

Фиолетовые глаза утопали в слезах.

— У меня нет выхода,— холодно возразил я.— Фремон-т видел превосходную секретаршу, носящую очки и бронированный каркас, лишаящий ее малейшего подобия женщины, скрывающей все округлости. Он, безусловно, знал, будучи хорошо знаком с Максин, и о том, какие длинные вечера у одинокой девушки, и о том, что вы относитесь к разряду тех девиц, которые высыхают, преданные своему служебному долгу, словно рожденные для того, чтобы оставаться девами и умереть в одиночестве. Но Фремонт поближе заглянул в ваши фиолетовые глаза и догадался, что под броней скрывается женщина нежная и уязвимая, которая только и ждет, чтобы ее обнаружили.

Мне казалось, что я повторяю уже давно слышанные ею слова, но это был единственный способ задеть за живое и уязвить Урсулу, и я продолжал:

— Тогда, совершенно неожиданно, вы заимели преданного воздыхателя, Мужчину, что ни на есть самого сладкоречивого, сумевшего разглядеть нежную женщину за бронированным фасадом. И я представляю себе, как вы каждый день забавлялись, встречая Максин в конторе и думая про себя: «Если бы она только знала!». А потом, так как дела у вас шли отлично, Фремонт заговорил о женитьбе. Ну, конечно, вы не чувствовали никакой привязанности к Максин, которая насмехалась над вами, и она получила бы то, что заслужила, если бы вы скопировали формулу и отдали ее Фремонту.

— Нет! — закричала Урсула.— Нет! Это неправда! Во всяком случае, в отношении формулы! Согласна, Чарли и я, мы собираемся пожениться, он меня любит. Но ведь это не преступление! Я только держу это в секрете, потому что продолжаю работать на Максин, но мы...

— Значит, он сходит по вас с ума,— жестко перебил я ее.— А сколько раз, в точности, вы видели его с тех пор, как отдали формулу? У нас было время до моего появления подумать над этим.

— Я не знаю... не могу вам сказать в точности. Прежде всего, я никогда не давала ему формулу! Вы пытаетесь подловить меня в ловушку для того...

Ее взгляд затравленного зверька проник в мое сердце. Она сняла очки, глаза ее затуманились, и поток слез резко увеличился.

— Ни одного разу,— прошептала она.— Даже, когда вы вошли в дело, он не пришел повидать меня. Лишь позвонил из своей конторы и сказал мне, что если вы обнаружите правду, то я заплачу за это самой дорогой ценой. Ведь я украла формулу. По его голосу я поняла, что он напуган. А потом я стала убеждать себя, что это мне показалось.— Урсула медленно вытерла глаза и печально улыбнулась.— Никто не решится сразу отказаться от своей мечты, не так ли?

— Напишите мне обо всем этом, Урсула,— твердо проговорил я.

— Все? — воскликнула она, надев очки, и посмотрела на меня с ошеломленным видом.— О Чарли и обо мне?

Я утвердительно кивнул головой.

— Только то, что он попросил вас осторожно снять копию с формулы. Дату и время, когда вы смогли осуществить это, и час и место, когда вы отдали ее ему. Это все, что я хочу от вас.

Девушка встала и неуверенной походкой направилась к своему секретеру. Я успел выкурить еще одну сигарету, до того как она подошла ко мне и протянула подписанные показания.

— Вы, без сомнения, найдете мой вопрос глупым,— проговорила она тихим голосом,— но что же теперь будет?

Я старательно вложил ее показания в бумажник и встал.

— Пока не знаю,— ответил я,— но как только узнаю, сразу скажу вам.

— С другой стороны, я даже счастлива, что все так произошло.— Урсула сильно и резко прикусила нижнюю губу, даже появилась кровь.— Чарли упадет с облаков, когда вы покажете ему эти бумаги.

— Без сомнения.

— И еще... У меня к вам одна просьба. Когда вы увидите мисс Лорд, не сможете ли вы сказать ей, что я завтра не выйду на работу? — Урсула сделала героическое усилие, чтобы улыбнуться, но у нее ничего не вышло.— Я просто останусь здесь и буду ждать... дрожа.

— Как воровка, вы не слишком счастливы, Урсула,— заметил я,— но, в сущности, все к лучшему.

Я повернулся к ней спиной и, не торопясь, чтобы дать ей возможность опомниться и начать уговаривать меня или предлагать сделку, направился к выходу, но девушка не произнесла ни слова. Я подумал, что это действительно очень редкое явление.

Когда я вышел на улицу, холодный ветер прервал мои сентиментальные мысли. Такси отвезло меня на шестидесятую улицу, где жили умные люди в стенах, обтянутых бархатом и в компании огромных египетских кошек. Но на мои многочисленные звонки никто не ответил.

Я уже собирался уходить, когда около дома остановилось такси и из него вышла Максин Лорд. Она расплатилась с водителем и пошла по тротуару, разыскивая ключ в своей сумочке.

— Что такое Дом Колдовства без своей колдуньи? — громко спросил я.

— Как так... Вы? — по той манере, как она это произнесла, создалось впечатление, что я труп, который она только что охладила.— Вы, может быть, находите свою шутку остроумной, Бойд?

— Я отлично понимаю слова, но их смысл ускользает от меня,— ответил я.

Максин открыла дверь, включила свет и направилась в вестибюль. Я без промедления проследовал за ней, чтобы она не успела хлопнуть дверью перед моим носом.

Мисс Лорд резко повернулась и очутилась перед моим носом с лицом, искаженным от гнева. На ней была казачья папаха и лисья накидка, опускающаяся до самых черных бот. Добавить ей только хлыст в руки, и она обратила бы в бегство целую банду львов.

— Что все это означает? — проворчала она.

— А что означает «все это»? — возразил я таким же тоном.

— Ваша контора была не веселее могилы, когда я в нее приехала. Мне потребовалось десять минут, чтобы разбудить сторожа, этого несчастного малого, и за это время я чуть не умерла от холода на тротуаре, а он, вероятно, принял меня за сумасшедшую или за уличную девку, которая ошиблась адресом!

— У вас, безусловно, была очень веская причина, чтобы устремиться в мою контору поздно ночью,— спокойно сказал я,— и мне бы очень хотелось узнать ее.

— Это, по крайней мере, безрассудно, не иметь памяти...— она принялась прожигать меня взглядом, потом ее губы раздвинулись в усмешке.— Или вы — совершенный идиот, Бойд. Значит, вы абсолютно не помните, что позвонили мне по телефону примерно час назад и сказали, что хотите меня немедленно видеть, что это вопрос жизни и смерти, и что я должна немедленно явиться в вашу контору?

— И все это сказал я? — по выражению лица Максин я понял, что она не шутит.— И каким вам показался мой голос?

— Таким же отвратительным, как и вы сами! И ваш насморк, который заставил вас хрипеть как ворону! Что такое? — ее глаза округлились.— Что... это были не вы?

— Я никогда не хриплю, как ворона,— уверил я Максин.— Даже когда у меня насморк.

— Тогда почему кто-то проделал это и уверил меня, что это вы?

— Просто из зависти,— радостно ответил я.— Кто-то хотел походить на меня. Но ведь по-настоящему, невозможно стать таким Данни Бойдом: классический профиль, мускулистое тело, ум почти гениальный, отличный характер. Но вы в течение нескольких секунд верили этому голосу?!

— А! Замолчите! — проворчала она.— Я не люблю ваших шуточек. Но должна существовать причина такого звонка!

— И еще какая! Может быть, вы узнаете ее, а может и нет. Время покажет, как прошептала девушка своему любовнику в то время, когда ее папа стоял на страже с ружьем.

— Бывают моменты, Бойд, когда я с удовольствием бы задушила вас,— она сняла шапку и небрежно бросила в соседнее кресло. На Максин осталось платье-джерси с розовыми полосами, сделанное словно специально для того, чтобы у смотрящего закружилась голова.— Кстати, что вы хотите от меня получить?

— Пять тысяч долларов,— не задумываясь ответил я. Лазурные глаза стали темно-синими.

— Вы знаете кто украл формулу?

— Выпишите чек на имя Бойда,— посоветовал я ей.— Мы не будем считаться с расходами на такси: пять тысяч долларов круглой цифрой, этого будет вполне достаточно.

Блеск ее ледяной улыбки мог соперничать, по силе,

с северным сиянием. Максин медленно облила губы, предвкушая сладкое чувство мести.

— Кто это? — прошептала она.

— Это не доставит вам удовольствия, — предупредил я ее. — Но вы ведь наняли меня для того, чтобы я открыл вам всю правду, не так ли?

— Не будем терять времени, Бойд! Кто украл ее?

Я вынул из бумажника признание Урсулы и протянул его Максину. Она вырвала бумагу из моих рук, потом стала пожимать ее глазами сверху вниз, до самой подписи.

— Как сказал один философ: никогда невозможно исполнить все желания, — напомнил я ей.

На мгновение в глубине глаз Максина мелькнуло опасное пламя, но затем она разразилась хохотом. Я смотрел на это, открыв рот, но она смеялась совершенно искренне и очень забавлялась.

— Маленькая свинья! — выдохнула она. — Бедная маленькая Урсула, девушка, которая ничем бы не рисковала, даже если бы осталась на необитаемом острове в компании моряков в течение пяти лет. А я-то думала, что знаю о ней все! Держу пари, что она не поняла, что с ней случилось, когда Чарли стал таким активным! Ну что ж, теперь она узнает, что с ней случилось, когда я проявлю активность! — сквозь зубы проскрежетала мисс Лорд.

— Урсула находится у себя и, без сомнения, ожидает прихода полиции. Она уже видит себя в наручниках, брошенной в камеру на двадцать четыре года! Но, Боже мой, для чего? Ей вполне достаточно и того, что Фремонт просто воспользовался ею для получения формулы, и что она потеряла золотое место.

— Да никак у вас есть сердце, Бойд? — насмешливо спросила Максин. — Но ведь это была не ваша формула, не ваш дом и не ваши деньги, не так ли?

— Зачем давить на пешку, когда можно получить короля? У вас же было пристрастие к густым волосам! Теперь воспользуйтесь этим!

— Что? — она была на грани взрыва, но сумела взять себя в руки. — Что это вы такое сказали?

— Вы были в восторге от мысли выйти замуж за Фремонта до тех пор, пока неожиданно не обнаружили, что он хотел не вас, а ваше предприятие. Теперь у вас в руках превосходное оружие для мести. С такими доказательствами вы можете обеспечить его и сделать так, что его осудят. Предложите ему выбор: или вы обратитесь к право-

судию, или он передаст в ваше распоряжение все, что имеется на его предприятии.

— Да,— вздохнула она.— А это мысль!

— Вы даже сможете позволить себе роскошь быть великодушной,— прибавил я.— Заключите с ним хорошо оплачиваемый контракт на всю жизнь.

— Вы грезите, Бойд?

— Но не указывая должности,— продолжал я, как бы не слыша ее вопроса.— Таким образом, он станет у вас чем-то вроде служащего; один год вы наденете на него униформу и заставите открывать дверь вашим клиентам, а на следующий год, скажем, он может чистить мусорные ящики.

— О, да! — прошептала она с видом гурмана.— О! Как бы я хотела этого!

— Идея не такая уж неосуществимая,— заметил я.— А что Урсула Овен?

— Вы в самом деле заинтересованы ее судьбой? Да пусть катится к дьяволу! Эта девушка уволена и все! Но пусть не приходит ко мне за рекомендацией!

— Спасибо. Теперь плохо ли, хорошо ли, но не хватает лишь чека.

— Я вам напишу его наверху.

В лифте мы молча поднялись на третий этаж. Входя в комнату, я попытался выдержать взгляд ближайшего кота, но мерзкое животное не пожелало опустить глаза.

Максин предложила мне выпить за успех, и я прошел к бару, чтобы наполнить стаканы.

— А что случилось с моей приятельницей миссис Малон? — поинтересовался я.

— Сегодня у нее выходной день. Я думаю, она пошла покупать талисман против моего дурного глаза. Она считает меня ведьмой. Да и не только. Многие принимают меня за распутную девку.

Максин взяла щетку и, продолжая рассматривать меня в зеркало, принялась небрежно расчесывать свои волосы.

— Поставьте мой стакан там, пожалуйста.

Я поставил ее стакан на туалет, а сам направился к дивану. Когда она закончила расчесывать волосы, она расстегнула застежку своего платья и позволила ему упасть на пол. Я наблюдал, как она повесила платье на край стула и начала медленно избавляться от своей черной комбинации. Теперь на ней остались лишь лифчик, черные кружевные трусики, да оранжевый пояс для чулок. Высокие

черные боты дополняли картину. Максин медленно повернулась к туалету и взяла свой стакан.

— Я хочу предложить вам один тост: чтобы Чарли Фремонт закончил свою жизнь сторожем!

— Сборщиком мусора,— добавил я.

Мы выпили, потом она протянула мне свой стакан.

— Другой тост. За моего брата Джонатана, чтобы он никогда не стал директором Дома Колдовства.

Этот она выпила до дна, потом посмотрела на меня поверх стакана.

— Мне нужно выписать вам чек на пять тысяч долларов, Бойд! А что, один ноль к нему вас интересует?

— Такие замечательные нолики украшают любые чеки,— пробормотал я.

— Найдите возможность связать руки Джонатану,— проскрипела она сквозь зубы.— Устраивайте что хотите, мне на это наплевать, и вы получите пятьдесят тысяч долларов! — ее губы раздвинулись в циничной улыбке.— И меня, если это может прибавить вес к лишнему нулю.

— Вот удивительно,— сказал я, потому что мои глаза непроизвольно начали слезиться.

— Простите? — произнесла Максин, слегка сморщив брови.

— Мне показалось, что я превратился в Сталя. Она снова наморщила лоб и слегка прикусила губу.

— Я делаю все, что в моих силах,— выдохнула Максин.— Задействовать Лео Сталя была действительно не слишком удачная идея, я признаю это, но в то время у меня он был первой возможностью.

— Конечно.

— Я потратила десять лет своей молодости на это дело. Я знаю своего милого братца лучше, чем он сам. Он не стремится сесть в директорское кресло, но очень хочет досадить мне. Достаточно двух лет его руководства, и вся моя работа пойдет насмарку. Осталось пятнадцать дней. Недавно я ему сказала: «Назначь свою цену и я ее заплачу!». Но он нашел это очень смешным!

— Может, теперь он хочет остепениться и жениться?

— На этой ничтожной соблазнительнице? — Максин разразилась хохотом.

— К моему глубочайшему сожалению я должен отказаться от вашего предложения,— заявил я.— Так что в конечном счете плата составит лишь пять тысяч долларов.

— Я выпишу чек,— холодно проговорила она.— Вы упустили прекрасную возможность, Бойд!

— Это драма моей жизни — признался я.

Зазвонил телефон и заглушил ее слова, настолько же резкие, насколько и основательные. Через несколько секунд, неприятно улыбаясь, Максин протянула мне трубку.

— Страшное совпадение. Мой брат хочет поговорить с вами.

Я взял трубку.

— Бойд у телефона.

— Джонатан Лорд, — казалось, он сильно взволнован. — Я не хотел бы вас беспокоить, но разве Синди не должна еще вернуться?

— Откуда?

— А? Да от вас же, черт возьми!

— Боже мой! Но что же она собиралась у меня делать? — закричал я. — Ведь я велел ей не выходить из вашего дома!

— Вы шутите? — неуверенным тоном проговорил Джонатан. — Я был рядом, когда она говорила с вами по телефону.

На секунду я закрыл глаза.

— Она случайно не сказала вам, что у меня насморк? Или что я хрипел, как ворона? Нет?

— Синди сказала мне, что вы простужены, но я не вижу никакой связи.

— А я наоборот. Что она еще сказала?

— Что она немедленно должна отправиться на свидание к вам в ее квартиру. Что это очень важно, но ничего опасного в этом нет, и будет лучше, если я останусь дома и не буду вмешиваться. После вчерашнего, после всего того, что вы сделали для меня, у меня не может возникнуть никакого дурного подозрения, даже если вы попросите сделать что-нибудь вроде того, чтобы пройтись по Бродвею с одним фиговым листочком!

— А когда она ушла?

— Не могу сказать точно. Может, час назад, может, больше, — ответил он с беспокойством в голосе. — Скажите, это было очень важно?

— Это мы сейчас выясним, — прорычал я. — Немедленно прыгайте в такси и мы встретимся у нее!

Я повесил трубку и увидел, что Максин с интересом смотрит на меня.

— Мой брат позвонил, и вы бежите к нему галопом?

— Точно.

— А вы не работаете также и на него?

— Нет, это исключено. Но маленькая Викерс может быть в большой опасности.

Максин бросилась к гардеробу и быстро натянула платье.

— Вы мне разрешите сопровождать вас?

— Я совершенно не знаю, что там происходит, но это может быть опасным,— ответил я.

— Застегните мне молнию,— сказала она, поворачиваясь ко мне спиной.— Я готова рискнуть, мне нечего беспокоиться, когда со мной вы и мой брат. Вы вдвоем защитите меня.

— Если хорошенько подумать, то можно сказать, что вы никогда не нуждались в чьей-либо помощи! — проворчал я.

— Вы пугаете меня, Бойд! — она закуталась в свою накидку, надела шляпу и добавила:

— По моим подсчетам, мы должны уже находиться в кровати, а вместо этого, я снова одета и готова выйти на улицу! И если вам больше нравятся плоские груди, то я могла бы сесть на определенную диету.

— Не будем говорить об этом сейчас и терять время,— увлекая ее к двери, ворчал я.— Мой желудок каждый раз сжимается, как я подумаю о Синди Викерс.

— Видимо, она на самом деле необыкновенна, если вызывает у вас такие эмоции.

— Я беспокоюсь лишь о том, что с ней может произойти. Вам никогда не приходилось думать о ком-нибудь другом, кроме себя?

— Никогда,— честно призналась Максин Лорд,— Я самая очаровательная из всех женщин, которых я знаю.

9

Когда мой палец нажимал кнопку звонка, появился Джонатан. Он пронесся мимо сестры, будто ее здесь и не было, оттолкнул меня и вставил ключ в замочную скважину. Дверь отворилась и вслед за Джонатаном вошли мы с Максин. Гостиная была пуста. Пока Джонатан осматривался, я толкнул дверь в спальню. Потом включил свет. Через секунду позади себя я услышал крик, да и сам почувствовал себя отвратительно.

Синди Викерс лежала на спине поперек кровати. Большая прядь черных волос закрывала ее лицо. Платье задра-

лось до бедер, а мантию валялось возле кровати. Один глаз был широко открыт и выражал застывший ужас. Узкий кожаный пояс глубоко врезался в ее нежную шею.

— О! Боже мой! — прошептал голос позади меня.

Я повернулся и на пороге увидел Максина с перекошенным лицом. Она с ужасом смотрела на тело. Я взял ее за плечи и толкнул, таким образом, усадив на диван в гостиной. Максина вяло подчинилась мне. Затем я открыл ящик с ликерами и наполнил два стакана виски, один из них я сунул ей в руку. С застывшим взглядом и посеревшим лицом Максина машинально начала пить. Второй стакан я отнес в комнату, где стоял у кровати и смотрел на труп Джонатана. Протянутый ему стакан он взял чисто рефлексивно. Выпил его сразу, потом разжал пальцы и стакан упал на пол.

— Слессор? — прошептал он глухим голосом. — Но почему?

Я подошел к комоду, открыл ящик и стал онцупывать лежащие там вещи. Наконец, я нашел драгоценности и положил их на туалет. Джонатан взял брошку и повернул ее обратной стороной, чтобы прочитать надпись. Потом проделал то же самое с медальоном.

— Я никогда не дарил ей ничего подобного, — заявил он.

— Это Оги, он настаивал, чтобы она хранила их здесь, — сказал я ему. — Он также обещал ей шубку из норки, которую должны были принести через два дня. Она вам об этом не говорила?

— Без сомнения... — вздохнул он, проведя дрожащей ладонью по лицу. — Я был так рассержен тем, что ей сделали и так был счастлив снова обрести ее целой и невредимой, что даже не слушал о всех подробностях.

— Вы меня не поняли, — сказал я. — Вы были так влюблены в нее, что купили ей все эти драгоценности, а это превышало ваши возможности делать подарки. Вы были готовы жениться на ней до того утра, когда появились эти фотографии.

— Я их все сжег! — хриплым голосом закричал он. — При ней. Они еще были в конверте, когда я их сжег!

— Но вы расписались за их получение, — настаивал я, стараясь сдержать свое раздражение. — А теперь имеется только ваше слово, что вы не смотрели этих фотографий. Существует, безусловно, другая серия таких же фотографий, и, само собой разумеется, полиция рано или поздно

их получить. В сущности, эти снимки привели вас в состояние ярости и ревности, вследствие чего вы устремились к Синди и убили ее.

Джонатан открыл рот и долго его не закрывал.

— Вы с ума сопли, Бойд,— наконец, проговорил он.— Я вам рассказал то, что произошло. Вы позвонили Синди по телефону и сказали ей, чтобы она пришла сюда одна. Вы — единственный человек в мире, к которому у меня было доверие, и я не стал сопровождать ее.

— Ладно, кто-то подделывается под мой голос,— сказал я,— но вы можете доказать, что вся эта история не продукт вашего воображения?

— Значит, по-вашему, они могут поверить, что это я убил Синди? — возмущенно закричал он.

— А что вы хотите, чтобы они подумали? У вас было все: причина, средство и возможность. Кто-то хотел погубить вас и весьма основательно. Надеюсь, вы не хотите оказаться комфортабельно сидящим на электрическом стуле? Поэтому я вам советую что-нибудь сделать и сделать очень быстро.

— Слессор! — нервно прошептал он.— Это не может быть никто другой, кроме Слессора!

— Который должен быть в распоряжении кого-то другого,— предположил я.

— Я отправлюсь туда, в эту гнусную коробку и...— в его глазах мелькнул опасный огонек, и он покачал головой.— Нет! Я позвоню ему по телефону, чтобы он пришел сюда!

— Скажите ему, что если он не придет в ближайшие полчаса, то вы позовете полицию и скажете, что это он убил Синди.

Джонатан бросился к телефону. Я последовал за ним и видел, как он перелистывает справочник. Максин по-прежнему сидела на диване с неподвижным взглядом и пустым стаканом между пальцами.

— Вот! — закричал Джонатан, выпуская справочник и набирая номер.

Я уселся в кресло и закурил, перенеся все внимание на лицо Максина, и одним ухом слушая телефонный разговор. Лазурные глаза все еще смотрели в пространство, но уже были полны напряжения, и в глубине их мерцал огонек любопытства, а может быть, и страха.

— Он придет,— заявил Джонатан, повесив трубку.— Он сказал, что просто летит сюда!

— Отлично,— сказал я.— Итак, в ожидании, я расскажу Максину то, что произошло между Синди и Слессором.

Джонатан посмотрел на меня с недоумением.

— К чему это?

— Она имеет право знать это.

Когда Максин повернулась ко мне, у нее было каменное лицо.

— Кто такой Слессор?

— У него есть бар в Гринвич-Виладж и кабаре в Джерси-сити. Когда Синди Викерс познакомилась с Джонатаном, она там работала.

Я рассказал Максину всю историю Синди со дня знакомства с Джонатаном до вчерашней истории и закончил тем фальшивым звонком, якобы от меня, который и привел Синди к смерти.

— Кто-то звонил по телефону, выдавая себя за вас? — прошептала она, широко раскрыв глаза.— Но ведь тоже самое произошло и со мной! Вспомните, как я разозлилась после того, как пришлось напрасно проехать в вашу контору!

— Ну, да. Это был, вероятно, тот момент, когда Синди душили здесь, в этой квартире.

— А? — в глазах Максина промелькнуло чувство страха.— Вы так думаете?

— В то время, когда Джонатан был у себя, уверенный, что Синди ничем не рискует, находясь со мной.— Я раздавил свою сигарету в пепельнице.— Судя по всему, все было рассчитано заранее. После этих фотографий, в глазах полиции, убийцей, безусловно, является Джонатан. И вот что они подумают: Джонатан влюбился в соблазнительницу, которая устроилась так, чтобы жить в свое удовольствие и заставляла его делать подарки, цена которых намного превышала его платежные ведомости. Кто-то послал ему эти фотографии, и он провел целый день в разглядывании их. А затем он решил убить ее, чтобы покарать за то, что она надсмехалась над ним.

— Почему же этот Слессор пытался таким образом повредить Джонатану? — с задумчивым видом спросила Максина.

— Потому что ему платили за это,— проворчал я.

— А кто же мог до такой степени ненавидеть Джонатана? — она смотрела на меня с оцепенелым видом.

— Вы можете также добавить: «Кто мог здорово выиграть, если Джонатана обвинят в убийстве?» А на это может

быть только один ответ,— с ледяной улыбкой ответил я.— Вы!

— Я? — закричала Максин, побледнев.— Но вы с ума сошли! Я никогда не...

— Расскажите вашей сестре, когда и где вы познакомились со Слессором,— обратился я к Джонатану.

— В зале экспозиции,— твердо произнес он.— Слессор сказал, что всегда покупает наши духи для девушек, работающих в его клубе! Это ведь было не случайное знакомство, а? Ты все подстроила с самого начала!

— Не будь смешным! Ты знаешь, что я не хочу отдавать тебе предприятие, ибо у тебя оно через месяц развалится. Но тем не менее, от того, чтобы не хотеть, до этого...

Джонатан быстро подошел к ней.

— Исчадие... грязная девка! Ты ведь хотела любой ценой отделаться от меня. Так как ты не смогла доказать, что я украл твою формулу, ты стала готова на все, вплоть до убийства! Тебе не только не составило труда убить невинную девушку, но тебе еще понадобилось погрязнуть в этом кошмарном пантаже... Я любил Синди! Это чувство, которое ты никогда не сможешь понять... ты...

— Ты закончил? — дрожащим от гнева голосом прокричала Максин. Я ничего не делала, и ты это знаешь! И не говори мне о любви и невинных девушках. Ты не знаешь, что такое любовь! Ты никогда не знал невинных девушек. Мальчик, ты переполнен комплексом. Ты так и не смог переступить стадию влечения, которая была у тебя в четырнадцать лет, когда тебя соблазнила твоя няня! Все остальные твои девушки были такими же, как она. Ты продолжал делить свою любовь с доброй женщиной, довольный тем, что твоя старшая сестра не сможет застать тебя на месте преступления, и тебе не придется, обливаясь слезами, умолять ничего не говорить папе.

У Джонатана вырвался целый ряд самых отборных ругательств, и он схватил сестру за накидку. Потом он приводнял ее и начал бить тыльной стороной ладони по щекам. Она заорала и до крови расцарапала ему лицо. Обаими руками он схватил Максин за горло, заставил встать на колени и начал изо всех сил сжимать руки.

Я подумал о том, что пришла пора и мне вмешаться в игру. Я схватил Джонатана за запястья, чтобы заставить его выпустить свою добычу. Но правая рука Джонатана немедленно сжалась в кулак и ударила меня между глаз. Я отшатнулся на пару шагов, и он, воспользовавшись этим, снова схватил сестру за горло. В считанные мгновения

я пришел в себя. Ребром ладони я ударил Джонатана по горлу. Он издал вопль, отпустил Максин и повернул ко мне лицо, искаженное бешенством. Максин, пытаясь привести дыхание в норму, откинулась на диван, а Джонатан стал смотреть на нее так, будто явно сожалел, что ему не удалось закончить дело.

— Так! А чья теперь очередь умирать? — спросил кто-то насмешливым тоном позади меня. Я повернулся так стремительно, что моя голова должна была отлететь.

На пороге с легкой улыбкой в уголках рта и с пистолетом в руке, стоял Слессор. Рядом с ним находился Оги. Джонатан слегка присвистнул.

— Боже мой! — слабым голосом воскликнул он. — Я оставил в дверях ключ!

— Оги, разоружи Бойда! — сухо приказал Слессор.

Оги приблизился ко мне, стараясь не пересекать линию огня своего патрона, и вытащил из моей кобуры пистолет.

— Э! — воскликнул он, широко раскрыв глаза, — подумай только! Да это ведь мое оружие!

— Я подумал о том, что если мне когда-нибудь придется убить человека, то я буду иметь возможность свалить это убийство на твою шею.

Дуло пистолета несколько раз больно ударило меня по затылку, напоминая о том, что я не всегда нахожу удобный момент для шуток. Потом Оги отступил на такое расстояние, чтобы быть вне пределов моей досягаемости, и принялся наблюдать за мной.

— А вы не привели с собой Пете? — поинтересовался я.

— Пете умер, — пробормотал Слессор. — Несчастный случай. Вчера вечером его ударило током.

— Нет больше друга, — заметил я.

— Как сказал врач, у него было слабое сердце. Нам пришлось ждать шесть часов, пока нас выпустили из этой комнаты. Шесть часов в темноте и с мертвецом за компанию!

— А! Так вот почему ваши волосы побелели! — с гордостью сыронизировал я. — Надо бы переменить работу, Слессор!

— Бросьте все это, Бойд, — проворчал Джонатан. — Все, что я хочу, это ответ на мой вопрос. — Он свирепо посмотрел на Слессора. — Кто вам поручил убить Синди и свалить все это на меня?

— Мы ее не убивали,— живоотреагировал Слессор.— Этого не было в контракте. Первым условием было заинтересовать тебя одной из девиц, потом, если бы это подействовало, сделать так, чтобы она нас слушалась. Она должна была хранить наши драгоценности, чтобы доказать, что ты тратишь на нее большие суммы.

— А потом? — пролепетал Джонатан.

— Я должен был презентовать тебе пакет этих замечательных фотографий и предложить выбор: или ты добровольно откажешься от наследства или твои душеприказчики получат такой же пакет фотографий вместе с доказательствами твоих невероятных трат. Таким образом, они убедятся в том, что ты по уши влюблен в самую безнравственную девку, способную заставить тебя пойти на любой неблагоприятный поступок. А в условии о наследовании есть пункт, касающийся нравственности, разве не так?

— А сколько это должно принести тебе? — спросил Джонатан.

— Пятьдесят тысяч.

— А чья же это идея?

— Ее,— Слессор показал на Максина.— Но я никогда бы не подумал, что она пойдет на убийство малышки. Нужно быть сумасшедшей. Как я уже сказал, этого не было в контракте.

— Вы лжец! — закричала Максина.— Это неправда! Я вас никогда не видела! Никогда!

— До того момента, как ты позвонил нам по телефону,— не реагируя на ее вопли, продолжил Слессор,— Оги и я находились в баре, выпивали с пятью или шестью ребятами. Это можно проверить. Начиная с семи часов, мы находились там и никуда не выходили!

— Мне нет необходимости проверять это,— проскрежетал Джонатан.

Максина умоляюще посмотрела на меня. Глаза ее были полны безумства.

— Данни, вы же знаете, что это неправда! Скажите им, что это неправда, что я не делала этого!

— Вы что, смеетесь, что ли? — рассердился я.— Но кто же еще? С того момента, как я начал задавать вопросы, я только и делал, что подозревал Слессора. Сначала я попал сюда в неудачный момент и помешал Оги. Вчера я совершил набег на его бар, чтобы спасти Синди. Я только и делал, что доставлял ему неприятности, разве не так?

— Еще как! И не воображайте, что мы забудем об этом!

— О, это будет истинным наслаждением: свести наши

маленькие счеты,— добавил Оги.— Когда вы появились, она уже была готова написать то, что нам было нужно.

— Вот видите,— повернулся я к Максину.— Это был ваш план, и я не перестал нарушать его. Причем, как они говорят, рискуя взлететь на воздух. Без сомнения, вы меня для того только и наняли, чтобы все время мешать людям, которые работали на вас?

— Я...— пробормотала она.— Но в сущности вопрос не стоит так прямо!

— Вы слышите? — я повернулся к Слессору.— Она говорит, что это не прямое доказательство!

— А мне наплевать, что она говорит... Я...

— Нужно найти что-нибудь получше, старик,— прервал я его.— Она наняла меня, чтобы я нашел вора формулы, и она сказала, что это может быть один из четырех, среди которых ее брат и его подружка. Она хотела, чтобы я допросил их и, очевидно, Максин должна понимать, что после разговора с Синди дорожка снова приведет к ней.

— Я никак не могу понять, к чему вы клоните, Бойд,— сказал Джонатан. Голос ее дрожал.— Конечно, Максин рисковала, призывая вас, но она не могла пережить мысли о том, что кто-то украл ее формулу и не наказан за это.

— Неплохо, братец,— восхищенно проговорил я.— Но не совсем хорошо.

— Ладно! — закричал он.— Тогда что и кому вы хотите инсинуировать?

— Формула имела очень большое значение в глазах Максина, но все же не настолько, чтобы рискуя испортить все планы, сделать так, чтобы вас обвинили в убийстве,— сказал я убежденным тоном.— Но вы отмечены с самого начала, и мне кажется, что вы должны благословлять небеса, что у вас есть Слессор и Оги, как свидетели.— Я посмотрел на Слессора и добавил: — потому что, вы, без сомнения, будете свидетельствовать.

Совершенно ясно осознавая, что мне не следует ждать ответа, который еще не подготовлен, я повернулся к Джонатану Лорду.

— По моему скромному мнению, это очень коварно,— уверенно проговорил я.— Сделать вид несчастной жертвы своей злой сестры, старающейся повесить вам на шею преступление, которое вы не совершали. Ваши оба дружка подтвердили, что она наняла их, чтобы сфабриковать фальшивые доказательства ваших сумасшедших трат и поместить их у вашей подружки. Потому-то эти ужасные фотографии и прошли незамеченными. Вот почему вы сожгли их

так благородно и так старательно на глазах у Синди. А потом, сегодня вечером, вы позвонили Максину, подделавшись под меня, и велели ей ехать в мою контору, четко зная, что меня там нет, и все это лишь для того, чтобы у нее не было алиби на время совершения преступления. Потом вы отвезли свою любимую Синди к ней домой и задушили! А после вы стали утверждать, что это я вызвал Синди по телефону. Была одна маленькая красивая деталь... Вы бы никогда не отпустили ее одну, но вы ведь как бы доверяли мне! И вы знали, что Максин тоже расскажет о телефонном звонке. И она бы безусловно сказала, если бы ее обвинили в убийстве.

— Вы сошли с ума! — прошипел он.

— А что если мы предоставим полиции решать это? — предложил я, не обращая внимания на его слова. — Их выводы могут совпасть с моими. Но что совершенно точно, так это то, что Максин обелена, и вы никогда не сможете наложить руку на ее дело.

— Он прав, — неожиданно сказал Оги. — Если ты хочешь выпутаться из всей этой истории, ты должен действовать быстро, Лорд!

— Закрой свою пасть! — заорал Слессор. — Ты... Боже мой, ты можешь все пустить по ветру!

— Очень жаль! — весело проговорил Оги, глядя на меня. — Теперь мы, по крайней мере, сможем заняться Бойдом, не так ли?

— Очень хорошо, — неожиданно заявил Джонатан резким и авторитетным голосом. — Итак, значит, вы — большой хитрец, Бойд? Вчера вечером, когда вы спасли Синди, вы в самом деле доставили нам немало беспокойства, но потом вы имели благородство доверить ее мне. — Он усмехнулся. — Вы подписали свой смертный приговор. И вы заслужили известное поощрение. Что вы скажете на то, чтобы закончить жизнь как герой, с вашим именем и фото во всех газетах?

— К делу, к делу! — торопил Слессор. — Мы теряем время.

— Не совсем так, — возразил Джонатан. — Максин убила Синди и собралась уходить, но вдруг появился Бойд. Тогда она ударила его ножом. Она бросилась к двери, но прежде, чем умереть, Бойд выстрелил в нее и убил.

— Мне не нравится это, — пробормотал Слессор.

— А я нахожу вполне приемлемым, — заявил Оги. — Может, на кухне найдется подходящий нож?

Я посмотрел на Максина, по-прежнему сидящую непо-

движно. Ее красивое лицо стало мертвенно бледным, а в глазах застыл ужас.

— Я признаю, что вы правы,— сказал я ей.— Он всегда был маленьким мошенником, начиная с того момента, как вы застали его в постели с бонной, он никогда не переставал им быть.

— Замолчи! — закричал Джонатан.

Я повернулся так, чтобы быть напротив Джонатана. В этот момент Слессор стоял на пороге с пистолетом, по-прежнему направленным на меня, а Оги находился в полутора метрах позади меня. Я с грустью подумал, что нахожусь в такой ситуации, когда смерть неминуема, станешь ты поворачиваться или нет.

— Расскажите еще раз, Максин,— проговорил я, насмешливо глядя на гримасничающее лицо Джонатана,— как он умолял, рыдая, не рассказывать ничего отцу. Держу пари, что эта идиотка бонна умирала со смеху, глядя на него тогда...

— Заткнись! — завопил Джонатан, подлетая ко мне со сжатыми кулаками.

Я подождал, когда он достаточно приблизился, схватил обеими руками его за пиджак и, резко повернув, отбросил в сторону Оги. Тот свалился на пол, Джонатан оказался сверху. Оги выпустил пистолет, который покатился по паркету. Я бросился за оружием, и в этот момент раздался выстрел. Я стремительно подполз под прикрытие двух тел. Раздался второй выстрел, и одно из тел перестало барахтаться. Я повел пистолетом в сторону Слессора и трижды нажал на курок.

Этот тир имел слишком близкую мишень. Слессор, шатаясь, сделал шаг по направлению ко мне, старательно прицелился, но потом неожиданно выпустил оружие из рук.

Я быстро поднялся на ноги, а Слессор в это время поднял палец к потолку, как бы там ища объяснение дыре в собственном лбу. Наконец, он повалился на пол.

Тем временем Оги освободился от тяжести мертвеца и медленно поднялся на ноги. Он посмотрел на Слессора, потом на пистолет в моей руке и провел кончиком пальцев по сухим губам.

— Он мертв,— указал он на Джонатана.— Похоже, что Слессор немного понервничал, а? Он должен был подождать, пока на линии огня будешь ты, Бойд!

— Оги,— тихо проговорил я.— Я сделаю тебе такой подарок, которого ты не получал ни разу в жизни. Я дам

тебе возможность уйти отсюда на своих ногах. Но, как только ты окажешься на улице, ты должен показать хороший спринт! Возьми самый сильный разбег и не останавливайся до тех пор, пока Нью-Йорк не станет для тебя воспоминанием!

— Ие! — пробормотал он и еще раз облизнул губы. — Конечно!

Я пошел за ним до входной двери и старательно запер ее. Когда я вернулся в салон, Максин посмотрела на меня так, словно бы я был привидением.

— Слессор и Джонатан, — прошептала она, — они оба умерли.

Я кивнул головой. Она прижала руку ко рту и несколько секунд молчала.

— Данни, я все еще нахожусь в каком-то кошмаре! Я никак не могу поверить, что мой брат так просто, ни за что, мог убить девушку...

— Я знаю, — проворчал я. — Я тоже не могу! Но в настоящий момент меня больше беспокоят живые: вы и я. Есть возможность выбраться из этого положения, но вам придется выкручиваться самой.

— Нет! — запротестовала она в панике. — Я не смогу!

— Адье, мисс Директриса! Прощай, прощай, Дом Колдовства!

Я, как и надеялся, задел за самое больное место.

Тут же, по лицу Максин я увидел, как одна за другой меняются ее эмоции: от испуга до гневной вспышки, потом она задумалась о Доме, и я понял, что она также, как и брат, была подвержена сильным страстям при достижении своей цели. Разница между ними была не так уж и велика, но мне не хотелось думать об этом.

— Очень хорошо, — наконец, твердым голосом проговорила она. — Что я должна сделать?

— Мы с вами воспользуемся идеей Джонатана, — пояснил я. — Но прежде всего: я здесь не был! Слессор позвонил вам по телефону и сказал, что он друг Синди Викерс и что он беспокоится о ней. Она тоже позвонила ему по телефону и сообщила, что ваш брат странно ведет себя и она боится, что он станет опасным. Так как он был в долгах из-за денег, которые тратил на нее, она боялась, что кредиторы подадут жалобу. Слессор объяснил вам, почему он беспокоится за Синди: она когда-то работала у него, и он считает себя в какой-то степени ответственным за ее судьбу. Ладно, — я слегка улыбнулся, — мы выставим Слессора хорошим типом, да и вы будете хорошей сест-

рой.— Максин согласно кивнула, и мне показалось, что вполне искренне.— Так что он попросил вас придти вместе с ним и посмотреть, не рискует ли Синди чем-нибудь. Он считал, что ваше присутствие успокоит Джонатана и помещает Джонатану броситься на него, Слессора. Вы согласились встретиться со Слессором и вместе пришли сюда. После довольно длительного ожидания Джонатан, наконец, открыл вам. Он сказал, что Синди здесь нет, но Слессор не поверил ему. Чтобы избежать драки между ними, вы сказали, что сами осмотрите квартиру. Джонатан остановил вас в тот момент, когда вы хотели войти в спальню. Он не пускал вас. Вам все же удалось толкнуть дверь и увидеть труп Синди на кровати. И когда вы закричали: «Он убил ее!» или что-то в этом роде, Джонатан выхватил из кармана пистолет и выстрелил в Слессора, а Слессор вынул свой пистолет и тоже выстрелил в Джонатана.

— И пух-пуф! Они мертвы! — она усмехнулась.

— Придумайте лучший сценарий — и я охотно его приму, — холодно сказал я.

— Вы совершенно правы, — после долгого размышления ответила Максин. — Такие вещи случаются, а когда полиция наведет справки о Слессоре, она поверит в это.

Своим носовым платком я тщательно вытер пистолет. Оги, потом обернул этим же платком дуло и сунул пистолет между пальцами Джонатана. Потом я подобрал пустые стаканы, отнес их на кухню и протер там, после чего поставил на место.

— Ну вот, теперь я полагаю, что все сойдет, — заявил я. — Еще одна маленькая деталь прежде, чем я уйду: вы не забудете про тот ноль, о котором мы говорили?

Лазурные глаза неожиданно омрачились.

— Идите, дожидайтесь меня в моем доме, — прошептала Максин. — Я подпишу вам чек с лишним нулем. Когда я покончу с полицией, я буду нуждаться в утешении. С большим количеством нежности, Данни.

— Беда в том, — ответил я с грустной улыбкой, — что если я начну утешать вас с большой нежностью, я не смогу удержаться от воспоминаний о вас и о Лео Стале, о том, что было всего несколько месяцев назад, и боюсь, что умру со смеху в постели.

Она закрыла глаза на несколько долгих минут.

— Я надеюсь, вы понимаете, что вы сейчас сделали? — прошипела она. — Вы потеряли ради собственного удовольствия поговорить пятьдесят тысяч долларов!

— И в этом нет ничего приятного, — согласился я. —

Но вы по-прежнему должны мне пять тысяч, не забывайте об этом! И если вы не поторопитесь прислать мне чека, у меня будет небольшой интимный разговор с Фремонтом, и я посоветую ему внимательно читать детали контракта, который он заключит с вами.

— Вы получите чек,— сухо бросила она.— Я не хочу вас больше видеть, Бойд! Никогда, пока я жива!

— Это не трудно, если только вы не станете владелицей Центрального парка,— уверил я ее.— И советую вам поскорее привлечь Сталя к работе над новой формулой, потому что вы очень нуждаетесь, чтобы атмосфера вокруг вас стала лучше пахнуть.

10

Я смотрел, как Фран Джордан входила в мой кабинет и любовался этим зрелищем. На ней был свитер и юбка необыкновенной узости.

Фран — это тип личной секретарши, которую шеф рад видеть каждый день. И каждую ночь, разумеется. Но я не сдержал своего воображения, а такого рода мысли — это гроб для холостяка.

— Я не знаю, что ты сделал,— смущенно проговорила она,— но одна женщина, по имени Максин Лорд, безусловно, ненормальна. Она прислала тебе чек на пять тысяч долларов. Нет,— сразу же поправилась она,— на пять тысяч, восемь долларов и сорок восемь пенсов.

— Вот теперь ты видишь,— добродушно произнес я,— что некоторые женщины могут ценить мои качества.

— Но к чему эти восемь долларов и сорок восемь пенсов?

— Это расходы на такси. Что, в сущности, должно было означать оскорбление.

— И ты чувствуешь себя оскорбленным?

— Деньгами люди могут оскорблять меня сколько угодно,— ответил я.

— Я в восторге... и от чека тоже, потому что это облегчит мои дальнейшие действия.

Фран уселась на край моего стола.

— Ты, вероятно, помнишь, я тебе говорила о моем свидании с одним очень хорошим парнем, к которому можно испытывать полное доверие?

— Да, конечно. Торговец билетами на самолеты, что-то вроде этого, да?

— Его зовут Род Шиллер. Он — молодой адвокат, с большим будущим, и в течение ближайших двух недель мы собираемся пожениться.

— О, уж эти адвокаты, — засмеялся я. — Все они одно: ночные кошаки, домашние шлепанцы, пре... Что ты такое сказала?

— Что я выйду замуж в ближайшие пятнадцать дней, — терпеливо повторила Фран. — Мне кажется, что ты первый должен узнать об этом. Потому что тебе будет нужна другая секретарша, не так ли?

— Ты совсем сошла с ума! Ты? Ты выходишь замуж? Восхитительная шатенка с зелеными глазами и с таким шасси, которому может позавидовать сама Венера! Запереться в конуру с трехметровой лужайкой, целой бандой глупых ребятишек и с блохастой собакой!

Она снисходительно улыбнулась мне.

— Продолжай, Данни.

— Ты рождена для софистической жизни, — продолжал вопить я. — Большой свет, трепещущая жизнь Манхеттена!

— Которая состоит в том, что мне нужно затыкаться в твоей конторе пять дней в неделю, завтракать в буфете и проводить безумные ночи, стирая свое белье в маленьком тазу! — закричала она. — И в единственной комнате, в которой спишь, стираешь и стряпаешь, с крошечной ванной рядом! Ты абсолютно прав, Данни, мне действительно страшно грустно бросать все это ради жалкого помещения на юге с террасой и садом на крыше. Кстати, я забыла тебе сказать! Дело в том, что Род до краев наполнен деньгами, но он любит работать, что еще раз доказывает, какой он человек. А что у него полно денег, я узнала только тогда, когда он предложил мне выйти за него замуж...

— Это... это... — я задыхался, — это не пойдет. Все равно из этого ничего не выйдет. Ты будешь скучать от ничегонеделанья!

— О! Я еще ничего не знаю. Ведь я всегда могу заняться хотя бы тем, чтобы отправиться покупать себе различные вещи.

— Ах, так, — проворчал я. — А как же я? Что теперь мне делать?

— Все очень просто: ты найдешь себе другую секретаршу. Ты найдешь себе другую грушу, достаточно глупую для того, чтобы проводить молодость в этой конторе, сопротивляться твоим приставаниям и желать, чтобы ты отправился

к дьяволу, когда ты здесь, и сходить с ума, когда тебя нет!

— Значит, для тебя это было все же не безразлично! — с торжеством воскликнул я.

— Ошибаешься, Данни, мы говорим о прошлом. В настоящий момент, мне совершенно наплевать на тебя, потому что я встретила человека, который находит меня не только красивой, но и уважает, и любит меня, и хочет жениться на мне! И вот что я думаю о твоём роковом профиле! — сказала Фран и щелкнула пальцами перед моим носом.

— Все это, безусловно, к лучшему, — вздохнул я, совершенно убитый, не потому, что она задела меня, а из-за этого проклятого профиля. — Я считаю, что теперь настало время поговорить начистоту. Я никогда не посмел бы сказать тебе этого, но я кое-что тоже замечал за последнее время.

— Что же например? — взорвалась она.

— Так вот: ты уже не так проворна и иногда кряхтишь при ходьбе. Я не хочу затрагивать проблему твоего веса, но если ты не обратишь внимания, это может привести...

Фран вскочила с моего стола и громко стукнула каблуками.

— Я всегда знала, что под твоей внешностью таится пошляк! — гневно закричала она. — Боже мой! Как я счастлива, что никогда больше не увижу твой паршивый профиль! Какое блаженство: я больше не слушаю твоих рассуждений! Я ухожу от тебя, Бойд, сию же минуту!

Она уничтожающе посмотрела на меня и принялась дышать так бурно, что свитер готов был лопнуть.

— Тебе остается лишь отправить мне жалованье. Прощай, Данни Бойд! Я оставляю тебя выкручиваться одного!

Дверь за нею захлопнулась, и я подождал несколько секунд, чтобы все вещи заняли свои обычные места и перестали дрожать.

«Она вернется», — сказал я сам себе.

Я подождал еще несколько секунд, затем ринулся в гардероб, который примыкал к кабинету.

— Всегда те же приемы! — простонала Фран, быстро одергивая юбку. — Ты всегда выбираешь момент, когда девушка поправляет свои подвязки!

— Я просто задавал себе один вопрос, — пробормотал я. — Что бы ты хотела получить в качестве свадебного подарка?

— Данни! — воскликнула она, совсем растроганная. — Тебе будет неоставать меня, правда?

— И еще как!

— Я тоже буду вспоминать тебя,— сказала она и наклонилась, чтобы поцеловать меня под влиянием внезапно набежавшего чувства.— Но я встретила мужчину моей мечты. Ты хочешь, чтобы я осталась здесь до конца недели, пока ты не найдешь замену?

— Спасибо, но ты будешь слишком занята, и было бы слишком бестактно просить тебя об этом. Я надеюсь, что как-нибудь справлюсь.

— Ты просто прелесты! Мне никогда не было скучно работать здесь с тобой...— тут она стала пунцовой,— и те несколько вечеров, что мы провели вместе в твоём доме... ну, так вот, Данни... я буду вспоминать с огромным удовольствием!

— Замолчи, а то я сейчас заплачу...— умолял я ее.— А что скажет Род, если я в виде подарка приподнесу тебе свой увеличенный портрет?

— Он будет в восторге! — весело заговорила она.— Его слабость — стрелять в цель, а у него всегда не хватает мишеней!

— В таком случае, может, лучше подарить вам кофеварку? — пробурчал я.— С клювом, как у совы?

Когда она ушла, контора показалась мне очень пустынной, и я отправился в ближайший бар, чтобы расслабиться и немного выпить.

Потом в гениальном мозгу Бойда возникла не менее гениальная мысль.

Я вернулся в контору и, набирая телефонный номер, осознал, что в мире существуют вещи, поважнее наживы и барышей. Настало время подумать не только о себе. Принести радость одинокому сердцу — это будет замечательный поступок. И я сказал себе, что Бонни Тейлор сможет идеально помочь мне.

В этот же вечер, около восьми часов, я позвонил в дверь и через несколько секунд она открылась. Передо мной стояла Урсула со слабой улыбкой, освещающей ее лицо, и беспокойными глазами за толстыми стеклами очков. На ней был не очень элегантный строгий костюм из довольно тонкого шелка, так что можно было заметить под ним броню. Волосы ее были стянуты в тугий узел на затылке.

— Входите, мистер Бойд, прошу вас.

Я прошел в гостиную и освободился от свертков, которые, за исключением пакета с шампанским, бросил в ближайшее кресло.

Урсула прошла следом за мной и остановилась в дверях, скрестив руки на груди, будто собиралась декламировать «Стрекозу и муравья».

— У меня еще не было возможности поблагодарить вас, мистер Бойд, за все, что вы для меня сделали,— пробормотала она.

— Данни,— поправил я ее.

— Данни,— большие фиолетовые глаза немного поморгали.— Я провела прошлую ночь в мыслях о том, что остаток своих дней я проведу в тюрьме, а потом, когда вы мне позвонили и сказали, что Максин прогнала меня, и это все...

— Не думайте больше об этом. У вас есть бокалы под шампанское?

— Нет,— пробормотала.— Мне очень жаль...

— Ничего, подойдут любые стаканы.

Урсула исчезла на кухне. Когда она вернулась, я уже откупорил бутылку. Потом наполнил два стакана и один протянул ей.

— Спасибо,— пробормотала девушка, глядя на меня так, будто я собирался укусить ее.

— Это для того, чтобы отметить ваше новое назначение,— сказал я.

— Мое новое назначение? — повторила она в изумлении.— Но у меня нет новой работы, мистер Бойд!

— Данни.

— Данни,— шампанское проходило в ее горло с трудом.— Это, ведь, теперь будет не так просто: пять лет у Максин — и я не могу представить рекомендацию!

— Ваше новое назначение следующее: вы — моя личная секретарша!

— Ваша... — проямлила она, почти заикаясь.— Это шутка?

— Я говорю абсолютно серьезно. Мне нужна секретарша, и я выбрал вас, Урсула. Вы будете получать столько же, сколько у Максин.

— Я, право, не знаю, что мне на это сказать... Вы так добры... что я...

Неожиданный свет загорелся в ее глазах.

— Ничего я не добрый,— пробубнил я.— Просто я нуждаюсь в хорошей секретарше. Но придется хоть немного переменить свой облик. А пока: выпейте шампанского,— проговорил я, поднимая свой стакан,— за счастливое и интимное сотрудничество.

— За долгое, счастливое и интимное,— проговорила

она и сделала глоток. Потом она сморщила нос и закапшлялась.

— Это будет составлять часть ваших обязанностей, — тихо сказал я. — Вы привыкнете к шампанскому. Чем больше вы будете его пить, тем легче будет это делать.

С большим усилием она проглотила содержимое своего стакана. Как только она опустошила его, я налил снова.

— Ваш новый облик — это совершенно новая Урсула Овен. С одной стороны — умная и способная личная секретарша, а с другой — прелестная девушка.

— А как зовут вашу другую секретаршу? — спросила она самым серьезным образом.

— Никого, кроме вас, не будет. Вы и ваш новый облик.

— Это кажется мне замечательным.

Урсула выпила второй стакан шампанского и начала входить во вкус. Я заметил, что она больше не морщилась.

— Вы имеете все, что понадобится на первых порах, — с улыбкой сказал я. — Только это нужно слегка переделать.

— А? — мои слова явно ее заинтересовали. — И когда мы начнем, Данни?

— После обеда.

— Но я совершенно не голодна, — заявила она с твердостью. — А, потом, говорят, что вино питательно?

— Совершенно также, как огромный сэндвич, — признался я. — Ладно, тогда начнем сейчас же!

— Браво! — она доверительно посмотрела на меня.

— Прикончите свой стакан, — посоветовал я.

Через несколько секунд я уже взял у нее из рук пустой стакан и поставил его на низкий столик, потом собрал все пакеты с кресла и сунул ей в руки.

— Одежда — это то, что должна быть в первую очередь, — уверил я ее. — Случайно я принес два комплекта на пробу. Почему бы вам не примерить один из них?

— Хорошо, — она слегка икнула. — Простите.

Урсула повернулась спиной ко мне и направилась в спальню, ничего, к моему удивлению, на этот раз, не задев.

Пока она отсутствовала, я потихоньку тянул шампанское.

— Данни? — ее голос показался мне недоумевающим. Затем голова Урсулы показалась в дверном проеме. — Данни, вы уверены, что ничего не забыли?

— Абсолютно, — заявил я.

— Значит, здесь все? — прошептала она.

— Все. Это софистическое одеяние, которое надевается при встрече друзей,— пояснил я.— Когда хочешь хорошо себя чувствовать и оставаться красивой и привлекательной, особенно, если этот приглашенный — твой патрон. А я, надеюсь, уже являюсь им.

— А-а! — с трудом выговорила она.— А я могу получить еще глоток шампанского? Мне кажется, это хорошо действует на нервы!

— Сколько угодно!

Я повернулся, к столу, чтобы налить ей шампанского. Когда я вновь развернулся и выпрямился со стаканом в руке, она стояла в двух метрах от меня и лицо ее было пуанцовым.

— Ну вот,— осторожно прошептал я.— Вы самое восхитительное создание и самая возбуждающая... почти...

Она адресовала мне благодарную улыбку и сделала шаг по направлению ко мне. Сквозь черный прозрачный пеньюар были видны восхитительные дрожащие груди, едва поддерживаемые крошечным лифчиком из черных кружев. Трусики были того же цвета и отлично контрастировали с тепловатым тоном ее бедер.

— Вы очень милы,— пробормотала она.— А что вы хотели сказать этим... «почти»?

— Осталось несколько деталей.

Она не двигалась, пока я вынимал все приспособления, стягивающие ее волосы на затылке. Наконец, они свободным потоком упали на ее плечи. После чего я осторожно снял с нее очки и положил их на маленький столик.

— Данни? — прекрасные фиолетовые глаза заморгали в моем направлении.— Это нехорошо! Я ничего не вижу!

Урсула сделала резкий шаг вперед, но в неверном направлении ударилась о борт столика, покачнулась и упала на ковер.

— Данни! — простонала она.— На помощь!

— Только без паники,— посоветовал я.— О, замечательное, соблазнительное создание! Не шевелись!

— Почему?

Она снова икнула, потом неожиданно рассмеялась.

— Хотите, я вам кое-что скажу? Так вот: у меня такое ощущение, словно я переменила кожу. Кончилась эта старая дева Овен!

— Я совершенно забыл, как она выглядела,— уверил я ее, после того, как погас свет.

— Данни! Я не могу подняться! Здесь так темно.

— Тогда оставайся там, на ковре.

— Чтобы делать что? — лепетала она. — Я никогда...
О-о-о!

— Чтобы делать вот что! — прошептал я. — И ковер отлично для этого служит.

— А-а-а, — прошептала она голосом, вибрирующим и низким, который я, наконец-то, услышал. — Я этого не знала.

— Существует еще много вещей, которые ты не знаешь. Но мы скоро восполним это.

— Я предполагаю, что теперь мне не понадобится «Путеводитель во время отпуска», — промурлыкала она. — И ничего не рви! На спине есть застежка!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ДОНОВАНА	3
СТРАСТИ ГНЕВНЫХ АМАЗОНОК	99
ГЛАЗ СФИНКСА	189
НЕТ БОЛЬШЕ БЛОНДИНОК НА ОСТРОВЕ	295
ДОМ КОЛДОВСТВА	357

Картер Браун

Том 8

Сдано в набор 28.08.92. Подписано к печати 05.08.93. Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага тип. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л.
24,36. Усл. кр.-отг. 25,83. Зак. 2—2410.

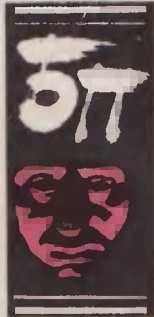
Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Поли-
графкнига». 252057. Киев, ул. Довженко, 3.

COSY PALACE

КАРТЕР БРАУН

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.